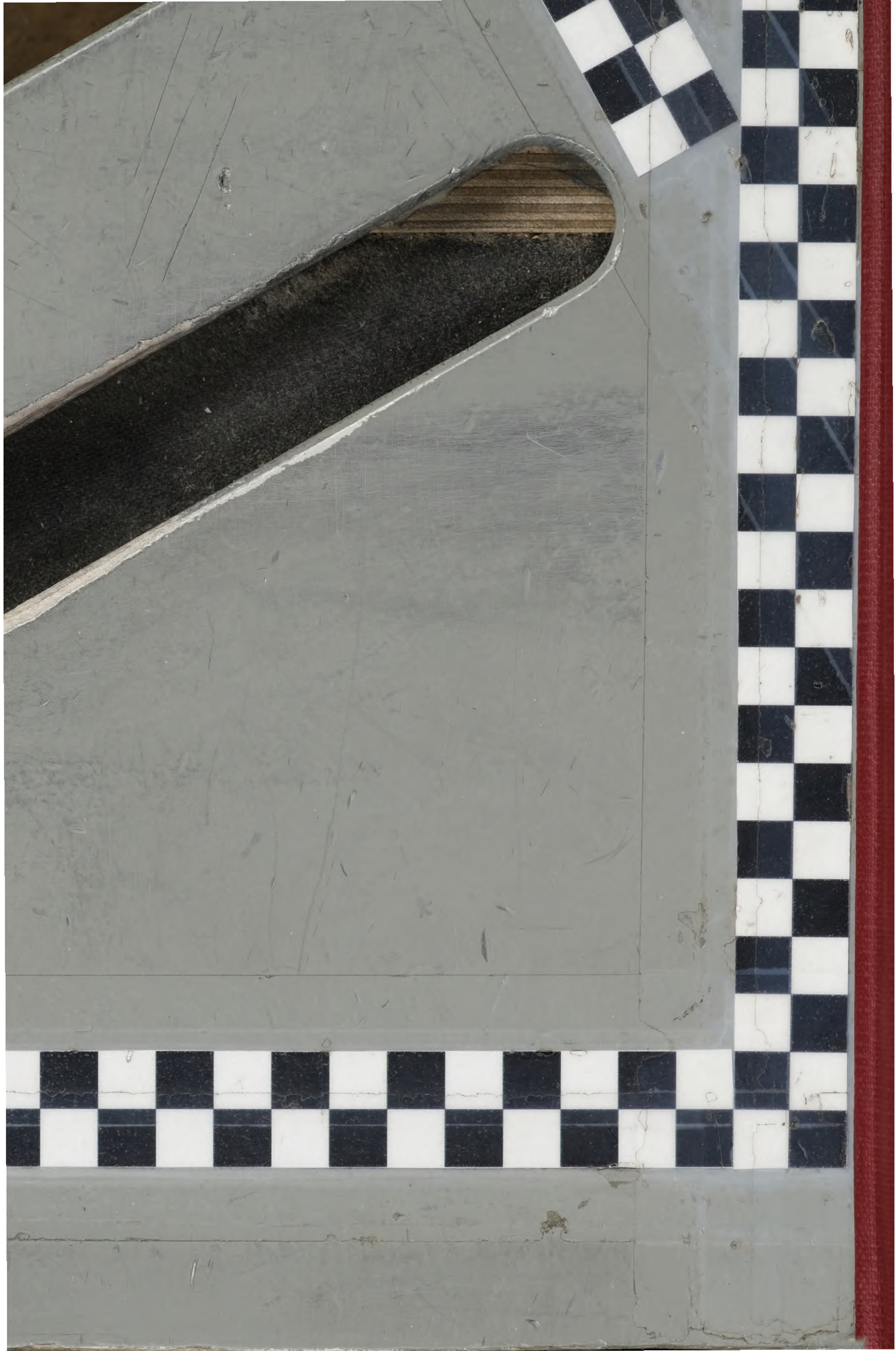

PS
TOPIS'
916
12

12
1916

WIDENER
HN TBC8 E

VE RI
TAS

Въ теченіе 1916 года въ журналѣ „Лѣтопись" было напечатано:

ВЪ ОТДѢЛѢ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Ив. Бунина.— «Казимиръ Станиславовичъ», «Аглая»; **Н. Вогта.** — «Кошка на маякѣ»; **К. Волгина** — «Нянька»; **А. Высоцкаго** — «Его родина»; **Г. Вяткина**—«Въ селѣ Успенскомъ»; **М. Гарри**—«На рисовыхъ поляхъ»; **Г. Гнѣсина**—«Воспоминанія бродячаго пѣвца»; **М. Гольдшмидтъ**—«Еврей»; **М. Горькаго**—«Въ людяхъ»; **Г. Гребенщикова**—«Любава»; **Е. Замятина**—«Богъ», «Дьячекъ», «Петька»; **В. Ирецкаго**—«Искусство писать»; **Л. Катленъ**—«Ихъ малышъ»; **М. Кисина**—«Фабричная»; **С. Лагерлефъ**—«Солнечное затменіе»; **Ф. Ласковой**—«Осеннее»; **П. Милля**—«Монархъ»; **Н. Никандрова**—«Лѣсъ»; **А. Новоселова**—«Жабья жизнь»; **Н. Оллеръ**—«Природа»; **Г. Онрудъ**—«Мари Смехаугенъ»; **Л. Пасынкова**—«Безъ дѣла»; **Я. Седерберга**—«Китаецъ»; **А. Сереброва**—«Святки»; **Т. Таманина**—«Въ вагонѣ»; **Льва Толстого** — Замѣтки и отрывки изъ «Воскресенья», «Разсказъ о каторжникѣ Өеодоровѣ», «Хозяинъ и работникъ» (первоначальный варіантъ); **Г. Дж. Уэллсъ**—«Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна»; **Л. Фрапье**—Разсказы; **А. Чапыгина**—«Бѣгунъ» **М. Чернокова** — «Бурый»; **Вяч. Шишкова** — «Тайга»; **Н. Шкляра**—«У истоковъ сердца» и др.

Стихотворенія: В. Аренсъ, А. Блока, В. Брюсова, Ив. Бунина, Н. Венгрова, С. Губера, С. Дубновой-Эрлихъ, С. Есенина, Пана, Д. Семеновскаго, П. Сухотина, Ив. Филипченко.

ВЪ ОТДѢЛѢ ПУБЛИЦИСТИКИ: Б. Авилова — «Война и народное хозяйство»; **М. Ал-рова** — «Недосѣвъ»; **Р. Арскаго** — «Заработная плата», «За 2 года»; **В. Базарова** — «Упрощеніе мысли», «Заколдованное царство», «Текущій моментъ», «О національномъ вопросѣ»; **Ад. Бѣльскаго** — «Внѣшкольное образованіе»; **А. Вильскаго**—«Церковныя дѣла»; **В. Водовозова**— «Къ отставкѣ Сазонова»; **Ст. Вольскаго**—«Новая Европа», «Алчущіе и жаждущіе», «Коопeраторъ»; **Вл. Войтинскаго**—«Сибирскій съѣздъ»; **Г. Гордона**— «Объ алкоголизмѣ въ средней школѣ»; **М. Горькаго**—«Двѣ души», «По поводу одной анкеты», «Письма къ читателю»; **И. Давидзона**—«О спекуляціи»; **Динозля**—«Трезвость въ Сибири»; **А. Ерманскаго**—«Политическіе отклики» (въ 4 кн.); **Ю. Каменева**—«Крушеніе интернаціонала»; **А. Лозовскаго**— «Экономическій блокъ»; **А. Лотоцкаго**—«Народное образованіе на украинскомъ югѣ»; **Л. Мартова**—«Кантъ и Марксъ»; **А. Никитскаго**—«Бюджетъ 1916 г. и наши финансы», «Мѣстное самоуправленіе и кооперація», «Война и биржа»; «Бюджетъ 1917 года»; **Г. Новоградскаго** — «По пути къ хлѣб-

«Городская реформа»; **А. Пинкевича**—«Къ реформѣ средней школы», **Н. Рожкова**—«Дороговизна»; **В. Симпльтона**—«Письма знатнаго иностранца»; **П. Сурожскаго**—«По Маріинскому водному пути»; **Ник. Суханова**—«О происхожденіи войны», «Интересы Россіи въ войнѣ», «Россія и ея союзники»; **В. Темнаго**—«Религія и государственность»; **И. Чернышева**—«Крестьянская реформа»; **П. Шаскольскаго**—«Евреи въ высшей школѣ» и др.

ВЪ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМЪ ОТДѢЛѢ: А. Богданова—«Міровые кризисы, мирные и военные»; **Р. Виппера**—«Замѣтки историка о современныхъ религіозныхъ исканіяхъ»; **Т. Вульфа**—«Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ»; **Ю. Делевскаго**—«Новѣйшія космогоническія теоріи»; **Н. Каблукова**—«Вліяніе профессіональныхъ союзовъ рабочихъ на развитіе производительныхъ силъ страны»; **Ю. Каменева**—«Соціальные содержаніе имперіализма;» **К. Левина**—«А. И. Герценъ и Польша»; **Н. Никольскаго**—«Основные моменты въ развитіи русской церковной жизни»; **К. Тимирязева**—«Наука въ современной жизни»; **П. Юшкевича**—«Принципъ относительности и новое ученіе о времени» и др.

ВЪ ОТДѢЛѢ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ: В. Волгина—«Хроника иностранной жизни» и др.; **Раф. Григорьева**—«Письма изъ Рима»; **Вяч. Калинина**—«Подъ Дамокловымъ мечомъ»; **В. Керженцева**—«Англійскія настроенія», «Ирландская трагедія», «Милитаризмъ въ Америкѣ»; **А. Лозовскаго**—«Конгрессъ французскихъ соціалистовъ»; **М. Лурье**—«Общественныя отношенія въ Германіи», **Л. Мартовъ**—«Гражданинъ Густавъ Эрве»; **А. Мартынова**—«Въ тискахъ міровой конкурренціи»; **М. Павловича**—«Румынія въ международномъ конфликтѣ», «Военная индустрія во Франціи», «Двѣ династіи» и др.

ВЪ ОТДѢЛѢ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ: А. Авраамова—«Народъ и музыка»; **Ад. Бѣльскаго**—Жизнь «Ивана»; **А. Кугеля**—«Томмазо Сальвини»; **А. Левинсона**—«Судьба картины», «Міръ Искусства», «Современная живопись»; **Вяч. Полонскаго**—«Исповѣдь одного современника», «Замѣтки о молодыхъ писателяхъ»; **Ромэна Роллана**—«Правда въ Шекспировскомъ театрѣ»; **А. Смирнова**—«Творецъ душъ»; **Д. Тальникова**—«При свѣтѣ культуры» и др.

ВОСПОМИНАНІЯ И ПИСЬМА: М. Горькаго—«Памяти В. И. Семевскаго»; **И. Манухина**—«Памяти И. И. Мечникова»; **И. Е. Рѣпина**—«Изъ воспоминаній»; **К. Тимирязева**—«Памяти друга» и др.

Кромѣ того помѣщались **Дневники Льва Толстого** ранѣе ихъ напечатанія въ другихъ изданіяхъ.

ѢТОПИСЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

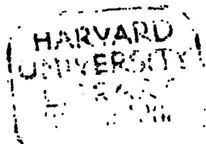
ЖУРНАЛЪ

№ 12

ДЕКАБРЬ 1916

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

ТИПОГРАФІЯ
Акціонернаго О-ва Издательскаго Дѣла
«КОПѢЙКА».
Петроградъ, Сайкинъ пер., 6, собств. домъ

* * *

За послѣднее время среди части нашихъ читателей возникло недоумѣніе по поводу предполагаемаго появленія въ «Лѣтописи» автобіографіи Ф. Шаляпина, — недоумѣніе, выразившееся въ формѣ устныхъ запросовъ, писемъ и протестовъ въ газетахъ.

Въ отвѣтъ на это редакція считаетъ нужнымъ заявить, что фактъ появленія на страницахъ «Лѣтописи» автобіографіи Ф. Шаляпина, отнюдь, не знаменуетъ собою какой-либо перемѣны ни въ составѣ редакціи, ни въ той общественно-политической позиціи, какую журналъ до сихъ поръ занималъ. Точно также фактъ этотъ никоимъ образомъ не долженъ быть разматриваемъ, какъ попытка журнала воздѣйствовать на общественное мнѣніе въ смыслѣ той или иной оцѣнки личныхъ и общественныхъ качествъ Ф. И. Шаляпина.

Помѣщая его мемуары, редакція разсматриваетъ Ф. Шаляпина исключительно, какъ великаго артиста, дѣятеля искусства. Въ глазахъ редакціи его автобіографія, разсказанная имъ устно М. Горькому и обработанная этимъ послѣднимъ въ формѣ художественнаго произведенія, является цѣннымъ и поучительнымъ документомъ изъ исторіи русской жизни, русскаго искусства.

Редакція находитъ, что если всѣ слои русскаго общества полагаютъ для себя допустимымъ посѣщать спектакли Ф. Шаляпина и придаютъ имъ большое художественное значеніе; — если наиболѣе чуткая въ общественномъ отношеніи рабочая демократія считаетъ возможнымъ принимать участіе въ качествѣ зрителей въ спектакляхъ, спеціально для нея устраиваемыхъ самимъ Ф. Шаляпинымъ [1], то журналъ не только не дѣлаетъ ничего предразсудительнаго, но исполняетъ одну изъ своихъ культурныхъ задачъ, сообщая читателямъ, какъ и откуда пришелъ на сцену артистъ-Шаляпинъ, и при какихъ условіяхъ создалась и развилась его художественная индивидуальность. Никакими иными мотивами редакція, печатая автобіографію Ф. Шаляпина, — не руководилась.

Редакція.

[1] Ф. Шаляпинъ устроилъ въ Петроградѣ два спектакля для рабочихъ: весной 1915 и 1916 г.г. Оба спектакля прошли при переполненномъ рабочими залѣ. Билеты на спектакли распространились чрезъ больничныя кассы и другія рабочія организаціи, причемъ въ 1915 г. были случаи отказа нѣкоторыхъ рабочихъ группъ итти въ театръ отчасти въ виду отрицательнаго отношенія къ Ф. Шаляпину, отчасти въ виду благотворительнаго характера спектакля. Въ слѣдующемъ 1916 г. протестовъ и отказовъ, насколько намъ извѣстно, уже не было.

Ред.

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

(Продолженіе). *

XVIII.

Какъ, въ свое время, кочегаръ Яковъ, — Осипъ въ моихъ глазахъ широко разросся и закрылъ собою отъ меня всѣхъ людей. Въ немъ было что-то очень близкое кочегару, но въ то же время онъ напоминалъ мнѣ дѣда, начетчика Петра Васильева, повара Смураго, и, напоминая всѣхъ людей, цѣпко укрѣпившихся въ моей памяти, онъ оставлялъ въ ней свой глубокій узоръ, въѣдался въ нее, точно окись въ мѣдь колокола. Замѣтно было, что у него два порядка мыслей; днемъ, за работой, на людяхъ, его бойкія, простыя мысли дѣловиты и болѣе понятны, чѣмъ тѣ, которыя являются у него во время отдыха, по вечерамъ, когда онъ идетъ со мною въ городъ, къ своей кумѣ, торговкѣ аладьями, и ночами, когда ему не спится. У него есть особенныя, ночныя мысли, многостороннія, какъ огонь въ фонарѣ. Онѣ хорошо свѣтятся, но — гдѣ у нихъ настоящее лицо, которая сторона той или другой мысли ближе и дороже Осипу?

Онъ казался мнѣ гораздо умнѣе всѣхъ людей, когда-либо встрѣченныхъ мною, я ходилъ вокругъ него въ такомъ же настроеніи, какъ вокругъ кочегара Якова — хочется узнать, понять человѣка, а онъ скользитъ, извивается и — неуловимъ. Въ чемъ скрыта его правда? Чему можно вѣрить въ немъ?

Я вспоминаю, какъ онъ сказалъ мнѣ:

— Самъ поищи, гдѣ я спрятанъ, поищи-ко, вотъ!

Мое самолюбіе задѣто, но во мнѣ задѣто больше, чѣмъ самолюбіе, — для меня жизненно необходимо понять старика.

* См. «Лѣтопись» №№ I—XI за 1916 г.

При всей его неуловимости, онъ—твердъ. Казалось, что проживи онъ еще сто лѣтъ, а все останется такимъ же, непоколебимо сохранитъ себя среди поразительно неустойчивыхъ людей. Начетчикъ вызывалъ у меня такое же впечатлѣніе стойкости, но оно было не очень пріятно мнѣ; стойкость Осипа — иная, хотя я не могу сказать, что она болѣе пріятна.

Шаткость людей слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, ихъ фокусные прыжки изъ одного положенія въ другое — опрокидывали меня; я уже уставалъ удивляться этимъ необъяснимымъ прыжкамъ, и они потихоньку гасили мой живой интересъ къ людямъ, смущали мою любовь къ нимъ.

Однажды, въ началѣ іюля, къ мѣсту, гдѣ мы работали, стремглавъ подъѣхала развинченная пролетка; на козлахъ сидѣлъ, мрачно икая, пьяный извозчикъ, бородатый, безъ шапки и съ разбитой губой, въ пролеткѣ развалился пьяненькій Григорій Шишлинъ, его держала подъ руку толстая, краснощекая дѣвица, въ соломенной шляпкѣ, съ алымъ бантомъ и стеклянными вишнями, съ зонтикомъ въ рукѣ и въ резиновыхъ калошахъ на босую ноги. Размахивая зонтикомъ, раскачиваясь, она хохотала и кричала:

— Да, черти! Ярмарка не открыта, нѣту Ярмарки, а они меня на Ярмарку, матушки!

Григорій, измятый, растерзанный, сползъ съ пролетки, сѣлъ на землю и со слезами объявилъ намъ, зрителямъ:

— Н-на колѣняхъ стою — премного согрѣшилъ! Подумалъ и согрѣшилъ—вотъ! Ефимушка говоритъ: Гриша! Гриша — говоритъ.. Онъ это вѣрно говоритъ, а вы — простите меня! Я всѣхъ васъ могу угостить. Онъ вѣрно говоритъ: одинъ разъ живемъ... болѣ одного разу — нельзя...

Дѣвица, заливаясь смѣхомъ, топала ногами, теряла калоши, а извозчикъ угрюмо кричалъ:

— Ѣдемъ скорѣй дальше! Харламы — ѣдемъ, лошадь не стоитъ!

Лошадь, старая, разбитая кляча, вся въ мылѣ, стояла, какъ вкопанная, а все вмѣстѣ было невыносимо смѣшно. Рабочіе Григорья такъ и закатывались, глядя на хозяина, его нарядную даму и ошалѣлаго возницу.

Не смѣялся только Фома, стоялъ въ дверяхъ лавки рядомъ со мною и бормоталъ:

— Сорвало свинью... А дома у него—жена, кра-асивая баба!

Извозчикъ все торопилъ ѣхать, дѣвица спустилась съ пролетки, приподняла Григорія и уложилъ его въ ноги себѣ, крикнула, взмахнувъ зонтомъ:

— Поѣхали!

Добродушно издѣваясь надъ хозяиномъ, завидуя ему, люди принялись за работу, по окрику Фомы; видимо, ему было непріятно видѣть Григорія смѣшнымъ.

— Называется — хозяинъ! — бормоталъ онъ. — Меньше мѣсяца осталось работать, въ деревню уѣдемъ.... Не дотерпѣлъ...

Мнѣ было досадно за Григорія, — эта дѣвица съ вишнями такъ обидно нелѣпа была рядомъ съ нимъ.

Я нерѣдко думалъ: почему Григорій Шишлинъ — хозяинъ, а Ѳома Тучковъ — работникъ?

Крѣпкій, бѣлый парень, кудрявый, съ ястребинымъ носомъ и сѣрыми, умными глазами на кругломъ лицѣ, Ѳома былъ не похожъ на мужика, — если бы его хорошо одѣть, онъ сошелъ бы за купеческаго сына изъ хорошей семьи. Это былъ человѣкъ сумрачный, говорилъ мало, дѣловито. Грамотный, онъ велъ счета подрядчика, составлялъ смѣты, умѣлъ заставить товарищей работать успѣшно, но самъ работалъ неохотно.

— Всю работу во-вѣки не сдѣлаешь, — спокойно говорилъ онъ. О книгахъ отзывался пренебрежительно: — Напечатать все можно, я тебѣ что хочешь выдумаю, это — пустяки...

Но онъ ко всему внимательно прислушивался и, если его что-нибудь интересовало — разспрашивалъ подробно и настойчиво, всегда думая о своемъ о чемъ-то, все измѣряя своей мѣрой.

Разъ я сказалъ Ѳомѣ, что вотъ ему бы надо быть подрядчикомъ, — онъ лѣниво отозвался:

— Кабы сразу тыщами ворочать—ну, еще туда-сюда... А изъ-за грошей съ народомъ возиться — это изъ пустого въ порожнее. Нѣтъ, я вотъ погляжу-погляжу, да въ монастырь уйду, въ Оранки. Я — красивый, могутной, авось,

какой-нибудь купчихѣ понравлюсь, вдовѣ! Бываетъ эдакъ-то, — одинъ сергацкой парень въ два года счастья достигъ, да еще на дѣвицѣ женился, здѣшней, городской; носили икону по домамъ, а она его и высмотрѣла...

Это у него было обдумано, — онъ зналъ много разсказовъ о томъ, какъ послушничество въ монастыряхъ выводило людей на легкую дорогу. Мнѣ его разсказы не нравились, не нравилось и направленіе ума Ѳомы, но я былъ увѣренъ, что онъ уйдетъ въ монастырь.

Открылась ярмарка, и Ѳома, неожиданно для всѣхъ, поступилъ въ трактиръ половымъ. Не скажу, чтобы это удивило его товарищей, но всѣ они стали относиться къ парню издѣвательски: по праздникамъ, собираясь пить чай, говорили другъ другу, усмѣхаясь:

— Айда, къ своему шестеркѣ!

А приходя въ трактиръ, хозяйски кричали:

— Эй, половикъ! Кудрявенькій, поди сюда!

Онъ подходилъ и спрашивалъ, приподнимая голову:

— Что прикажете?

— Не узналъ знакомыхъ?

— Узнавать некогда мнѣ...

Онъ чувствовалъ, что товарищи презираютъ его, хотятъ позабавиться надъ ними, и смотрѣлъ на нихъ скучно-ожидающими глазами; лицо у него становилось деревяннымъ, но, казалось, оно говоритъ:

— Ну, скорѣе, смѣйтесь, что-ли...

— На чаишко-то дать? — спрашивали его; нарочно долго рылись въ кошелькахъ и не давали ни копѣйки.

Я спросилъ Ѳому: какъ же это онъ, — собирался въ монахи, а пошелъ въ лакеи?

— Въ монахи я не собирался, — отвѣтилъ онъ, — а въ лакеи не надолго пошелъ...

Года четыре спустя я встрѣтилъ его въ Царицынѣ, все еще половымъ въ трактирѣ; а потомъ прочиталъ въ газетѣ, что Ѳома Тучковъ арестованъ за покушеніе на кражу со взломомъ.

Особенно меня поразила исторія каменщика Ардальона — старшаго и лучшаго работника въ артели Петра. Этотъ сорокалѣтній мужикъ, чернобородый и веселый, тоже невольно возбуждалъ вопросъ: почему не онъ — хо-

зяинъ, а — Петръ? Водку онъ пилъ рѣдко и почти никогда не напивался до пьяна; работу свою онъ зналъ прекрасно, работалъ съ любовью, кирпичи летѣли въ рукахъ у него, точно красные голуби. Рядомъ съ нимъ, больной и постный Петръ казался совершенно лишнимъ человѣкомъ въ артель; онъ говорилъ о работѣ:

— Строю для людей дома каменные, на пробъ себѣ деревянный...

Ардальонъ, съ веселой яростью укладывая кирпичи, покрикивалъ:

— Эхма, работай, ребята, во славу Божію!

И разсказывалъ всѣмъ, что будущей весною онъ уѣдетъ въ Томскъ, тамъ у него зять взялъ большой подрядъ—строить церковь и зоветъ его къ себѣ десятникомъ.

— Это у меня дѣло рѣшенное. Церквы строить — это я люблю! — говорилъ онъ и предлагалъ мнѣ: — Айда со мной! Въ Сибири, братъ, грамотному очень просто, тамъ грамота — козырь!

Я соглашался и Ардальонъ побѣдительно кричалъ:

— Ну, вотъ! Это дѣло, а не шутки...

Къ Петру и Григорію онъ относился съ добродушной насмѣшкой, какъ взрослый къ дѣтямъ, и говорилъ Осипу:

— Хвастуны, все разумъ свой другъ другу показываютъ, словно въ карты играютъ. Одинъ — у меня-ста вотъ какая масть, другой — а у меня, дескать, вотъ они, козыри!

Осипъ неопредѣленно замѣчаетъ:

— А какъ иначе? Хвастовство дѣло человѣчье, всѣ дѣвицы впередъ грудью ходятъ...

— Все — охъ, да охъ, Богъ, да Богъ, а сами — деньги копятъ! — не унимается Ардальонъ.

— Ну, Гриша не накопитъ...

— Я — про своего. Шелъ бы, съ Богомъ то, въ лѣсъ, въ пустыню... Эхъ, надоѣло мнѣ здѣсь, двинусь я весною въ Сибирь...

Рабочіе, завидуя Ардальону, говорили:

— Кабы у насъ эдакая зацѣпка, вродѣ затя, мы-бы тоже Сибири не испугались...

И вдругъ Ардальонъ пропалъ. Въ воскресенье ушелъ изъ артели и дня три никто не зналъ, гдѣ онъ.

Тревожно догадывались:

— Можетъ, кто нибудь пришибъ его?

— А то — купался, да утонулъ?

Но пришелъ Ефимушка и объявилъ, сконфуженный:

— Загулялъ Ардальонъ!

— Что врешь? — недовѣрчиво крикнулъ Петръ.

— Загулялъ, запилъ. Просто — какъ овинъ загорѣлся съ самой середки. Будто любезная жена померла...

— Онъ вдовый! Гдѣ онъ?

Петръ сердито отправился спасать Ардальона, но тотъ избилъ его.

Тогда Осипъ, крѣпко поджавъ губы, глубоко засунулъ руки въ карманы и объявилъ:

— Пойду-ко я погляжу — отчего такое? Мужикъ хорошій...

Я увязался съ нимъ.

— Вотъ онъ, человѣкъ — говорилъ Осипъ дорогой, — живетъ-живетъ, все будто хорошо, а вдругъ — хвостъ трубой и пошелъ катать по всѣмъ пустырямъ. Гляди, Максимычъ, учись...

Мы пришли въ одинъ изъ дешевенькихъ домовъ «развеселаго Кунавина села», насъ встрѣтила вороватая старушка. Осипъ пошептался съ нею и она провела насъ въ пустую маленькую комнату, темную и грязную, какъ стойло. На койкѣ спала, разметавшись, большая, толстая женщина; старуха толкнула ее кулакомъ въ бокъ и сказала:

— Выдь! Эй, лягуха, выдь!

Женщина испуганно вскочила, растирая лицо ладонями, спрашивая: — Господи! Кто это? Что это?

— Сыщики пришли, — сурово сказалъ Осипъ; охнувъ, женщина исчезла, а онъ плюнулъ вслѣдъ ей и объяснилъ мнѣ.

— Сыщиковъ онѣ боятся хуже чертей...

Снявъ со стѣны маленькое зеркало, старуха приподняла кусокъ обоевъ.

— Глядите — этотъ-ли?

Осипъ поглядѣлъ въ щель переборки.

— Самый онъ! Выгони дѣвицу оттуда....

Я тоже посмотрѣлъ въ щель: въ такой же тѣсной конурѣ, какъ та, въ которой мы были, на подоконникѣ окна, плотно закрытаго ставнями, горѣла жестяная лампа, около нея стояла косоглазая, голая татарка, ушивая рубаху. За нею, на двухъ подушкахъ постели, возвышалось взбухшее лицо Ардальона, торчала его черная, спутанная борода.

Татарка вздрогнула, накинула на себя рубаху, пошла мимо постели и вдругъ явилась въ нашей комнатѣ.

Осипъ поглядѣлъ на нее и снова плюнулъ:

— У, безстыдница!

— Сама старій дуракъ, — отвѣтила она смѣясь.

И Осипъ засмѣялся, грозя ей пальцемъ.

Мы перешли въ конуру татарки, старикъ сѣлъ на постель въ ногахъ Ардальона и долго безуспѣшно будилъ его, а тотъ бормоталъ:

— Ну, ладно... погоди, пойдемъ...

Наконецъ, проснулся, дико поглядѣлъ на Осипа, на меня и, закрывъ красные глаза, промычалъ:

— Ну, ну...

— Ты что это? — сказалъ Осипъ спокойно, безъ упрека, но не весело.

— Закрутилъ, — хрипя и кашляя объяснилъ Ардальонъ.

— Что такъ?

— Да, такъ ужъ...

— Не ладно, будто...

— Чего хорошаго...

Ардальонъ взялъ со стола початую бутылку водки и сталъ пить изъ горлышка, потомъ предложилъ Осипу.

— Хошь? Тутъ и закуска должна быть...

Старикъ налилъ въ ротъ себѣ вина, проглотилъ, сморщился и сталъ внимательно жевать кусочекъ хлѣба, а мутный Ардальонъ вяло говорилъ:

— Вотъ — съ татаркой связался. Это все — Ефимушка, татарка, говоритъ, молодая, сирота изъ Касимова, на Ярмарку собралась.

Изъ стѣны весело сказали ломаннымъ языкомъ:

— Татарка — лучи! Какъ — молодой куриса. Гони ему вонъ, это не отесъ твоя...

— Вотъ эта самая, — пробормоталъ Ардальонъ, тупо глядя въ стѣну.

— Я видѣлъ, — сказалъ Осипъ.

Ардальонъ обратился ко мнѣ:

— Вотъ какъ я, братъ...

Я ожидалъ, что Осипъ станетъ упрекать Ардальона, учить его, а тотъ будетъ смущенно каяться. Но ничего подобнаго не было, они сидѣли рядомъ, плечо въ плечо, и разговаривали спокойно, краткими словами. Очень грустно

было видѣть ихъ въ этой темной, грязной конурѣ; татарка говорила въ щель стѣны смѣшныя слова, но они не слушали ихъ. Осипъ взялъ со стола воблу, поколотилъ ее объ сапогъ и началъ аккуратно сдирать шкуру, спрашивая:

— Деньги-то всѣ ухнулъ?

— За Петрухой есть...

— Гляди, оправишься-ли? Ѣхать-бы теперь въ Томской-то...

— Да чтожъ, въ Томской...

— Али раздумалъ?

— Кабы чужіе звали.

— А что?

— А то — сестра, зять...

— Ну?

— Не больно радушно къ своимъ подъ началъ идти...

— Началъ вездѣ одинаковъ.

— Все-таки...

Они говорили такъ дружески-серьезно, что татарка перестала дразнить ихъ, вошла въ комнату, молча сняла со стѣны платье и исчезла.

— Молодая, — сказалъ Осипъ.

Ардальонъ поглядѣлъ на него и безъ досады проговорилъ:

— Все — Ефимушка, смутьянъ. Ничего, кромѣ бабъ, не знаетъ... А татарка — веселая, дуритъ все...

— Гляди — не вывернешься, — предупредилъ его Осипъ и, дожевавъ воблу, сталъ прощаться.

Дорогой назадъ, я спросилъ Осипа:

— Зачѣмъ ты ходилъ къ нему?

— А — поглядѣть. Человѣкъ знакомый. Мно-ого я эдакихъ случаевъ видѣлъ, живетъ-живетъ человѣкъ, да вдругъ, какъ изъ острога вырвется, — повторилъ онъ уже сказанное раньше. — Водочки надо остерегаться!

Но черезъ минуту сказалъ:

— А безъ нея — скушно!

— Безъ водки?

— Ну, да! Выпьешь — словно по другой землѣ пойдешь...

Ардальонъ — не вывернулся. Спустя нѣсколько дней онъ пришелъ на работу, но вскорѣ снова исчезъ, а весною я встрѣтилъ его среди босяковъ, — онъ окалывалъ ледъ

вокругъ баржъ въ затонѣ. Мы хорошо встрѣтились и пошли въ трактиръ пить чай, а за чаемъ онъ хвастался:

— Помнишь, каковъ я работникъ былъ, а? Прямо скажу: въ своемъ дѣлѣ — химикъ! Сотни могъ заработать...

— Однако, — не заработалъ.

— А — не заработалъ,—съ гордостью крикнулъ онъ. — Наплевать мнѣ на работу!

Онъ держался размашисто, люди въ трактирѣ прислушивались къ его задорнымъ словамъ со вниманіемъ.

— Помнишь, — что тихій воръ Петруха про работу говорилъ? Людямъ — домъ каменный, себѣ — гробъ деревянный. Вотъ те и — вся работа!

Я сказалъ:

— Петруха — больной, онъ смерти боится.

Но Ардальонъ закричалъ.

— Я тоже больной, у меня, можетъ, душа не на мѣстѣ!

По праздникамъ я частенько спускался изъ города въ «Милліонную» улицу, гдѣ ютились босяки, и видѣлъ, какъ быстро Ардальонъ становится своимъ человѣкомъ въ «золотой ротѣ». Еще годъ тому назадъ — веселый и серьезный, теперь Ардальонъ сталъ какъ-то крикливъ, пріобрѣлъ особенную, развалистую походку, смотрѣлъ на людей задорно, точно вызывая всѣхъ на споръ и бой, и все хвастался:

— Ты гляди, какъ меня люди принимаютъ, — я тутъ вродѣ атамана!

Не жалѣя заработанныхъ денегъ, онъ угощалъ босяковъ, становился въ дракахъ на сторону слабаго и часто взывалъ:

— Ребята, неправильно! Надо правильно поступать!

Его такъ и прозвали — Правильный, это очень нравилось ему.

Я усердно присматривался къ людямъ, тѣсно набитымъ въ старый и грязный каменный мѣшокъ улицы. Все это были люди, отломившіеся отъ жизни, но, казалось, что они создали свою жизнь, независимую отъ хозяевъ и веселую. Беззаботные, удалые, они напоминали мнѣ дѣдушкины разсказы о бурлакахъ, которые легко превращались въ разбойниковъ и отшельниковъ. Когда не было работы, они не брезговали мелкимъ воровствомъ съ баржъ и пароходовъ, но это не смущало меня, — я видѣлъ, что вся жизнь прошита воровствомъ, какъ старый кафтанъ сѣрыми нитками, и, въ

то-же время, я видѣлъ, что эти люди иногда работаютъ съ огромнымъ увлеченіемъ, не щадя силъ, какъ это бывало на спѣшныхъ паузкахъ, на пожарахъ, во время ледохода. И вообще они жили болѣе празднично, чѣмъ всѣ другіе люди.

Но Осипъ, замѣтивъ мою дружбу съ Ардальономъ, отечески предупредилъ меня:

— Вотъ что, душа моя, горькій сухостой, ты чего это съ Милліонной больно плотно пріятельствуешь? Гляди, не получи себѣ вреда...

Я сказалъ ему, какъ умѣлъ, что мнѣ нравятся эти люди— живутъ безъ работы, весело.

— Яко птицы небесныя, — перебилъ меня онъ, усмѣхаясь. — Это они потому такъ, что — лѣнтяи, пустой народъ, работа имъ — горе!

— Да вѣдь что-же — работа? Говорится: отъ трудовъ праведныхъ не нажить домовъ каменныхъ!

Мнѣ легко было сказать такъ, я слишкомъ часто слышалъ эту поговорку и чувствовалъ ея правду. Но Осипъ разсердился на меня и закричалъ:

— Это — кто говоритъ? Дураки, да лѣнтяи, а тебѣ, кутенокъ, — не слушать-бы этого! Ишь ты! Эти глупости говорятся завистниками, неудачниками, а ты сперва оперись, потомъ — ввысь! А про дружбу твою я хозяину доложу — не обезсудь!

И — доложилъ. Хозяинъ при немъ-же сказалъ мнѣ:

— Ты, Пѣшковъ, Милліонную оставь! Тамъ — воры, проститутки и дорога оттуда — въ острогъ, въ больницу. Брось!

Я сталъ скрывать мои посѣщенія Милліонной, но скоро былъ вынужденъ отказаться отъ нихъ.

Какъ-то разъ, я сидѣлъ съ Ардальономъ и товарищемъ его, Робенкомъ, на крышѣ сарая, во дворѣ одной изъ ночлежекъ; Робенокъ забавно разсказывалъ намъ, какъ онъ пробирался пѣшкомъ изъ Ростова на Дону въ Москву. Это былъ солдатъ-саперъ, Георгіевскій кавалеръ, хромой; — въ турецкую войну ему разбили колѣно. Низенькій коренастый, онъ обладалъ страшною силою въ рукахъ, силой, безполезной ему, работать онъ не могъ по своей хромотѣ. Отъ какой-то болѣзни у него вылѣзли волосы на черепѣ и на лицѣ — голова его, дѣйствительно, напоминала голову новорожденнаго.

*

Подблескивая рыжими глазами, онъ говорилъ:

— Ну, вотъ: Серпуховъ, сидитъ попъ въ полисадникѣ— батюшка, говорю, подайте турецкому герою...

Покачивая головою, Ардальонъ говоритъ:

— Ну, ври, ври...

— Чего-же я вру? — не обижаясь спрашиваетъ Робенокъ, а мой пріятель поучительно и лѣниво ворчитъ:

— Неправильный ты человѣкъ! Тебѣ въ сторожа проситься, хромые всегда сторожами живутъ, а ты шатаешься зря и все врешь...

— Да вѣдь я — чтобы посмѣяться, я — для веселости вру...

— Тебѣ надъ собой смѣяться надо...

На дворѣ, темномъ и грязномъ, хотя погода стояла сухая, солнечная, появилась женщина и крикнула, встряхивая какою-то тряпкой:

— Кто юбку купитъ? Эй, подруги...

Изъ щелей дома полѣзли женщины, тѣсно окружая продавщицу; я сразу узналъ ее — это прачка Наталья! Я соскочилъ съ крыши, но она, отдавъ юбку за первую цѣну, уже тихонько уходила со двора.

— Здравствуйте! — догнавъ ее за воротами, радостно поздоровался я.

— А дальше что скажешь? — спросила она, искоса взглянувъ на меня, и вдругъ остановилась, сердито крикнувъ:

— Господи помилуй! Ты чего тутъ?..

Меня тронуло и смутило ея испуганное восклицаніе; я понялъ, что она испугалась за меня; страхъ и удивленіе такъ ясно выразились на ея умномъ лицѣ. Наскоро я объяснилъ ей, что не живу въ этой улицѣ, а только иногда прихожу посмотрѣть.

— Посмотрѣть?— насмѣшливо и сердито воскликнула она. — Это чего-же, куда-же ты смотришь? Прохожимъ въ карманы, да бабамъ за пазухи?

Лицо у нея было измятое, подъ глазами лежали густыя тѣни, губы вяло опустились.

Остановясь у дверей трактира, она сказала:

— Идемъ, чаемъ напою! Одѣтъ — чистенько, не по здѣшнему, а не вѣрю я тебѣ что-то...

Но въ трактирѣ она какъ будто повѣрила мнѣ и раз-

ливая чай, стала скучно говорить о томъ, что она только часъ тому назадъ проснулась и еще не пила, не ѣла.

— А вчера легла — пьяна-пьянехонька, ужъ и не помню: гдѣ пила, съ кѣмъ?

Мнѣ было жалко ее, неловко передъ нею и хотѣлось спросить — гдѣ-же ея дочь? А она, выпивъ водки и горячаго чая, заговорила знакомо-бойко, грубо, какъ всѣ женщины этой улицы; но когда я спросилъ ее о дочери, сразу отрезвѣвъ, она крикнула:

— А тебѣ зачѣмъ знать это? Нѣтъ, милый, дочь мою ты не достанешь, нѣтъ!

Выпила еще и разсказала:

— Дочери со мной дѣлать нечего. Я — кто? Прачка. Какая я мать ей? Она — образованная, ученая. То-то, братъ! И уѣхала отъ меня къ богатой подругѣ, въ учительницы, будто...

Помолчавъ, она негромко спросила:

— Вотъ какъ! Прачка — вамъ неугодна? А — гулящая баба — угодна?

Что она «гулящая», я, конечно, сразу видѣлъ это, — иныхъ женщинъ въ улицѣ не было. Но когда она сама сказала объ этомъ, у меня отъ стыда и жалости къ ней — навернулись слезы, точно обожгла она меня этимъ сознаніемъ — она, еще недавно такая смѣлая, независимая, умная!

— Эхъ, ты, — сказала она, взглянувъ на меня и вздыхая. — Иди ты отсюда! И прошу я тебя, и совѣтую — не суйся сюда, пропадешь!

Потомъ тихонько и какъ-бы сама себѣ, она начала отрывисто говорить, наклоняясь надъ столомъ и что-то рисуя пальцемъ на подносѣ.

— А что тебѣ мои просьбы и совѣты? Если дочь родная не послушала. Я кричу ей: не можешь ты родную мать свою бросить, что ты? А она — удавлюсь, говоритъ. Въ Казань уѣхала, учиться, въ акушерки хочетъ. Ну, хорошо... Хорошо... А какъ-же я? А я — вотъ такъ... Къ чему мнѣ прижаться?.. А — къ прохожему...

Замолчавъ, она долго думала о чемъ-то, беззвучно шевеля губами и, видимо, забыла обо мнѣ. Углы губъ опустились, ротъ изогнулся серпомъ и было мучительно смотрѣть, какъ вздрагиваетъ кожа на губахъ и безмолвно говорятъ о чемъ-то трепетныя морщинки. Лицо у нея было

дѣтское, обиженное. Изъ-подъ платка выбилась прядь волосъ и лежала на щекѣ, загибаясь за маленькое ухо. Въ чашку остывшаго чая капнула слеза, женщина, замѣтивъ это, отодвинула чашку и крѣпко прикрыла глаза, выжавъ еще двѣ слезинки, потомъ вытерла лицо платкомъ.

У меня не хватило терпѣнья сидѣть съ нею дольше, я тихонько всталъ.

— Прощайте!

— А? Иди, иди къ чорту! — отмахнулась она, не глядя на меня, должно быть, забывъ, кто съ ней.

Я воротился на дворъ, къ Ардальону, — онъ хотѣлъ идти со мною ловить раковъ, а мнѣ хотѣлось разсказать ему объ этой женщинѣ. Но его и Робенка уже не было на крышѣ; пока я искалъ ихъ по запутанному двору, на улицѣ начался шумъ скандала, обычный для нея.

Я вышелъ изъ воротъ и тотчасъ столкнулся съ Натальей, — всхлипывая, отирая головнымъ платкомъ разбитое лицо, оправляя другою рукой встрепанные волосы, она слѣпо шла по панели, а за нею шагалъ Ардальонъ и Робенокъ; Робенокъ говорилъ:

— Дай ей еще разъ, дай!

Ардальонъ настигъ женщину, помахивая кулакомъ; она обернулась грудью къ нему; лицо у нея было страшное, глаза горѣли ненавистью.

— Н-на, бей! — крикнула она.

Я вцѣпился въ руку Ардальона, онъ удивленно взглянулъ на меня.

— Чего ты?

— Не трогай, — едва могъ сказать я ему.

Онъ захохоталъ.

— Она тебѣ — любовница? Ай, да Наташка — соборная монашка!

Робенокъ тоже хохоталъ, хлопая себя по бедрамъ, и они долго поджаривали меня въ горячей грязи, — это было мучительно! Но пока они занимались этимъ, Наталья ушла, а я, не стерпѣвъ, наконецъ, ударилъ головою въ грудь Робенка, опрокинулъ его и убѣжалъ.

Съ того дня я долго не заглядывалъ въ Милліонную, но еще разъ видѣлъ Ардальона, — встрѣтилъ его на паромѣ.

— Ты — гдѣ пропалъ? — радостно спросилъ онъ.

Когда я сказалъ ему, что мнѣ противно вспомнить, какъ онъ избилъ Наталью и грязно обидѣлъ меня, Ардальонъ добродушно засмѣялся.

— Да развѣ это — въ серьезъ? Это мы шутки ради помазали тебя! А она, — да что-же ее не бить, коли она — гулящая? Женъ бьютъ, а такихъ и подавно не жаль! Только это все — баловство одно! Я вѣдь понимаю, — кулакъ не наука!

— Да чему тебѣ учить ее? Чѣмъ ты лучше?..

Онъ обнялъ меня за плечи и, встряхивая, сказалъ, съ насмѣшкой:

— Въ томъ и безобразіе наше, что никто никого не лучше...

Захохоталъ и хвастливо прибавилъ:

— Я, братъ, все понимаю и съ наружи, и съ изнанки, все! Я — не деревня...

Онъ былъ немножко выпивши, веселый; смотрѣлъ на меня съ ласковымъ сожалѣніемъ добраго учителя къ безтолковому ученику...

... Иногда я встрѣчалъ Павла Одинцова; онъ сталъ еще бойчѣе, одѣвался щеголемъ, говорилъ со мною снисходительно и все упрекалъ:

— За какую ты работу взялся — пропадешь! Мужики эти...

Потомъ грустно разсказывалъ новости изъ жизни мастерской.

— Жихаревъ все путается съ коровой этой, Ситановъ, видно, горюетъ: пить сталъ черезъ мѣру. А Гоголева — волки съѣли; поѣхалъ онъ на Святки домой, а тамъ его, пьянаго, волки и сожрали!

И заливаясь веселымъ смѣхомъ, Павелъ смѣшно сочинялъ:

— Съѣли и — тоже всѣ пьяные! Веселые стали, — ходятъ по лѣсу на заднихъ лапахъ, какъ ученыя собаки, воютъ, а черезъ сутки подохли всѣ!..

Я слушалъ и тоже смѣялся, но чувствовалъ, что мастерская со всѣмъ, что я пережилъ тамъ — далеко отъ меня. Это было немножко грустно.

XIX.

Зимою работы на ярмаркѣ почти не было; дома я несъ, какъ раньше, многочисленныя мелкія обязанности; онѣ по-

глощали весь день, но вечера оставались свободными, я снова читалъ вслухъ хозяевамъ непріятные мнѣ романы изъ «Нивы», изъ «Московскаго Листка», а по ночамъ занимался чтеніемъ хорошихъ книгъ и пробовалъ писать стихи.

Однажды, когда женщины ушли ко всенощной, а хозяинъ по нездоровью остался дома, онъ спросилъ меня:

— Викторъ смѣется, что ты, будто, Пѣшковъ, стихи пишешь, вѣрно, что-ли? Ну-ко, почитай!

Отказать было неловко, я прочиталъ нѣсколько стихотвореній, они, видимо, не понравились ему, но онъ, все-таки, сказалъ:

— Валяй, валяй! Можетъ, Пушкинымъ будешь; читалъ Пушкина?

«Домового-ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?»

— Въ его пору еще вѣрили въ домовыхъ, ну, самъ то онъ, поди, не вѣрилъ, а просто — шутилъ! Да-а, братъ, — задумчиво протянулъ онъ, — надо-бы тебѣ учиться, а опоздалъ ты! Чортъ знаетъ, какъ ты будешь жить?.. Тетрадь-то свою подальше прячь, а то привяжутся бабы — засмѣютъ... Бабы, братъ, любятъ... за сердце задѣть...

Съ нѣкотораго времени хозяинъ сталъ тихъ, задумчивъ и все опасливо оглядывался, а звонки — пугали его; иногда вдругъ болѣзненно раздражался изъ-за пустяковъ, кричалъ на всѣхъ и убѣгалъ изъ дома, а поздней ночью возвращался пьянымъ... Чувствовалось, что въ его жизни произошло что-то, никому кромѣ него невѣдомое, подорвало ему сердце, и теперь онъ жилъ не увѣренно, не охотно, а какъ-то такъ, по привычкѣ.

По праздникамъ, отъ обѣда до девяти часовъ я уходилъ гулять, а вечеромъ сидѣлъ въ трактирѣ на Ямской улицѣ; хозяинъ трактира, толстый и всегда потный человѣкъ, страшно любилъ пѣніе, это знали пѣвчіе почти всѣхъ церковныхъ хоровъ и собирались у него; онъ угощалъ ихъ за пѣсни водкой, пивомъ, чаемъ. Пѣвчіе — народъ пьяный и мало интересный; пѣли они неохотно, только ради угощенія, и почти всегда церковное, а такъ какъ благочестивые пьяницы считали, что церковному въ трактирѣ не мѣсто, хозяинъ приглашалъ ихъ къ себѣ къ комнату, а я могъ слушать пѣніе только сквозь дверь. Но нерѣдко въ трактирѣ пѣвали деревенскіе мужики, мастеровые, — трак-

тирщикъ самъ разыскивалъ пѣвцовъ по городу, разспрашивалъ о нихъ въ базарные дни у пріѣзжихъ крестьянъ и приглашалъ къ себѣ.

Пѣвецъ всегда садился на стулъ у стойки буфета, подъ боченкомъ водки, — голова его рисовалась на днѣ боченка, какъ въ круглой рамѣ.

Лучше всѣхъ — и всегда какія-то особенно хорошія пѣсни — пѣлъ маленькій, тощій шорникъ Клещовъ; человѣкъ мятый, жеванный, въ клочьяхъ рыжихъ волосъ; носишко у него блестѣлъ, точно у покойника, крошечные, сонные глаза были неподвижны.

Бывало, закроетъ онъ ихъ, прислонится ко дну боченка затылкомъ и, выпятивъ грудь, тихимъ, но все побѣждающимъ теноркомъ заведетъ скороговоркой:

— Эхъ, ужъ какъ палъ туманъ на поле чистое,
Да призакрылъ, туманъ, дороги дальнія...

Тутъ онъ вставалъ, опираясь поясницей на стойку, изогнувшись назадъ, и задушевно выводилъ, поднявъ лицо къ потолку:

Эхъ, я ку-да, куда пойду,
Гдѣ до-орогу я широкую найду?

Голосъ у него былъ маленькій, какъ онъ, но — неутомимый; онъ прошивалъ глухой, темный гомонъ трактира серебряной струной, грустныя слова, стоны и выкрики побѣждали всѣхъ людей, — даже пьяные становились удивленно серьезны, молча смотрѣли въ столы передъ собою, а у меня надрывалось сердце, переполненное тѣмъ мощнымъ чувствомъ, которое всегда будитъ хорошая музыка, чудесно касаясь глубинъ души.

Въ трактирѣ становилось тихо, какъ въ церкви, а пѣвецъ, словно добрый священникъ. Онъ не проповѣдуетъ, а, дѣйствительно, всей душой честно молится за весь родъ людской; честно, вслухъ думаетъ о всѣхъ горестяхъ бѣдной человѣчьей жизни. Отовсюду на него смотрятъ бородатые люди; на звѣриныхъ лицахъ задумчиво мигаютъ дѣтскіе глаза; иногда кто-нибудь вздыхаетъ, и это хорошо подчеркиваетъ побѣдительную силу пѣсни. Въ такія минуты мнѣ всегда казалось, что всѣ люди живутъ фальшивой, надуманной жизнью, а настоящая человѣчья жизнь — вотъ она!

Сидитъ въ углу толсторожая торговка Лысуха, баба отбойная, безстыдно-гулящая; спрятала голову въ жирныя плечи и плачетъ, тихонько моетъ слезами свои наглые глаза. Недалеко отъ нея навалился на столъ мрачный октавистъ Митропольскій, волосатый дѣтина, похожій на дьякона-разстригу, съ огромными глазами на пьяномъ лицѣ; смотритъ въ рюмку водки передъ нимъ, беретъ ее, подноситъ ко рту и снова ставитъ на столъ, осторожно и безшумно, — не можетъ почему-то выпить.

И всѣ люди въ трактирѣ замерли, точно прислушиваясь къ давно забытому, что было дорого и близко имъ.

Когда Клещовъ, кончивъ пѣсню, скромно опускался на стулъ, трактирщикъ, подавая ему стаканъ вина, говорилъ съ улыбкой удовольствія:

— Ну, конешно, хорошо! Хоша ты не столь поешь, сколько разсказываешь, однако, мастеръ, что и говорить! Иного — никто не скажетъ...

Клещовъ, не торопясь, пилъ водку, осторожно крякалъ и тихо говорилъ:

— Спѣть — всякій можетъ, у кого голосъ есть, а показать, какова душа въ пѣснѣ, — это только мнѣ дано!

— Ну, не хвастай, однако!

— Кому — нечѣмъ, тотъ не хвастаетъ, — все такъ-же тихо, но болѣе упрямо говорилъ пѣвецъ.

— Заносчивъ ты, Клещовъ! — съ досадой восклицаетъ трактирщикъ.

— Выше своей души не заношусь....

А въ углу рычалъ мрачный октавистъ:

— Что понимаете въ пѣніи сего безобразнаго ангела вы, черви, вы, плѣсень?

Онъ всегда и со всѣми былъ несогласенъ, противъ всѣхъ спорилъ, всѣхъ обличалъ, и почти каждый праздникъ его жестоко били за это и пѣвчіе, и всѣ, кто хотѣлъ.

Трактирщикъ любитъ пѣсни Клещова, но терпѣть не можетъ самого пѣвца; жалуется всѣмъ на него и явно ищетъ унизить шорника, посмѣяться надъ нимъ; это знаютъ и завсегдатаи трактира, и самъ Клещовъ.

— Хорошъ пѣвецъ, да кичливъ, и надо его одернуть, — говоритъ онъ, и нѣкоторые гости соглашаются съ нимъ.

— Это — вѣрно, заносчивъ парень!

— Чѣмъ заносится? Голосъ — отъ Бога, не самъ нажилъ! Да и великъ-ли голосъ-то? — упрямо твердитъ трактирщикъ.

Согласная публика вторитъ ему:

— Вѣрно, тутъ не голосъ, а больше — умѣнье.

Однажды, когда пѣвецъ, остывъ, ушелъ, — трактирщикъ сталъ уговаривать Лысуху:

— Вотъ тебѣ бы, Марья Евдокимовна, побаловать съ Клещовымъ-то, помотала-бы ты его маленько, а? Что тебѣ стоитъ?

— Кабы я помоложе была, — усмѣхаясь, сказала торговка.

Трактирщикъ горячо и громко закричалъ:

— Что молодые умѣютъ? А ты — возьмись! Поглядѣть-бы, какъ онъ завился вокругъ тебя! Въ тоску бы его вогнать, вотъ онъ запѣлъ бы, а? Возьмись, Евдокимовна, поблагодарю, эй?

Но она не бралась. Большая, дебѣлая, она, опустивъ глаза и перебирая пальцами бахрому платка на груди, однообразно и лѣниво говорила:

— Тутъ — молодую надо. Кабы я моложе была, ну — не задумалась бы...

Почти всегда трактирщикъ старался напоить Клещова, но тотъ, спѣвъ двѣ, три пѣсни и выпивъ за каждую по стакану, тщательно окутывалъ горло вязаннымъ шарфомъ, туго натягивалъ картузъ на вихрастую голову и уходилъ.

Нерѣдко трактирщикъ выискивалъ соперниковъ Клещову; споетъ шорникъ пѣсню, а онъ, похваливъ его, говоритъ, волнуясь:

— Тутъ, кстати, еще одинъ поющій пришелъ! Нутека-сь, пожалуйте, покажите себя!

Поющій иногда показывалъ хорошій голосъ, но я не знаю случая, чтобы кто нибудь изъ соперниковъ Клещова спѣлъ такъ-же просто и задушевно, какъ умѣлъ пѣть этотъ маленькій, неказистый шорникъ.

— Н-нда,—не безъ сожалѣнія говорилъ трактирщикъ,— это, конешно, хорошо-о! Главное — голосъ тутъ, а вотъ — душа-то...

Публика посмѣивалась:

— Нѣтъ, шорника не одолѣть, видно!

А Клещовъ, поглядывая на всѣхъ изъ-подъ рыжихъ, клочковатыхъ бровей, спокойно и вѣжливенько говорилъ трактирщику:

— Балуете вы. Супротивъ меня не найти вамъ пѣвца, какъ у меня дарованіе — отъ Бога...

— Мы всѣ — отъ Бога!

— Раззоритесь на винѣ, а не найдете...

Трактирщикъ багровѣлъ и бормоталъ:

— Какъ знать, какъ знать...

А Клещовъ настойчиво доказывалъ ему:

— Еще я скажу вамъ, что пѣніе это, напримѣръ, не пѣтушиный бой...

— Да знаю я! Чего ты пристаешь?

— Я не пристаю, я только доказываю: коли пѣсня — забава, это ужъ — отъ лукаваго!

— Да будетъ! Лучше спой еще...

— Пѣть я всегда могу, хоть во снѣ даже, — соглашался Клещовъ, осторожно покашливая, и начиналъ пѣть.

И всѣ пустяки, вся дрянь словъ и намѣреній, все пошлое, трактирное — чудесно исчезало дымомъ; на всѣхъ вѣяло струей иной жизни, — задумчивой, чистой, полной любви и грусти.

Я завидовалъ этому человѣку, напряженно завидовалъ его таланту, его власти надъ людьми, — онъ такъ чудесно пользовался этой властью! Мнѣ хотѣлось познакомиться съ шорникомъ, о чемъ-то долго говорить съ нимъ, но я не рѣшался подойти къ нему, — Клещовъ смотрѣлъ на всѣхъ бѣлесыми глазами такъ странно, точно не видѣлъ передъ собою никого. И было въ немъ нѣчто непріятное мнѣ, мѣшавшее полюбить его, — а хотѣлось любить этого человѣка не тогда только, когда онъ пѣлъ. Непріятно было смотрѣть, какъ онъ, по стариковски, натягиваетъ на голову картузъ и какъ, всѣмъ на показъ, кутаетъ шею краснымъ вязаннымъ шарфомъ, о которомъ онъ говорилъ:

— Это мнѣ милашка моя связала, дѣвченка одна...

Если онъ не пѣлъ, то важно надувался, потиралъ пальцемъ мертвый, мороженный носъ, а на вопросы отвѣчалъ односложно, нехотя. Когда я подсѣлъ къ нему и спросилъ о чемъ-то, онъ, не взглянувъ на меня, сказалъ:

— Поди прочь, парнишко!

Гораздо больше нравился мнѣ октавистъ **Митрополь-**

скій; являясь въ трактиръ, онъ проходилъ въ уголъ походкой человѣка, несущаго большую тяжесть, отодвигалъ стулъ пинкомъ ноги и садился, раскладывая локти по столу, положивъ на ладони большую, мохнатую голову. Молча выпивъ двѣ, три рюмки, онъ гулко крякалъ; всѣ, вздрогнувъ, повертывались къ нему, а онъ, упираясь подбородкомъ въ ладони, вызывающе смотрѣлъ на людей; грива нечесанныхъ волосъ дико осыпала его опухшее, бурое лицо.

— Что смотрите? Что видите? — вдругъ спрашивалъ онъ бухающими словами.

Иногда ему отвѣчали:

— Лѣшаго видимъ!

Бывали вечера, когда онъ пилъ молча и молча-же уходилъ, тяжко шаркая ногами, по нѣсколько разъ я слышалъ, какъ онъ обличалъ людей, подражая пророку:

— Азъ есмь Бога моего неподкупный слуга и се обличаю вы, яко Исаія! Горе граду Аріилу, идеже скверпавцы и жулики и всякія мрази безобразніи жительствуютъ въ грязи подлыхъ вождѣленій своихъ! Горе корабельнимъ криламъ земли, ибо несутъ они по путямъ вселенной людишекъ препакостныхъ, — разумѣю васъ, піяницы, обжоры, отребіе міра сего, — нѣсть вамъ числа, окаянніи, и даже не пріемлетъ васъ земля въ нѣдра своя!

Голосъ его гудѣлъ такъ, что даже стекла въ окнахъ звенѣли, — это очень нравилось публикѣ и она похваливала пророка:

— Здорово лупитъ, косматый песъ!

Съ нимъ легко было познакомиться, — стоило только предложить ему угощеніе; онъ потребовалъ графинъ водки и порцію бычачьей печенки съ краснымъ перцемъ.
водки и порцію бычачьей печенки съ краснымъ перцемъ,
ности. Когда я попросилъ его сказать мнѣ, какія нужно читать книги, онъ свирѣпо и въ упоръ отвѣтилъ мнѣ вопросомъ:

— Зачѣмъ читать?

Но умягченный моимъ смущеніемъ, прогудѣлъ:

— Еклезіаста — читалъ?

— Читалъ.

— Еклезіаста читай! Больше ничего. Тамъ вся мудрость міра, только одни бараны квадратные не понимаютъ ее — сирѣчь никто не понимаетъ... Ты кто таковъ — поешь?

— Нѣтъ.

— Почему? Надо пѣть. Это самое нелѣпое занятіе.

Съ сосѣдняго стола спросили его:

— А ты самъ-отъ — поешь?

— Да, я — бездѣльникъ! Ну?

— Ничего.

— Не новость. Всѣмъ извѣстно, что у тебя въ башкѣ ничего нѣтъ. И никогда ничего не будетъ. Аминь!

Въ этомъ тонѣ онъ говорилъ со всѣми и со мною, конечно; хотя послѣ двухъ, трехъ угощеній сталъ относиться ко мнѣ мягче и даже однажды сказалъ съ оттѣнкомъ удивленія:

— Гляжу я на тебя и не понимаю: что ты, кто ты и зачѣмъ ты? А, впрочемъ, — чортъ тебя возьми!

Къ Клещову онъ относился непонятно: слушалъ его съ явнымъ наслажденіемъ, даже иногда съ ласковой улыбкой, но не знакомился съ нимъ и говорилъ о немъ грубо, презрительно:

— Это — болванъ! Онъ умѣетъ дышать, онъ понимаетъ, о чемъ поетъ, а все-таки — оселъ!

— Почему?

— По природѣ своей.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, когда онъ трезвъ, но трезвый онъ только мычалъ, глядя на все отуманенными, тоскливыми глазами. Отъ кого-то я узналъ, что этотъ, на всю жизнь пьяный, человѣкъ учился въ Казанской Академіи, могъ быть архіереемъ, — я не повѣрилъ этому. Но однажды, разсказывая ему о себѣ, я упомянулъ имя епископа Хрисанфа; октавистъ тряхнулъ головою и сказалъ:

— Хрисанфъ? Знаю. Учитель мой и благожелатель. Въ Казани, въ Академіи, — помню! Хрисанфъ, значитъ — златой цвѣтъ, какъ вѣрно сказано у Павмы Берынды. Да, онъ былъ златоцвѣтенъ, Хрисанфъ!

— А кто это — Павма Берында? — спросилъ я, но Митропольскій кратко отвѣтилъ:

— Не твое дѣло.

Дома я записалъ въ тетрадь свою: «непремѣнно читать Памву Берынду», — мнѣ показалось, что именно у этого Берынды я и найду отвѣты на множество вопросовъ, тревожившихъ меня.

Пѣвчій очень любилъ употреблять какія-то невѣдомыя

мнѣ имена, странныя сочетанія словъ; это очень раздражало меня.

— Жизнь — не Анисья! — говорилъ онъ.

Я спрашивалъ:

— Кто это — Анисья?

— Полезная, — отвѣчалъ онъ, и мое недоумѣніе забавляло его.

Эти словечки и то, что онъ учился въ Академіи, заставляли меня думать, что онъ знаетъ много, и было очень обидно, что онъ не хочетъ ни о чемъ говорить, а если говоритъ, то непонятно. А, можетъ быть, я не умѣлъ спросить его?

Но все-таки, онъ оставлялъ нѣчто въ душѣ моей; мнѣ нравилась пьяная смѣлость его обличеній, построенныхъ подъ пророка Исаію.

— О, нечисть и смрадъ земли! — рычалъ онъ. — Худшіе у васъ — во славѣ, а лучшіе — гонимы; настанетъ грозный день и покаетесь въ этомъ, но поздно будетъ, поздно!

Слушая этотъ ревъ, я вспомнилъ «Хорошее дѣло», прачку Наталью, погибшую такъ обидно и легко, Королеву Марго, въ тучѣ грязныхъ сплетенъ, — у меня уже было, что вспомнить...

Мое краткое знакомство съ этимъ человѣкомъ кончилось курьезно.

Весною я встрѣтилъ его въ полѣ, около лагерей, онъ шагалъ, какъ верблюдъ, покачивая головой, одинокій, опухшій.

— Гуляешь? — спросилъ онъ хрипло. — Идемъ вмѣстѣ. Я — тоже гуляю. Я, братецъ мой, боленъ, да...

Нѣсколько шаговъ мы прошли молча и вдругъ въ ямѣ отъ палатки увидали человѣка: онъ сидѣлъ на днѣ ямы, склонясь на бокъ, опираясь плечомъ на стѣнку окопа, пальто у него съ одной стороны взъѣхало выше ушей, точно онъ хотѣлъ снять его и не могъ.

— Пьяный, — рѣшилъ пѣвчій, остановясь.

Но подъ рукою человѣка валялся на молодой травѣ большой револьверъ, не далеко отъ него — фуражка, а рядомъ съ нею едва початая бутылка водки, — ея пустое горлышко зарылось въ зеленыхъ травинкахъ. Лицо человѣка было стыдливо спрятано подъ пальто.

Съ минуту мы стояли молча, потомъ Митропольскій, широко разставивъ ноги, сказалъ:

— Застрѣлился.

Я сразу понялъ, что человѣкъ не пьянъ, а мертвъ, но это было такъ неожиданно, что не хотѣлось вѣрить. Помню, я не чувствовалъ ни страха, ни жалости, глядя на большой, гладкій черепъ, высунувшійся изъ подъ пальто, и на синее ухо, — не вѣрилось, что человѣкъ могъ убить себя въ такой ласковый, весенній день.

Октавистъ крѣпко растиралъ ладонью свои небритыя щеки, точно ему было холодно и хрипѣлъ:

— Пожилой. Жена сбѣжала или чужія деньги промоталъ...

Онъ послалъ меня въ городъ за полиціей, а самъ присѣлъ на край ямы, спустивъ въ нее ноги, зябко кутаясь въ потертое пальто. Извѣстивъ о самоубійцѣ городового, я быстро прибѣжалъ назадъ, но за это время октавистъ допилъ водку покойника и встрѣтилъ меня, размахивая пустой бутылкой.

— Вотъ, что погубило его! — рычалъ онъ и, яростно ударивъ бутылкой о землю, вдребезги разбилъ ее.

Вслѣдъ за мною прибѣжалъ городовой, заглянулъ въ яму, снялъ фуражку и, нерѣшительно перекрестясь, спросилъ пѣвчаго:

— Ты кто таковъ?

— Не твое дѣло....

Полицейскій подумалъ и спросилъ болѣе вѣжливо:

— Какъ-же это вы: — тутъ мертвый, а вы — пьяный?

— Я двадцать лѣтъ пьянъ! — съ гордостью сказалъ пѣвчій, ударивъ себя ладонью въ грудь.

Я былъ увѣренъ, что его арестуютъ за выпитую водку. Изъ города бѣжали люди, пріѣхалъ на дрожкахъ строгій квартальный, спустился въ яму и, приподнявъ пальто самоубійцы, заглянулъ ему въ лицо.

— Кто первый увидѣлъ?

— Я, — сказалъ Митропольскій.

Квартальный поглядѣлъ на него и зловѣще протянулъ:

— А-а, здравствуй, сударь мой!

Собрались зрители, десятка полтора; запыхавшіеся, оживленные, заглядывали въ яму, кружась надъ нею, кто-то крикнулъ:

— Это съ нашей улицы чиновникъ, я его знаю!

Октавистъ, покачиваясь, стоялъ передъ квартальнымъ,

снявъ картузъ, и спорилъ съ нимъ, невнятно, глухо выкрикивая какія-то слова; потомъ квартальный толкнулъ его въ грудь, онъ покачнулся, сѣлъ; тогда полицейскій не торопясь вынулъ изъ кармана веревочку, связалъ ею руки пѣвчаго, привычно и покорно спрятанныя имъ за спину, а квартальный началъ сердито кричать на зрителей:

— Прочь! Р-рвань...

Прибѣжалъ еще старенькій городовой, съ мокрыми красными, глазами, съ разинутымъ отъ усталости ртомъ, взялъ въ руку конецъ веревочки, которой былъ связанъ октавистъ, и тихонько повелъ его въ городъ.

Я тоже пошелъ съ поля, удрученный; въ памяти гулкимъ эхомъ звучали карающія слова:

— Горе граду Аріилу!..

А передъ глазами — тягостная картина: полицейскій не спѣша вытягиваетъ изъ кармана шинели своей веревочку, а грозный пророкъ покорно заложилъ красныя, волосатыя руки за спину и скрестилъ кисти ихъ такъ привычно, умѣло...

Вскорѣ я узналъ, что пророка выслали изъ города по этапу. А за нимъ исчезъ Клещовъ, — женился выгодно и переѣхалъ жить въ уѣздъ, гдѣ открылъ шорную мастерскую.

... Я такъ усердно расхваливалъ пѣсни шорника хозяину, что онъ сказалъ однажды:

— Надо сходить, послушать...

И вотъ онъ сидитъ за столикомъ противъ меня, изумленно поднявъ брови, широко открывъ глаза.

По дорогѣ въ трактиръ онъ высмѣивалъ меня и въ трактирѣ первыя минуты все издѣвался надо мной, публикой и удушливыми запахами. Когда шорникъ запѣлъ, — онъ насмѣшливо улыбнулся и сталъ наливать пиво въ стаканъ, но налилъ до половины и остановился, сказавъ:

— Ого... чортъ?

Рука его задрожала, онъ тихонько поставилъ бутылку и сталъ напряженно слушать.

— Д-да, братъ, — сказалъ онъ вздыхая, когда Клещовъ кончилъ пѣть, дѣйствительно поетъ... чортъ его возьми! Даже — жарко стало...

Шорникъ снова запѣлъ, вскинувъ голову, глядя въ потолокъ:

— По дорогѣ изъ богатаго села
Чистымъ полемъ молодая дѣвка шла....

— Поетъ, — пробормоталъ хозяинъ, качая головой и усмѣхаясь.

А Клещовъ заливается, какъ свирѣль:

— Отвѣчае красна дѣвица ему:
Сирота я, не нужна я никому...

— Хорошо, — шепчетъ хозяинъ, мигая покраснѣвшими глазами, — ф-фу, чортъ... хорошо!

Я смотрю на него и — радуюсь; а рыдающія слова пѣсни, побѣдивъ шумъ трактира, звучатъ все сильнѣе, краше, задушевнѣе.

— Нелюдимо на селѣ у насъ живутъ,
Меня, дѣвку, на вечерки не зовутъ,
Ой, бѣдна я, да одѣта не къ лицу,
Не годна я, знать, удалу молодцу....
Сваталъ вдовый, во работницу себѣ —
Не хочу я покориться той судьбѣ!..

Хозяинъ мой безстыдно заплакалъ, — сидитъ, наклонивъ голову, и шмыгаетъ горбатымъ носомъ, а на колѣни ему капаютъ слезы.

Послѣ третьей пѣсни, онъ сказалъ, взволнованный и словно измятый:

— Не могу больше сидѣть тутъ — задыхаюсь, запахи же, чортъ... Ѣдемъ домой!..

Но на улицѣ онъ предложилъ:

— Айда, Пѣшковъ, въ гостиницу, закусимъ и все... Не хочется домой!..

Не торгуясь, сѣлъ въ сани извозчика и всю дорогу молчалъ, а въ гостиницѣ, занявъ столикъ въ углу, сразу началъ вполголоса, оглядываясь, сердито тоскуя:

— Разбередилъ меня этотъ козелъ... такую грусть нагналъ... Нѣтъ, ты вотъ читаешь, разсуждаешь, а ты скажи — что за дьявольщина? Живешь, живешь, сорокъ лѣтъ прожито, жена, дѣти, а поговорить не съ кѣмъ! Иной разъ — такъ-бы развернулъ душу, такъ-бы... заговорилъ обо всемъ, а не съ кѣмъ! Съ ней заговоришь, съ женой, не доходитъ до нея... Да что она? У ней дѣти... ну, хозяйство, свое дѣло! Она моей душѣ чужая. Жена — другъ до перваго ребенка... какъ водится. Да она у

меня, вообще... ну, ты самъ видишь... ни въ дудку, ни поплясать... неодушевленное мясо, чортъ васъ возьми! Тоска, братъ...

Онъ судорожно выпилъ холодное, горькое пиво, помолчалъ, взбивая длинные волосы, и снова заговорилъ:

— Вообще, братъ, люди — сволочь! Вотъ ты тамъ, съ мужиками говоришь, то, да се... я — понимаю, очень много неправильнаго, подлаго — вѣрно, братъ... Воры все! А ты думаешь, твоя рѣчь доходитъ? Ни перчинки! Да. Они, — Петръ, Осипъ, — жулье! Они мнѣ говорятъ, и какъ ты про меня выражаешься, и все... Что, братъ?

Я молчалъ удивленный.

— То-то! — сказалъ хозяинъ усмѣхаясь. — Ты правильно въ Персію собирался, тамъ хоть ничего не поймешь — чужой языкъ! А на своемъ языкѣ — однѣ подлости!

— Осипъ разсказываетъ про меня? — спросилъ я.

— Ну, да! А ты — что думалъ? Онъ больше всѣхъ говоритъ, болтунъ. Онъ, братъ, хитрая штука... Нѣтъ, Пѣшковъ, слова не доходятъ. Правда? А на кой чортъ она? Это все равно, какъ снѣгъ осенью, упалъ на грязь и — растаялъ. Грязи стало больше. Ты — лучше молчи...

Онъ пилъ пиво стаканъ за стаканомъ и, не пьянѣя, говорилъ все болѣе быстро, сердито:

— Пословица говоритъ: слово — не долото, а молчаніе — золото. Эхъ, братъ, тоска, тоска... Вѣрно онъ пѣлъ: «Нелюдимо на селѣ у насъ живутъ». Сиротство человѣчье...

Оглянувшись, онъ понизилъ голосъ и сказалъ:

— Вотъ — нашелъ было я себѣ... сердечнаго друга — женщина тутъ одна встрѣтилась, вдова, мужа у нея въ Сибирь осудили за фальшивыя деньги — сидитъ здѣсь, въ острогѣ. Познакомился я съ ней... денегъ у нея ни копейки, ну, она и того, знаешь... сводня меня познакомила съ ней. Присматриваюсь — что за милый человѣкъ! Красавица, знаешь, молодая... просто — замѣчательно! Разъ, два... потомъ я ей и говорю: какъ-же это, говорю, мужъ у тебя — жуликъ, сама ты себя не честно держишь — зачѣмъ-же ты въ Сибирь за нимъ? А она, видишь-ли, за нимъ идетъ, на поселенье... И вотъ она говоритъ мнѣ: каковъ, говоритъ, онъ ни есть, а я его люблю, для меня онъ — хорошъ! Можетъ, онъ это изъ-за меня согрѣшилъ? А я съ тобою

прѣшу — для него, ему, говорить, деньги нужны, онъ — дворянинъ и привыкъ жить хорошо. Кабы, говоритъ, я одна была, я бы жила честно. Вы, говоритъ, тоже хорошій человѣкъ и нравитесь мнѣ очень, но только не говорите со мной про это... Чортъ!.. Отдалъ я ей все, что было съ собой — восемьдесятъ рублей съ чѣмъ-то, и говорю: извините, говорю... я не могу больше съ вами, не могу! Ушелъ, да — вотъ...

Помолчавъ и вдругъ опьянѣвъ, опустившись, онъ пробормоталъ:

— Шесть разъ былъ у нея... Ты не можешь понять, что это такое! Я, можетъ быть, еще шесть разъ къ ея квартирѣ подходилъ... а войти — не рѣшился... не могъ! Теперь она уѣхала...

Онъ положилъ руки на столъ и шопотомъ, двигая пальцами, сказалъ:

— Не дай Богъ опять встрѣчу ее... не дай Богъ! Тогда — все къ чорту! Идемъ домой... идемъ!

Пошли; онъ пошатывался и ворчалъ:

— Вотъ какъ, братъ..

Меня не удивила исторія, разсказанная имъ, — мнѣ давно казалось, что съ нимъ случится что-нибудь необычное.

Но я былъ очень подавленъ всѣмъ, что онъ сказалъ о жизни, особенно его словами про Осипа.

XX.

Три лѣта прожилъ я «десятникомъ» въ мертвомъ городѣ, среди пустыхъ зданій, наблюдая, какъ рабочіе осенью ломають неуклюжія каменныя лавки, а весною строятъ такія же.

Хозяинъ очень заботился, чтобы я хорошо заработалъ свои пять рублей. Если въ лавкѣ перестилали полъ, я долженъ былъ выбрать со всей ея площади землю на аршинъ въ глубину; босяки брали за эту работу рубль, я не получалъ ничего, но, занятый этой работой, я не успѣвалъ слѣдить за плотниками, а они отвинчивали дверные замки, ручки, воровали разную мелочь.

И рабочіе, и подрядчики всячески старались обмануть меня, украсть что-нибудь, дѣлая это почти открыто, какъ бы подчиняясь скучной обязанности, и ни мало не сердились, когда я уличалъ ихъ, но не сердясь, удивлялись:

— Стараешься ты за пять-то цѣлковыхъ, какъ за двадцать, глядѣть смѣшно!

Я указывалъ хозяину, что, выигрывая на моемъ трудѣ рубль, онъ всегда теряетъ въ десять разъ больше, но онъ, подмигивая мнѣ, говорилъ:

— Ладно, притворяйся!

Я понималъ, что онъ подозрѣваетъ меня въ пособничествѣ воровству, это вызывало у меня чувство брезгливости къ нему, но не обижало; таковъ порядокъ: всѣ воруютъ и самъ хозяинъ тоже любитъ взять чужое.

Осматривая послѣ ярмарки лавки, взятыя имъ въ ремонтъ, и увидавъ забытый самоваръ, посуду, коверъ, ножницы, а иногда ящикъ или штуку товара, хозяинъ говорилъ, усмѣхаясь:

— Составь списокъ вещей и снеси все въ кладовую!

А изъ кладовой онъ возилъ вещи домой къ себѣ, заставляя меня по нѣскольку разъ переправлять опись ихъ.

Я не люблю вещей, мнѣ ничего не хотѣлось имѣть, даже книги стѣсняли меня. У меня ничего не было, кромѣ маленькаго томика Беранже и пѣсенъ Гейне; хотѣлось пріобрѣсти Пушкина, но единственный букинистъ города, злой старичекъ, требовалъ за Пушкина слишкомъ много. Мебель, ковры зеркала и все, что загромождало квартиру хозяина, не нравилось мнѣ, раздражая своей грузной неуклюжестью и запахами краски, лака; мнѣ вообще не правились комнаты хозяевъ, напоминая сундуки, набитые ненужнымъ, излишнимъ. И было противно, что хозяинъ таскаетъ изъ кладовой чужія вещи, все увеличивая лишнее вокругъ себя. Въ комнатахъ Королевы Марго было тоже тѣсно, но зато — красиво.

Жизнь вообще казалась мнѣ безсвязной, нелѣпой, въ ней было слишкомъ много явно глупаго. Вотъ мы перестраиваемъ лавки, а весною половодье затопитъ ихъ, выпятитъ полы, исковеркаетъ наружныя двери; спадетъ вода — загніютъ балки. Изъ года въ годъ на протяженіи десятилѣтій вода заливаетъ ярмарку, портитъ зданія, мостовыя; эти ежегодные потопы приносятъ огромные убытки людямъ и всѣ знаютъ, что потопы эти не устранятся сами собою.

Каждую весну ледоходъ срѣзаетъ баржи, десятки мелкихъ судовъ, — люди поохаютъ и строятъ новыя суда, а ледоходъ снова ломаетъ ихъ. Что за нелѣпая толчея на одномъ и томъ-же мѣстѣ!

Я спрашиваю объ этомъ Осипа, онъ удивляется и хохочетъ.

— Ахъ, ты, цапля, гляди, какъ цапнулъ! Да тебѣ какое дѣло до этого, до всего? Тебѣ-то что, а?

Но тутъ же говоритъ болѣе серьезно, не угашая, однако, огонька насмѣшки въ голубыхъ, не по старчески ясныхъ глазахъ.

— Это ты дѣльно примѣтилъ! Положимъ, ни къ чему оно тебѣ, а, можетъ, и годится! Ты вотъ еще что примѣть...

И разсказываетъ сухонькими словами, щедро присыпая ихъ прибаутками, неожиданными сравненіями и всякимъ балагурствомъ.

— Вотъ — жалуются люди: земли мало, а Волга весною рветъ берега, уноситъ землю, откладываетъ ее въ руслѣ своемъ мелью, тогда другіе жалуются: Волга мелѣетъ! Весенніе потоки, да лѣтніе дожди овраги роютъ, — опять же земля въ рѣку идетъ!

Онъ говоритъ безъ жалости, безъ злобы, а какъ бы наслаждаясь своимъ знаніемъ жалобъ на жизнь, и хотя слова его согласно вторятъ моимъ мыслямъ, — мнѣ непріятно слушать ихъ.

— А еще примѣть — пожары...

Я вспоминаю, что, кажется, не было лѣта, когда бы за Волгою не горѣли лѣса; каждогодно въ іюлѣ небо затянуто мутно-желтымъ дымомъ; багровое солнце, потерявъ лучи, смотритъ на землю, какъ больное око.

— Лѣса — пустое дѣло, — говоритъ Осипъ, — это имѣніе барское, казенное; у мужика лѣсовъ нѣтъ. Города горятъ — это тоже не велико дѣло, — въ городахъ живутъ богатые, ихъ жалѣть нечего! Ты возьми села, деревни — сколько деревень за лѣто сгоритъ! Можетъ — не меньше сотни, вотъ это — убытокъ!

Онъ тихонько смѣется.

— Есть имѣнье, да нѣтъ умѣнья! И выходитъ у тебя со мной, что будто не на себя человѣкъ работаетъ, не на землю, а на огонь, да воду!

— Что-же ты смѣешься?

— А что? Пожаръ слезой не потушишь, а половодье от слезъ мощнѣй не будетъ.

Я знаю, что этотъ благообразный старикъ — самый умный человѣкъ изо всѣхъ, кого я видѣлъ, но что-же онъ любитъ, что ненавистно ему?

Я думаю объ этомъ, а онъ продолжаетъ подкладывать въ мой костеръ сухія словечки.

— А ты погляди, какъ мало люди силу берегутъ, и свою, и чужую, а? Какъ хозяинъ-то мотаетъ тебя? А водочка чего стоитъ міру? Сосчитать невозможно, это выше всякаго ученаго ума! Изба сгоритъ — другую можно сбить, а вотъ когда хорошій мужикъ пропадаетъ зря — этого не поправишь! Ардальонъ, примѣрно, али-бо Гриша — гляди, какъ мужикъ вспыхнулъ! Глуповатый онъ, а душевный мужикъ, Гриша-то! Дымитъ, какъ снопъ соломы. Бабы-то напали на него, подобно червямъ на убитаго въ лѣсу.

Я спрашиваю его — безобидно, съ любопытствомъ:

— Зачѣмъ ты разсказываешь хозяину мои мысли?

Спокойно и даже ласково онъ объясняетъ:

— А чтобъ онъ зналъ, какія у тебя вредныя мысли; надо, чтобъ онъ тебя училъ; кому тебя поучить, кромѣ хозяина? Я не со зла говорю ему, а по моей жалости къ тебѣ. Парнишко ты не глупый, а въ башкѣ у тебя бѣсъ мутитъ. Украдь — я смолчу, къ дѣвкамъ ходи — тоже смолчу и выпьешь — не скажу! А про дерзости твои всегда передамъ хозяину, такъ и знай...

— Не буду я съ тобой говорить!

Онъ помолчалъ, отковыривая ногтемъ смолу съ ладони, потомъ, взглянувъ на меня ласковыми глазами, сказалъ:

— Врешь, будешь! Съ кѣмъ тебѣ еще говорить? И не съ кѣмъ...

Чистенькій, аккуратный, Осипъ вдругъ кажется мнѣ похожимъ на кочегара Якова, равнодушнаго ко всему.

Иногда онъ напоминаетъ начетчика Петра Васильева, иногда — извозчика Петра, порою въ немъ является что-то общее съ дѣдомъ — онъ такъ или иначе похожъ на всѣхъ стариковъ, видѣнныхъ мною. Всѣ они были удивительно интересные старики, но я чувствовалъ, что жить съ ними нельзя, — тяжело и противно. Они какъ бы выѣдаютъ душу, ихъ — умныя рѣчи — покрываютъ сердце рыжею ржавчиною. Осипъ — добрый? Нѣтъ. Злой? Тоже нѣтъ. Онъ — умный, вотъ что ясно мнѣ. Но удивляя своею гибкостью, этотъ умъ мертвилъ меня, и, въ концѣ концовъ, я сталъ чувствовать, что онъ мнѣ всячески враждебенъ.

Въ душѣ моей вскипали черныя мысли:

— Всѣ люди — чужіе другъ другу, несмотря на ласковыя слова и улыбки, да и на землѣ всѣ — чужіе; кажется,

что никто не связанъ съ нею крѣпкимъ чувствомъ любви. Одна только бабушка любитъ жить и все любитъ. Бабушка и великолѣпная Королева Марго.

Иногда эти и подобныя мысли сгущались темною тучею, жить становилось душно и тяжко, а какъ жить иначе, куда идти? Даже говорить не съ кѣмъ, кромѣ Осипа. И я все чаще говорилъ съ нимъ.

Онъ выслушивалъ мою горячую болтовню съ явнымъ интересомъ, переспрашивалъ меня, чего-то добиваясь, и спокойно говорилъ:

— Упрямъ дятелъ, да не страшенъ, никто его не боится! Душевно я совѣтую тебѣ: иди-ка ты въ монастырь, поживешь тамъ до возраста — будешь хорошей бесѣдой богомоловъ утѣшать и будетъ тебѣ спокойно, а монахамъ — доходъ! Душевно совѣтую. Къ мірскимъ дѣламъ ты, видно, неспособенъ, что-ли...

Въ монастырь не хотѣлось, но я чувствовалъ, что запутался и верчусь въ заколдованномъ кругѣ непонятнаго. Было тоскливо. Жизнь стала похожа на осенній лѣсъ, — грибы уже сошли, дѣлать въ пустомъ лѣсу нечего и, кажется, что насквозь знаешь его.

Я не пилъ водки, не путался съ дѣвицами, — эти два вида опьянѣнія души мнѣ замѣняли книги. Но чѣмъ больше я читалъ, тѣмъ болѣе трудно было жить такъ пусто и ненужно, какъ, мнѣ казалось, живутъ люди.

Мнѣ только что минуло пятнадцать лѣтъ, но иногда я чувствовалъ себя пожилымъ человѣкомъ; я какъ-то внутренно разбухъ и отяжелѣлъ отъ всего, что пережилъ, прочиталъ, о чемъ безпокойно думалось. Заглянувъ внутрь себя, я находилъ свое вмѣстилище впечатлѣній подобнымъ темному чулану, который тѣсно и кое-какъ набитъ разными вещами. Разобраться въ нихъ не было ни силъ, ни умѣнья.

И всѣ тяжести, несмотря на ихъ обиліе, лежали не прочно, качались и пошатывали меня, какъ вода не крѣпко стоящій сосудъ.

Я брезгливо не любилъ несчастій, болѣзней, жалобъ; когда я видѣлъ жестокое, — кровь, побои, даже словесное издѣвательство надъ человѣкомъ, — это вызывало у меня органическое отвращеніе; оно быстро перерождалось въ какое-то холодное бѣшенство, и я самъ дрался, какъ звѣрь, послѣ чего мнѣ становилось стыдно до боли.

Иногда такъ страстно хотѣлось избить мучителя-чело-

шка, и я такъ слѣпо бросался въ драку, что даже теперь вспоминаю объ этихъ припадкахъ отчаянія, рожденнаго безсиліемъ, со стыдомъ и тоскою.

Во мнѣ жило двое: одинъ, узнавъ слишкомъ много мерзости и грязи, нѣсколько оробѣлъ отъ этого и, подавленный знаніемъ буднично-страшнаго, начиналъ относиться къ жизни, къ людямъ недовѣрчиво, подозрительно, съ безсильною жалостью ко всѣмъ, а также къ себѣ самому. Этотъ человѣкъ мечталъ о тихой, одинокой жизни съ книгами, безъ людей; о монастырѣ, лѣсной сторожкѣ, желѣзнодорожной будкѣ, о Персіи и должности ночного сторожа, гдѣ-нибудь на окраинѣ города. Поменьше людей, подальше отъ нихъ...

Другой, крещеный святымъ духомъ честныхъ и мудрыхъ книгъ, наблюдая побѣдную силу буднично-страшнаго, чувствовалъ, какъ легко эта сила можетъ оторвать ему голову, раздавить сердце грязной ступней, и напряженно оборонялся, сцѣпивъ зубы, сжавъ кулаки, всегда готовый на всякій споръ и бой. Этотъ любилъ и жалѣлъ дѣятельно и, какъ надлежало храброму герою французскихъ романовъ, по третьему слову, выхватывая шпагу изъ ноженъ, становился въ боевую позицію.

Былъ у меня въ ту пору ядовитый врагъ, дворникъ одного изъ публичныхъ домовъ Малой Покровской улицы. Я познакомился съ нимъ однажды утромъ, идя на ярмарку: онъ стаскивалъ у воротъ дома съ пролетки извозчика безчувственно-пьяную дѣвицу, — схвативъ ее за ноги въ сбившихся чулкахъ, обнаживъ до пояса, онъ безстыдно дергалъ ее, ухая и смѣясь, плевалъ на тѣло ей, а она, съѣзжая толчками съ пролетки, измятая, слѣпая, съ открытымъ ртомъ, закинувъ за голову мягкія и словно вывихнутыя руки, стукалась спиною, затылкомъ и синимъ лицомъ о сидѣнье пролетки, о подножку, наконецъ, упала на мостовую, ударившись головою о камни.

Извозчикъ, хлестнувъ лошадь, поѣхалъ прочь, а дворникъ впрягся въ ноги дѣвицы и, пятясь задомъ, поволокъ ее на тротуаръ, какъ мертвую. Я обезумѣлъ, побѣжалъ, и на мое счастье, на бѣгу, самъ бросилъ или нечаянно уронилъ саженный ватерпасъ, что спасло дворника и меня отъ крупной непріятности. Ударивъ его съ разбѣга, я опрокинулъ дворника, вскочилъ на крыльцо, отчаянно задергалъ ручку

звонка, выбѣжали какіе-то дикіе люди, я не могъ ничего объяснить имъ и ушелъ, поднявъ ватерпасъ.

У съѣзда догналъ извозчика; онъ, поглядѣвъ на меня съ высоты козелъ, одобрительно сказалъ:

— Ловко ты его двинулъ!

Я сердито спросилъ его: какъ-же это онъ позволилъ дворнику издѣваться надъ дѣвицей, онъ сказалъ спокойно, брезгливо:

— А мнѣ — песъ ихъ возьми! Мнѣ господа заплатили, когда сажали ее въ пролетку, — какое мнѣ дѣло, кто кого бьетъ?

— А убили бы ее?

— Ну, да, — скоро убьешь эдакую, — сказалъ извозчикъ такъ, какъ будто онъ неоднократно пробовалъ убивать пьяныхъ дѣвицъ.

Съ того дня я почти каждое утро видѣлъ дворника; иду по улицѣ, а онъ мететъ мостовую или сидитъ на крыльцѣ, какъ бы поджидая меня. Я подхожу къ нему, онъ встаетъ, засучивая рукава, и предупредительно извѣщаетъ:

— Ну, сейчасъ я тебя обломаю!

Ему было лѣтъ за сорокъ, маленькій, кривоногій, съ животомъ беременной женщины, онъ, усмѣхаясь, смотрѣлъ на меня лучистыми глазами и было до ужаса странно видѣть, что глаза у него — добрые, веселые. Драться онъ не умѣлъ, да и руки у него были короче моихъ, послѣ двухъ, трехъ схватокъ, онъ уступалъ мнѣ, прижимался спиною къ воротамъ и говорилъ удивленно:

— Ну, погоди же, хватъ!..

Эти сраженія надоѣли мнѣ, и я сказалъ ему однажды:

— Послушай, дуракъ, отвяжись ты отъ меня, пожалуйста!

— А ты зачѣмъ бьешься? — спросилъ онъ укоризненно.

Я тоже спросилъ его, зачѣмъ онъ такъ гадко издѣвался надъ дѣвицей.

— А тебѣ что? Жалко ее?

— Жалко, конечно.

Онъ помолчалъ, вытеръ губы и спросилъ:

— А кошку жалко тебѣ?

— Ну, и кошку жалко...

Тогда онъ сказалъ мнѣ:

— Ты дуракъ, жуликъ! Погоди, я те покажу...

Я не могъ не ходить по этой улицѣ — это былъ самый

краткій путь. Но я сталъ вставать раньше, чтобы не встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ, и все-таки, черезъ нѣсколько дней увидѣлъ его, онъ сидѣлъ на крыльцѣ и гладилъ дымчатую кошку, лежавшую на колѣняхъ у него, а когда я подошелъ къ нему шага на три, онъ, вскочивъ, схватилъ кошку за ноги и съ размаху ударилъ ее головой о тумбу, такъ что на меня брызнуло теплымъ, — ударилъ, бросилъ кошку подъ ноги мнѣ и всталъ въ калитку, спрашивая:

— Что?

Ну, что-же тутъ дѣлать! Мы катались по двору, какъ два пса; а потомъ, сидя въ бурьянѣ съѣзда, обезумѣвъ отъ невыразимой тоски, я кусалъ губы, чтобы не ревѣть, не орать. Вотъ вспоминаешь объ этомъ и, содрогаясь въ мучительномъ отвращеніи, удивляешься — какъ я не сошелъ съ ума, не убилъ никого?

Зачѣмъ я разсказываю эти мерзости? А чтобы вы знали, милостивые государи, — это вѣдь не прошло, не прошло! Вамъ нравятся страхи выдуманные, нравятся ужасы, красиво разсказанные, фантастически-страшное пріятно волнуетъ васъ. А я вотъ знаю дѣйствительно-страшное, будничноужасное и за мною неотрицаемое право непріятно волновать васъ разсказами о немъ, дабы вы вспомнили, какъ живете и въ чемъ живете.

Подлой и грязной жизнью живемъ всѣ мы, вотъ въ чемъ дѣло!

Я очень люблю людей и не хотѣлъ бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальнымъ и нельзя скрывать грозную правду въ пестрыхъ словечкахъ красивенькой лжи. Къ жизни, къ жизни! Надо растворить въ ней все, что есть хорошаго, человѣчьяго въ нашихъ сердцахъ и мозгахъ.

... Меня особенно сводило съ ума отношеніе къ женщинѣ; начитавшись романовъ, я смотрѣлъ на женщину, какъ на самое лучшее и значительное въ жизни. Въ этомъ утверждали меня бабушка, ея разсказы о Богородицѣ и Василисѣ Премудрой, несчастная прачка Наталья и тѣ сотни, тысячи замѣченныхъ мною взглядовъ, улыбокъ, которыми женщины, матери жизни, украшаютъ ее, эту жизнь, бѣдную радостями, бѣдную любовью.

Славу женщинѣ пѣли книги Тургенева, и всѣмъ, что я зналъ хорошаго о женщинахъ, я украшалъ памятный мнѣ образъ Королевы; Гейне и Тургеневъ особенно много давали драгоцѣнностей для этого.

Возвращаясь вечеромъ съ ярмарки, я останавливался на горѣ, у стѣны Кремля, и смотрѣлъ, какъ за Волгой опускается солнце, текутъ въ небесахъ огненныя рѣки, багровѣетъ и синѣетъ земная, любимая рѣка. Иногда въ такія минуты вся земля казалась огромной арестантской баржей; она похожа на свинью, и ее лѣниво тащитъ куда-то невидимый пароходъ.

Но чаще думалось, о величинѣ земли, о городахъ, извѣстныхъ мнѣ по книгамъ, о чужихъ странахъ, гдѣ живутъ иначе. Въ книгахъ иноземныхъ писателей жизнь рисовалась чище, милѣе, менѣе трудной, чѣмъ та, которая медленно и однообразно кипѣла вокругъ меня. Это успокаивало мою тревогу, возбуждая упрямыя мечты о возможности другой жизни.

И все казалось, что вотъ я встрѣчу какого-то простого, мудраго человѣка, который выведетъ меня на широкій, свѣтлый путь.

Однажды, когда я сидѣлъ на скамьѣ подъ стѣною Кремля, рядомъ со мною очутился дядя Яковъ. Я не замѣтилъ, какъ онъ подошелъ, и не сразу узналъ его; хотя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы жили въ одномъ городѣ, но встрѣчались рѣдко, случайно и мелькомъ.

— Экъ тебя вытянуло, — шутливо сказалъ онъ, толкнувъ меня, и мы стали разговаривать, какъ чужіе, но давно знакомые люди.

По разсказамъ бабушки я зналъ, что за эти года дядя Яковъ окончательно разорился, все прожилъ, прогулялъ; служилъ помощникомъ смотрителя на этапномъ дворѣ, но служба кончилась плохо: смотритель заболѣлъ, а дядя Яковъ началъ устраивать въ квартирѣ у себя веселые пиры для арестантовъ. Это стало извѣстно, его лишили мѣста и отдали подъ судъ, обвиняя въ томъ, что онъ выпускалъ арестантовъ по ночамъ въ городъ «погулять». Никто изъ арестантовъ не убѣжалъ, но одинъ былъ пойманъ какъ разъ въ ту минуту, когда онъ усердно душилъ какого-то дьякона. Долго тянулось слѣдствіе, однако, до суда дѣло не дошло, — арестанты и надзиратели сумѣли выгородить добраго дядю изъ этой исторіи. Теперь онъ жилъ безъ работы, на средства сына, который пѣлъ въ церковномъ хорѣ Рукавишникова, знаменитомъ въ то время. О сынѣ онъ говорилъ странно:

— Онъ у меня серьезный сталъ, важный! Солистъ. Не

успѣешь во время самоваръ подать, али одежду вычистить — сердится! Аккуратный парень. И — чистоплотенъ...

Самъ дядя сильно постарѣлъ, весь загрязнился, облѣзъ и обмякъ. Его веселые кудри сильно порѣдѣли, уши оттопырились, на бѣлкахъ глазъ и въ сафьяновой кожѣ бритыхъ щекъ явилась густая сѣть красныхъ жилокъ. Говорилъ онъ шутливо, но казалось, что во рту у него что-то лежитъ и мѣшаетъ языку, хотя зубы его были цѣлы.

Я обрадовался возможности поговорить съ человѣкомъ, который умѣлъ жить весело, много видѣлъ и много долженъ знать. Мнѣ ярко вспомнились его бойкія, смѣшныя пѣсни и прозвучали въ памяти дѣдовы слова о немъ:

— По пѣснямъ, — царь Давидъ, а по дѣламъ — Авессаломъ ядовитъ!

По бульвару мимо насъ ходила чистая публика: нарядныя барыни, чиновники, офицеры; дядя былъ одѣтъ въ потертое осеннее пальто, измятый картузъ, рыженькіе сапоги и ежился, видимо, стѣсняясь своимъ костюмомъ. Мы ушли въ одинъ изъ трактировъ Почаинскаго оврага и заняли мѣсто у окна, открытаго на рынокъ.

— Помните, какъ вы пѣли:

— Нищій вывѣсилъ онучи сушить,
А другой нищій онучи укралъ...

Когда я произнесъ слова пѣсни, я вдругъ и впервые почувствовалъ ея насмѣшливый смыслъ и мнѣ показалось, что веселый дядя золъ и уменъ.

Но онъ, наливая водку въ рюмку, задумчиво сказалъ:

— Да, пожилъ я, почудилъ, а — мало! Пѣсня эта не моя, ее составилъ одинъ учитель семинаріи, какъ бишь его звали, покойника? Забылъ. Жили мы съ нимъ пріятелями. Холостой. Спился и — померъ, обморозился. Сколько народу спилось на моей памяти — сосчитать трудно! Ты не пьешь? Не пей, погоди. Дѣдушку часто видишь? Не веселый старичекъ. Съ ума, будто, сходитъ.

Выпивъ, онъ оживился, расправился, помолодѣлъ и сталъ говорить бойчѣе.

Я спросилъ его про исторію съ арестантами.

— Ты слышалъ? — освѣдомился онъ, оглянувшись, и, понизивъ голосъ, заговорилъ:

— Что жъ, арестанты? Я вѣдь не судья имъ. Вижу

люди, какъ люди, и говорю: братцы, давайте жить дружно, давайте весело жить; есть, говорю, такая пѣсня:

— Судьба веселью не помѣха!
Пускай она въ дугу насъ гнетъ,
Мы будемъ жить для ради смѣха,
Дуракъ, кто иначе живетъ!..

Онъ засмѣялся, взглянулъ въ окно на потемнѣвшій оврагъ, уставленный по дну торговыми ларями, и продолжалъ, поправляя усы:

— Они, конешно, рады, скучно въ тюрьмѣ-то. Ну, вотъ, кончимъ провѣрку, сейчасъ — ко мнѣ; водка, закуска; когда — отъ меня, когда — отъ нихъ, и — закачалась, заиграла матушка Русь! Я люблю пѣсни, пляску, а между ними отличные пѣвцы и плясуны, до удивленія! Иной — въ кандалахъ; ну, а въ нихъ не спляшешь, такъ я разрѣшалъ снимать кандалы, это правда. Они, положимъ, сами умѣютъ снять, безъ кузнеца, ловкій народъ, до удивленія! А что я ихъ въ городъ на грабежъ выпускалъ — ерунда, это даже недоказано осталось...

Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ въ окно, въ оврагъ, гдѣ старьевщики запирали свои лари; тамъ гремѣло желѣзо засововъ, визжали ржавыя петли, падали какія-то доски, гулко хлопая. Потомъ, весело подмигнувъ мнѣ, негромко продолжалъ:

— Если правду говорить, такъ одинъ, дѣйствительно, уходилъ по ночамъ, только это не кандальникъ, а просто воръ здѣшній, нижегородскій; у него неподалеку, на Печоркѣ, любовница жила. Да и съ дьякономъ случилась исторія по ошибкѣ: за купца приняли дьякона. Дѣло было зимой, ночь, вьюга, всѣ люди — въ шубахъ, разбери-ко второпяхъ-то, кто купецъ, кто дьяконъ?

Это мнѣ показалось смѣшнымъ, онъ тоже засмѣялся, говоря:

— Да, ей Богу! Чортъ ихъ разберетъ...

Тутъ дядя неожиданно и странно легко разсердился, оттолкнулъ тарелку съ закуской, брезгливо сморщилъ лицо и, закуривъ папиросу, пробормоталъ глухо:

— Воруютъ другъ у друга, потомъ другъ друга ловятъ, въ тюрьмы прячутъ, въ Сибирь, въ каторгу, ну, а я тутъ при чемъ? Наплевать мнѣ на всѣхъ... У меня — своя душа!

Предо мною всталъ мохнатый кочегаръ — онъ тоже часто говорилъ наплевать. И звали его Яковомъ.

— Ты о чемъ думаешь? — мягко спросилъ дядя.

— Жалко вамъ было арестантовъ?

— Ихъ легко пожалѣть, такіе есть ребята, до удивленія! Иногда смотришь и думаешь: а вѣдь я ему въ подметки не гожусь, хоть и начальникъ надъ нимъ! Умные, черти, ловкіе...

Вино и воспоминанія снова пріятно возбудили его; облокотясь о подоконникъ, помахивая желтой рукою съ окуркомъ между пальцевъ, онъ оживленно заговорилъ:

— Одинъ, кривой, граверъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ, за фальшивыя деньги судился и бѣжалъ, такъ послушалъ-бы ты, какъ онъ говорилъ! Огонь! Просто поетъ, какъ солистъ. Объясните, говоритъ, почему казна можетъ печатать деньги, а я — не могу? Объясните! Никто не можетъ объяснить ему это. Никто, и я тоже не могу. А я — начальникъ надъ нимъ! Другой — знаменитый московскій воръ, тихонькій такой, щеголь, чистюля — тотъ вѣжливо говорилъ: «люди, говоритъ, работаютъ до отупѣнія, а я этого не хочу. Я, говоритъ, это испыталъ: работаешь, работаешь, станешь съ устатку дуракомъ, на грошъ напьешься, семишникъ въ карты проиграешь, пятачекъ бабѣ за ласку, потомъ — снова голоденъ, бѣденъ. Нѣтъ, говоритъ, я въ эту игру не играю...»

Дядя Яковъ наклонился къ столу и продолжалъ, покраснѣвъ до макушки, возбужденный такъ, что даже его маленькіе уши вздрагивали.

— Они, братъ, не дураки, они правильно судятъ! Ну, ее къ чорту, всю эту канитель. Напримѣръ: какъ я жилъ? Вспомнить стыдно — все урывками, украдкой, горе — свое, а веселье — краденое! То отецъ кричитъ — не смѣй, то жена — не моги, то, бывало, самъ боишься цѣлковому голову свернуть. Вотъ и прозѣвалъ жизнь, а на старости лѣтъ сыну своему лакеемъ служу. Что скрывать? Служу, братъ, смирненько, а онъ на меня покрикиваетъ бариномъ эдакимъ. Говоритъ — отецъ, а я слышу — лакей! Что-же я, для этого родился, для этого мотался, чтобы сыну служить? Да хоть бы и не было этого, — зачѣмъ жилъ, много-ли удовольствія получено мною?

Я слушалъ его невнимательно. Неохотно и не надѣясь на отвѣтъ, все-таки сказалъ:

— Я вотъ тоже не знаю, какъ мнѣ жить...

Онъ усмѣхнулся.

— Ну... Кто это знаетъ? Не видалъ я такихъ, чтобы знали! Такъ, живутъ люди, кто къ чему привыкъ...

И снова заговорилъ обиженно и сердито:

— Былъ у меня, за насиліе, одинъ человѣкъ изъ Орла, дворянинъ, отличнѣйшій плясунъ, такъ онъ, бывало, всѣхъ смѣшилъ, пѣлъ про Ваньку:

— Ходитъ Ванька по погосту —
Это — очень просто!
Ахъ, ты, Ванька, высунь нось-то
Подальше погоста!.. —

— Такъ я думаю, что это вовсе не смѣшно, а правда! Какъ ни вертись, дальше погоста не заглянешь. А тогда — мнѣ все равно: арестантомъ жить, или смотрителемъ надъ арестантами...

Онъ усталъ говорить, выпилъ водку и заглянулъ по-птичьи, однимъ глазомъ, въ пустой графинъ, молча закурилъ еще папиросу, пуская дымъ въ усы.

— Какъ ни бейся, на что ни надѣйся, а гроба да погоста никому не миновать-стать, — нерѣдко говаривалъ каменщикъ Петръ, совершенно непохожій на дядю Якова. Сколько уже зналъ я такихъ и подобныхъ поговорокъ!

Больше ничего не хотѣлось спрашивать дядю. Грустно было съ нимъ и жалко было его; все вспоминались бойкія пѣсни и этотъ звонъ гитары, сочившійся радостью сквозь мягкую грусть. Не забылъ я и веселаго Цыгана, не забылъ, и, глядя на измятую фигуру дяди Якова, думалъ невольно.

«Помнитъ ли онъ, какъ задавили Цыгана крестомъ?»

Не хотѣлось спросить объ этомъ.

Я смотрѣлъ въ оврагъ, до краевъ налитый сыроватой августовской тьмою. Изъ оврага поднимался запахъ яблокъ и дынь. По узкому въѣзду въ городъ вспыхивали фонари, все было насквозь знакомо. Вотъ сейчасъ загудитъ пароходъ на Рыбинскъ и другой — въ Пермь...

— Однако, надо идти, — сказалъ дядя.

У двери трактира, встряхивая мою руку, онъ шутливо посовѣтовалъ:

— Ты не хандри; ты, какъ будто, хандришь, а? Плюнь! Ты молоденькій еще. Главное, помни: «судьба — веселью не помѣха»! Ну, прощай, мнѣ — къ Успенью!

Веселый дядя ушелъ, оставивъ меня еще болѣе запутаннымъ его рѣчами.

Я поднялся въ городъ, вышелъ въ поле. Было полнолуніе, по небу плыли тяжелыя облака, стирая съ земли черными тѣнями мою тѣнь. Обойдя городъ полемъ, я пришелъ къ Волгѣ, на Откосъ, легъ тамъ на пыльную траву и долго смотрѣлъ за рѣку, въ луга, на эту неподвижную землю. Черезъ Волгу медленно тащились тѣни облаковъ; переваливъ въ луга, они становятся свѣтлѣе, точно омылись водою рѣки. Все вокругъ полуспитъ, все такъ приглушено, все движется какъ-то неохотно, по тяжкой необходимости, а не по пламенной любви къ движенію, къ жизни.

И такъ хочется дать хорошій пинокъ всей землѣ и себѣ самому, чтобы все — и самъ я — завертѣлось радостнымъ вихремъ, праздничной пляской людей, влюбленныхъ другъ въ друга, въ эту жизнь, начатую ради другой жизни — красивой, бодрой, честной...

Думалось:

«Надобно что-нибудь дѣлать съ собой, а то пропаду»...

Хмурыми осенними днями, когда не только не видишь, но и не чувствуешь солнца, забываешь о немъ, — осенними днями не однажды случалось плутать въ лѣсу. Собьешься съ дороги, потеряешь всѣ тропы, наконецъ, уставъ искать ихъ, стиснешь зубы и пойдешь прямо чащей, по гнилому валежнику, по зыбкимъ кочкамъ болота — въ концѣ концовъ, всегда выйдешь на дорогу!

Такъ я и рѣшилъ.

Осенью этого года я уѣхалъ въ Казань, тайно надѣясь, что, можетъ быть, пристроюсь тамъ учиться.

М. Горькій.

Конецъ.

НА ЧАСОВЕННОЙ УЛИЦѢ.

I.

Внизъ по Часовенной, отъ базарной площади къ берегу Волги, шелъ молодой человѣкъ, торгующій въ разносъ копеечными книжками.

Онъ сразу обращалъ на себя вниманіе.

Его глаза, сильные и въ то же время спокойные, ко всѣмъ внимательные, отъ каждаго чего-то ожидающіе, казалось, даже напряженно слушающіе, выдавали въ немъ человѣка необыкновеннаго, одухотвореннаго, думающаго. Такихъ не часто встрѣчаешь въ жизни. И, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ похожъ на простого торговца. Только одежда ничѣмъ не отличала его отъ людей этой профессіи. На немъ все было чужое, случайное, какая-то смѣсь, видимо, пріобрѣтенная на толкучкѣ. Платье измятое, въ пятнахъ, обувь стоптанная, порыжѣлая, картузъ мужицкій, безобразный. Этотъ убійственный картузъ, неимовѣрно большой, съ плоскимъ и тугимъ, какъ кожа барабана, верхомъ, особенно не шелъ къ правильнымъ чертамъ его интеллигентнаго лица, узкаго, блѣднаго, съ едва пробивающимися нѣжно-курчавыми бачками, какія бываютъ у студентовъ.

У его живота висѣлъ на веревкѣ, какъ полка у комнатной стѣны, самодѣльковый дощатый лотокъ съ книжнымъ товаромъ, разложеннымъ въ порядкѣ. Книжки такъ и пламенѣли цвѣтными обложками: красными, синими, оранжевыми... По яркости красокъ съ этими книжками могли сравниться только пасхальныя яйца.

Поровнявшись съ постоялымъ дворомъ крестьянской вдовы Буровой, мѣстомъ, почему-то самымъ люднымъ на всей Часовенной, книгоноша остановился. За базарной площадью садилось солнце. Вдоль забора и стѣны дома Буровой, на голой землѣ, непрерывной цѣпью сидѣли

ночлежники и молчаливо пили водку, а на площади, противъ дома, среди дороги, стояли большими и малыми группами заѣзжіе деревенскіе мужики и по вечеренему-сдержанно гуторили. Книгоноша избралъ среди нихъ самое центральное мѣсто, постоялъ, посмотрѣлъ, послушалъ, потомъ взялъ съ лотка одну брошюрку, маленько-зелененькую, отвелъ ее въ протянутой рукѣ въ сторону и вверхъ, такъ, чтобы она была видна всѣмъ, и слишкомъ задушевнымъ для торговца голосомъ, съ ноткой усталости, странной для его лѣтъ, прокричалъ, съ паузами, нараспѣвъ:

— Интересная книжка. «Бесѣда о томъ, какая отрава въ водкѣ, винѣ, пивѣ!..» Сочиненіе Рахманова!.. Изданіе «Посредника»!.. Цѣна четыре копейки!..

Онъ нѣсколько мгновеній держалъ зелененькую книжку выше головы, потряхивалъ ею въ воздухѣ, какъ колокольчикомъ, сзывающимъ народъ, глядѣлъ вокругъ на всѣхъ и дружелюбно каждому улыбался, загадочный и нелѣпый, благодаря широкому картузу.

Но ни ночлежники у забора, ни мужики на дорогѣ не обратили на его слова никакого вниманія. Первые съ прежней невозмутимостью ужинали, вторые бесѣдовали.

Онъ повторилъ свой возгласъ болѣе громко, и голосъ его прозвучалъ еще болѣе утомленно. Къ нему съ заинтересованнымъ видомъ направился случайный прохожій, подымавшійся ровнымъ, дѣловымъ шагомъ отъ пристаней къ базару. По самостоятельности осанки, по манерамъ, по строгости костюма, это былъ подрядчикъ, человѣкъ ниже средняго роста, съ большимъ животомъ, съ маленькой головой, съ сѣдѣющей бородкой, одѣтый въ позеленѣвшую поддевку, картузъ на уши, лакированные сапоги. Надвинутый на лобъ козырекъ совершенно скрывалъ въ лункѣ тѣни его глаза.

Онъ подходилъ къ книгоношѣ осторожно, точно старый пѣтухъ къ подозрительному зерну.

— Это про что тутъ писано? — кивнулъ онъ бородкой на зеленую брошюрку, остановившись на почтительномъ отъ нея разстояніи и на всякій случай спрятавъ за спину руки.

— Про то, чтобы водку не пить, — съ мягкой улыбкой отвѣтилъ ему книгоноша, почуявъ пышущій изъ его рта водочный запахъ.

Подрядчикъ не смутился, приподнялъ выше голову, отчего вдругъ освѣтились подъ козырькомъ его недобрые, насмѣшливые глаза.

— А про то книжки нѣтъ, чтобы хлѣба не ѣсть? — громко спросилъ онъ, попрежнему опустилъ голову, посмотрѣлъ затѣненными глазами влѣво и вправо на народъ, быстро повернулся къ книгоношѣ спиной и, походкой, еще болѣе твердой, чѣмъ раньше, зашагалъ своей дорогой, вверхъ по Часовенной, по направленію къ базару.

Отъ избытка сознанія своей правоты, онъ, когда шелъ, дергалъ, въ тактъ шагамъ, то лѣвымъ плечомъ, то правымъ, а картузикъ его при этомъ всякій разъ вздрагивалъ и порывался соскочить съ головы вверхъ, какъ неплотная крышка съ жестяной коробки.

Народъ засмѣялся ему вслѣдъ протяжнымъ, одобрительнымъ гуломъ.

— У-у!..—прогудѣло подъ заборомъ и на дорогѣ.

— Это правда, — заговорилъ топтавшійся весь вечеръ на дорогѣ молодой оборванецъ, въ солдатской фуражкѣ безъ козырька, съ пылающимъ въ сѣрой толпѣ ярко-рябиновымъ околышемъ, съ чахоточно-свинцовымъ лицомъ и длинной куриной шеей, туго повязанной нечистымъ платкомъ, концы котораго, на подобіе банта, болтались подъ подбородкомъ. — Не пить, — продолжалъ онъ разсуждать вслухъ, поблескивая большими ввалившимися глазами, — да не ѣсть, да съ дѣвками не гулять, куда же тогда деньги дѣвать и зачѣмъ работать?

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ забора и дороги опять раздалось мычаніе, означавшее довольный смѣхъ:

— Ыы... Ии...

— «Вино—ядъ!» —четко и многозначительно, тономъ жути и предостереженія, возгласилъ въ это время на дорогѣ книгоноша и быстро зазвонилъ надъ своей головой въ широкополомъ картузѣ уже другой брошюрой въ привлекательно-свѣжей, желтой, какъ шафранъ, видной отовсюду обложкѣ.

— А зачѣмъ же его продаютъ, если оно ядъ? —съ обычнымъ своимъ лѣнивымъ глубокомысліемъ спросилъ тотъ же чахоточный, стоя среди дороги на длинныхъ разставленныхъ ногахъ, съ засунутыми въ карманы брюкъ руками, босой.

— А ты хочешь, чтобы ее даромъ давали? —охрипшимъ выкрикомъ, едва слышнымъ изъ-за дальности разстоянія, сострилъ кто-то, видимо, сильно захмѣлѣвшій, изъподъ забора, съ земли.

— Гаа!.. — крикомъ удовольствія встрѣтили его шутку другіе.—Гаа!..

— «Какъ дѣйствуетъ вино на организмъ человѣка!» — во всеуслышанье объявлялъ продавецъ названіе слѣдующей брошюрки и показывалъ ее народу то одной стороной, то другой, новенькую, чистенькую, блѣдно-розовенькую, еще болѣе пріятную для глаза, чѣмъ двѣ предыдущія.

Нѣсколько бородатыхъ мужиковъ задрали на нее головы и глядѣли на ея гладкую розовую краску съ такимъ умиленіемъ, съ какимъ смотрятъ на замѣчательную картину.

— Мы сами знаемъ, какъ оно дѣйствуетъ: выпьешь и весело! — тотчасъ же вывелъ изъ состоянія умиленія мужиковъ, разсмѣшилъ ихъ и самъ расхохотался чахоточный философъ.

На этотъ разъ его слова имѣли особенный успѣхъ. Люди кричали отъ восторга и, улыбаясь, какъ улыбаются передъ началомъ представленія, окружали его и книгоношу одной сплошной толпой. И чѣмъ шире росла эта толпа, тѣмъ сильнѣе манила она къ себѣ съ обоихъ концовъ Часовенной новыхъ любопытныхъ. Вскорѣ по всей Часовенной показались черныя точки бѣгущихъ къ дому Буровой людей. Одни бѣжали вверхъ по Часовенной, отъ пристаней, другіе внизъ, съ базара.

II.

— Это куда народъ бѣжитъ? — цокая по камнямъ подковами и поспѣшая къ чернѣющей у дома Буровой толпѣ, спросилъ на-бѣгу мужикъ у бабы, мчавшейся съ нимъ рядомъ.

— А я знаю? — вопросомъ отвѣтила баба.

— Чего же ты бѣжишь, если не знаешь? — засмѣялся мужикъ, продолжая бѣжать наравнѣ съ ней.

— Куда народъ, туда и я, — объяснила баба.

И они понеслись серединой дороги дальше, онъ, весь разметавшійся, словно подхваченный ураганомъ, она красная, вспухшая, съ платкомъ, упавшимъ съ головы на плечи.

— Глупый народъ, — съ сожалѣніемъ говорили о нихъ стоявшіе въ калиткахъ люди, но, немного подумавъ, сами бросались за ними.

Одинъ солдатъ, съ небесно-синимъ околышемъ фуражки, прибѣжавшій къ толпѣ изъ всей своей партіи первымъ, даже не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло и ради чего собрался народъ, поспѣшно обернулъ ликующее лицо назадъ, къ отставшимъ товарищамъ, наморщился отъ довольнаго смѣха, накурносился и заоралъ во все горло, съ повизгиваніемъ, какъ жеребенокъ:

— Антиресно!

Его товарищи, въ отвѣтъ ему, дружно заржали издали, сильнѣе рванулись впередъ, со всего разбѣга толкнулись въ одно мѣсто толпы, другое, третье, потомъ, отчаявшись пробить ея глухую толщу, стали на цыпочки, вытянули впередъ шеи, вытаращили глаза и, глядя ими вглубь толпы и ничего не видя, запыхавшіеся, счастливые, заранѣе хохочущіе, спрашивали, каждый со своего мѣста:

— Игдѣ? Игдѣ?

Мимо проходилъ купецъ-маклакъ, въ чрезмѣрно длинномъ просторномъ сюртукѣ, худой, быстрый, съ головой, руками и ногами, танцующими, какъ у картоннаго плясуна. Онъ бросилъ на всѣхъ бѣглый взглядъ мелкаго хищника, остановился, насторожился, не продаютъ ли что-нибудь подходящее, запустилъ свою рыжую бороденку, похожую на хвостъ, въ толпу, постоялъ, повертѣлъ головой, какъ слушающая птица, и, когда увидалъ въ центрѣ толпы продавца трезвеннических книгъ, зазвенѣлъ смѣлымъ торгашескимъ голоскомъ:

— Что-жъ, дѣльце новое! Товарецъ сезонный! Долженъ пойтить! Потому теперича, я самъ въ газетахъ читалъ, мужики по которымъ деревнямъ уже приговорами закрываютъ казенки! Эй, купецъ! — закричалъ онъ, обращаясь къ книгоношѣ, то улавливая, то опять теряя его лицо за головами толпы. — Ты бы съ товарцемъ съ энтимъ двинулся на сѣверъ, къ Архангельску! И галантереи бы подобралъ! Тамъ, по обѣимъ сторонамъ Сѣверной Двины, все заводы и заводы! И народъ тамъ денежный! Тамъ можно копейку сшибить! А здѣсь чего! Народъ бѣдный, фабриковъ никакихъ нѣту!

И съ веселымъ видомъ человѣка, безкорыстно давшаго

людямъ благой совѣтъ, онъ отдѣлился отъ толпы и продолжалъ свой путь, болтая головой, руками, ногами, фалдами сюртука.

— Продаешь? — мимоходомъ царапнулъ онъ вопросомъ одного мастероваго, на плечахъ котораго было наброшено въ накидку новое пальто. — Мѣняешь? — указалъ онъ пальцемъ на новые сапоги на ногахъ солдата.

— А про Серафима Саровскаго книжка есть? — нарочно улучивъ моментъ, съ насмѣшкой выкрикнулъ кто-то изъ толпы, прыснулъ носомъ и, какъ школьникъ, спрятался за спины другихъ.

— Это правда, что про Серафима Саровскаго! — басовито прогудѣлъ вдали, подъ заборомъ, голосъ сильно захмѣлѣвшаго человѣка, потомъ послышался его простуженный кашель, потомъ брань, проклятія, жалобы на судьбу.

— А-а, — услыхавъ, что говорятъ про Серафима Саровскаго, протянулъ новый прохожій, невидный за толстой людской стѣной. — Значитъ, у васъ книжки только про божественное? Что? И вольныя есть?

— Про божественное должны даромъ давать, — низкимъ наставительнымъ голосомъ произнесъ полный, нездоровый старикъ, съ заплывшей, негнущейся шеей и съ мертвымъ взглядомъ остановившихся глазъ, купецъ, проживающій на покоѣ.

Онъ шелъ, вѣроятно, изъ Заволжскаго монастыря, поднимался отъ берега вверхъ по Часовенной и бережно несъ кумачовый платокъ съ просфорой.

— Это у васъ въ рукахъ какая? — звенѣлъ изъ толпы голосъ покупателя. — Чего? Я объ цѣнѣ васъ не спрашиваю! А она все-таки понятливая книжка? Сколько страницъ? Отчего такъ мало? Потолстѣе нѣту? Поищите на самомъ низу! А эту я однимъ махомъ, безъ одной остановки! Когда я жилъ въ Симбирскимъ у одного барина, у него въ кабинетѣ цѣльный буфетъ такихъ книгъ былъ! Вотъ были книги! Одни переплеты по двадцать пять рублей стоили! И если дать такой книгой какому человѣку по головѣ, честное слово, убить можно! А это что? Двадцать страничекъ? Дунуть на нее и она полетитъ! Ну, а хотя про любовь въ ней есть? Почему нѣту? А разговоровъ много? Мнѣ чтобы про любовь и побольше разговоровъ! А то страсть не люблю, когда пойдутъ и пойдутъ описы-

вать: «рѣчка шубуршала въ камышахъ», «вѣтеръ воилъ въ трубѣ»... Лишь бы брать деньги!

Здоровые деревенскіе парни, лѣтъ по-девятнадцати, прифранченные и выпившіе, въ картузахъ, сапогахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, человѣкъ восемь, повидимому, всѣ изъ одной деревни, обнявшись за широкія плоскія таліи, шли въ рядъ по Часовенной серединой дороги, взбивали ногами облака пыли, покачивались и угрожающими голосами, всѣ въ унисонъ, горланили пѣсню. Вотъ они поровнялись съ толпой, завидѣли въ ней книгоношу, остановились, грубо заговорили между собой, закричали сразу всѣ, заспорили, забранились, потомъ, наконецъ, пришли къ какому-то соглашенію, сплюнули и утихли.

— Купецъ! — нахально расталкивая сильной рукой толпу, протискивался къ книгоношѣ одинъ изъ нихъ, по порученію остальныхъ, дожидавшихъ его въ сторонѣ. — Слышишь, али оглохъ? У тебя романъ «Паслѣдняй пацалуй» есть? Нѣту? Почему нѣту? Нѣ-ѣту! — протяжно закричалъ онъ назадъ, своимъ, оборачивая къ нимъ изъ толпы свое лицо, дерзкое, широкое, цвѣтущее, въ капелькахъ пота, съ кокетливымъ клокомъ волосъ на крѣпкомъ, какъ крѣпость, лбу. — А «Первая ночь новобрачныхъ» есть? Нѣту? Почему нѣту? Нѣ-ѣту! — опять давалъ онъ отчетъ назадъ, своимъ компаньонамъ, оборачиваясь къ нимъ. — А «Въ омутѣ темнаго царства или море крови, разврата и слезъ» есть? Нѣту? Почему нѣту? Такія книжки и нѣту! А эти я всѣ читалъ! Нѣ-ѣту!

Ни на кого не глядя, съ жесткой полуулыбкой, застывшей на молодомъ лицѣ, съ завиткомъ волосъ на влажномъ лбу, въ картузѣ на одно ухо, онъ протискался сквозь толпу обратно и грубо дергающимъ басомъ сказалъ товарищамъ:

— Нѣту! Айдате дальше!

— Можетъ, гдѣ въ другомъ мѣстѣ купимъ! — въ тонъ его глухому голосу, точно копируя его, проговорилъ одинъ изъ ожидавшихъ его.

Но, не сдѣлавъ и десяти шаговъ, они опять остановились, стали въ кругъ, подняли споръ, жестикулировали другъ передъ другомъ кулаками, потомъ угомонились и еще разъ послали прежняго парня къ книгоношѣ.

— Шалаются, шалаются безъ толку! — съ досадой отзывались о немъ мужики, когда онъ снова продирался

сквозь толпу, какъ сквозь лѣсную гущеру, не щадя ни листвы, ни вѣтвей.

— Ну, а про секретныя болѣзни что-нибудь есть? — вполголоса спросилъ парень у книгоноши и громче продолжалъ съ недовольствомъ:—Нѣту? Почему нѣту? Нѣ-ѣту!— заоралъ онъ, такъ, что нѣсколько мужиковъ съ оглушенными лицами покачнулись отъ него въ стороны.

И съ явнымъ намѣреніемъ причинить непріятность, какъ продавцу книгъ, такъ и публикѣ, парни, отходя отъ толпы прочь, вдругъ, совсѣмъ неожиданно, вѣроятно, по знаку предводителя, рѣзко ударили прямо въ уши всѣмъ пѣсню.

— «Пус-ка-ай мо-ги-и-ла меня-а на-ка-а-жетъ за то, что я ее лю-уб-лю»... — какъ и раньше, всѣ въ унисонъ.

И ихъ лица, и походка, и манера намѣренно взбивать ногами пыль, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали ихъ голосамъ.

— Разбойники, и больше нѣтъ ничего, — коротко аттестовали ихъ въ толпѣ старики.

Въ то же время дѣтишки, дѣвочки и мальчики, въ одиночку, парами, тройками и цѣлыми рядами, держась за руки, маленькіе, никому невидные, какими-то путями пробирались среди множества ногъ толпы къ книгоношѣ, подходили къ лотку, какъ къ причастію, становились на цыпочки, дѣлали праведныя лица, совали впередъ мѣдныя копейки и, испачканные, прекрасные, взволнованными голосами, нѣжно, какъ передъ Богомъ, просили:

— Дяденька! Дай и намъ книжечку за копейку. Сказочку.

— Сказочекъ, дѣточки, у меня нѣтъ, — растроганно говорилъ дѣтямъ книгоноша и гладилъ рукой по ихъ теплымъ довѣрчивымъ головкамъ. — У меня книжки только противъ пьянства. И никакихъ другихъ нѣтъ. Поняли?

— Поняли! — хоромъ отвѣчали дѣти.—Противъ пьянства, — съ недоумѣніемъ повторяли они, поворачивая обратно. У него книжки только для пьянства! — тотчасъ же торопливо возвращали они обратно другихъ дѣтей, съ копейками въ рукахъ шедшихъ имъ навстрѣчу.

— «А я мо-ги-и-лы и не-э стра-шу-у-ся»... — ревѣли грубые голоса парней уже вдали. — «Кого люб-лю-у и съ то-ой пом-ру»...

III.

— «Какъ бросить пить вино!»—съ особеннымъ выраженіемъ провозгласилъ книгоноша и выше обыкновеннаго поднялъ голубенькую брошюру. — Цѣна двѣ копейки!

— Значитъ, какъ прочтешь эту книжку, такъ и бросишь пить? — разсмѣялся въ разсчетѣ на смѣхъ толпы чахоточный оборванецъ, ярко пламенѣя среди сплошного моря черныхъ картузовъ своимъ рябиновымъ околышемъ.

Но охотниковъ смѣяться на этотъ разъ нашлось не много. Видно было, что всѣхъ слишкомъ соблазняло названіе книжки. На площади на мгновеніе наступило странное затишье, потомъ началось всеобщее движеніе, похожее на топтанье въ церкви, и люди плотнѣе зажали въ свою массу продавца книгъ. Каждый щурился издали на чудодѣйственную книжку въ незабудково-голубенькой обложкѣ, на всякій случай нащупывалъ въ карманѣ деньги и ждалъ, какъ отнесутся другіе, будутъ покупать или нѣтъ? Нѣсколько человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ пробовали улыбаться, но улыбки ихъ выходили кривыя, невеселыя.

Голубенькая книжка, небрежно брошенная книгоношей, лежала на лоткѣ, сверху другихъ книгъ.

Вотъ къ ней, какъ къ электрическому проводу, который можетъ убить, несмѣло потянулась первая мужицкая рука, съ квадратной кистью, въ драномъ рукавѣ табачнаго цвѣта. Она, при напряженномъ вниманіи толпы, прежде всего попробовала книжку на вѣсъ; потомъ прощупью измѣрила въ нѣсколькихъ мѣстахъ ея плотность и толщину, какъ пробуютъ сукно; потомъ ея пальцы, обильно смоченные слюной, стали томительно провѣрять, всѣ ли въ книжкѣ страницы, нѣсколько разъ сбивались со счета, возвращались назадъ и загибали уголки уже отсчитанныхъ страницъ. Послѣ всего этого, квадратная кисть смущенно сжалась, осторожно положила книжку на лотокъ и вмѣстѣ съ иззубреннымъ рукавомъ втянулась обратно въ то мѣсто толпы, откуда нѣсколько мгновеній тому назадъ высунулась. Въ то же время тамъ послышались сперва тяжелый вздохъ ея обладателя, потомъ его неровные, удаляющіеся шаги, ищущіе изъ толпы выхода. Казалось, человѣку вдругъ стало нехорошо.

Книжку начали мять другія руки. На ея голубенькой обложкѣ во множествѣ отпечатывались въ разныхъ поло-

женіяхъ темно-бурыя пятна, продолговато-овальныя, какъ яйца.

Вотъ она попала въ руки дряхлаго дѣда, съ зелеными отъ нюхательнаго табаку усами, одѣтаго въ юношескую соломенную шляпу и въ рубище, сидѣвшія на немъ, какъ на огородномъ пугалѣ. Онъ помялъ брошюрку, поглядѣлъ на нее такими сконфуженными глазами, какъ будто внутри нея заключался сложный, недоступный для его ума механизмъ, и положилъ обратно.

— Мнѣ не для себя, — задумчиво помоталъ онъ головой, стоя у самаго лотка. — Мнѣ бы въ деревню ее послать. Сыновья больно пьютъ у меня. Имъ бы. Только вотъ все стою и думаю: помогетъ али нѣтъ? А самъ-то я неграмотный. Скажи, почтенный, тамъ, въ этой книжкѣ, у тебя какъ: заговоры, али списки на травы даденъ?

Книгоноша устало разсмѣялся и, воспользовавшись случаемъ, передалъ содержаніе голубенькой книжки. Онъ обращался къ дѣду, но такъ, чтобы слышали всѣ. Дѣдъ, должно быть, глуховатый, что слышалъ, что не слышалъ, не успѣвалъ вникать въ значеніе мелькающихъ передъ нимъ словъ, безпрестанно поддакивалъ и потряхивалъ въ знакъ согласія головой, все ниже гнулся къ клюкѣ, хитро косилъ маленькіе глаза по сторонамъ, выждалъ, наконецъ, когда чье-то плечо заслонило его отъ книгоноши, и легко и быстро, не хуже молодого, юркнулъ въ самую гущу толпы, на мгновеніе затерялся въ ней, потомъ съ другого конца выбрался изъ нея вонъ, на свободное пространство, остановился, пошатался на мѣстѣ, еле держась на ногахъ отъ пережитыхъ усилій, оперся обѣими руками на клюку, заулыбался, засіялъ, какъ человѣкъ, чудомъ только что спасшійся отъ смертельной опасности, потомъ широко раскрытымъ ртомъ сталъ жадно вбирать въ себя прекрасный, свѣжій, вечерній воздухъ.

— Много-ль хочешь за ее? —спросилъ нестарый и немолодой мужикъ, мрачно и тяжелой рукой въ веснушкахъ взялъ съ лотка голубенькую книжку.

Онъ мялъ ее въ рукѣ, какъ бумажную рублевку, словно опредѣляя, фальшивая или нѣтъ.

— Я вѣдь уже говорилъ, что двѣ копейки, — мягко улыбнулся ему продавецъ.

— Гдѣ тутъ прописано, что двѣ копейки? — угрюмо спросилъ мужикъ и съ тяжелымъ носовымъ сопѣніемъ перевернулъ книжку другой стороной вверхъ.

— Вотъ здѣсь, — показалъ ему пальцемъ продавецъ. — Глядите: цифра два.

Пока книгоноша держалъ цифру пальцемъ, мужикъ, дѣйствительно, ее видѣлъ, но стоило тому убрать палецъ, какъ у мужика все расплылось передъ глазами, и цифра, казалось, исчезла. И потомъ онъ уже никакъ не могъ увидѣть ее.

— Это за ее двѣ копейки?—удивился онъ вдругъ, послѣ долгаго молчанія. — Тутъ бумаги и на копейку не будетъ.

Онъ въ послѣдній разъ крѣпко зажалъ ея обрѣзъ въ двухъ нечеловѣчески-громадныхъ веснущатыхъ пальцахъ въ рыжихъ волосахъ, чтобы показать народу, сколько въ ней бумаги, потомъ пренебрежительно бросилъ ее, какъ перышко, на лотокъ и бокомъ, опустивъ толстую шею, какъ быкъ, пошелъ изъ толпы вонъ, поправляя картузъ, собирая со лба ладонью, точно ковшемъ, потъ и съ силой сбрасывая его на землю.

И до этого времени написанное на лицахъ толпы невѣдѣніе теперь вдругъ смѣнилось ясной увѣренностью: дорого! Томленіе прошло; было видно, какъ многіе даже повеселѣли; люди стали высказываться и громче и свободнѣе.

— Мой мужикъ не одну сотню переплатилъ докторамъ и еще больше попамъ, — заговорила толстая трактирщица, съ лоснящимися грудями и животомъ. — И ничего не помогло, ни рецепты, ни молитвы, даромъ платила. Не могъ избавиться! Пьетъ и пьетъ, окаянный!» Говоришь, сколько стоитъ она? Двѣ копейки? За одну? Двѣ копейки за одну книжку? Чего больно дорого? Я вѣдь знаю, сколько она тебѣ самому стоитъ, если продаешь за двѣ копейки. Чего въ нихъ есть на двѣ копейки? Прочесть, да выбросить. Держать не стану. У другихъ есть книжки съ картинками, съ глянцемъ, и то дешевле отпускаютъ. Если бы за копейку отдалъ, взяла бы одну. Можетъ быть, своему мужику что-нибудь вычитала бы. Отдавай за копейку! Для почина! Ну, отдавай, отдавай, чего тамъ! Не хочешь? Какъ

хочешь. А только если бы по копейкѣ пустилъ, скорѣй бы распродалъ. Мы сами люди торговые и знаемъ.

Кто-то сзади грубо рванулъ трактирщицу къ себѣ за плечо, вырвалъ у нея изъ рукъ книжку, сплюнулъ, выбранился, бросилъ на лотокъ двѣ копейки и негодующимъ тономъ сказалъ, весь трясясь отъ волненія:

— Для брюха ничего не жалѣемъ, а для духа копейки жаль! Вотъ изъ-за чего нашъ братъ мастеровой пропадаетъ, изъ-за этого, изъ-за самаго!

Въ каскеткѣ, обратившейся въ блинъ, съ козыречкомъ, похожимъ на ноготь, худой, съ ввалившимися щеками, усатый, съ поднятыми на высоту ушей костлявыми плечами, кривоногій, съ ястребинымъ носомъ и круглыми живыми глазками, онъ смялъ книжку въ кулакѣ, точно носовой платокъ, нервно сунулъ ее въ карманъ брюкъ, еще разъ бросилъ брезгливый взглядъ на непокрытую голову трактирщицы, глубоко утопавшую въ жирныхъ плечахъ, и ушелъ.

Толпа пріутихла.

— Юнкирь! — похвалилъ мастерового кто-то въ толпѣ и прищелкнулъ языкомъ.

IV.

И не прошло минуты, какъ въ толпѣ началось странное, безшумное волненіе. Люди въ тяжеломъ раздумьѣ оборачивали лица туда, куда ушелъ смѣлый мастеровой. Было видно, — ихъ угнетала запоздалая мысль, все болѣе переходившая въ увѣренность, что голубенькая книжка была, дѣйствительно, хорошей, рѣдкой, и что другой такой, пожалуй, у продавца уже нѣтъ: можетъ быть, есть похожая на нее, но не она.

Мужикъ, съ бабьимъ выраженіемъ безволосаго лица и съ отвислыми, дряблыми щеками, — судя по замасленному фартуку и такому же картузу уличный пирожникъ, — накрылъ локтями весь лотокъ книгоноши, съ тѣмъ, чтобы другіе не купили раньше него, а самъ рылся въ глубокомъ кошелькѣ, отыскивая нужную мелочь.

— Малодчикъ, — ласково и тревожно обращался онъ къ книгоношѣ. — Дай-ка и мнѣ такую книжку, какая та была.

И онъ, съ больной улыбкой на скопческомъ лицѣ, указалъ большимъ пальцемъ назадъ, въ направленіи, куда скрылся мастеровой съ книжкой.

— Это такая самая? — нѣсколько разъ переспросилъ онъ, ушелъ, потомъ вернулся и съ недовольнымъ лицомъ сказалъ, показывая книгоношѣ книжку. — А пошто она желтая, какъ чортъ? Та была синяя. Крышка? Только крышка желтая, а середка въ ей, говоришь, такая самая, какъ въ той? Не знаю, парень, не знаю, все можетъ быть, только смотри, беру се на твою совѣсть. Если не обманешь, будемъ знакомы, и въ другой разъ больше возьму.

— Такую самую! — отталкивая его прочь, въ то же время кричали вокругъ книгоноши строгіе, почти сердитые мужицкіе голоса. — Давай такую самую! Это она самая?

И цѣлый лѣсъ мужицкихъ рукъ, бурыхъ, шершавыхъ, натруженныхъ, бездольныхъ на видъ, простодушныхъ, увѣровавшихъ, буравился сквозь тѣсноту впередъ, къ лотку. Книгоноша не успѣвалъ выдавать книги, получать деньги, отсчитывать сдачу.

— Тутъ всѣ страницы? — лѣзла крупная мужицкая рука съ книжкой къ самому носу продавца. — Вырватыхъ нѣту? Если вырватыя найду, назадъ принесу, и деньги потребую обратно!

— Почему моя начинается съ третьей страницы? — насѣдала на него другая рука съ другой стороны и тянула его за локоть. — Смѣни ее на другую? Чего? Всѣ такія? На обложку ушло двѣ страницы? На какую обложку? Тутъ чтенія мало, если съ третьей страницы! Смѣни, смѣни, а эту завтра утромъ на базарѣ бабамъ спустишь!

— Мой семишникъ получилъ? — дѣловито кричали на книгоношу раскрытые рты. — А мой получилъ?

— Кто книжку получилъ, не стой, отходи, — командовалъ кто-то злобно въ страшной тѣснотѣ и размахивалъ надъ головой руками, какъ утопающій.

Нѣкоторые уходили съ книжкой, потомъ возвращались.

— Почему она такая помнутая? — возмущались они. — Давай другую, вонъ-подъ низу, не помнутую, а какъ у другихъ! Чего? Самъ я помнулъ? Въ грязи вываляль?

Это не грязь, это земля, это отчищается, только послюнявить и она опять чистая! На, смѣни!

Одни продирались въ тѣсноту за книжками, другіе ими имъ навстрѣчу, уже съ книжками.

— Уфф... все-таки добился! —выбрасывались они изъ тѣсноты, довольные, и держали передъ собой въ обѣихъ рукахъ, точно глядясь въ зеркало, знаменитую покупку. — Надо было бы взять пару, али полдюжины. На водку больше тратимъ!

Теперь, всѣ они, улыбающіеся, счастливые, не знающіе, какъ свернуть и куда спрятать свою покупку, были похожи на мальчиковъ-школьниковъ, съ приклеенными наспѣхъ бородами, сдѣланными домашнимъ способомъ, Богъ знаетъ изъ чего: изъ сѣраго льна, рыжаго мочала, чернаго конскаго волоса, бѣлоснѣжной ваты.

— Теперь, значитъ, водку шабашъ пить? — спрашивалъ у каждаго изъ нихъ, вылетавшаго изъ толпы съ книжкой, какой-то захмѣлѣвшій ночлежникъ изъ-подъ забора и съ дѣланной истерикой заливался хохотомъ на всю площадь, низко спустивъ косматую голову и ерзая по землѣ руками:— Ха-ха-ха!

Одному небольшому человѣчку, въ форменной фуражкѣ неопредѣленнаго вѣдомства, прямому, какъ столбикъ, съ грустнымъ, поминутно вздыхающимъ лицомъ, книгоноша, угадавъ его тайное желаніе, далъ книжку даромъ.

Тотъ разсыпался въ благодарностяхъ.

— Ахъ! — подобострастно шепталъ онъ продавцу въ щеку, прижимая руку съ книжкой къ груди. — Я, можетъ, два часа стою возлѣ васъ ради этой книжки, а денегъ ни копейки нѣтъ, и теперь даже не знаю, чѣмъ васъ отблагодарить. Предложить вамъ что-нибудь изъ своей одежи, съ маленькой отъ васъ придачей, совѣсть не позволяетъ: одно званіе, что одежа, и бекасовъ въ ей очень много.

Онъ аккуратно сунулъ брошюру во внутренній карманъ зеленаго мундирчика, подобрался, повертѣлся, какъ будто у него чесалось все тѣло, и, приблизивъ губы къ уху продавца, прошепталъ:

— Только вы, позвольте васъ предупредить, больше никому даромъ не давайте! Вы не знаете, какой здѣсь народъ! Если узнаютъ, всѣ захотятъ даромъ, потребуютъ деньги обратно, сдѣлаютъ бунтъ!

И съ мелкими расшаркиваніями онъ задомъ-задомъ оттерся въ толпу.

Книжекъ съ соблазнительнымъ заглавіемъ не хватило на всѣхъ. Это вызвало ропотъ.

— Только думали купить, а ее уже нѣту, — недовольно ворчали мужики и не знали, что предпринять.

Книгоноша сталъ усиленно предлагать брошюры съ другими названіями.

— Не набивайся! — отказывались отъ нихъ мужики. — Не навяливай! Даромъ не возьму! А ту безусловно-бъ купилъ!

Появились охотники за повышенную плату перекупать ее у другихъ. Находились согласные продать свою. Начались сдѣлки. Послышались споры изъ-за копеекъ. И цѣна на книжку быстро росла.

Потомъ, недомолвками, намекали, подмигиваніями, про книжку стали распространять въ толпѣ легенды.

— Нѣтъ, ты знаешь, какая это книжка?.. — продавалъ брошюру взъерошенный оборванецъ степенному мужику. — Нѣтъ, ты скажи, ты знаешь, что въ ей есть, въ этой книжкѣ, въ середкѣ?.. Ты сознаешь, что ты берешь?.. Это, братъ, такая книжка, такая книжка... Тсс... тише говори, отойдемъ отсюда...

Оборванецъ обнималъ мужика за талію и отводилъ отъ толпы.

На лицѣ мужика была написана неловкость.

— Ладно, — сопротивлялся онъ, вырывался изъ объятій оборванца. — Будетъ языкомъ-то трепать зря. Не звони. Говори дѣломъ: гривенникъ, замѣсто семишника, дать?

Оборванецъ съ оскорбительнымъ видомъ отпускалъ талію мужика и уходилъ прочь отъ него.

— По гривеннику ее даже утромъ не продавали, когда ей было много и когда объ ей еще ничего не было извѣстно.

V.

Поропщавъ на книгопродавца, не понимающаго, по ихъ выраженію, своей пользы, люди, оставшіеся безъ книжки, въ послѣдній разъ съ досадой сплевывали въ землю и уходили.

Возлѣ книгоноши оставались почти исключительно счастливцы, успѣвшіе захватить на свою долю по брошюрѣ. Непонятная сила не позволяла имъ расходиться по домамъ, она толкала ихъ другъ къ другу, заставляла сближаться,

знакомиться, говорить, слушать, и они, казалось, безъ всякой въ томъ нужды, продолжали топтаться на небольшомъ пространствѣ земли, среди дороги, противъ постоялаго двора Буровой, точно всѣ приколдованные къ этому мѣсту.

Книгоноша, утомившійся стоять на ногахъ, усѣлся подъ заборомъ, въ длинномъ ряду ночлежниковъ, на своемъ складномъ стульчикѣ. Онъ сидѣлъ уныло, съ лоткомъ на колѣнахъ, точно ярмарочный слѣпецъ съ музыкальнымъ инструментомъ. Козырекъ угловатаго картуза съѣхалъ у него на ухо, но онъ не замѣчалъ этого и съ обычнымъ вниманіемъ глядѣлъ на народъ, слушалъ его и думалъ.

— Отъ скуки когда почитать, — говорилъ топтавшійся возлѣ него мужикъ, вытащилъ изъ кармана брюкъ голубенькую книжку, положилъ ее на ладонь, какъ карманные часы, поглядѣлъ на нее, неопредѣленно усмѣхнулся черезъ носъ и спряталъ обратно.

Пожилой, съ необычайно густой бородой, мѣшавшей ему ворочать шею, и съ большимъ животомъ, онъ былъ въ красной рубашкѣ, подпоясанной тонкимъ шнуркомъ, и въ тупоносыхъ лаптяхъ изъ свѣжаго желтаго лыка.

— Въ праздникъ время провесть, — поддержалъ его мысль второй мужикъ, одной рукой ткнулъ свою книжку въ карманъ пиджака, а другой въ другомъ карманѣ аппетитно загремѣлъ калеными сѣмечками.

На немъ была новая, прямо отъ иглы, ни разу не стиранная, еще глянцевитая фіолетовая рубашка, выпущенная изъ-подъ жилета до колѣнъ. Его длинные свѣтло-русаго цвѣта усы сливались въ одну прямую, твердую палку, которая лежала между носомъ и верхней губой, какъ перекладина на крестѣ.

— Поступковъ никакихъ по ей мы все равно дѣлать не будемъ,—разглядывалъ свою брошюру третій, стоялъ къ гоношѣ спиной и пускалъ изо рта вбокъ струйку табачнаго дыма. — Намъ, если только для развлеченія. Время убить.

Тутъ, вѣроятно, для того, чтобы глубже проникать въ смыслъ этихъ мужицкихъ рѣчей, книгоноша низко склонилъ надъ лоткомъ лицо, подперъ руками съ двухъ сторонъ голову, съ посунувшимся вверхъ картузомъ, и сощурилъ глаза. Теперь ему не видно было, кто именно говорилъ; зато отчетливѣе слышалъ, что говорили.

— Да-а, — продолжалъ слова третьяго мужика четвер-

тей. — Намъ занятіемъ никакихъ не приходится дѣлать по этой книжкѣ. Читать мы безусловно читаемъ, но во вниманіе не беремъ. Потому намъ это не идетъ. Мы народъ трудящій.

— Для поддержки своего брата книжку беремъ, деньги платимъ, — вслушивался книгоноша въ неторопливое разсужденіе слѣдующаго мужика, и его узкое лицо подъ широкими полями картуза страдальчески кривилось. — Тоже человѣкъ не легкій хлѣбъ ѣстъ: болѣе пуда книгъ на брюхѣ волочитъ, — продолжалъ тотъ же мужикъ. — У непривычнаго животъ заболитъ. Другой въ такихъ положеніяхъ милостыню пошелъ бы собирать: работать ничего не умѣетъ. А двѣ копейки свои мы подаемъ ему, какъ говорится, Христа-ради. Сострадая ближнему своему. А книжку намъ все равно выбросить. Читать не будемъ. Не занимаемся такими дѣлами.

— Не за книжку, а за образъ его деньги плачу! — возгласилъ сурово-воодушевленный голосъ въ другомъ мѣстѣ площади. — Образъ этого человѣка мнѣ нравится! — воскликнулъ онъ еще энергичнѣе.

— И больно обходительный онъ для насъ, для чернаго люда! — подхватилъ второй голосъ, заражаясь возбужденіемъ перваго.

— Доступный!.. Ласковый!.. Привѣтливый!.. — послѣдовательно прогремѣли затѣмъ, какъ выстрѣлы, три восклицанія, одно восторженнѣе другого, принадлежавшіе, какъ это было слышно по голосамъ, тремъ разнымъ мужикамъ.

— Народъ любитъ ласку и привѣтъ! — высокимъ взволнованнымъ теноркомъ прокричалъ имъ издалека четвертый.

— Истинно! Истинно такъ! — забасилъ густой голосъ, и книгоноша убѣдился, что исходилъ онъ изъ устъ человѣка подвыпившаго. — За личность его деньги плачу! А книжка эта на кой она мнѣ? Эй, студентъ, на-ко-ся твою книжку обратно! Мнѣ ее бросить, а тебѣ копейку нажить! И вотъ, прими еще пятиалтынный за твою простоту къ народу! За простоту твою, говорю, прими, что не гордишься! Эхъ, братъ-братъ! Кто посочувствуетъ объ насъ, объ черни? А ты пришелъ и посочувствовалъ! Не погнушался! Вотъ что надо понять! Вотъ что намъ дорого! Бери пятиалтынный мой, послѣдній онъ у меня, все равно зря пропью, бери, говорю, не сумнѣвайся, деньги у меня не краденыя, горбомъ моимъ нажитыя. Эхъ, дружокъ-дружокъ, прости Христа-ради, любимъ водочку пить!

Онъ тоненько разсмѣялся, потомъ какъ бы отмахнулся отъ игриваго тона и вдругъ закричалъ суровѣе прежняго:

— Эй, старики! Возвращайте сейчасъ студенту книжки обратно! Потому вижу, что человѣкъ онъ горькій! Книжки, говорю, возвращайте обратно! Чтобы всѣ! — кричалъ онъ, какъ на сельскомъ сходѣ, и книгоноша воображалъ его не иначе, какъ съ поднятой рукой.—Выкладывайте, выкладывайте книжки! Складывайте ихъ сюда! Живо-живо, не жмитесь и не расходитесь, двѣ копейки не деньги, я свой пятиалтынный приклалъ! Вотъ такъ, вотъ такъ... Одна, двѣ, три... Кто еще не сдавалъ свою? Надоть посочувствовать человѣку: онъ намъ, а мы ему, чтобы, значитъ, другъ за дружку держаться, по-братски! Надоть ему помощь какую ни то произвесть! Гляди, онъ за нихъ завтрашній день на базарѣ среди бабъ еще какую ни то копейку сшибетъ! Дайте человѣку какъ ни то покудова продержаться! За это виноватить нельзя! Это съ каждымъ всякимъ, даже съ богатымъ можетъ случиться! Сожалѣйте своему брату, сдавайте книжки! Онъ такой же русскій человѣкъ, какъ и вы!

Народъ удовлетворенно гудѣлъ, надвигался, все плотнѣе прижималъ книгоношу къ забору.

И, когда книгоноша вынужденъ былъ поднять лицо, возлѣ него было темно и душно: народъ заслонилъ отъ него и свѣтъ, и воздухъ. Книгоноша усталымъ жестомъ прежде всего попросилъ воздуху и простору, и народъ съ услужливымъ видомъ осадилъ назадъ. Между книгоношей и первымъ рядомъ толпы остался только мужикъ съ полными руками возвращенныхъ брошюръ. Брошюры выглядѣли уже невзрачно, утратили свои прежнія яркія краски, потемнѣли. У одной совсѣмъ потерялась обложка, у другой вылѣзла середина, третья очень распухла, четвертая, наоборотъ, состояла всего изъ двухъ листковъ. Мужикъ, старательно укладывавшій ихъ на лотокъ, былъ немного подвыпившій, хлопотливый, раскраснѣвшійся, небольшой въ пышныхъ каштановыхъ кудряхъ, въ теплой, насквозь изгрызанной шапченкѣ, въ длинномъ до земли буромъ зипунѣ нараспашку. На лицѣ его, въ особенности на губахъ, играло выраженіе безграничнаго удовольствія.

— Складай, — безъ всякой надобности въ томъ, подсказывали ему сзади мужики низкими, серьезными, глубоко довольными голосами.

Брошюры едва умѣстились на лоткѣ, а сверху нихъ бѣлѣлъ серебряный пятиалтынный.

VI

— Кто возвратилъ купленныя у меня книжки, получайте свои семишники обратно! — взывалъ книгоноша съ вытянутымъ впередъ лицомъ, сгорающимъ отъ стыда и незнанія, что дѣлать. — Семишники свои получите! — твердилъ онъ одно, какъ бы желая спрятать всего себя въ эту фразу. — Семишники!

И чѣмъ больше онъ просилъ объ этомъ толпу, тѣмъ рѣшительнѣе она отказывалась его слушать. Мужики отмахивались отъ его словъ руками, вскидывали бороды, прятали головы, дѣлали видъ, что уйдутъ, если онъ не перестанетъ говорить объ этомъ.

Случайно глаза книгоноши упали на пятиалтынный, онъ, какъ безумный, схватилъ монету и ткнулъ ее въ руку хозяину, подвыпившему мужику. Тотъ отстранилъ руку за спину, а потомъ вовсе исчезъ въ толпѣ. Народъ одобрительно захохоталъ. Монета осталась въ протянутой рукѣ книгоноши.

— Брать деньги даромъ я не могу! — увѣрялъ онъ, держа руку вытянутой, и предлагалъ монету одному, другому, третьему.

— Нѣтъ! Зачѣмъ? Вы не даромъ берете, вы по заслугамъ! — вскричалъ, вывернувшись изъ толпы, мастеровой, молодой, сухой, кокетливый, нарядный, съ манерами гармониста и плясуна. — Такіе люди, какъ вы, тоже нужны, чтобы, значитъ, все приводить къ одной статьѣ! А мы што? Мы ништо! Мы знаемъ только каждый объ себѣ, и больше нѣтъ ничего! Неужто вы думаете, мы не понимаемъ? Понимаемъ, очень хорошо понимаемъ! Иліодоръ не сумѣлъ, можетъ, вы сумѣете! Подавай вамъ Богъ!

Онъ поймалъ руку книгоноши, отъ всей души пожалъ ее, такъ, что у того скорчилось лицо отъ боли, и поплылъ въ толпу, точно подъ музыку, забирая впередъ то однимъ плечомъ, то другимъ.

Народъ ахнулъ отъ восторга, только взглянувъ на него. И онъ сдѣлался еще веселѣе и краше, поплылъ съ большей страстью.

- Говори, не таи,—обращаясь къ книгоношѣ, разслабленно кряхтѣлъ, выступивъ въ первый рядъ толпы, старецъ,

древній, маленькій, сгорбленный, обѣими руками и подбородкомъ навалившійся на суковатую палку, точно трехногій. — Говори, не таи, ты къ намъ изъ Ясной Полянки отъ Левы Толстого присланный? Нѣтъ? Не отъ Левы? Будетъ врать-то! Вижу, что отъ Левы. По обхожденію съ народомъ вижу. Пойдемъ-ка лучше въ трахтеръ, чайку попить съ лимончикомъ.

Продавецъ книгъ сказалъ, что онъ не изъ Ясной Поляны и что Левъ Толстой умеръ еще четыре года тому назадъ.

— Умеръ! — насупился старецъ и посмотрѣлъ на продавца враждебно. — Не ври! — озлился онъ. — Не ври! Намъ-то не ври! Лева живъ! Начальники похоронили другого!

Старецъ трясся, задыхался, нѣсколько мгновеній молчалъ.

— Но мы его сыщемъ! — заговорилъ онъ потомъ другимъ голосомъ, тихимъ, осипшимъ. — Сыщемъ страдателя нашего, сыщемъ!

Онъ приткнулъ лицо къ толпѣ, какъ къ стѣнѣ, заслезился, хныкнулъ, потеръ глаза двумя черными кулачками, не выпуская изъ нихъ палки, потомъ, покачиваясь, по стариковски, медленно удалился. Но черезъ минуту онъ показался въ первомъ ряду вновь, только уже въ другомъ мѣстѣ. Онъ долго и пристально глядѣлъ на книгопродавца, точно силясь признать въ немъ своего стараго знакомаго, затѣмъ досталъ изъ кармана ржавую жестянку съ нюхательнымъ табакомъ, приблизился задумчиво къ продавцу и тономъ прощенія предложилъ:

— Нюхай.

— Я не нюхаю, — отказался, улыбаясь подъ своимъ картузомъ, книгоноша.

— Вовсе? Никогда?

— Вовсе. Никогда.

— Ну, ничего, понюхай! Ради уваженія понюхай!

— Уважь, уважь старичка, это нельзя! — мягко закричали въ толпѣ.

Книгоноша смущенно пожалъ плечами, улыбнулся, покраснѣлъ, ущипнулъ изъ кругленькой жестянки немножко буро-зеленой табачной пыли, втянулъ ее въ носъ, чихнулъ въ лотокъ.

Народу это понравилось чрезвычайно. Народъ блаженно

засмѣялся. И кто-то кому-то съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ въ толпѣ:

— Видишь!

Старецъ забилъ обѣ ноздри табачкомъ, чихнулъ разъ, два, полуобернулся къ народу и, кивнувъ на продавца, строго проговорилъ:

— Такихъ людей даже мало и на свѣтѣ есть!

— Знамо, мало! — вздохнулъ въ первомъ ряду бородатый мужикъ и зачѣмъ-то обернулся назадъ.

— Ку-уды! — поддержали его другіе мужики, тоже зашевелясь на мѣстѣ.

И въ толпѣ немедленно пошли толки о томъ, какъ, въ сущности, рѣдки хорошіе люди и какой душевный человѣкъ книгоноша. А книгоноша, отчасти отъ смущенія, отчасти съ тѣмъ, чтобы опять глубже вникнуть въ мужицкія рѣчи, поставилъ локти на кипы возвращенныхъ книгъ, опустилъ голову, призакрылъ глаза.

— Отъ хорошаго человѣка всего можно набраться, — услыхалъ онъ, какъ разсуждалъ, казалось, самъ съ собой одинъ мужикъ, и ему представлялось, что этотъ мужикъ уже больше ничего не скажетъ. — Мы любимъ откровенность, — тѣмъ не менѣе, бросилъ еще одну короткую, ворчливую фразу тотъ же мужикъ, и опять книгоношѣ показалось, что эти его слова будутъ послѣдними. — Потому что мы сами безъ хитрости, — продолжалъ строго ворчать мужикъ и опять заключительнымъ тономъ. — Для хорошихъ и мы хорошіе! — какъ бы припомнилъ онъ послѣ паузы еще одну мысль. — А для жестокихъ мы сами жестокіе! — вдругъ загрозилъ онъ. — С!.. — тотчасъ же поднялъ онъ голосъ. — Такихъ мы сами шуганемъ!.. Въ одинъ моментъ!.. Безо всякаго!..

Не обращая никакого вниманія на другихъ, тоже говорившихъ, мужикъ изъяснялся безъ конца. Онъ ворчалъ и тогда, когда книгоноша нечаянно перебросилъ свое вниманіе на рѣчь другого, состоящую изъ такихъ же угрюмыхъ отрывочныхъ фразъ, недомолвокъ, хмыканій, мычаній.

— Желаемъ съ такими людями знакомство весть, — воспринималъ книгоноша сердитыя слова этого другого мужика. — Хорошее знакомство для насъ дороже денегъ... Мы лучше денегъ не будемъ имѣть, да будемъ имѣть хорошее знакомство...

— Правда! — перебилъ его третій, невесело разсмѣявшись и разсказалъ цѣлую исторію.

— Не дальше какъ третьяго дня я работалъ одному человѣку по ремонту печки, — невольно увязался своимъ слухомъ книгоноша, за разсказомъ печника. — Хорошо. Раньше мы съ этимъ человѣкомъ не были знакомы. Конечно, разговорились. Вижу, онъ хорошій человѣкъ. А онъ видитъ, я хорошій человѣкъ. Конечно, по этому случаю выпили. Для откровенности. Сперва онъ меня угостилъ, потомъ я его. Потомъ онъ опять меня, потомъ опять я его. И работа та стоила какихъ-нибудь три рубля, а пропили мы возлѣ нея, не схвастать, рублей пятнадцать. Вотъ, что значитъ хорошія знакомства! И денегъ не жаль!

Его слушатели, въ знакъ согласія, загудѣли, заголосили, кто громче, кто тише.

— Зачѣмъ же все-таки пить? — вдругъ поднялъ на печника страдальчески-искривленное лицо книгоноша. — Пить, пить зачѣмъ? — почти плача, прокричалъ онъ и пронзалъ печника глазами, полными раздраженія.

Печникъ, съ красной кирпичной пылью въ бородѣ и въ бровяхъ, въ страхѣ попятился отъ книгоноши, какъ отъ выходца съ того свѣта, весь сжался, глуповато улыбнулся назадъ народу и бокомъ-бокомъ пропихнулся въ толпу, словно отдавая себя подъ ея защиту.

— Мы ослабѣли! — вдругъ, какъ бы за него, во весь голосъ закричалъ кто-то изъ самыхъ заднихъ рядовъ толпы.

Взоры толпы перебросились туда.

— Да! Да! — не сразу и не стройно заголосила она, поднимая изъ тѣсноты бороды.

— Мы забитые! — такъ же рѣзко прозвучало въ ея рядахъ, но уже ближе.

— Да! Да! — дружнѣе подхватила она, и глаза ея заблестѣли.

— Мы темные!.. — жаловались и жаловались, повышались и повышались, надвигаясь на книгоношу, отдѣльные сильные мужицкіе голоса. — Намъ дыхать нечѣмъ!.. Намъ нѣту ни откуда поддержки!.. У насъ управителей нѣту хорошихъ!..

И толпа на каждую жалобу отвѣчала, съ дрожью обиды.

— Да-да! Д-да!

Потомъ никто ничего не отвѣчалъ, потому что всѣ стали жаловаться.

— Мы!.. Насъ!.. Нами!.. Намъ!..

А въ мозгу книгоноши болѣзненно отдавалось:

— Бухъ!.. Бухъ!.. Бухъ!..

Онъ сидѣлъ подъ заборомъ на низенькомъ складномъ стульчикѣ и молчалъ.

Потомъ онъ слыхалъ, какъ, покончивъ со своими жалобами, его вдругъ всѣ начали о чемъ-то просить; обѣщали за что-то высокую денежную плату; увѣряли, чтобы не сомнѣвался; божились; звали пить могарычъ.

Потомъ, должно быть, отъ утомленія, у книгоноши начало сводить челюсти и одновременно съ этимъ на его лицѣ появилась странная по своей неумѣстности улыбка, томная, какъ бы предвѣщающая ему глубокій и сладкій сонъ. Онъ зѣвнулъ, покорно положилъ лобъ на книги, и широкій картузъ прикрылъ всю его голову.

Вокругъ шумѣли, и ему это было пріятно, онъ смѣялся.

VII.

— Господа студенты... дозвольте спросить... кого вы это желаете изъ насъ образовать... а?

Съ этими словами, произнесенными заплетающимся языкомъ, на голову книгоноши изъ толпы повалился, не удержавъ равновѣсія, окончательно пьяный мужикъ. Онъ былъ необыкновеннаго роста, хорошо сложенъ, и на мѣстѣ картуза книгоноши, его самого и лотка съ книгами одно мгновеніе была видна только длинная, круглая, частью заголившаяся спина мужика.

Нѣсколько человѣкъ въ толпѣ захохотали, что было силы, и тискались впередъ смотрѣть.

Другіе со строгими лицами подошли къ пьяному, съ хозяйственнымъ спокойствіемъ всадили ему въ бока кулаки, точно шпоры, и въ моментъ поставили его на ноги.

Онъ послушно стоялъ на мѣстѣ всей своей громадой, шатался, какъ на ослабѣвшихъ шарнирахъ, и его козлиная голова съ высокимъ черепомъ и оранжевыми взъерошенными волосами, безъ картуза, безсильно падала то впередъ, то назадъ. Мутные глаза его блуждали, какъ у затравленнаго, брови хмурились, зубы скрипѣли, точно онъ видѣлъ себя окруженнымъ врагами. Изъ свѣжаго надрѣза

на кисти правой руки струилась кровь, она испятнала его фартукъ, одну щеку, ухо, конецъ бороды.

Освобожденный изъ-подъ него книгоноша сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и, съ глазами красными отъ обиды, поправлялъ изломавшійся на головѣ картузъ.

— Я вотъ желаю записаться къ студентамъ въ партію, — забормоталъ пьяный, зашатался и указательнымъ пальцемъ, какъ пистолетомъ, сдѣлалъ жестъ по направленію къ книгоношѣ. — Только я раньше долженъ у нихъ спросить, кого они добиваются [illegible] образовать? Кого? — многозначительно мотнулъ онъ вверхъ головой и чуть не обрушился назадъ.

— Людей, — не сразу и не громко отвѣтилъ ему книгоноша, грустно глядя на [illegible] поломаннаго козырька.

Пьяный взбѣсился. Отъ оскорбленія онъ въ первую минуту не могъ произнести ни слова. Только лицо его перекосилось жестокой усмѣшкой и что-то хрустнуло у него внутри.

— Какъ? — наконецъ вскричалъ онъ, повелъ глазами, пожевалъ ртомъ. — Людей?.. А мы развѣ кто?.. Мы не люди?.. Мы чурки?.. Ахъ, ты.. Вы сами чурки!.. Вы если теперь студенты, то только до время студенты!.. А какъ на точку зрѣнія станете, сами будете нажимать нашего брата!. Знаемъ мы!.. Видали много!.. Мы плотники, и работали со всякими: и съ инженерами, и съ практикантами, и со студентами!..

Толпа, украдкой, чтобы не увидѣлъ книгоноша, весело смѣялась.

— Вотъ нечистый духъ, истинную правду говоритъ! — всплеснулъ руками и восхищеннымъ полушепотомъ воскликнулъ, обращаясь къ людямъ, солидный, семейственный на видъ мужикъ, упитанный, съ окладистой бородой, чисто одѣтый.

И онъ, совершенно зажмуривъ глаза отъ довольной улыбки, поднялся на цыпочки увидѣть на пьянаго плотника.

Люди, цѣлыми группами прячась за чужія спины, тоже сіяли и, перемигиваясь, смотрѣли другъ на друга узкими смѣющимися глазными щелочками.

— Шелапутный! — похвалилъ пьянаго кто-то.

— Пронырливый! — отвѣтилъ ему другой.

— Пораньше насъ раскумекалъ! — улыбался имъ обоимъ третій.

Потомъ они всѣ трое опять стали выглядывать изъ своей засады на пьянаго плотника.

А онъ стоялъ, дергался и животомъ и спиной, то открывалъ глаза, то закрывалъ; пыхтѣлъ, точно его всего жгло внутри; ляскалъ зубами, какъ кремнями.

— Чего вяжешься къ намъ? — уставился онъ безумными глазами куда-то мимо книгоноши и говорилъ съ передышками. — Чего томашишься между народомъ?.. Сѣрыми насъ выставляешь?.. Научать хочешь?.. Насъ не надо силомъ научать?.. Мы не желаемъ!.. Мы довольные своей жизни!.. Сегодня мы немножко получше покушаемъ, завтра немного похуже, но мы довольные своей жизни!.. И напоромъ учить насъ не надо!.. Я, можетъ, двадцать лѣтъ эту лямку тяну и до смерти тянуть буду!.. Что заработаю, то и пропью!.. И никто не могетъ мнѣ запретить!.. Потому, что это мое!.. Все въ свѣтѣ пропью!.. И душу бъ свою пропилъ, если бъ чортъ пришелъ и купилъ ее у меня!..

И онъ такъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, что со стороны глядѣть было больно.

— Книжки?.. — нахмурился онъ прямо на книгоношу. — А ты знаешь, что я могу сдѣлать съ тобой?.. Я могу сейчасъ тебя арестовать, и отъ Александра Прохорыча мнѣ будетъ большая награда!.. Въ одинъ моментъ!..

Онъ съ силой рвануль въ стороны обѣими руками, точно разрывая на себѣ цѣпи, и покачнулся назадъ, попавъ кому-то на ноги. Его сперва оттолкнули, потомъ, чтобы не упалъ, поддержали: онъ озлился, на кого-то замахнулся рукой; его схватили; поднялась возня. Онъ бился въ чужихъ рукахъ, какъ птица въ сѣтяхъ, и испачкалъ всѣхъ своей кровью. Одного мужика онъ поймалъ за бороду, другому укусилъ руку, третьему угодилъ ногой въ животъ, такъ что тотъ крякнулъ. Вотъ его, наконецъ, повалили на землю, лицомъ въ песокъ, сѣли на него верхомъ, скрутили за спину руки. А онъ, какъ змѣя, задиралъ отъ земли голову съ обезумѣвшими глазами и плевался въ своихъ побѣдителей кровью, перемѣшанной съ пескомъ.

— Во дворѣ его, во дворъ! — прокричалъ кто-то, запыхавшись въ борьбѣ съ нимъ.

И его поволокли, кто за руки, кто за ноги, во дворъ. Подъ нимъ шуршалъ песокъ. Одежда на немъ разорвалась.

бѣлья не оказалось, изъ кармановъ брюкъ и пиджака вывалились папиросы, мѣдныя деньги, расческа, карандашъ. По всему пути его слѣдованія оставался въ воздухѣ дурной запахъ, и люди отплевывались.

— Семейства жаль!.. — вдругъ расплакался онъ горькими слезами, наморщился какъ младенецъ, закрылъ глаза и перестал сопротивляться. — Жену, дѣтей маленькихъ бросилъ!.. — рыдалъ, жалуясь, онъ. — Объ нихъ скучился.

VIII.

Въ то же самое время, наклонившись впередъ, но не горбясь, съ выпуклой грудью, съ выгнутой спиной, съ оттопыреннымъ задомъ, передъ книгоношей всталъ околоточный надзиратель, въ широчайшихъ нѣжно-голубого цвѣта шароварахъ, въ лакированныхъ сапогахъ, въ твердой фуражкѣ, посаженной на самый носъ и открывавшей весь затылокъ.

— Любительскія карточки есть? — спрашивалъ онъ и сладенько улыбался однѣми губами. — Какъ какія? Не знаете какія? Фотографическія! Парижскія! Въ двѣ фигуры! Короче сказать, похабныя! Нѣту? Почему нѣту? Въ Нижнемъ на ярмаркѣ носите, а здѣсь нѣту?

Онъ выпрямился, постоялъ, подумалъ, пожевалъ губами, потомъ спросилъ:

— А разрѣшеніе на право торговли книжками имѣете? Что? Имѣете? Тогда предъявите. Это вотъ, это, ага. Мм... это для насъ не годится. У насъ оно не дѣйствительно. Мало ли чего, что оно выдано вамъ для всей Россіи! Для всей Россіи оно годится, а для нашей губерніи нѣтъ. Нашъ губернаторъ не любитъ этого и въ своей губерніи не разрѣшаетъ, а въ остальной Россіи не препятствуетъ. Поѣзжайте туда. Вы должны были здѣсь испросить у него особое разрѣшеніе для его губерніи, но онъ и старымъ разрѣшеніямъ, выданнымъ его предшественникомъ, не радъ, а новыхъ вовсе никому не даетъ. У насъ строго! Что? Почему строго? А какъ же съ этимъ иначе? Эхъ, господа... господа, а еще по паспорту не изъ низкаго званія! Сами не понимаете, чѣмъ торгуете! Вы знаете, чѣмъ торгуете? Вы сознаете, чѣмъ торгуете? Вы думаете, вы чѣмъ торгуете? Вы ни чѣмъ нибудь торгуете, вы торгуете... про-из-ве-де-ні-я-ми-пе-ча-ти!!!

И околоточный, опять наклонившись впередъ, стоялъ передъ книгоношей и многозначительно держалъ на высотѣ головы руку съ устремленнымъ вверхъ указательнымъ пальцемъ.

Потомъ словами и жестами онъ пригласить книгоношу немедленно слѣдовать съ нимъ въ участокъ, позвонилъ за желѣзную проволоку дворнику Буровой и приказалъ тому нести за ними лотокъ съ книгами.

— А гдѣ сама Бурова? — спросилъ онъ дворника строго.

— Ей нѣту дома, — четко, сочно, жирно отвѣтилъ дворникъ.

— И чортъ ее душу знаетъ, всегда, когда ни идешь, возлѣ ея дома народъ! — сердился околоточный. — Отчего возлѣ домовъ другихъ домовладѣльцевъ этого нѣту? Эй, вы! — метнулся онъ на народъ въ одну сторону, какъ пѣтухъ, потомъ въ другую.

Народъ, тяжко громыхая по землѣ сапогами, стѣной валился отъ него прочь.

— Ррр... — шумѣли мужицкіе сапоги въ одномъ направленіи — Ррр... — шумѣли они въ другомъ.

— Расходись, расходись, не стой на дорогѣ! — входилъ въ азартъ околоточный и искалъ по толпѣ глазами, точно выбиралъ, кого ухватить. — Вы дома Бурой никогда не видали, да? — срамилъ онъ толпу. — Вы мальчики, да? Вамъ каждый вечеръ безплатную пантомиму тутъ показываютъ, да? Расходись, чего стоишь, уши развѣсилъ! Расходись, шляпа, пока я ее вотъ такъ не помялъ! Расходись, солдатская фуражка, пока я ее вотъ такъ не забросилъ на крышу! Костыль, расходись! Старый чортъ, расходись! Помирать пора, а ты все ходишь, толпишься, вездѣ тебя вижу! Навѣрное половина нежравшіе который день ходятъ, даже глаза повылазили, а на водку всегда найдутъ! Одного человѣка тверезаго нѣтъ! И что ты, будешь дѣлать съ такимъ народомъ!

Народъ, какъ море, размыкался передъ воинственно бѣгающей фигурой околоточнаго и, какъ море, смыкался позади него опять, собираясь въ толпу. Околоточный взмокъ, потерялъ голосъ, а народъ прибывалъ съ обоихъ концовъ Часовенной свѣжими партіями.

— Пойдомъ! — наконецъ, сказалъ околоточный двор-

нику и книгоношѣ, снялъ фуражку и, кстати, вытеръ съ головы платкомъ потъ.

Онъ шелъ впереди, почти рядомъ съ нимъ шагалъ книгоноша, позади, съ лоткомъ на животѣ, двигался дворникъ.

Противъ дома Буровой чернѣла прежняя толпа. Она молчала. Стоило кому-нибудь кашлянуть, какъ туда отовсюду уже направлялись жадные мужицкіе взоры.

— Чего мы понимаемъ? — наконецъ, съ убитымъ видомъ заговорилъ давешній курчавый мужикъ въ зипунѣ нараспашку. — Чего намъ скажутъ, мы тому и вѣримъ! Самый темный классъ!

Онъ безнадежно и вмѣстѣ картинно развелъ руками, посмотрѣлъ загадочно внизъ, потомъ поднялъ взоръ выше головъ толпы, артистически подбоченился и, съ горьчайшей улыбкой, сразу измѣнившей все его лицо, издалъ сквозь зубы и рѣзко оборвалъ глубокій, судорожный стонъ, весь передернувшись, точно собираясь хватить изо всей мочи въ кругу народа пропащенски-отчаянный русскій танецъ.

IX.

Солнце давно сѣло; заря на западномъ небосклонѣ погасла; на синеватомъ востокѣ блѣдно вырисовывалась луна; въ домахъ кое-гдѣ уже зажглись огни; противъ города, на островѣ, похожемъ на гигантскую могилу, въ нѣжно-зеленой гущерѣ молодняка, затопленнаго со всѣхъ сторонъ по самую листву полой водой, страстно и сочно позванивали на всю окрестность соловьи.

На Часовенной улицѣ въ эту пору было пустынно. Толпъ нигдѣ не было, прохожіе встрѣчались рѣже. Слышнѣе доносились сюда звонки трамваевъ съ базара и печально-одинокіе свистки пароходовъ съ рѣки. Чаще набѣгалъ снизу холодный, бодрящій, душистый вѣтерокъ, и острѣе, чѣмъ днемъ, чувствовалась весна. И сердце человѣческое, здѣсь, какъ и на всей землѣ, теперь, какъ и въ прошломъ году и тысячу лѣтъ назадъ, опять и опять млѣло въ смутной тоскѣ, прислушивалось съ безумной жаждой къ каждому новому шороху юной природы, встрѣчало ея пробужденіе съ благодарнымъ волненіемъ, ожидало чуда, откровенія, голоса Божія, указанія вѣрнаго пути.

— По рю-моч-кѣ-э... по рю-моч-кѣ-э... — пѣлъ, въ совершенномъ одиночествѣ, у раскрытаго на улицу окна, въ

домѣ Буровой, въ номерахъ, великолѣпный басъ, сурово, мощно, глубоко, точно дергая самую толстую струну громаднаго музыкальнаго инструмента. И сейчасъ же, послѣ короткой паузы, онъ продолжалъ, но уже двумя октавами выше, тоненько, нѣжно, влюбленно и, должно быть, съ закаченными отъ замиранія глазами: — П-на-ма-лень-ка-ай... П-на-ма-лень-ка-ай...

Н. Никандровъ.

ЛЕВКА.

Когда Левку спрашиваютъ:

— Тебѣ сколько лѣтъ?

Онъ отвѣчаетъ, подумавъ: —

— Зимой, на рожденье, было семь, на именины лѣтомъ будетъ восемь.

И никакъ нельзя разубѣдить его, что не можетъ человѣкъ два раза въ годъ родиться.

Когда его спрашиваютъ:

— Тебя какъ зовутъ?

Онъ отвѣчаетъ неизмѣнно:

— Львомъ, какъ Толстого.

А если кто полюбопытствуетъ:

— А кто такой Толстой? —

Левка глядитъ съ презрѣніемъ въ сѣрыхъ дерзкихъ глазахъ и молча приноситъ съ материнскаго стола гипсовый бюстъ хмураго старика со страшными бровями, тычетъ его пальцемъ прямо въ носъ и говоритъ непочтительно, не считаясь съ возрастомъ собесѣдника:

— Не знаешь — дуракъ? Вотъ кто Толстой.

Хотя у Левкиной матери, Рахили, много заботъ, волненій, мелочей, душнымъ клеемъ облѣпившихъ жизнь, — она всегда веселая и тоже озорная, какъ Левка.

И хотя много въѣдчивыхъ, тягучихъ мыслей высасываютъ мозгъ — лицо у нея задорное, живое, измѣнчивое, какъ у хорошей актрисы; она не даетъ ему хмуриться гонитъ печаль и все смѣется, хоть смѣяться труднѣе, чѣмъ плакать. Вотъ только глаза не слушаются: смотрятъ, какъ будто имъ больно, можетъ быть, это отъ рѣсницъ, такихъ тяжелыхъ для маленькаго личика?

Утромъ Левка уходитъ въ гимназію, — уже четыре мѣсяца онъ учится въ первомъ приготовительномъ классѣ, и чувствуетъ себя старымъ гимназистомъ; слова: «ябеда»,

«второгодникъ», «Камчатка», «накрыли» такъ и сыплятся съ его бойкаго языка.

Онъ научился плевать сквозь выбитый спереди зубъ, умѣетъ лихо носить смятую фуражку, всѣхъ женщинъ, включая мать и учительницу, зоветъ «бабами» и на «ты»; дѣвченокъ, по его мнѣнію, надо бить.

Когда Левкина мать напишетъ новый разсказъ и получитъ номеръ журнала, Левка осматриваетъ книжку со всѣхъ сторонъ, читаетъ вслухъ названіе, кривитъ усмѣшкой тонкія губы и спрашиваетъ пренебрежительно:

— Небось, врешь все — выдумала? — И тотчасъ прибавитъ дѣловито. — А какъ деньги получишь, дашь мнѣ на расходы рупь тамъ или гривенникъ. — Потомъ свистнетъ «матчишъ» или «ой-ра».

Слухъ у Левки изумительный: стоитъ ему разъ услышать мотивъ на рояли, въ шарманкѣ, въ кинематографѣ — напѣвъ врѣжется ему въ память.

Левка постоянно поетъ. Голосокъ у него тоненькій, упорный, какъ у комара, но вѣрный и по-своему выразительный.

Невозможно безъ смѣха слышать, какъ, вставъ въ классическую позу пѣвца, отставивъ ногу, приложивъ руку къ сердцу, Левка поетъ:

«Гайда тройка, снѣгъ пушистый,
Ночь морозная кругомъ»,

или присвистываетъ лихую плясовую, совсѣмъ какъ солдатъ:

«И эхъ, па-лажи свою бѣлую ручку
На мою исхудалую грудь.
Ахъ, къ чему волноваться напрасно,
Скоро-скоро не будетъ меня».

И пляшетъ.

Когда Левкина мать пишетъ или готовится къ экзамену по огромнымъ, чуть ли не больше ея книгамъ, Левка слоняется по комнатамъ, не знаетъ, куда себя пристроить, и все думаетъ, какъ бы оторвать мать отъ дѣла?

Каждыя пять минутъ онъ заходитъ къ матери, встаетъ на порогѣ, засунувъ руки въ карманы длинныхъ гимназическихъ брюкъ и говоритъ сквозь зубы, совсѣмъ какъ

мужья-обскуранты говорятъ своимъ отбившимся половинамъ:

— Пишешь?

— Переписываю.

— Подумаешь!

Свистъ — «На сопкахъ Манчжуріи».

И Левка продолжаетъ нападеніе:

— Мамъ, а мамъ?

— Ну?

— Тпру, Рахилька-килька...

— Дуракъ!

Молчаніе. Только перо торопится договорить, боится— вотъ-вотъ его остановятъ.

— Мнѣ нынче одинъ мальчишка морду разбилъ, — неожиданно выдумываетъ Левка и начинаетъ представлять, какъ больно, когда человѣку разобьютъ морду: изъ носу кровь, изъ зубовъ кровь, бр...

— Ударили тебя? Ахъ, Боже мой!—вскакиваетъ мать, а перо, сорвавшись, прорываетъ тонкій старательно переписанный листъ.

— Теперь ужъ не больно, — говоритъ жалобно Левка, — вотъ, видишь, — и раскачиваетъ сбоку ослабѣвшій зубъ.

Иногда маневръ не удается. Мать отвѣчаетъ, не глядя:

— Такъ тебѣ и надо, уходи, не мѣшай.

Тогда Левка, какъ истый артистъ, пробуетъ разнообразить программу:

— У насъ одинъ мальчишка — около меня сидитъ — дифтеритомъ захворалъ...

— Когда? — спрашиваетъ испуганно мать.

— Давно — въ пятницу...

— Врешь?

— Ей-Богу — не сойти мнѣ съ этого мѣста...

— А ты почему знаешь?

— Нынче выздоровѣлъ — пришелъ, а мы его дразнимъ... сказать какъ?

— Какъ?

Мать откладываетъ книгу и глядитъ любопытно на Левку.

— Дифтеритная кишка, а онъ реветъ...

Левка хохочетъ.

— Вотъ идіоты! — удивляется мать, не выдерживаетъ и тоже хохочетъ и сразу дѣлается похожа на Левку. — Это кто же—ты сочинилъ?

— Я! — гордо говоритъ Левка. Потомъ подходитъ ближе и, какъ наѣздникъ, вскакиваетъ матери на колѣни. — Разсказывай! — приказываетъ онъ.

Левкина мать выдумываетъ что-то нелѣпое, но веселое, складное. Левка только ахаетъ:

— Ну врешь, ну и врешь!

И хохочетъ, показывая розоватыя ямки вмѣсто зубовъ.

— И въ кого ты, Левка, такая образина? — задумчиво разсматривая его, говоритъ мать. — Кажется, я не уродъ, не перестарокъ — съ меня одинъ художникъ Мадонну рисовалъ, другой—молодую вѣдьму.

— Вѣдьма, вѣдьма! — радуется Левка и бьетъ въ ладоши.

— Отецъ у тебя тоже красивый былъ — на скандинава похожъ — свѣтлобородый, стройный, сильный, съ такими холодными глазами.

— А гдѣ отецъ-то? — ехидно спрашиваетъ Левка, чувствуя, что мать проговорилась.

Мать сдвигаетъ черныя брови и качаетъ Левку скоро-скоро.

— Тяжелый ты, Левка, — говоритъ она вдругъ охрипшимъ голосомъ.

— Я въ гимназіи самый здоровый, — хвалится Левка, — «на лѣвую, — любака», — и вытягиваетъ тоненькую, нѣжную шею.

Самое трудное для Левкиной матери — учить съ сыномъ уроки.

Въ ариѳметикѣ попадается столько вкусныхъ вещей: то мальчикъ купилъ десятокъ яблокъ и семь грушъ, то дѣвочка три сливы съѣла, а бабушка дала ей еще двѣнадцать абрикосовъ.

У Левки сосетъ подъ ложечкой, онъ начинаетъ завидовать, тереть глаза и жаловаться...

— У другихъ дѣтей вонъ что есть, а ты — тоже мать... у... жадная...

— А кто нынче четыре апельсина съѣлъ? — горячится мать. — Обнаглѣлъ, негодяй!

На Законѣ Божьемъ Левка оживляется и съ большимъ

удовольствіемъ разсказываетъ, какъ Богъ наказалъ грѣшниковъ, какъ всѣ люди отъ потопа потопли, — вотъ здорово!

— А ну-ка, скажи молитву за Царя и отечество, — экзаменуетъ Левка, развалившись, какъ попъ.

— Не знаю я, — говоритъ мать, — я не училась...

— Отчего не училась? — строго спрашиваетъ Левка.

— Я не русская, мнѣ не нужно было.

— А ты кто? — въ сотый разъ интересуется Левка.

— Еврейка!

— А я?

— А ты русскій.

— Что, что... еврейка? — дразнитъ Левка и показываетъ кончикъ вертляваго, какъ ящерица, языка.

— Вотъ дуракъ-то, — привычно изумляется мать, — дальше что — нѣмецкій?

— Нѣмецкій? — говоритъ нараспѣвъ Левка. — Это чтобъ я сталъ по-нѣмецки учиться? Это когда нѣмцевъ бить надо...

— Тоже... патріотъ, — говоритъ, сдавливая улыбку, мать, — ну, читай.

— Eine kleine Taube sass auf eine Baume.

— Не буду читать — отсохни мои глаза! — клянется Левка.

— Не будешь? Не надо. Вы свободны, Левъ Александровичъ, можете идти.

— Ну-ну, ладно, — примирительно говоритъ Левка. — Заорала, у... злющая баба!

* * *

Мать читаетъ въ своей комнатѣ, а рядомъ Левка старается завернуть въ газету бѣлаго, толстаго щенка, щенокъ разрываетъ животомъ уже третій листъ, но Левка не теряетъ терпѣнія: завертываетъ и подпѣваетъ что-то божественное тоненькимъ, вѣрнымъ голоскомъ. Слышно только:

. . . .

. . . .

— Ты что тамъ дѣлаешь? — разсѣянно спрашиваетъ мать.

— Покойника хороню, — дѣловито говоритъ Левка: — разъ-два — на тотъ свѣтъ пріѣхали!

Щенокъ взвизгиваетъ, переворачивается пятнистымъ животомъ въ воздухѣ и съ обалдѣвшими, мутно-синими глазами падаетъ на полъ, прямо на разъѣхавшіяся кривыя лапы.

— Ну, не живодеръ? Ну, не негодяй? — кричитъ вбѣжавшая мать. — Вѣдь живой онъ! Вѣдь больно — тебя бы такъ!..

— А ты попробуй, — любопытно говоритъ Левка. — Ну-ну, выходи, мальчикъ, сткнемся...—и вдругъ обрывается и спрашиваетъ задумчиво:—мамъ, а что собаки бываютъ горбатыя?...

— Не знаю! — чистосердечно сознается мать.

— А что собаки женятся?.. Свадьбы у нихъ бываютъ?..

— Ахъ, Левка, Левка!—улыбается мать.—Свадьбы это люди изобрѣли, а у собакъ просто — гражданскій бракъ.

И хохочетъ весело съ непослушными грустными глазами.

Ночью, когда Левка засыпаетъ, мать сидитъ за своимъ маленькимъ столомъ и глядитъ въ открытую на 47-й страницѣ книгу. Освѣщенъ только столъ да часть дивана, а стѣны и дверь пропали въ темнотѣ. Не читается...

Откуда-то изъ темныхъ угловъ вылѣзаютъ днемъ придавленныя мысли — надоѣвшія, безсильныя и колючія.

— Не надо, — говоритъ женщина и въ пятый разъ перечитываетъ: «Научное изученіе произведенія искусства не ограничивается изученіемъ его общей идеи, — это дѣло мудрости—но возстановляетъ органическую связь образа съ мыслью, формы съ содержаніемъ».

* * *

Левка пришелъ съ улицы веселый — въ своей бѣлой съ помпонами шапочкѣ — съ красными щеками, на Пьерро въ его книжкѣ похожій, и разсказываетъ бойко:

— У насъ на дворѣ мальчишка есть, Иська-жиденокъ — мы его сейчасъ въ снѣгъ зарыли, реветь!

У нея вдругъ такъ мучительно-остро заныло въ сердцѣ.

— Левка, — говоритъ она упавшимъ голосомъ. — Не надо такъ, сыночекъ, на землѣ всѣ люди равны и такого слова нѣтъ — еврей есть...

«Глупый, смѣшной Левка... Кто знаетъ, что будетъ съ нимъ, когда выростетъ... Полурусскій онъ, полуеврей... Ничего это? Или плохо?..

«А, можетъ быть, выростетъ онъ—не станетъ любить ея

народъ. Такъ... органически.... скрывать будетъ... Нѣтъ, конечно, нѣтъ, ея сынъ будетъ новымъ, свободнымъ человѣкомъ. Пусть не такъ, какъ надо, живетъ она — трудно ей очень,—но ужъ Левка будетъ по-настоящему жить...»

Съ Левкина плеча сползло одѣяло, мать подошла, поправила и заглядѣлась на маленькое, кроткое, похорошѣвшее отъ сна, личико.

«А что ему снится сейчасъ?.. Бываютъ ли горбатыя и женатыя собаки?.. Смѣшной, милый, глупый Левка... Какъ жалко его отчего-то и всѣхъ людей жалко — и большихъ и маленькихъ — особенно маленькихъ. Стелятся они по дорогамъ жизни, какъ лопухи, всякимъ рукамъ поддаются...»

Нервы, что ли? Плохи стали нервы, за всѣхъ болитъ сердце, до слезъ чего-то жаль, а какъ помочь?..

И отчего-то спать не хочется, а пора бы — завтра трудный день....

Уйти, что-ль, куда-нибудь?

Поздно уже... Спятъ ея «поклонники», друзья и знакомые. Ну что же... пусть спятъ.

Женщина одѣвается и безшумно отпираетъ дверь.

Днемъ была осень, а къ вечеру веселыя снѣжныя бабочки прилетѣли съ неба, покружились и упали на мокрую грязную землю — стала зима...

И опять все кажется такимъ прекраснымъ, чистымъ, молодымъ, будто въ первый разъ чувствуешь эту бѣлизну, прозрачность и легкій морозъ, шутливо покусывающій горячія щеки.

Какой-то высокій человѣкъ поровнялся съ ней и пошелъ рядомъ.

— Не замерзли? — спросилъ онъ, наклонившись молодымъ, нѣжнымъ лицомъ, и черные глаза его поглядѣли на женщину ясно и ласково.

— А, знаете, чудесно на свѣтѣ жить, — сказалъ онъ и улыбнулся, не то своимъ словамъ, не то ея удивленію. — Будьте здоровы! — приподнялъ шляпу и свернулъ въ переулокъ.

— Чудакъ!.. Влюбленъ, должно быть... И какое славное у него лицо.

На площади взяла извозчика и попросила его ѣхать потише.

Проѣхали бѣлыя аллеи Александровскаго сада, обогнули кремль, похожій на застывшую мрачную сказку.

И оттого, должно быть, что здѣсь было пустынно, чуть-чуть жутко и тихо, — звѣзды казались четкими, теплыми и живыми и будто лучились онѣ, дрожали, трепетно, боязливо и печально.

— О, звѣзды, о, вы, чистыя звѣзды!

* * *

У Левки въ ногахъ свернулся бѣлымъ мохнатымъ клубкомъ щенокъ Мордашка, отъ него Левкѣ тепло.

Лѣнь вставать, холодно. Въ замерзшее окно видно тусклое сѣрое утро, а небо какъ будто облили жидкимъ сизоватымъ молокомъ и подморозили, если потрогать его, — навѣрно оно холодное, скользкое, какъ студень.

Левка повертывается къ стѣнѣ, придавливаетъ колѣномъ щенка и притворяется, что спитъ.

— Левка, — говоритъ соннымъ голосомъ мать и слышно, какъ стонетъ ея старый диванъ,—восемь часовъ, вставай.

— Голова болитъ и животъ, — ну, прямо помираю, — равнодушно отвѣчаетъ Левка, толкая щенка пяткой въ черный носъ.

— Не пойдешь, значитъ?

— Н... не знаю, — скромничаетъ Левка, изогнулся и достаетъ со стола ножницы.

— Ты теперь будешь больной, а я докторъ. — Здрасте, здрасте, покажите языкъ, скажите:—а, — а. Дуракъ! Нехорошій языкъ, длинный, кусочекъ подрѣзать надо, вамъ будетъ полезно.

— Левка, — кричитъ мать, — оставь, сейчасъ же оставь, зарѣжешь собаку, мерзавецъ!..

— Дура! — говоритъ сквозь зубы Левка, — зарѣжешь, и до чего эти бабы глупыя?—Пшелъ, ябеда!

Щенокъ, какъ живой мячъ хлопается объ полъ, подпрыгиваетъ, и, виновато оглядываясь, выползаетъ изъ комнаты.

— Мнѣ пора идти, Левка, — говоритъ мать, показываясь на порогѣ въ старенькой бархатной шляпѣ.

— Вотъ тутъ молоко, булки, а захочешь ѣсть, котлеты въ шкафу. Можетъ быть, нынче найду няньку, измучилась. Поцѣлуй меня, Левка.

— Ну, вотъ еще, — говоритъ басомъ Левка и отворачивается застыдившись.

— Ты тамъ денегъ оставь, пятиалтынный...

— Грубый ты какой, Левка, — вздыхаетъ мать, — другія дѣти нѣжныя, а ты никогда не подойдешь, «милая» никогда не скажешь.

— «Милая», подумаешь, — кривитъ странныя длинныя губы Левка и разсматриваетъ новенькую монетку.

— Можетъ, тебѣ жалко? — спрашиваетъ онъ вскользь.

— Глупый ты у меня, Левка, несуразный, — улыбается мать и гладитъ его жесткіе, на подстриженныя сѣрыя перья похожіе волосы.

— У тебя глаза и лобъ совсѣмъ, какъ у дѣдушки, — говоритъ она, вздохнувъ.

— А гдѣ онъ, дѣдушка?

— Умеръ, Левка. Никогда онъ тебя не видѣлъ, знать не хотѣлъ, что у меня есть мальчикъ, котораго Львомъ зовутъ, также, какъ и его.

— Дуракъ онъ былъ, твой дѣдушка, — увѣренно рѣшаетъ Левка, раскачивая ногой.

— Онъ твой дѣдушка, а мой отецъ, — не хорошо такъ о мертвомъ, Левка, мертвыхъ не надо трогать.

— А его гдѣ зарыли? — разсѣянно спрашиваетъ Левка и никакъ не можетъ понять, какой это дѣдушка, съ сѣрыми глазами, съ Левкинымъ лбомъ, который не хотѣлъ видѣть Левку. Чудакъ!.. Левка бы ему показалъ столько интересныхъ штукъ, разсказалъ бы, что, когда выраcтетъ, будетъ великимъ сыщикомъ, какъ Шерлокъ Холмсъ, — переловитъ всѣхъ разбойниковъ, ни одного злого человѣка не оставитъ на свѣтѣ — обязательно!

— Онъ далеко отсюда похороненъ, на югѣ, тамъ, гдѣ тепло, гдѣ море синее, синее, а надъ моремъ горы повисли высокія, высокія.

— Выше Сухаревой башни?

— Выше.

— Какъ Иванъ Великій?

— Выше.

— Здорово, — ухмыляется Левка.

— Одна гора на медвѣдя похожа, будто нагнулъ онъ голову къ морю и пьетъ, такъ и зовутъ ее Медвѣжья гора, — разсказываетъ задумчиво мать.

Левка, слушая разсѣянно, думаетъ вслухъ безпокойно:

— Ну, буду я сыщикомъ, чтожъ тогда жуликамъ дѣлать? Безъ жуликовъ скучно, — всѣ хорошіе будутъ, какъ тѣ дѣти, на елкѣ въ благородномъ собраніи, облизанные какіе-то. — Нѣтъ, я лучше жуликомъ буду, — рѣшаетъ онъ.

— Ахъ ты Левка, мой Левка, — грустно улыбается мать. — Ты писателемъ будешь, хорошія книги будешь писать, а люди станутъ читать и учиться. Молодецъ, скажутъ, Левка, какая хорошая у него душа, какія мысли умныя. Ну, прощай, Левка, часовъ въ шесть, а то въ восемь приду.

— Въ редакцію? — спрашиваетъ дѣловито Левка.

— Въ редакцію, — серьезно говоритъ мать, — потомъ въ другую, потомъ на урокъ, потомъ въ библіотеку, книгу тебѣ перемѣню.

— Ты мнѣ Евгенія Онѣгина или Демона возьми, — говоритъ нахмурившись Левка.

— Можетъ, Канта тебѣ,—«Критику чистаго разума»?— насмѣшливо поднимаетъ брови мать.

— Ты думаешь, я Пушкина не читалъ? — вскидывается Левка, и нижняя нервная губа его дрожитъ отъ обиды.

— Ну, ну, успокойтесь, литературный сынъ мой!

Мать чмокаетъ Левку въ холодный носъ и уходитъ.

— А ты щенка безъ меня не зарѣжешь? — звенитъ ея лукавый голосъ изъ передней.

— Нѣту Мордашки, пропалъ! — И Левка закрываетъ глаза, чтобъ никто не видѣлъ, какъ мужчина плачетъ.

* * *

Въ ноябрѣ темнѣетъ скоро. Только сейчасъ былъ день, а вотъ ужъ вечеръ.

Левка съѣлъ три котлеты — подумалъ было о матери — вздохнулъ и съѣлъ четвертую.

А мать ужъ пусть молока попьетъ.

Поглядѣлъ въ оттаявшее окно — показалъ кулакъ какому-то мальчишкѣ въ валенкахъ; — подумалъ, что на пятиалтынный хорошо бы проѣхаться на извозчикѣ, на саняхъ — а вдругъ извозчикъ завезетъ къ себѣ домой и ограбитъ, — сниметъ съ Левки гимназическія брюки, фуражку съ гербомъ, башмаки и голаго пуститъ по снѣгу?

Зазвонитъ у хозяйки телефонъ, Левка высунется и спроситъ важно:

— Не меня зовутъ?

— Тебя, тебя, невѣста требуетъ, — кричитъ курносая, веселая Дарья и хохочетъ.

— Дашка — замазура, полюбила штукатура, —спокойно отвѣчалъ Левка и безсильно высовывалъ языкъ, потому что забылъ слова дальше.

Когда стемнѣло, стало отчего-то грустно, а зажигать огонь очень не хочется; въ темнотѣ, что хочешь выдумывай: вмѣсто кровати лодка или пароходъ, большая подушка — барыня, маленькая — дочка, а Мордашка китъ — плыветъ за пароходомъ.

Нѣту Мордашки — пропалъ! Гдѣ-то онъ теперь... А сколько разъ Левка его мучилъ: зубы ему гвоздемъ чистилъ, хвостъ подрѣзалъ, чтобъ на фоксъ-терьера былъ похожъ... Можетъ, и не больно, когда хвостъ рѣжутъ—вродѣ ногтей? Нѣтъ... визжалъ онъ, — значитъ больно.

— Вотъ онъ и есть Левка — ишь, въ уголъ забрался — за стуломъ то его и не видать, — сказала Дарья, пріоткрывъ дверь, и освѣтила уголъ стола и кровать.

— И чего ты, какъ совенокъ, въ потемкахъ сидишь? Хозяйскаго лектричества жалко?

Левка обернулся и вдругъ вспомнилъ, какъ дальше дразнить Дарью:

— Штукатуръ не дуракъ, продалъ Дашку за пятакъ.

Увидѣлъ незнакомаго человѣка и поперхнулся на полсловѣ.

Мужчина стоялъ на порогѣ — очень большой, бородатый, съ красивыми, свѣтлыми глазами.

Дарья бочкомъ пролѣзла въ дверь около гостя, зажгла всѣ три лампочки на потолкѣ и вышла, подмигнувъ Левкѣ.

Левка слышалъ, какъ она запѣла за дверью.

— Совенокъ... Совенокъ!..

— Васъ Левой зовутъ? — спросилъ высокій человѣкъ и жадно оглядѣлъ маленькаго.

— Львомъ, какъ Льва Толстого, — разсѣянно оглядываясь, сказалъ Левка.

Мужчина улыбнулся, — подошелъ вплотную, тронулъ Левку за плечи и ощупалъ его тѣло своими большими ловкими руками.

— Однако, худой вы, Левъ Александровичъ, — сказалъ онъ и холодные глаза его потемнѣли: — въ чемъ душа держится, лопатки — прямо, какъ грабли.

— Какія вы глупости говорите, — удивился Левка, и

встряхнулся, какъ котенокъ въ лапахъ добродушнаго сенъ-бернара.

— Мнѣ можно посидѣть съ вами, Левъ Александровичъ? — спросилъ мужчина и опять улыбнулся въ бороду.

— Сидите, — равнодушно отвѣтилъ Левка и отвернулся къ окну: мостовая была черная, тускло и жирно блестѣла, — опять ѣздили на колесахъ.

— Зачѣмъ вы меня Александрычемъ зовете, я — Левка, — сказалъ онъ въ носъ, какъ всегда, когда начиналъ злиться.

— Ну, не сердитесь на меня, не стоитъ, — попросилъ гость и, наклонившись, погладилъ Левкины волосы.

— Что-жъ, такъ и сидите въ одиночку?

— Мать въ редакцію ушла, а няньку я прогналъ, такая хамка, — лѣниво разсказалъ Левка и покусалъ ноготь.

Мужчина подвинулся и осторожно, будто боясь, что Левка оттолкнетъ, обнялъ его за шею.

— Можно мнѣ поцѣловать васъ? — гдѣ-то близко у Левкина уха сказалъ его гулкій, задрожавшій голосъ.

Левка хотѣлъ сказать, какъ утромъ матери:

— Вотъ еще! — но почему-то застыдился и промолчалъ, пока мягкая, пахнущая дождемъ и табакомъ борода пощекотала его щеки, и вдругъ зачихалъ, скоро-скоро, такъ смѣшно, что мужчина не выдержалъ и засмѣялся. Засмѣялся и Левка и сразу почувствовалъ, что гость — хорошій малый, хоть и чудной немножко. Подвинулся и заговорилъ просто, какъ съ матерью, какъ съ единственнымъ своимъ другомъ — дворникомъ Гаврюшкой.

— Я вѣдь, ей Богу, не виноватъ, что онъ пропалъ...

— Это кто же? — спросилъ негромко мужчина и счистилъ пыль съ Левкиныхъ колѣнъ.

— Мордашка, щенокъ, я вѣдь не прогонялъ его...

— Ничего, найдется твой Мордашка, онъ хитрый песъ, не заблудится.

— Не врете, ей Богу? — обрадовался Левка и сразу повѣрилъ и положилъ руки на колѣно мужчины.

— Зачѣмъ врать, ей Богу, — сказалъ гость и задержалъ маленькіе Левкины пальцы.

— А тебя какъ зовутъ? — спросилъ Левка, неловко шевеля зажатыми пальцами.

— Меня Александромъ зовутъ.

— Какъ Пушкина? — кивнулъ головой Левка.

— А ты, братъ, прямо академикомъ задѣлался, всѣхъ писателей по косточкамъ, — вздохнулъ мужчина и пощекоталъ Левку за ухомъ.

— Гляди, гляди, муха, — закричалъ Левка и рванулся къ окну. — Всѣ подохли, а она живая, ишь какая.

— Давно я тебя, мальчикъ видѣлъ, вотъ ты какой тогда былъ, съ Мордашку, — думая о своемъ, говорилъ гость.

— Въ корытѣ я тебя купалъ, оралъ ты здорово, бороду мою видѣть не могъ, а ходить ты, не какъ всѣ люди, началъ, рукой объ полъ упрешься, да по рачьи, задомъ напередъ.

Левка молчалъ и изъ приличія улыбался, хотя ему вовсе не лестно было слышать, какъ онъ ползалъ по рачьи.

— Тебѣ который же годъ, Левка?

— Восемь было, на именины.

— Значитъ, пять лѣтъ я тебя не видалъ, — говорилъ, покачивая головой, гость, потомъ всталъ и мягко отстранилъ ребенка.

— Ну, что жъ подѣлаешь, идти мнѣ пора, Левка, нынче я опять уѣду, далеко, далеко, а придетъ мать, кланяйся, а лучше ничего не говори, на что ей? Что-жъ, здорова мать?

— Отчего же, здорова; а ты не слышалъ, какъ она мнѣ пѣсни поетъ? — и Левка засмѣялся.

— Что-жъ, про отца, небось, ни ползвука?

Левка не разслышалъ, онъ глядѣлъ съ завистью, какъ мужчина вынулъ кожаный желтый портсигаръ, закурилъ пахучую, тонкую папиросу.

— Что-жъ, мать работаетъ много?

— Все пишетъ, — усмѣхнулся Левка и съ наслажденіемъ вдохнулъ горькій дымъ, — въ одной газетѣ разъ сняли ея карточку, ну прямо на кошку похожа, глазища—во, ты не видалъ?

— Чудной ты какой, парень, Левка, — сказалъ, задумчиво разсматривая его мужчина. — Не думалъ я, а ты вонъ какой, самъ по себѣ выросъ человѣкъ.

Левка заискивающе усмѣхнулся и потрогалъ портсигаръ.

— Ни въ мать, ни въ отца, чудно, — сказалъ гость, не замѣчая протянутой за папиросой маленькой руки.

— Ну, прощай, Господь съ тобой, мальчикъ, здоровымъ будь, расти большой, большой, меня перегоняй. — Показалъ какой большой, у Левки голова закружилась.

— Значитъ, тебя Львомъ, какъ Толстого, меня — Александромъ, какъ Пушкина? Ну, давай руку.

Левка протянулъ руку, а мужчина поцѣловалъ его глаза, лобъ, похожіе на перья волосы, потомъ взялъ его липкую рученку протянулъ ее и тоже поцѣловалъ, и Левкѣ показалось, что глаза у гостя стали мокрые,—отъ дыма, должно быть.

Левка совсѣмъ сконфузился, замигалъ длинными рѣсницами, а когда остался одинъ, поглядѣлъ на руку и вытеръ ее о гимназическія брюки.

* * *

Левка таскалъ изъ пакета финики, облизывалъ склеившіеся пальцы и перевертывалъ листъ за листомъ.

Въ новой книжкѣ, которую мать принесла изъ библіотеки, было много раскрашенныхъ картинокъ.

— Гляди, лошадь-то горбатая. А я что говорилъ? — сказалъ онъ, ткнувъ въ одну картинъ.

— Это Конекъ-горбунокъ, Левка,—отвѣтила мать, распустивъ волосы, чтобъ высушить ихъ послѣ дождя.

Левка съ отвращеніемъ доѣлъ финики, отложилъ книгу и зѣвнулъ такъ, что въ горлѣ у него что-то взвизгнуло.

Пальцы были сладкіе и липкіе, надо бы вымыть, да лѣнь.

Онъ поворочался въ кровати, почесалъ пятку и сказалъ невнятнымъ, соннымъ голосомъ:

— Онъ говоритъ, найдется Мордашка-песъ, онъ умный, говоритъ.

— Кто говоритъ, Левка? — улыбаясь его лепету, спросила мать, и свила волосы въ толстый жгутъ.

Левка хотѣлъ разсказать про нынѣшняго чудного гостя: здоровый такой, съ бородой, все цѣловалъ его, какъ баба... а зовутъ его... Какъ? Какъ Толстого.

Вдругъ все позабылъ, подкатилась чудесная, ласковая волна, подхватила его, покачала, и поплылъ Левка куда-то далеко-далеко...

Ф. Ласковая.

МАТЬ.

I.

Я привыкла пѣть колыбельныя пѣсни
И любить простыя слова.
Надъ лугами стынетъ звонъ благовѣстный,
Высока глухая трава.
Нѣжно-розовъ клеверъ, задумчивъ вечеръ,
И босыя стопы легки.
Только дѣтскій лепетъ плещетъ о берегъ
Неширокой моей рѣки.
Минулъ часъ смятеній и муки страстной.
Прямъ мой духъ, и путь нелукавъ.
Я въ Ивановъ вечеръ кладу напрасно
Подъ подушку двѣнадцать травъ.

* * *

II.

Страшная сила—въ горестномъ зовѣ
Дѣтскихъ довѣрчивыхъ рукъ.
Сердце изранитъ стали суровѣй
Кроткихъ очей испугъ.
Можно мечтанья свои отринуть,
Радость свою убить,
Только не этихъ сирыхъ покинуть,
Только не ихъ забыть.
Кровь ли, душа ли куетъ тѣ звенья—
Непостижимо мнѣ.
Чуетъ лишь сердце: имъ нѣтъ забвенья
Даже въ могильномъ снѣ.

* * *

III.

Дѣвушка, зачни дитя—
Ты станешь матерью міру.
И полюбишь, легко грустя,
Все малое, хрупкое, сирое:
Весеннія вѣточки нѣжныя,
Завернувшіяся въ пушокъ,
Дождевыя капельки, рѣзвыя,
Какъ топотъ маленькихъ ногъ,
И младенчески-жадныя травы
У набухшихъ сосковъ земли,
И печальные верески ржавые
Въ придорожной пыли.
И вѣтеръ, что кроткое поле
Баюкаетъ, шелестя...
Дѣвушка, не бойся боли,
Нѣжная, роди дитя!

С. Дубнова-Эрлихъ.

МИСТЕРЪ БРИТЛИНГЪ ПЬЕТЪ ЧАШУ ДО ДНА.

Романъ Г. Дж. Уэллса.

(Окончаніе) [1].

КНИГА ВТОРАЯ.

МАТЧИНГСЪ-ИЗИ ПЕРЕЖИВАЕТЪ ВОЙНУ.

Глава IV.

Въ паутинѣ безсилія.

XIV.

Какъ-то въ ясный сентябрьскій день, послѣ завтрака, м-ръ Бритлингъ сидѣлъ съ капитаномъ Лоренсомъ Карминомъ на солнцѣ, на площадкѣ передъ сараемъ и курилъ съ нимъ, и временами говорилъ, и временами молчалъ.

— Когда начиналась эта война, то я не вѣрилъ, что она будетъ похожа на другія войны, — сказалъ онъ. — Мнѣ это и не снилось даже. Мнѣ казалось это зарей какого-то огромнаго очищенія, проясненія. Я думалъ, что здоровый смыслъ человѣчества вспыхнетъ пламенемъ, негодующимъ пламенемъ, и истребитъ всю эту устарѣлую нелѣпость имперій милитаризма, какъ только она посягнетъ на человѣческое счастіе. Я ждалъ, что, вполнѣ естественно, произойдетъ цѣлый рядъ вещей, которыя, какъ я убѣждаюсь теперь, было смѣшно ждать. Я думалъ, что Америка выразитъ протестъ противъ насилія надъ Бельгіей; что она не потерпитъ разгрома своей великой сестры-республики... хотя бы изъ уваженія къ памяти Лафайетта. И что же, я теперь убѣдился, что Америку безпокоитъ сейчасъ больше всего то, что мы объявили хлопокъ контрабандой. Я думалъ, что балканскія государства способны на взаимныя, логичныя уступки; что они способны сообща позаботиться объ общей свободѣ. А теперь я вижу, какъ . . . .

---

[1] См. «Лѣтопись» №№ 8—11, за 1916 г.

. . . . . . главы торгуютъ своими крестьянами, и нѣтъ ни одного человѣка въ ихъ странахъ, кто возразилъ бы имъ хоть слово. Я представлялъ себѣ эту войну, какъ ее представляли себѣ французы, — какъ нѣчто, способное законно вызвать великолѣпный восторгъ негодованія. И все это оказалось сномъ уютно-устроившагося, зажиточнаго человѣка, который никогда не подходилъ къ острію жизни. Повсюду коварство, хитрость, мелкія распри и ненависть, недовѣріе, подлости, трусость, безволіе, мелочность цѣлей, лилипутскія воображенія, — брали верхъ надъ великими и простыми возможностями. . . . .

Теперь оказалось, что это такая же война, какъ и всѣ прочія.

Онъ остановился, и на короткое время воцарилось молчаніе.

Капитанъ Карминъ аккуратно швырнулъ потухшій окурокъ своей сигары въ кадку съ цвѣтами.

— Три тысячи лѣтъ тому назадъ, въ Китаѣ, — сказалъ онъ, —жили люди, которые скорбѣли точно такъ же, какъ и мы сейчасъ, и по такой же причинѣ.

— И, быть можетъ, еще черезъ три тысячи лѣтъ,— сказалъ м-ръ Бритлингъ, — будутъ все еще жить люди съ той же самою скорбью... И все же... все же... Нѣтъ, теперь у меня уже нѣтъ той гибкости. Не въ моей натурѣ отчаиваться, но я подавленъ всѣмъ этимъ. Я ужъ больше не могу такъ встряхиваться и успокаиваться, какъ прежде. Я все еще убѣждаю себя, что хотя путь длиненъ и труденъ, но духъ творчества, благородство и великодушіе, неизмѣнно живущія въ сердцѣ человѣка, непремѣнно должны побѣдить. Но я повторяю это себѣ, какъ люди повторяютъ истертыя слова затасканной молитвы. Для меня свѣтъ на небѣ уже погасъ. И временами я сомнѣваюсь, вернется ли когда-нибудь для меня этотъ свѣтъ. Пусть люди, болѣе юные, закалютъ свои сердца и продолжаютъ дѣло міра. Если бы я могъ теперь умереть за то, чтобы правда, «настоящее» восторжествовало, клянусь вамъ, Карминъ, я съ радостью умеръ, хотя бы сейчасъ. . . . .

XV.

Въ эти дни м-ръ Дирекъ былъ тоже очень несчастенъ.

Миссисъ Сисси не запуталась въ своихъ мнѣніяхъ относительно причинъ и цѣлей войны. Для нея было ясно, какъ и вначалѣ, что война вызвана германскимъ милитаризмомъ и нападеніемъ Германіи на Бельгію и Францію. И она отказывалась принимать во вниманіе всякія побочныя

соображенія. Она продолжала спрашивать, почему не воюетъ Америка?

— Мы воюемъ за Бельгію! Неужели вы не хотите заступиться за голландскія и норвежскія суда, которыя потоплены нѣмцами? Неужели вы не заступитесь даже за свои собственныя суда?

М-ръ Дирекъ пытался давать объясненія, но они принимались очень плохо.

— Да, вы вотъ готовы были объявить войну Испаніи, когда она потопила «Мейнъ»! А теперь вы позволяете нѣмцамъ безнаказанно топить «Лузитанію»! Это, какъ вы выражаетесь, — совсѣмъ другое дѣло.

У него въ головѣ мелькнуло вдругъ странное подозрѣніе: должно быть, она считаетъ, что «Лузитанія» была американскимъ пароходомъ. Но м-ръ Дирекъ лучше теперь зналъ Сисси и не осмѣлился задать ей этого вопроса.

— Вы еще никакъ не можете понять нашей американской точки зрѣнія, — сказалъ онъ. — Мы заглядываемъ дальше въ будущее, за всякія войны...

— Это и мы стараемся дѣлать, — возразила Сисси. — Неужели вы думаете, что мы воюемъ просто изъ любви къ искусству?

— Развѣ я вамъ всячески не старался доказывать, насколько я сочувствую вамъ и Англіи?

— О... сочувствіе...

Ему не повезло и у м-ра Бритлинга. М-ръ Бритлингъ говорилъ обинякаами, намеками, но ясно было, что онъ имѣетъ въ виду именно Америку.

— Бываетъ два сорта либерализма, — сказалъ м-ръ Бритлингъ . . . .
. . . бываетъ либерализмъ великихъ возвышенныхъ цѣлей и либерализмъ недостаточной нравственной энергіи.

XVI.

Черезъ нѣсколько недѣль м-ръ Дирекъ снова появился въ Матчингсъ-Изи. Онъ успѣлъ за это время опять съѣздить въ Голландію — отчасти, чтобы избѣжать упреки Сисси, отчасти для того, чтобы тамъ навести всякаго рода справки. Онъ намѣревался, было, проѣхать въ Бельгію, но та сумятица, въ которой находились всѣ его помыслы и чувства, остановили его, и онъ вернулся въ Англію.

Разумъ м-ра Дирека былъ озадаченъ . Онъ запутался въ парадоксѣ. Подобно подавляющему большинству американцевъ, симпатіи его были опредѣленно на сторонѣ союзни-

ковъ, но подобно очень многимъ изъ этого большинства, у него сложилось вполнѣ ясное убѣжденіе, что нехорошо и невозможно для Соединенныхъ Штатовъ принять участіе въ войнѣ. Его симпатіи было всецѣло съ Дауеръ-Хаузомъ и коттеджемъ его секретаря, и онъ расплакался бы отъ благороднаго волненія, если бы увидѣлъ «звѣзды и полосы» сплетенными съ тремя другими великими сине-бѣло-красными знаменами, которыя повели міръ противъ германскаго имперіализма и милитаризма, но, несмотря на это, разумъ его все еще не принялъ войны для Америки. Противъ всѣхъ этихъ чисто-эмоціональныхъ импульсовъ боролось нѣчто очень основное въ существѣ самого м-ра Дирека, какое-то предвзятое представленіе объ Америкѣ, какъ о политической единицѣ, стоящей совершенно въ сторонѣ отъ европейской системы,—объ Америкѣ, какъ новой исходной точкѣ для человѣчества. Америка должна была послужить началомъ соединенія человѣчества въ одно нераздѣльное цѣлое, но отнюдь ни германское, ни британское, ни французское, ни вообще національное цѣлое. Америка должна была стать великимъ опытомъ мира и здравомыслія. И задача ея была въ томъ, чтобы удержать цивилизацію и соціальный порядокъ отъ окончательной гибели въ этой свалкѣ, быть убѣжищемъ для всѣхъ тѣхъ болѣе высокихъ и благородныхъ чувствъ и явленій, которыя умираютъ въ атмосферѣ напряженія и волненій; ей предстояло поддерживать высокія мѣрила жизни и гуманитарныя права въ завоеванныхъ областяхъ и въ лагеряхъ плѣнныхъ; на долю Америки должна была выпасть задача быть исцѣлителемъ и арбитромъ; быть увѣщеваніемъ, а не карающей рукой. Вѣдь, и такъ уже довольно этихъ карающихъ рукъ!

Но это представленіе объ Америкѣ, разсудительной, увѣщевательной, стоящей въ сторонѣ, привело его къ выводу, который вселилъ въ него ужасъ. Если Америка не желаетъ и не намѣрена примѣнять силу въ цѣляхъ правосудія, — разсуждалъ онъ, — то, въ такомъ случаѣ, Америка не имѣетъ права выдѣлывать и вывозить военные припасы, орудія, снаряды. Она не должна торговать тѣмъ, что она принципіально отвергаетъ. У него было весьма преувеличенное представленіе о количествѣ снарядовъ и военныхъ припасовъ, которые Америка присылала союзникамъ, и онъ былъ даже склоненъ вѣрить, что державы согласія цѣликомъ зависѣли отъ Соединенныхъ Штатовъ въ вопросахъ снабженія, и поэтому легко убѣдилъ себя, что побѣда союзниковъ и честь Америки нераздѣлимы. Кромѣ того, — несмотря на свою этическую «нейтральность» — всѣ симпатіи

его были на сторонѣ союзниковъ. Ему непремѣнно хотѣлось, чтобы выиграли союзники и въ то же время ему хотѣлось, чтобы Америка отказалась отъ той работы, которая, какъ онъ вѣрилъ, была существенно необходима для ихъ побѣды. Это была своего рода интеллектуальная дилемма. И онъ скрывалъ это самопротиворѣчіе отъ Матчингсъ-Изи съ тѣмъ же приблизительно чувствомъ, съ которымъ, скажемъ, молодой пасторъ пряталъ бы у себя въ рукавѣ кинжалъ, сидя за чайнымъ столомъ у кого-нибудь изъ своихъ прихожанъ...

Вообще, не въ его привычкахъ было что-нибудь скрывать, — тѣмъ болѣе такое принципіальное противорѣчіе, — но онъ вполнѣ ясно сознавалъ, что въ настоящую минуту ни Сисси, ни м-ръ Бритлингъ не въ состояніи спокойно выслушать то, что при болѣе нормальныхъ условіяхъ было бы просто любопытнымъ моральнымъ казусомъ.

А тутъ еще Сисели все осложняла и затрудняла. Она была безжалостна съ нимъ. Держала его на почтительномъ разстояніи.

— Какъ могу я позволять вамъ ухаживать за мной, — говорила она, — когда всѣ наши англійскіе мужчины отправляются на войну, когда Тедди въ плѣну, а Гью въ окопахъ. Если-бъ я была мужчиной...

И ее никакъ нельзя было заставить войти въ положеніе Америки. Англія воевала за свою свободу, и Америка должна была быть бокъ-о-бокъ съ ней.

— Весь міръ долженъ объединиться противъ этого германскаго преступленія, — говорила Сисси.

— Но я дѣлаю все, что могу, для помощи Бельгіи, — протестовалъ онъ. — Развѣ я не работаю? Мы тамъ свыше четырехъ милліоновъ бельгійцевъ прокормили.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше упреки Сисели становились невыносимыми. И онъ чувствовалъ, что его начинаетъ что-то удалять отъ нея.

...Не можетъ же онъ заставить воевать Америку?!

Въ тишинѣ своего лондонскаго отеля онъ все обдумалъ. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, записывая приходящія въ голову мысли, подготовляя совершенно ясное, опредѣленное изложеніе взглядовъ здравомыслящей, уравновѣшенной, либеральной Америки. Но инстинктивное чувство осторожности заставляло его сперва испробовать, какое впечатлѣніе произведетъ его произведеніе на м-ра Бритлинга.

Но м-ръ Бритлингъ только оправдалъ самыя худшія

его ожиданія. Онъ уже былъ не въ состояніи что-нибудь выслушивать.

— Я не имѣю извѣстій, вотъ ужъ больше трехъ недѣль, отъ сына, — сказалъ первымъ дѣломъ м-ръ Бритлингъ, вмѣсто привѣта. — Сегодня ровно двадцать третій день безъ письма.

И м-ру Диреку показалось, что м-ръ Бритлингъ постарѣлъ на десять лѣтъ. Лицо его было все изрыто морщинами; цвѣтъ лица сталъ совершенно сѣрымъ. Онъ весь былъ какой-то неспокойный, непосѣдливый; было ясно, что нервы его крайне взвинчены, натянуты.

— Невыносимо это состояніе ожиданія и неизвѣстности. Мальчикъ находится всего въ какихъ-нибудь трехстахъ миляхъ отсюда...

И они нѣкоторое время поговорили о Гью, но м-ръ Бритлингъ былъ раздражителенъ и рѣзокъ и былъ явно готовъ считать м-ра Дирека отвѣтственнымъ за всѣ промахи англійскаго военнаго министерства, за предательство Болгаріи, двусмысленную политику Румыніи и за всякую другую неудачу, которая такъ или иначе дѣйствовала ему на нервы. Они кое-какъ позавтракали. И потомъ перешли покурить къ м-ру Бритлингу въ кабинетъ.

Здѣсь м-ръ Дирекъ имѣлъ несчастіе замѣтить на столѣ номеръ невиннаго американскаго журнальчика «The Hew Republic», лежавшаго рядомъ съ двумя-тремя экземплярами «The Fatherland», — которые въ то время упорно разсылались безплатно всѣмъ англійскимъ писателямъ.

М-ръ Дирекъ замѣтилъ было, что «The New Republic» интересная попытка de la jeunesse Americaine группироваться и высказаться. М-ръ Бритлингъ взглянулъ на «интересную попытку» усталымъ, недоброжелательнымъ окомъ.

— Вы, американцы, — сказалъ онъ — самый странный народъ во всемъ мірѣ.

— Наши условія — исключительныя — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Вы думаете? — замѣтилъ м-ръ Бритлингъ, и началъ изливать со все наростающей страстностью накопившееся у него въ душѣ озлобленіе противъ Америки. Въ началѣ онъ разсуждалъ и пояснялъ, но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, онъ начиналъ терять самообладаніе. Онъ сталъ догматиченъ, началъ обличать, бранить. Онъ все больше и больше отождествлялъ м-ра Дирека съ Америкой; онъ все болѣе и болѣе подчеркнуто швырялъ прямо ему въ лицо слово «вы». У него потухла сигара, и нетерпѣливымъ движеніемъ онъ швырнулъ

ее въ каминъ. Какъ будто Америка была виновата въ томъ, что у него потухла сигара.

Подобно многимъ британцамъ, въ м-рѣ Бритлингѣ жилъ тотъ оттѣнокъ патріотическаго чувства къ Америкѣ, которое сплошь и рядомъ принимаетъ форму нетерпѣливой критики. Никто въ Великобританіи никогда не называетъ американца иностранцемъ. Видѣть и находить ошибки и недостатки въ Германіи или Испаніи, значитъ давать волю безконечнымъ фонтанамъ сожалѣнія. Но ошибки и недостатки Америки задѣваютъ за живое британскую совѣсть такъ же точно, какъ и ошибки Англіи... М-ръ Бритлингъ могъ объяснить и оправдать ошибки Англіи; для этого ему стоило указать на англійскую «ганноверскую» династію, на господствующую церковь и ея притупляющее вліяніе, на «обязанности», налагаемыя великобританскими «имперскими» соображеніями и высасывающія всѣ запасы административнаго таланта страны, и т. д. Но въ Америкѣ дѣло обстояло иначе — это былъ осколокъ древней англійской расы, но уже безъ династіи, безъ церкви, не оправдывала себя. Его рѣчь, обращенная къ м-ру Диреку, не оправдывала себя. Его рѣчь, обращенная къ м-ру Диреку отдавала злобностью домашней ссоры. Привожу нѣсколько фразъ, особенно ярко запечатлѣвшихся въ памяти м-ра Дирека.

— Вы думаете, что вы навсегда избавились отъ всякихъ осложненій и будущихъ войнъ? Такъ думали и мы. Мы чувствовали себя также спокойно и безпечно въ 1871 г., когда случился крахъ съ Франціей... Вы думаете, что ваша высокомѣрная обособленность является въ нѣкоторомъ родѣ моральнымъ превосходствомъ? Такъ думали и мы; да! Такъ думали и мы...

...Но если мы погибнемъ сейчасъ, если мы будемъ разбиты, то вы и десяти лѣтъ не проживете спокойно...

...Неужели вы думаете, что если мы будемъ разбиты, Атлантическій океанъ достанется вамъ? Неужели вы думаете, что возможна какая-нибудь свобода морей внѣ той свободы, которую мы сейчасъ отстаиваемъ? Въ теченіе сорока лѣтъ британскій флотъ охраняетъ Америку отъ всякихъ посягательствъ со стороны Европы. А теперь вы за крѣпкой защитой нашего флота начинаете развивать свою пресловутую доктрину Монроэ...

...Меня тошнитъ отъ всѣхъ этихъ вашихъ высокомѣрныхъ пустыхъ разговоровъ о войнѣ... Вы — народъ эгоистичныхъ зрителей, спокойно наблюдающихъ, какъ насъ душатъ или мы душимъ. Вы играете на нашихъ шансахъ: побѣдимъ ли мы или нѣтъ. И мы побѣдимъ; да! Мы побѣ-

дины! И вы выиграете. А когда мы, наконецъ, добьемся побѣды, которая будетъ чуть-чуть менѣе ужасна, чѣмъ пораженіе, тогда вы вмѣшаетесь и будете вырабатывать условія нашего мира. Ну, что-жъ, высасывайте изъ насъ еще немного крови, чтобы доставить удовольствіе вашимъ псевдопатріотамъ...

Онъ пустилъ послѣднюю стрѣлу:

— Вы говорите о вашихъ новыхъ идеалахъ мира. Вы говорите, что вы слишкомъ горды, чтобы воевать. Но ваши нью-іоркскіе дѣльцы выдаютъ васъ съ головой. Почти во всѣхъ конторахъ Нью-Іорка виситъ на стѣнѣ маленькое объявленіе, которое болѣе, чѣмъ краснорѣчиво, говоритъ объ истинномъ миролюбіи Америки. Всѣ въ Америкѣ сейчасъ страшно заняты. Дѣла идутъ блестяще. И поэтому, чтобы имъ не мѣшали, вы и повѣсили объявленіе «Просятъ не говорить о войнѣ!..» Только подумайте!.. «Не говорить о войнѣ»! На карту поставлена судьба всего человѣчества, а Америка только чуть-чуть брюзжитъ, когда нѣмцы топятъ «Лузитанію», и безъ конца ворчитъ, когда мы задерживаемъ какой-нибудь американскій пароходъ или что-нибудь въ этомъ родѣ... Что же касается остального, то «Просятъ о войнѣ не говорить»!

— Что жъ, пусть будетъ такъ, не будемъ говорить о войнѣ... Ни слова о войнѣ! Но и вы не говорите со мной о войнѣ. Вы, искавшій годъ тому назадъ въ приходскихъ книгахъ своихъ эссекскихъ родственниковъ. Объяснить хотите? Зачѣмъ мнѣ ваши объясненія? И не надо мнѣ...—онъ передразнилъ акцентъ и стиль своего гостя—вашихъ «трудныхъ задачъ».

Онъ всталъ и остановился въ нерѣшительности. Онъ зналъ, что былъ чудовищно несправедливъ къ Америкѣ и непростительно невѣжливъ съ довѣрчиво пришедшимъ къ нему гостемъ; онъ зналъ, что нельзя было такъ рѣзко и грубо обрывать разговоръ. Но все же, на душѣ у него отлегло... А чтобы исправить... Нѣтъ, онъ радъ, что все это наговорилъ.

Онъ круто повернулся и вышелъ изъ комнаты.

М-ръ Дирекъ слышалъ, какъ онъ прошелъ черезъ холлъ и захлопнулъ за собою дверь маленькой гостиной...

М-ръ Дирекъ былъ глубоко взволнованъ этимъ трагическимъ взрывомъ негодованія и мучительными нотами, прозвучавшими въ голосѣ м-ра Бритлинга. Онъ тоже всталъ, но не послѣдовалъ за хозяиномъ дома.

— Это все изъ-за сына—сказалъ, наконецъ, м-ръ Дирекъ

конфиденціально письменному столу. — И какъ можно спорить съ нимъ! Вѣдь онъ сейчасъ въ ужасномъ состояніи...

XVII.

М-ръ Дирекъ простился съ миссисъ Бритлингъ и медленно направился къ маленькому коттеджу. Но онъ такъ и не дошелъ до коттеджа. Онъ чувствовалъ, что и тамъ тоже встрѣтитъ другую мятущуюся, томящуюся душу.

— Къ чему торчать тутъ и говорить разныя слова? — спросилъ себя м-ръ Дирекъ.

Онъ остановился у калитки изгороди, усѣлся на камни и глубоко задумался.

— Только одно убѣдитъ ее, — сказалъ онъ.

Онъ сперва потянулъ одинъ палецъ, потомъ другой.

— Сперва это, — шепнулъ онъ, — и затѣмъ то! Да!

Онъ дошелъ до поворота, откуда издали виденъ былъ коттеджъ, и постоялъ нѣкоторое время, глядя на него.

Затѣмъ въ еще болѣе грустномъ настроеніи вернулся на станцію, и съ каждымъ шагомъ ему казалось, что лучше было бы увидать Сисси злую и негодующую, чѣмъ вовсе ее не повидать.

У почтовой конторы онъ остановился, вошелъ, купилъ открытку и сталъ писать:

«Дорогая Сисси!—писалъ онъ.—Я пріѣхалъ сегодня васъ повидать, но потомъ передумалъ. Я уѣзжаю во Францію навести справки о Тедди. Авось, добьюсь чего-нибудь. Я не оставлю камня на камнѣ, все сдѣлаю, хотя бы для этого пришлось поѣхать на германскій фронтъ, но я узнаю. И когда я покончу съ этимъ вопросомъ, то у меня имѣется еще другой планъ въ головѣ... ну, который разсѣетъ это маленькое недоразумѣніе между нами относительно нейтралитета. И я люблю васъ такъ крѣпко, Сисси...»

Больше на открыткѣ не помѣщалось.

XVIII.

И затѣмъ, какъ будто это было нѣчто, чего всѣ ждали въ Дауеръ-Хаузѣ, пришло извѣстіе о томъ, что Гью убитъ.

Телеграмму привезла на велосипедѣ дѣвочка въ передникѣ; мальчики теперь исполняли работу юношей, а юноши — работу мужчинъ, ушедшихъ на войну.

М-ръ Бритлингъ стоялъ у параднаго подъѣзда. Онъ смотрѣлъ на пожелтѣвшія октябрьскія деревья, освѣщенныя теплыми лучами заходящаго солнца, когда появилась маленькая телеграфистка. Онъ распечаталъ телеграмму, надѣясь, какъ онъ надѣялся всякій разъ послѣ отъѣзда Гью на

фронтъ, что она не будетъ содержать именно тѣ слова, какія онъ сейчасъ читалъ; онъ надѣялся, что будетъ или «раненъ» или въ худшемъ случаѣ «пропалъ безъ вѣсти», или, что, можетъ быть, въ ней какой-нибудь пріятный сюрпризъ, вродѣ извѣстія о полученномъ кратковременномъ отпускѣ, на который была слабая надежда въ послѣднемъ письмѣ Гью. Онъ прочиталъ окончательное, безапелляціонное сообщеніе, выраженія сочувствія... Онъ съ минуту простоялъ совершенно неподвижно, не отнимая глазъ отъ написанныхъ карандашомъ строчекъ...

Отъ почтово-телеграфной конторы до Дауеръ-Хауза было около мили съ четвертью, и м-ръ Бритлингъ имѣлъ привычку давать всѣмъ мальчикамъ или дѣвочкамъ, привозящимъ ему телеграммы, два пенса, и ему очень хотѣлось отдѣлаться отъ телеграфистки, стоявшей передъ нимъ выжидающе, держа за руль свой красный велосипедъ. Ему было нехорошо, въ глазахъ помутнѣло; онъ чувствовалъ, что если не сдѣлаетъ надъ собой колоссальнаго усилія, не заберетъ себя какъ-нибудь въ руки, то громко закричитъ. Онъ началъ шарить по карманамъ, ища денегъ. Нашелъ нѣсколько мѣдяковъ и шиллингъ. Вынулъ ихъ, положилъ на ладонь и уставился на нихъ въ упоръ.

У него мелькнула нелѣпая мысль, что за эту телеграмму онъ непремѣнно долженъ дать дѣвочкѣ шесть пенсовъ. И это его страшно мучило. Ему хотѣлось дать дѣвочкѣ 6 пенсовъ, а у него были только три монеты по одному пенсу и серебряный шиллингъ, и онъ не зналъ, что дѣлать, мысль его отказывалась работать. Было бы какъ-то нехорошо дать ей шиллингъ, а съ другой стороны не могъ же онъ дать ей три мѣдяка за такое важное извѣстіе, какъ смерть Гью. И затѣмъ вдругъ вся эта дилемма куда-то исчезла, и онъ протянулъ дѣвочкѣ шиллингъ. Она выпучила на него глаза, вопросительно, словно не вѣря...

— Будетъ отвѣтъ, сэръ?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ. — Шиллингъ тебѣ ! Весь!.. Это особая телеграмма... Очень важная...

И пока онъ это говорилъ, онъ встрѣтился глазами съ ея глазами, и у него мелькнуло внезапное убѣжденіе, что она въ точности знаетъ, что стоитъ въ телеграммѣ, и что она шокирована такимъ «праздничнымъ» отношеніемъ его къ такому ужасному извѣстію. Онъ заколебался, чувствуя, что ему надо ей еще что-то сказать, а главное, онъ рѣшилъ, — ему надо отвернуться отъ ея уставленныхъ на него глазъ. Она стояла неподвижно, не снимая съ него взора. Она какъ-будто всѣмъ своимъ существомъ жадно всматривалась

въ него, старалась его запомнить, запечатлѣть въ своей памяти.

Онъ прошелъ мимо нея въ садъ и тотчасъ же забылъ о ея существованіи.

XIX.

Уже нѣсколько недѣль, какъ, не переставая, онъ думалъ объ этой возможности, и вотъ теперь, когда она пришла, у него было такое чувство, какъ будто никогда раньше онъ о ней не думалъ... Ему захотѣлось куда-нибудь уйти, и остаться одному, чтобы никѣмъ и ничѣмъ не отвлекаемому разобраться въ этомъ ужасномъ, чудовищномъ фактѣ...

Онъ увидалъ жену, идущую по дорожкѣ среди розовыхъ кустовъ. У него было сейчасъ такое же чувство, какъ въ дѣтствѣ, когда ему предстояло сознаться родителямъ въ чемъ-нибудь непріятномъ. Онъ чувствовалъ, что сейчасъ не въ состояніи перенести встрѣчу съ женой, не въ силахъ разсказать ей все, онъ не вынесетъ, чтобы его наблюдали. И онъ круто повернулъ налѣво, прошелъ, какъ будто не замѣтивъ ея, черезъ газонъ къ маленькой бесѣдочкѣ, стоявшей на холмикѣ, откуда видна была дорога. Она окликнула его, но онъ не отвѣтилъ...

Онъ рѣшилъ не оборачиваться, но въ теченіе нѣсколькихъ секундъ напрягалъ всѣ чувства и все вниманіе, чтобы услыхать, послѣдовала ли она за нимъ или нѣтъ.

Все обошлось хорошо. Она ушла въ домъ.

Онъ украдкой, почти съ виноватымъ видомъ, досталъ изъ кармана телеграмму и перечиталъ ее снова.

Убитъ.

И только теперь голосъ его глухой, хриплый чужой его слуху, произнесъ его мысль.

— Боже мой! Какъ нелѣпо!.. Зачѣмъ я пустилъ его? Зачѣмъ я пустилъ его?

XX.

Миссисъ Бритлингъ о постигшемъ ихъ ударѣ узнала только вечеромъ, послѣ обѣда. Она такъ привыкла не обращать вниманія на непонятныя перемѣны настроенія своего мужа, что, пока они не усѣлись за столъ, не замѣтила чего-нибудь трагическаго въ его обликѣ. Онъ какъ будто былъ разстроенъ, раздраженъ, склоненъ избѣгать разговоровъ съ ней, но такого рода состояніе было для нея не новостью. Она уже воспитала въ себѣ манеру не обращать никакого вниманія на его припадки мрачной насупленности. Но сегодня, сидя за столомъ, она взглянула на него, и сердце у

нея невольно вздрогнуло при видѣ его блѣднаго, измученнаго лица и глазъ, съ глубокимъ отчаяніемъ смотрѣвшихъ на нее.

— Гью, — сказала она. — Въ чемъ дѣло? Что случилось?

Они взглянули другъ на друга. Его лицо смягчилось, и его немного передернуло.

— Мой Гью, — шепнулъ онъ, и ни тотъ, ни другой нѣсколько секундъ не произнесли ни слова.

— Убитъ! — сказалъ онъ и вдругъ всталъ, расплакался и сталъ шарить по карманамъ.

Какъ будто онъ никакъ не могъ найти то, чего ищетъ. Но, наконецъ, нашелъ измятую телеграмму. Онъ бросилъ ее на столъ передъ женой, неуклюже отодвинулъ стулъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Она услышала, какъ онъ зарыдалъ, но не посмѣла поднять на него вторично глазъ.

— Боже! — воскликнула она, сообразивъ, какая непосильная задача была возложена на нее.

— Но что я могу ему сказать? — спросила она себя, держа телеграмму въ рукѣ.

Въ комнату вошла горничная.

— Убирайте со стола, — сказала миссисъ Бритлингъ, стоя у своего стула.

— Молодой баринъ убитъ...

И затѣмъ сама зарыдала:

— Что я могу сказать? Боже! Что я могу сдѣлать?

XXI.

Въ ту ночь миссисъ Бритлингъ сдѣлала надъ собой величайшее усиліе, дабы разрушить тюрьму самоуединенія и замкнутости, въ которую она заключила себя. Никогда раньше во всю жизнь ей такъ не хотѣлось быть непосредственной, открытой, какъ сейчасъ; никогда еще не чувствовала она себя столь стѣсненной своей робостью, самокритикой, глубоко вкоренившейся привычкой сдерживать себя. Она терзалась отраженнымъ горемъ. Ей казалось, что она готова сейчасъ отдать жизнь и весь міръ, чтобы быть въ состояніи утѣшить мужа. И она не могла придумать ни слова, ни жеста утѣшенія. Она вышла изъ столовой въ переднюю и стала прислушиваться. Она тихо поднялась наверхъ и подошла къ дверямъ комнаты мужа и остановилась, тоже прислушиваясь. Ничего не было слышно. Она протянула руку и, чуть-чуть повернувъ ручку двери, испугалась звука и своей смѣлости. И отняла руку; затѣмъ, съ жестомъ отчаянія, съ лицомъ блѣднымъ отъ мученій, тихо проскользнула по коридору къ своей комнатѣ.

Она была совершенно подавлена этой катастрофой, о которой до этого момента она даже не позволяла себѣ думать. Образъ мужа, который словно раненый, истекающій кровью затравленный звѣрь, сейчасъ такъ мучился тамъ, въ своей комнатѣ, заполнилъ всѣ ея мысли. Объ убитомъ Гью она почти не думала.

— О! что я могу сдѣлать для него? — спрашивала она себя, садясь въ спальнѣ передъ нетопленнымъ каминомъ. — Что могу я сдѣлать или сказать?

И ломала себѣ голову надъ этой мыслью, пока отъ холода не начала дрожать и тогда она затопила каминъ...

Поздно ночью, послѣ безконечнаго ряда сомнѣній и колебаній, миссисъ Бритлингъ пошла къ мужу. Онъ сидѣлъ у самаго камина, подперевъ подбородокъ руками, ожидая ее, онъ чувствовалъ, что она придетъ къ нему, а пока думалъ медленными, тихо двигающимися мыслями о Гью. Движеніемъ онъ показалъ, что слышалъ, какъ она вошла въ комнату, но не обернулся къ ней. Онъ только немного съежился при ея приближеніи.

Она подошла и стала рядомъ съ нимъ. Затѣмъ рѣшилась и мягко прикоснулась къ нему, погладила его по головѣ.

— Дорогой мой!.. — сказала она, — милый, бѣдный мой!..

— Для тебя это такъ ужасно, — сказала она, — я знаю! Это такъ ужасно! Вѣдь ты такъ любилъ его...

Онъ закрылъ лицо руками и какъ-то весь застылъ.

— Бѣдный мой, дорогой! — говорила она, все гладя его волосы, — бѣдный мой, милый!..

И продолжала говорить: «бѣдный мой, милый», повторяя это безъ конца, такъ какъ ничего другого придумать не могла. Ей страшно хотѣлось какъ-нибудь утѣшить его, и вскорѣ она убѣдилась, что это ей не удается, и что она безсильна. И это только усилило ея неудачу и увеличило парализующее сознаніе неудачи...

И вдругъ ея рука, гладившая его, остановилась. Вдругъ въ ней заговорила настоящая женщина.

— Я не могу добраться до тебя! — крикнула она громко. — Не могу достать тебя! Я все бы сдѣлала для тебя... Для тебя, съ полуразбитымъ сердцемъ...

Она повернулась къ двери. Пошла неувѣренно, неуклюже; ослѣпленная слезами...

М-ръ Бритлингъ отнялъ руки отъ лица. Онъ всталъ, пораженный, и затѣмъ жалость и подсказанное жалостью пониманіе покрыли собой его собственное горе. Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней и заключилъ ее въ объятія.

— Дорогая моя! — сказалъ онъ, — не уходи отъ меня!..

Она повернулась къ нему и, рыдая, обняла его за шею; онъ тоже рыдалъ.

— Бѣдная жена моя! — сказалъ онъ, — милая жена моя! Если бъ не ты... Мнѣ кажется, я покончилъ бы съ собой сегодня. Не плачь, милая, не плачь! Ты не знаешь, какъ мнѣ съ тобой легче! Ты не знаешь, какъ ты помогаешь мнѣ!

Онъ притянулъ ее къ себѣ; прижалъ щеку ея къ своей.

Сердце его такъ было истерзано и изранено, что ему невыносимы были страданія другого существа. Онъ сѣлъ въ кресло, притянулъ ее къ себѣ на колѣни и началъ ей говорить все то, что ему приходило въ голову, и что могло бы утѣшить, успокоить и заставить ее почувствовать, какъ онъ цѣнитъ ее. Онъ только не упомянулъ ни разу о миломъ блѣдномъ юношѣ, который теперь ждалъ... Ну, что жъ, онъ можетъ подождать еще немного...

И, наконецъ, она ушла отъ него.

— Покойной ночи, — сказалъ м-ръ Бритлингъ и провелъ ее до дверей. — Было очень, очень трогательно съ твоей стороны, что ты пришла и утѣшила меня, — сказалъ онъ.

XXII.

Онъ тихо закрылъ за ней дверь.

И едва закрылась дверь, какъ онъ совсѣмъ забылъ о женѣ. Онъ снова былъ одинъ въ огромномъ пустомъ мірѣ.

Одиночество ударило его глухимъ, тяжкимъ ударомъ. У него были люди, зависящіе отъ него, были заботы, но не было ни души, которой онъ могъ бы выплакать свое горе.

Онъ простоялъ нѣкоторое время у открытаго окна. Взглянулъ было на постель — но, нѣтъ, онъ зналъ, сонъ въ эту ночь не придетъ — пока не придетъ сонъ истощенія. Онъ взглянулъ на письменный столъ, за которымъ столько разъ писалъ. Но все написанное тамъ — съежилось, поблекло.

Комната сдѣлалась невыносимой. Онъ непремѣнно долженъ выйти. Онъ повернулся къ окну; за нимъ тревожно шумѣли ночныя птицы и гдѣ-то вдалекѣ ревѣли самцы-олени, темнѣли черныя деревья, мглистыя пятна; зіяло ясное и далекое небо, усѣянное множествомъ звѣздъ... Звѣзды какъ будто насторожились. Онѣ мерцали, но все же были неподвижны. Словно это были глаза какихъ-то вѣчно-бдящихъ наблюдателей... Онъ выйдетъ къ нимъ.

Онъ тихо прокрался къ двери въ коридоръ и еще тише нащупалъ путь къ лѣстницѣ и спустился по ней. Разъ или два онъ остановился было, прислушиваясь...

Стараясь какъ можно меньше шумѣть, онъ вышелъ въ садъ...

И пошелъ въ темноту...

И здѣсь повсюду, сзади, сбоку, рядомъ, былъ его мальчикъ, играя, лазя по деревьямъ, мчась сложными извивами на велосипедѣ по газону, серьезно обсуждая будущее, лежа на травѣ, тяжело дыша, рисуя смѣшныя карикатуры. Разъ или два они прошлись вдвоемъ, рядкомъ, по саду... какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ... бесѣдуя серьезно, но какъ-то нерѣшительно...

А вотъ тутъ они стояли, оба немного смущенные... тогда... передъ тѣмъ, какъ мальчикъ вошелъ въ домъ проститься съ мачехой и уѣхать съ отцомъ на станцію...

—Завтра я опять сяду за работу,—шепнулъ м-ръ Бритлингъ, — но сегодняшняя ночь... сегодняшняя ночь — твоя... Слышишь ты меня?.. Слышишь?.. Это твой отецъ, возложившій на тебя столько надеждъ!..

XXIII.

Онъ ушелъ въ дальній уголъ полянки для хоккея, и тамъ нѣкоторое время ходилъ взадъ-впередъ, затѣмъ долго стоялъ, держась за заборъ обѣими руками, тупо всматриваясь въ темноту. Наконецъ, онъ повернулся и, спотыкаясь и путаясь во тьмѣ, пошелъ къ розамъ. Какая-то колючая вѣтка задѣла его лицо, оцарапала его, и это его озлило. Онъ раздраженно отмахнулъ вѣтку, и она оцарапала ему руку. Добравшись до скамейки въ бесѣдкѣ, онъ сѣлъ и началъ что-то тихо нашептывать и затѣмъ сразу умолкъ, застылъ неподвижно, положивъ руку на спинку скамьи и голову на руку..

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ЗАВѢЩАНІЕ МАТЧИНГСЪ-ИЗИ.

Глава I.

Миссисъ Тедди отправляется гулять.

I.

Во всей Англіи, гдѣ раньше траурныя одежды были рѣдкостью, теперь повсюду въ блѣдныхъ лучахъ октябрьскаго солнца женщины и дѣти ходили въ новенькихъ черныхъ платьяхъ. Повсюду можно было встрѣтить эти свѣжія, еще непоблекшія печали матерей, потерявшихъ своихъ сыновей, женъ, потерявшихъ мужей, разбитыя жизни, раз-

рушенныя надежды. Красильщики изъ силъ выбивались, перекрашивая цвѣтныя платья въ черныя. Быстро возрастало количество калѣкъ и увѣчныхъ. Такъ было въ Англіи, въ еще большей мѣрѣ наблюдалось это во всѣхъ союзныхъ странахъ, и въ Германіи, и въ Австріи, и даже далеко въ Малую Азію и Египетъ, въ Индію, и Японію, и Италію проникъ трауръ, и міръ былъ преисполненъ утратами и скорбью, нуждой и обнищаніемъ.

Тѣмъ не менѣе таинственныя силы, потребовавшія эти жертвы отъ человѣчества, все еще продолжали оставаться ненасытными, и каждый новый день дополнялъ списки раздирающихъ сердце извѣстій и требовалъ новыхъ траурныхъ одеждъ и присылалъ домой новые эшелоны разбитыхъ и истерзанныхъ людей.

Нѣкоторые цѣплялись за надежды, но надежды оказывались часто болѣе ужасными, чѣмъ самыя черныя опредѣленности...

Миссисъ Тедди ходила по селу, спокойная, увѣренная, въ цвѣтномъ платьѣ. Въ спискѣ потерь про Тедди говорилось такъ: «Пропалъ безъ вѣсти, по дополнительнымъ свѣдѣніямъ — убитъ». Кромѣ того, она получила два письма отъ его товарищей. Они писали, что Тедди былъ оставленъ въ развалинахъ какой-то фермы, вмѣстѣ съ двумя-тремя другими ранеными, и когда канадцы отбили назадъ у нѣмцевъ ферму, всѣ эти раненые были найдены мертвыми, въ изуродованномъ видѣ. Ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ. Затѣмъ канадцамъ пришлось снова отступить.

М-ръ Дирекъ употребилъ массу усилій на розыски въ эвакуаціонныхъ госпиталяхъ Франціи и Лондона раненыхъ товарищей Тедди по ротѣ, и канадцевъ изъ того полка, который бралъ ферму, чтобы почерпнуть отъ нихъ какія-либо свѣдѣнія. Дѣлалъ онъ это, конечно, главнымъ образомъ, для Сисси. Но только одинъ изъ «очевидцевъ» далъ кой-какія опредѣленныя указанія относительно Тедди, но и онъ, увы, сообщилъ мало утѣшительнаго. Среди раненыхъ, оставленныхъ на фермѣ, былъ всего одинъ лейтенантъ, сообщилъ онъ, и, очевидно, это былъ Тедди.

— Онъ былъ проткнутъ насквозь штыкомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Голова его была почти совсѣмъ отрублена отъ туловища.

М-ръ Дирекъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Матчингсъ-Изи и разсказалъ объ этомъ Сисси.

— Какъ вы думаете, слѣдуетъ ли ей это сказать? — спросилъ онъ.

Сисси подумала.

— Пока не стоитъ, — рѣшила она.

Лицо Летти сильно измѣнилось въ теченіе этихъ тяжелыхъ недѣль, когда она упорно отрицала смерть мужа. Она вся поблѣднѣла, пожелтѣла; ротъ ея сталъ жесткимъ, злымъ; въ глазахъ появился жесткій блескъ. Она никогда не плакала; не подавала никакого знака печали или скорби и упорно говорила о Тедди сухимъ, спокойнымъ голосомъ. Она постоянно упоминала о его возвращеніи. «Тедди, — часто говорила она, — очень удивится этому», или «Тедди страшно разозлится, когда онъ замѣтитъ, что я это переставила».

—Мы скоро найдемъ его имя въ спискѣ плѣнныхъ, — говорила она. — Онъ раненъ и въ плѣну въ Германіи.

Она упорно держалась за эту версію. Данныхъ для этого у нея не было никакихъ, но она и слушать не хотѣла о какихъ-либо сомнѣніяхъ. Вскорѣ она начала готовить различныя посылки, чтобы отправить ихъ мужу.

— Вы знаете, они тамъ страшно нуждаются во всемъ, — говорила она. — Съ ними тамъ ужасно обращаются. Онъ еще не имѣлъ, очевидно, возможности написать мнѣ, но, по-моему, я не должна дожидаться его письма, и слѣдуетъ отправить ему что-нибудь немедленно.

Спустя нѣкоторое время, Летти уже невтерпежъ стало дожидаться адреса, и она отнесла свою первую посылку на почту.

— Мы не можемъ отправить ея, если вы не знаете, въ какой лагерь онъ заключенъ, — сказала ей начальница почтоваго отдѣленія.

— Жаль, — отвѣтила спокойно Летти. — Я лагеря не знаю. Неужели безъ этого нельзя послать? Я думала, что нѣмцы такъ аккуратны и что имъ такихъ подробностей и не надо...

Почтмейстерша начала долго и скучно что-то объяснять, но Летти какъ будто не слушала. Она глядѣла прямо передъ собой, въ пространство. Потомъ, когда почтмейстерша кончила свои объясненія, она взяла свою посылку.

— Досадно, что ему придется ждать, — сказала она, — но это дастъ намъ время выписать хорошія лепешки отъ кашля, которыхъ нѣтъ въ синдикатской лавкѣ.

И она положила посылку на видное мѣсто на буфетѣ въ кухнѣ и принялась вязать фуфайку для Тедди, къ зимѣ.

Но однажды вечеромъ бѣлая маска на мгновеніе спала съ ея лица.

Сисси и она сидѣли молча передъ каминомъ. Летти вязала — и вязала она плохо — а Сисси дѣлала видъ, что читаетъ, слѣдя украдкой все время за сестрой. И Сисси рѣшилась, наконецъ, заговорить.

— Милая, бѣдная Летти, — сказала она очень мягко и нѣжно. — А что, если онъ, дѣйствительно, убитъ?

Летти посмотрѣла на нее въ упоръ безжалостнымъ взоромъ.

— Онъ въ плѣну, — сказала она. — Развѣ тебѣ этого мало? Зачѣмъ ты еще издѣваешься надо мной? Раненъ и въ плѣну. Развѣ этимъ Богъ не достаточно наказалъ Тедди... нашего Тедди? До самой послѣдней минуты онъ не будетъ мертвымъ! Понимаешь? До конца войны! До истеченія шести мѣсяцевъ послѣ конца войны!.. И я скажу тебѣ почему, Сисси...

Она нагнулась черезъ столъ и подчеркивала свои слова вязальными спицами, говоря тономъ убѣждающе-доказательнымъ.

— Видишь ли, — сказала она, — если бы такихъ людей, какъ Тедди, убивали, тогда всѣ наши взгляды и принципы: что жизнь должна быть честной, что она создана для счастія и добра — ломанаго гроша не стоятъ; тогда этотъ міръ, наша земля — мѣсто бѣсовское, отвратительный, жестокій адъ. Рождаться на свѣтъ значило бы просто быть проклятымъ. И поэтому нельзя поддаваться этой мысли, хотя бы всѣ вѣроятности говорили за то, что онъ убитъ... Видишь ли, если онъ убитъ, тогда жестокость есть законъ, и кто-нибудь долженъ заплатить мнѣ за его смерть... кто-нибудь долженъ заплатить мнѣ... Я буду ждать шесть мѣсяцевъ послѣ окончанія войны, милая, и тогда я отправлюсь въ Германію. И убью какого-нибудь нѣмца. Не обыкновеннаго, простого нѣмца, а какого-нибудь изъ разряда виновныхъ. Это будетъ искупительная жертва. . . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Вотъ, что я сдѣлаю!.. Если Тэдди, дѣйствительно, умеръ... Годъ или два тому назадъ, мы, женщины, готовы были голодать и умереть за право голоса, а право голоса было ничто въ сравненіи съ этой войной... Понимаешь, что я хочу сказать? Вѣдь это [illegible] просто и логично, Сисси.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Глаза Летти сверкали и были [illegible], но голосъ ея былъ низокъ и [illegible]. [illegible] тѣмъ же обыкновеннымъ спокойнымъ [illegible], послѣ [illegible].

— [illegible] видишь теперь, Сисси, почему я такъ хватаюсь за мысль, что Тэдди еще живъ? Если Тэдди еще живъ, если [illegible] еще раненъ, то ему остается какой-то кусокъ жизни — и все это будетъ не такъ ужасно, не такъ нелѣпо. А если онъ умеръ, то все такъ отчаянно глупо и жестоко, съ начала до конца...

И она, не кончая фразы, натянуто, разсѣянно улыбнулась...

— Но, Летти, — сказала Сисси, — у тебя вѣдь мальчикъ.

— Мальчика я оставлю тебѣ. Въ сравненіи съ Тедди, я вотъ столечко не люблю мальчика. И никогда не любила его больше Тедди. Къ чему притворяться? Нѣкоторыя женщины такъ устроены, какъ я, вотъ и все.

Она стала разглаживать свое вязанье.

— Бѣдныя дѣти, — сказала она... — Я человѣкъ рѣшительный, Сисси. Я похожа больше на маму, чѣмъ на папу. Тедди — мое божество. Вся нѣжность моей жизни въ Тедди. Вмѣстѣ съ нимъ у меня будетъ отнята и жизнь... Я не буду ползать по міру, какъ всѣ эти [illegible] вдовы. Если они убили моего мужа, я тоже буду убивать. Кровь за кровь, потеря за потерю. Я доберусь какъ можно ближе до тѣхъ отдѣльныхъ нѣмцевъ, которые затѣяли эту войну, и убью ихъ и ихъ близкихъ...

. . . .

Она взглянула на испуганное лицо сестры и снова улыбнулась.

— Ты думаешь, я вотъ хожу все и смотрю куда-то въ пространство, въ пустоту, — замѣтила она. — Ничуть. Я все въ головѣ разрабатываю всякіе планы... Я думаю о томъ, какъ мнѣ пробраться въ Германію... А то, быть можетъ, удастся поймать ихъ въ Швейцаріи... У меня много разныхъ плановъ... Вѣдь не могутъ же они ходить, окруженные охраной, до безконечности...

... О! Я начинаю презирать человѣчество, когда вижу, какъ . . . . въ мірѣ . . . . . . мало убійцъ... И это послѣ всѣхъ ужасовъ, которыхъ мы насмотрѣлись!.. Если бы люди какъ слѣдуетъ пользовались [illegible], ... Ни одного!.. Кайзеръ и сыновья его и внуки не знали бы теперь ничего, кромѣ страха за свои жизни... Страхъ не переставалъ бы ихъ преслѣдовать только въ ту минуту, когда гробъ опускался бы въ могилу. Страхъ на морѣ, страхъ на сушѣ, опасенія за пароходъ, на которомъ онъ плыветъ, за поѣздъ, въ которомъ онъ ѣдетъ, страхъ во снѣ передъ смертью въ его снахъ, страхъ на яву передъ смертью въ каждой тѣни; страхъ въ каждой толпѣ; страхъ, когда онъ остается одинъ!.. Страхъ преслѣдовалъ бы его въ лѣсу, прятался бы въ углу подъ

лѣстницей; страхъ придавалъ бы странный вкусъ его ѣдѣ, такъ что онъ выплевывалъ бы ее...

Она сидѣла нѣсколько минутъ очень тихо, какъ бы обдумывая эту мысль, потомъ встала.

— Какія глупости болтаешь иногда! — воскликнула она и зѣвнула. — Странно, почему бѣдный Тедди не посылаетъ мнѣ до сихъ поръ открытки или не сообщаетъ своего адреса. Хочешь, скажу тебѣ, Сисси, чего я, дѣйствительно, боюсь, какъ бы не случилось съ нимъ?

— Что? — спросила Сисси.

— Боюсь, какъ бы онъ не лишился дара памяти. А что, если онъ былъ контуженъ въ голову снарядомъ?.. Мнѣ онъ недавно приснился: у него было странное выраженіе глазъ, и какъ будто онъ не могъ узнать меня. Вотъ что-нибудь въ такомъ родѣ дѣйствительно могло бы съ нимъ случиться... И тогда, это было бы ужасно...

Глаза Сисси имѣли какое-то критическое выраженіе, но она ничего не сказала.

Наступило нѣсколько минутъ молчанія.

— О! спать пора! — сказала Летти. — Хотя я-то буду просто лежать и придумывать новые планы мести.

II.

Всю ту ночь Сисси не спала, лежала и думала о сестрѣ, словно до этого никогда о ней не думала.

Она начала взвѣшивать впечатлѣнія, тысячи воспоминаній. Разница въ лѣтахъ ея и сестры была небольшая; онѣ были очень близки другъ къ другу, очень дружны, и все же въ эту ночь Сисси казалось, какъ будто она совсѣмъ своей сестры не знаетъ. Годъ тому назадъ она была бы увѣрена, что знаетъ Летти насквозь. Но прежняя, знакомая Летти, съ яркимъ цвѣтомъ лица и шаловливыми глазами, съ ея открытой, восторженной страстью къ Тедди, съ ея любовью къ юмористическимъ мистификаціямъ и спорту, и солнцу, и смѣху жизни, эта сестра Летти, которая была такъ положительна и уравновѣшена — теперь была отброшена въ сторону, словно маска. Сисси ужъ больше не узнавала глазъ сестры. Руки Летти стали худыми и незнакомыми и уже немного сморщенными; черты лица стали какъ-то острѣе, губы тоньше; ея поступки, которые раньше всегда можно было съ точностью подсказать, теперь стали непонятны, и Сисси невольно стала гадать и разсуждать. Въ школьные годы на Летти находили полосы крайней чувствительности; ее легко, напримѣръ, можно было растрогать до слезъ. Но она ни разу не заплакала и не проявила какихъ-нибудь признаковъ слезъ

съ тѣхъ поръ, какъ имя Тедди появилось въ «спискѣ потерь» Въ чемъ же была сила этой трагической напряженности? Насколько у нея хватитъ этой силы, и до чего ее доведетъ это напряженіе? Неужели Летти была дѣйствительно способна стать второй Шарлоттой Кордэ? Неужели она способна выносить до конца какой-то сложный планъ сознательной мести, выносить и выполнить его? Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ и лѣтъ готовиться и идти все ближе и ближе къ цѣли?

Неужели такая сознательная, преднамѣренная месть возможна?

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Еще совсѣмъ недавно воображеніе Сисси могло бы увлечься такой романтической мечтой. Вѣдь всего годъ-два, какъ она выросла изъ мелодрамы. Но она, дѣйствительно, выросла изъ нея. Она выросла и начала относиться ко всему глубже и мудрѣе. Она начала сознавать, что люди никогда не совершаютъ такихъ простыхъ поступковъ. Теперь ужъ больше не бываетъ великой, священной мести; а только рядъ мелкихъ, подленькихъ местей; нѣтъ ненависти, карающей мести на всю жизнь, кромѣ развѣ неумолимой мести закона. Нигдѣ, ни въ чемъ нѣтъ той настоящей концентраціи человѣческой энергіи, какія требуется романтикой. Вездѣ, во всемъ — распыленіе. Даже и трагическую исторію съ Тедди смягчитъ и сгладитъ время. Даже для преступленія германскихъ принцевъ вскорѣ будутъ придуманы смягчающія обстоятельства. Такъ неужели Летти въ состояніи будетъ въ теченіе ряда лѣтъ поддерживать въ себѣ эту рѣшимость, жестокую и ужасную? Вѣдь, навѣрное, она сдастся, смягчится, другіе интересы, другія явленія поглотятъ ее.

И нахлынулъ рядъ воспоминаній о Летти въ школьные годы, о разныхъ ея приключеніяхъ, когда она выходила побѣдительницей, или когда она терпѣла неудачу; о Летти испуганной, Летти озлобленной, Летти, пустившейся на большія дѣла, упорно преуспѣвающей нѣкоторое время и затѣмъ терпящей неудачу. Она видѣла Летти подавленной, плачущей, пристыженной и униженной. Она знала свою Летти до глубины души. Бѣдная Летти! Бѣдная, милая Летти! И со внезапной ясностью духовнаго прозрѣнія, Сисси поняла, что именно происходитъ въ мысляхъ сестры. Вся эта сложная схема мести была лишь игрой воображенія, съ помощью которой Летти отгораживалась отъ черной альтернативы своей по-

слѣдней надежды. Это была не сила, а слабость. Она не могла прямо посмотрѣла въ лицо факту. Это было ей не по силамъ. И вотъ она создавала себѣ мечту о мести, готовя ее къ тому дню, когда ей ужъ не по силамъ будетъ отрицать факты. Она, въ сущности, была уже убѣждена въ смерти мужа, но только она не сознается въ этомъ своемъ убѣжденіи, пока мечта ея не будетъ окончательно готова. И если это состояніе напряженія будетъ продолжаться, она сумѣетъ такъ укрѣпить въ себѣ и утвердить эту мечту, что она окончательно возьметъ власть надъ ея мыслями.

Она будетъ тогда ходить воображая, что она готовится къ [illegible], потому что она никогда, въ сущности, [illegible] карты Германіи; она будетъ [illegible] руку про германскихъ [illegible] правителей; можетъ быть, она даже [illegible] слабыхъ попытокъ получить какое-нибудь [illegible] или Германіи. Можетъ быть, [illegible] . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

[illegible] этого существа, въ которое, быть можетъ, обратится Лэтти, [illegible], неряшливая, съ [illegible] косой, [illegible] объ убійствѣ, все еще служащая у м-ра Бритлинга, но исполняющая свои обязанности плохо, рассѣянно, неаккуратно...

[illegible] надо будетъ это сказать, ей надо будетъ поскорѣе убѣдить, что такъ нельзя, иначе она навѣрное обратится въ полусумасшедшую, въ странное, эксцентричное существо.

III.

[illegible] себѣ отчета въ душевныхъ переживаніяхъ и въ [illegible] Лэтти, [illegible].

Она сама тоже запуталась. Она очень привязалась къ м-ру Диреку и начала питать большое довѣріе къ нему и увѣренность въ немъ, а между тѣмъ ея привязанность, ея чувство къ нему проявилось только въ томъ, что она постоянно упрекала его и Америку за неучастіе въ войнѣ. Она влюбилась въ него еще тогда, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ у Бритлинговъ въ своемъ фантастическомъ [illegible] костюмѣ; она была молодой дѣвушкой съ болѣе сильно развитымъ вкусомъ къ [illegible], чѣмъ она предполагала; и, такимъ образомъ, она то именно и полюбила въ

немъ, — хотя этого не знала, — что онъ никогда не былъ расположенъ внести этотъ духъ маскараднаго костюма въ повседневную жизнь. Въ началѣ онъ произвелъ впечатлѣніе и на ея воображеніе и на ея чувства, и ей хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ это дѣлать. А вмѣсто этого онъ, какъ будто, все больше и больше опускался въ повторныя увѣренія своей преданности и въ плоское, честное исполненіе [illegible] тарныхъ обязанностей. Теперь онъ все время пытался [illegible] ждать ее, что то, что онъ дѣлаетъ, [illegible] то, что [illegible] дѣлать. И онъ не понималъ, [illegible] тоже — [illegible] жало ее внутренно [illegible] судительность. [illegible] онъ старался быть [illegible] разсудительнѣе.

А все-таки [illegible] ный, добрый, [illegible] былъ такъ [illegible] разстраивать его, [illegible] шіяся убѣжденія.

Когда [illegible] о возлюбленномъ, [illegible] вался ей совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она [illegible] не представляла себѣ [illegible] она расходилась [illegible] поступалъ бы [illegible].

И поэтому она [illegible] хотѣла слушать его [illegible] судить съ [illegible] совѣсти относительно того, что Америка [illegible] ковъ снарядами и пушками, были [illegible] сложнымъ и благороднымъ. [illegible] тоже [illegible] заставлила его чувствовать себя въ [illegible] смыслѣ ренегатомъ; а ея утвержденія, что онъ [illegible] степени [illegible] хотя она [illegible] что это неправда. И вотъ [illegible] былъ найти себѣ [illegible] исполненія которой онъ былъ [illegible] съ Сюзан [illegible].

И съ [illegible] свѣ-дѣнія, какія можно было собрать [illegible].

А тѣмъ временемъ [illegible] У него нѣкоторое [illegible] Въ одинъ прекрасный день онъ [illegible], что это — откровеніе, вдохновеніе. [illegible] что Америка не [illegible]

то же время самъ онъ можетъ вести себя такъ, что это удовлетворитъ Сисси. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Когда онъ пріѣхалъ по ея зову въ Матчингсъ-Изи, чтобы убѣдить Летти въ безспорности участи, постигшей Тедди, онъ прибылъ въ необычайномъ костюмѣ. Это былъ костюмъ, равносильный для м-ра Дирека международному событію; это былъ костюмъ, который, по мнѣнію м-ра Дирека, виденъ былъ бы до Берлина. А между тѣмъ это былъ костюмъ столь обыденный, столь распространенный въ эти дни, что Сисси, встрѣтившая его на станціи, и занятая всецѣло горемъ сестры, не обратила на него никакого вниманія, и скорѣе почувствовала, чѣмъ замѣтила, что онъ выглядитъ какъ-то здоровѣе и крѣпче, чѣмъ когда-либо.

Онъ изложилъ Летти всѣ имѣющіяся у него свѣдѣнія. Это было странное, немного безсвязное повѣствованіе, составленный изъ отдѣльныхъ кусочковъ разсказъ.

— По всей вѣроятности, — заявила Летти, — если я вамъ теперь скажу, что я не вѣрю въ то, что тотъ раненый офицеръ былъ Тедди, вы всѣ сочтете меня сумасшедшей... Но я не вѣрю...

И она нѣкоторое время осталась сидѣть, глядя прямо передъ собой въ пространство. Затѣмъ вдругъ вскочила и начала доставать съ вѣшалки кофточку и шляпу. Ремешекъ на кофточкѣ запутался и она стала раздраженно дергать его, пока не порвала.

— Куда идешь?—спросила Сисси.

Голосъ Летти, когда она отвѣтила черезъ плечо, былъ жесткимъ голосомъ бранящейся сварливой женщины.

— Иду, куда хочу!..

Она обернулась, держа кофточку въ рукѣ.

— Неужели я не могу выйти, если мнѣ хочется? — спросила она.—День прекрасный... погода великолѣпная... Неужели я должна сидѣть дома?.. Очевидно, вы думаете, что я должна сразу проглотить и переварить то, что вы мнѣ сейчасъ сказали... Улыбнуться и сказать «Неужели»... «Онъ былъ брошенъ... въ то время, какъ его рота отступала?»... «Ахъ, какъ занятно»... Да? Такъ?.. И перестать объ этомъ думать?.. Кромѣ того я должна выйти... Вамъ обоимъ хочется остаться вдвоемъ... Вамъ хочется понѣжничать... Ну, что жъ, понѣжничайте, пока еще можете...

И она надѣла шляпу и кофточку, нахлобучивъ шляпу почти на глаза, и сказала нѣчто, чего Сисси сразу не поняла.

— Ему тоже придется скоро познакомиться съ окопами. Теперь, когда онъ, наконецъ, рѣшился... Жаль только, что раньше не могъ рѣшиться...

Она повернулась къ нимъ спиной, словно о нихъ совсѣмъ забыла. Постояла минуточку, какъ будто у нея ноги стали деревянными... Затѣмъ пошла медленными, широкими, неувѣренными шагами. Она вышла въ лучи осенняго солнца, похожая на смертельно раненаго человѣка, который все еще въ состояніи держаться на ногахъ и ходить. И оставила за собою дверь широко раскрытой.

IV.

И только тутъ Сисси, глазами полными отчаянія и боли за сестру, разглядѣла, что м-ръ Дирекъ былъ въ формѣ одного изъ Канадскихъ полковъ.

Онъ стоялъ рядомъ съ ней, и ему было какъ-то стыдно, что въ такую минуту его форма и то, что на его форму никто не обращаетъ вниманія, такъ занимаютъ его мысль.

V.

Сисси правильно опредѣлила психологію сестры. Мечта о мести еще недостаточно крѣпко завладѣла мыслями Летти, чтобы она была въ силахъ справиться съ доказательствомъ смерти Тедди. И теперь она вышла въ освѣщенный солнцемъ міръ, почти окончательно убѣжденная въ смерти Тедди и въ то же время сознавая, что ея мечта, ея сонъ о драматической и страшной мести — покинулъ ее навсегда. Она знала, что въ дѣйствительности она никогда ни на что подобное не рѣшится...

Она шла съ застывшимъ лицомъ и глазами, какъ будто ничего не видящими, но въ то же время у нея было такое чувство, словно тяжелое бремя было снято съ ея плечъ. Кончилось! Не на что больше надѣяться! Нечего больше бояться! Она пришла бы въ ужасъ, если-бъ это сознавала, но, въ дѣйствительности, она почувствовала нѣкоторое облегченіе.

Ей хотѣлось быть одной. Хотѣлось уйти отъ всякихъ глазъ. Она была похожа на какое-то существо, которое послѣ кошмарной инкубаціи родилось, наконецъ, на свѣтъ яснаго, холоднаго дня. Ей надо было почувствовать себя самой собою; ей надо было какъ-нибудь освоиться съ этими холодными, солнечными лучами, въ этомъ новомъ мірѣ, гдѣ ужъ не будетъ Тедди, не будетъ никакой настоящей мести и вознагражденія за Тедди, гдѣ Тедди сталъ прошлымъ!..

Она прошла разбросанное въ безпорядкѣ село, и вышла черезъ поле на склонъ холма, откуда виденъ былъ Мертенсомъ и его церковная колокольня. И тамъ, гдѣ склонъ холма начинаетъ сливаться съ равниной, она бросилась на траву у изгороди, отдѣлявшей дороту, и тихо лежала... Она не

столько думала, сколько оставалась пустой, ожидая, чтобы начали формироваться въ головѣ какія-нибудь впечатлѣнія.

Она не знала, прошло пять ли минутъ или полчаса, какъ она вдругъ замѣтила... что кто-то смотритъ на нее. Она вздрогнула, обернулась и увидала, что у изгороди стоитъ молодой мѣстный пасторъ, съ выраженіемъ озабоченности на здоровомъ толстощекомъ лицѣ.

И вдругъ она [illegible] раза четыре послѣ исчезновенія [illegible] какъ этотъ добрый человѣкъ [illegible], всегда съ той же опредѣленной рѣшительностью [illegible] тѣми же нерѣшительными колебаніями, [illegible] считаетъ себя обязаннымъ [illegible] традиціямъ, подойти [illegible] и «духовную поддержку» [illegible], больныхъ, избѣгая [illegible] погладить [illegible]. [illegible] Она знала, что [illegible] глубинѣ души своей, что онъ [illegible] извѣстно. Въ глубинѣ души [illegible], чтобы [illegible] тому, кому онъ [illegible] предполагать, что она охотно приметъ его [illegible] бы не колебался. Это [illegible]. Благодаря своей [illegible] останавливавшійся [illegible].

[illegible] свою [illegible] прогулку «для моціона» [illegible] подъ изгородью. Потомъ [illegible]. И теперь она смотрѣла на него [illegible], ничего не выражающимъ [illegible].

[illegible] смотрѣла [illegible], пока его круглое [illegible] не [illegible] смущенія. [illegible] Какъ будто онъ [illegible].

— [illegible]... не хотѣлъ [illegible]...

[illegible] утѣшить [illegible]!

Онъ [illegible] назадъ и [illegible] что онъ собирался [illegible] дорогѣ, почти побѣжалъ.

— Бѣдная женщина!.. — воскликнулъ онъ. — Бѣдная женщина!

И оставилъ ее, все еще глядящей на него въ упоръ.

Она долго глядѣла и затѣмъ расхохоталась.

Вотъ занятно! Вотъ она разскажетъ все Тедди, когда онъ вернется, и онъ тоже будетъ смѣяться!.. И вдругъ она снова начала сознавать: нѣтъ больше Тедди, и нельзя будетъ ничего разсказывать... И внезапно, для нея самой неожиданно, она зарыдала...

— О, Тедди! Тедди... — кричала она сквозь потоки слезъ. — Какъ ты могъ бросить меня? Какъ я это вынесу?..

Ни одной слезы не пролила она до сихъ поръ съ той самой минуты, когда пришло первое извѣстіе объ исчезновеніи Тедди. А теперь она могла плакать, могла выплакать свое горе... И она отдалась [illegible], [illegible]о, этому единственному облегченію.

VI.

Но и слезамъ пришелъ конецъ, и Летти лежала неподвижно, беззвучно, въ красныхъ лучахъ заходящаго солнца.

Она лежала такъ тихо и такъ неподвижно, что вскорѣ маленькая плистовочка спустилась на траву совсѣмъ рядомъ съ ней и съ любопытствомъ посмотрѣла на нее. Затѣмъ сдѣлала еще прыжокъ-другой ближе къ ней.

Летти лежала въ состояніи полнаго пассивнаго забвенія, съ широко раскрытыми, мокрыми, вспухшими глазами, ничего не замѣчая. Но эти быстрые, норовистые прыжки вернули ее къ дѣйствительности. Она начала наблюдать плистовочку, замѣчать, какъ она искоса посматриваетъ на нее и какъ будто собирается подпрыгнуть еще ближе. Летти сдѣлала едва замѣтное движеніе, и птичка сидѣла уже далеко наверху, на вѣткѣ надъ ея головой.

VII.

Вскорѣ она услышала чьи-то шаги, приближающіеся къ ней по травѣ.

Она посмотрѣла черезъ плечо и увидѣла м-ра Бритлинга, идущаго по тропинкѣ, пересѣкающей поле. Онъ былъ очень блѣденъ, видъ у него былъ усталый, разсѣянный, и даже его щетинистые волосы и подстриженные усы говорили объ общемъ, охватившемъ его смятеніи. Онъ былъ одѣтъ въ старенькій спортивный костюмчикъ, съ брюками до колѣнъ, и несъ въ рукахъ [illegible] какіе-то бумаги. Чувствовалась какая-то нерѣшительность въ его движеніяхъ. Какъ будто онъ хотѣлъ [illegible] и не былъ увѣренъ, какъ она его встрѣтитъ.

Онъ заговорилъ прямо, безъ всякихъ предисловій.

— Вамъ Дирекъ разсказалъ? — спросилъ онъ, подойдя и останавливаясь надъ ней.

Она отвѣтила всхлипываніемъ.

— Я боялся, что такъ и есть, и все же не хотѣлось мнѣ вѣрить, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — не хотѣлъ вѣрить... до сихъ поръ.

Онъ какъ будто не зналъ, оставаться ли ему или идти дальше, затѣмъ опустился на траву недалеко отъ нея; сперва на колѣни, потомъ усѣлся. Наступило молчаніе.

— Въ началѣ страшно больно, страшно... — сказалъ онъ, наконецъ, глядя вдаль на мертенсомскую колокольню, и говоря какъ будто въ пространство. — И болитъ... и продолжаетъ болѣть... и никому ничего нельзя сказать...

Онъ опять замолчалъ. Но оба они какъ-то другъ друга утѣшали своимъ присутствіемъ и знали, что они утѣшаютъ другъ друга. Вѣдь ихъ обоихъ постигло одно и то же горе; и они знали и понимали, что это значитъ.

Она взяла какую-то вѣточку и начала рыть ею ямочки въ землѣ.

— Странно, — сказала она. — но я рада, что теперь знаю навѣрняка...

— Я это понимаю! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Конецъ теперь кошмарамъ!.. Вѣдь не столько было у меня надеждъ, сколько страховъ и опасеній... Я не хотѣла допустить, что онъ раненъ или убитъ... Потому что... я не могла думать объ этомъ, не думая... что это ужасно... А теперь...

— Теперь кончено! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Теперь все стало опредѣленнымъ, — сказала она послѣ паузы.—Думаешь, что онъ опять уснулъ... навсегда...

Но это ея не удовлетворило. Она думала еще о чемъ-то:

— Знаете, теперь конецъ этой... середкѣ-на-половину...— сказала она. — Онъ или умеръ или живъ...

Она взглянула на м-ра Бритлинга, словно хотѣла испытать, измѣрить его способность понимать.

— Вы еще сомнѣваетесь? — спросилъ онъ.

— Мысленно я теперь удовлетворена... до нѣкоторой степени. Онъ не былъ тамъ... если онъ не былъ убитъ... Но если я сейчасъ увидала бы Тедди вотъ тутъ, за изгородью, направляющагося ко мнѣ... это было бы совсѣмъ естественно... Нѣтъ, не пугайтесь, не смотрите на меня такъ... Я знаю, что онъ, дѣйствительно, умеръ. И это — утѣшеніе. Это — покой, успокоеніе... Всѣ мысли о томъ, что онъ гдѣ-то лежитъ изуродованный... весь истерзанный... кричитъ и лежитъ, и все

въ этомъ родѣ... эти мысли исчезли... Онъ снова мой цѣлый, нетронутый Тедди... Только я его не вижу... нетронутый... Спитъ...

Она продолжала рыть ямочки вѣточкой, а слезы ручьями текли по щекамъ.

Тогда заговорилъ м-ръ Бритлингъ.

— Для меня это пришло совершенно неожиданно, безъ сомнѣній или надеждъ. До послѣдней минуты я надѣялся, что Гью останется нетронутымъ. А потомъ сразу... мгновенно... какъ будто бы опустилась черная штора...

Онъ задумался.

— И мнѣ иногда тоже кажется... временами... какъ будто Гью гдѣ-то тутъ поблизости, за угломъ... а временами все... пустота.

— Временами, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, — я ничего не чувствую, кромѣ удивленія. Все становится такъ невѣроятнымъ. Точно такъ же, какъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль послѣ начала войны, я не могъ повѣрить, чтобы современный, огромный народъ могъ дѣйствительно отдаться войнѣ... серьезно... всѣмъ сердцемъ... И они убили Тедди и Гью...

... Они убили милліоны... милліоны... у которыхъ имѣются и отцы, и матери, и жены, и невѣсты...

VIII.

— Я не могу говорить объ этомъ съ женой. Знаю, это нелѣпо. Но какъ-то не могу... И это нечестно по отношенію къ ней... Совсѣмъ скоро послѣ того, какъ мы женились, я пересталъ съ ней говорить., т. е. говорить по-настоящему, просто... какъ я говорю съ вами... И съ тѣхъ поръ я никогда не могъ... не знаю почему... И въ особенности не могу я говорить съ ней о Гью... Какіе-то пустячки... какія-то тѣни, намеки на критическое отношеніе... но этого достаточно, чтобы я не могъ говорить... И я хожу и думаю о Гью и о томъ, что съ нимъ случилось... и иногда... какъ будто начинаю задыхаться...

Летти мысленно сравнила его состояніе съ своимъ...

— А мнѣ не хочется говорить о Тедди... ни слова.

— Странно. Но, можетъ быть, сынъ — это другое дѣло. Теперь, когда я начинаю объ этомъ думать, вспоминаю, что я никогда не говорилъ о Мэри... Ни съ кѣмъ, никогда. Я объ этомъ какъ-то раньше не думалъ. Но, ни съ кѣмъ и никогда я не говорилъ о ней! И не могъ бы говорить! Нѣтъ! Терять возлюбленнаго... это что-то чисто свое, личное. Я это пережилъ, видите ли, и понимаю... А сынъ какъ-то болѣе «внѣ» своего, личнаго... Совсѣмъ «внѣ» твоего «я»... Онъ

въ большей мѣрѣ твое созданіе. Теряя сына, не теряешь чего-то, что было въ тебѣ: теряешь какую-то надежду и гордость... ...-то даже, когда я былъ очень маленькимъ, помню, я очень ...тельно и долго работалъ надъ какимъ-то рисункомъ. Потратилъ на него много времени. И пришелъ другой мальчикъ постарше, ... у меня рисунокъ и порвалъ его. Такъ, безъ всякаго повода... Такъ вотъ... это то же самое... ...ъ эта потеря Гью...

...етти задумалась.

— Нѣтъ, — ... — Я болѣе эгоистична!

— Это не эгоизмъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Это ... совершенно ... Нѣчто совсѣмъ другое. ... время гораздо лично...

— Я сейчасъ только ... «Онъ ушелъ. Онъ ...». И знаете, временами я какъ будто сержусь на него: ...ъ ему непредобилось уйти... такъ скоро?

...-ръ Бритлингъ ... понимая...

— Я не сержусь, я даже не ... Мнѣ только ужасно ... что ... за ростомъ и развитіемъ че... хотѣлось слѣдить непрерывно... всю жизнь, — сказалъ ...ъ. — Я не знаю, какія отношенія существуютъ между большинствомъ отцовъ и сыновей... но я восхищался Гью. Я находилъ въ немъ ... удивительныя и рѣдкостныя качества. ...ивался, ... въ немъ ...уніе. Онъ былъ тихъ и ... Онъ казался ... Но въ немъ была какая-то ... утонченность, какое-то поразительное благородство. Это было ... нѣжнѣйшей и ... отношенія ... безстрастныя иллюзіи ... Это было ... Знаете, когда ему было ... вздрагивалъ ... начала быть ... когда онъ родился, у ... были похожи ... это очень ... тѣльше рукой. Оно ... какъ ... необычайно ... длинныя ... голосѣ м-ра Бритлинга, — и ... созданіе, этотъ ... быстрая, какъ вода, гибкая, какъ ... уничтожена...

... Я не хочу этимъ сказать, что онъ былъ сверхчеловѣкомъ. Часто, и даже очень часто, я сердился на него, разоча-

ровывался въ немъ. Въ немъ было много всякихъ слабыхъ мѣстъ. И мы всѣ ихъ знали. И не обращали вниманія. Даже за это его больше любили. И его странную, [illegible]-то [illegible] даровитость... И глубокій умъ его. И вотъ это нѣжное и благородное созданіе, всѣ эти [illegible] воспоминанія [illegible] мозгу, всѣ его капризы, его [illegible] выдумки... [illegible] что? Я получилъ письмо отъ [illegible] въ Гью черезъ бойницу. [illegible] кровь... Только подумайте!.. [illegible] крови... клочья разод[illegible] и мозгъ... [illegible] мгновеніе... уничтожено... [illegible] лѣтъ любви и заботы...

Онъ сидѣлъ [illegible] продолжалъ:

— Научить его [illegible] заботъ... Я самъ научилъ [illegible] бонна была очень [illegible] [illegible]ное существо, [illegible] нія, всякой одухотворенности. Поэтому [illegible] всякаго рода способы [illegible] было даже лишнее. Онъ [illegible] кія трудности. Онъ сразу схватывалъ все, что [illegible] объяснить, и все понималъ...

... Онъ пришелъ [illegible], какъ вотъ эта [illegible], [illegible]...

... И онъ сломанъ, [illegible] гильза отъ охотничьяго [illegible]...

М-ръ Бритлингъ [illegible] ся о колѣни, а лицо [illegible] застылъ. Волосы [illegible] руки торчалъ [illegible] щеки, и отъ этого [illegible] огромный атласъ, [illegible] словно [illegible] сидѣлъ онъ [illegible] Не какъ-то они [illegible] находили больше [illegible] не чувствовали [illegible]

III

Первымъ нарушилъ [illegible] онъ отнялъ руки отъ [illegible] она вдругъ сказала нѣчто, что показалось [illegible] изъ самыхъ [illegible]разитель-

ныхъ и неожиданныхъ вещей, какія она слыхала когда-либо въ жизни.

— Единственный возможный способъ правленія въ Албаніи, — сказалъ онъ, глядя упорно передъ собой на спускающійся склонъ холма — это группа республиканскихъ кантоновъ на подобіе Швейцаріи. Я не могу представить другого рѣшенія вопроса, которое могло быть угоднымъ Богу. Совершенно не важно, чѣмъ мы обязаны Сербіи или Италіи. Намъ необходимо поставить весь этотъ нашъ міръ на совершенно новое основаніе. Мы должны этотъ міръ, наконецъ, перестроить на началахъ справедливости и разумности...

Затѣмъ послѣ паузы.

— Бухарестскій трактатъ былъ несправедливымъ трактатомъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ. Что бы ни сдѣлалъ намъ король болгарскій, этотъ трактатъ долженъ быть уничтоженъ, и болгаре снова должны быть объединены въ одинъ народъ, въ одно цѣлое. Они должны получить себя, какое бы наказаніе они ни заслуживали; они не должны получить ничего больше, какую бы награду они себѣ ни завоевали...

Она не могла повѣрить своимъ ушамъ.

— Послѣ всей этой пролитой крови, драгоцѣнной крови, если мы оставимъ хотя одно пятнышко зла или жестокости или несправедливости на землѣ...

И онъ началъ читать Летти лекцію о значеніи... международной политики...

. . . .

— Люди могутъ измѣнить все, что угодно, лишь бы у нихъ на это было достаточно основаній и достаточная вѣра.

Онъ показалъ на атласъ, лежащій рядомъ съ нимъ.

— Вотъ тутъ я черчу новую, настоящую карту міра, — сказалъ онъ. — Каждая область, каждый округъ, имѣющій свой отдѣльный, собственный, ему одному свойственный характеръ, долженъ имѣть и собственное самоуправленіе;

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

— И вы думаете, это когда-нибудь осуществится?

— Да, это будетъ осуществлено!

— И вы вѣрите, что люди станутъ слушать подобные проекты? — спросила Летти.

М-ръ Бритлингъ, унесшись взоромъ куда-то далеко за холмы, какъ будто задумался.

— Да, — сказалъ онъ. — Можетъ быть, не сразу, не сегодня... постепенно... Вѣдь короли и имперіи умираютъ и вымираютъ; великія же идеи, разъ родившіяся, никогда не могутъ умереть. И . . . . это здравое управленіе міромъ, въ концѣ концовъ, такъ же неизбѣжно, такъ же обезпечено, какъ и закатъ. Только...

Онъ вздохнулъ и сталъ машинально перелистывать листы альбома.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Намъ необходимъ этотъ новый, перестроенный міръ, какъ можно скорѣе, а для этого мы должны напрячь всѣ усилія, чтобы добиться его. И мы должны отдать этому дѣлу наши жизни... Все, что осталось отъ нашихъ жизней...

... Вотъ, что мы должны сдѣлать, Летти, вы и я. Что осталось дѣлать? Я ни о чемъ другомъ теперь не буду писать, ни о чемъ другомъ не буду думать, кромѣ, какъ о порядкѣ и безопасности человѣчества. Такъ что всѣ эти

дорогіе мертвые... будутъ сознавать... что ни одинъ изъ нихъ не погибъ даромъ, каждый изъ нихъ способствовалъ приближенію великихъ дней мира и настоящаго начала человѣческой жизни, ...
. . . .

X.

Летти смотрѣла на него, сморщивъ брови и подперевъ подбородокъ кулаками...

— Но неужели, вы дѣйствительно вѣрите, — сказала Летти, — что жизнь можетъ стать лучше, чѣмъ она есть?

— Но... конечно, да! — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— А я вотъ не вѣрю! — сказала Летти. — Міръ — жестокъ! Просто на просто жестокъ! И такимъ будетъ всегда!

— Нѣтъ никакой необходимости ему быть всегда жестокимъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Да вѣдь міръ просто какое-то собраніе жестокостей. Онъ весь какъ бы уставленъ ножами. Полонъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Что касается Бога, то или его нѣтъ, или онъ. . . . .
. . . .

— Нѣтъ, это неправда! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Вѣдь не видимъ же мы никакого прогресса! Ничего не улучшается въ жизни! И какъ можете вы вѣрить въ Бога, послѣ Гью? Неужели вы вѣрите въ Бога?

— Да, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, послѣ долгой паузы. — Я вѣрю въ Бога!

— Который допускаетъ подобныя вещи, подобные ужасы?

Она приподнялась на одну руку, а другой стала какъ бы подчеркивать свой доводъ.

. . . .

— Нѣтъ, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— Но вѣдь долженъ же онъ допускать такія вещи. Иначе, какъ же по-вашему онѣ случаются?

— Нѣтъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — На этотъ вопросъ пусть отвѣтятъ вамъ богословы. Они утверждаютъ. . . . . что онъ всемогущъ. Что онъ всевластенъ и вообще какое-то сплошное «все». Но человѣческій здравый смыслъ знаетъ лучше . . . . Въ концѣ концовъ, истин-

ный Богъ христіанинъ — Христосъ;. . . . .
. . . . Богъ, пригвожденный къ фактическому, «матеріальному» кресту... И вотъ когда-нибудь этотъ Богъ восторжествуетъ... Но несправедливо, что это онъ причиняетъ сейчасъ все. Несправедливо обвинять Его. Вы просто введены были въ заблужденіе. Это ошибка богослововъ . . . .
. . . . . Финальный, конечный Богъ, идущій своимъ великимъ и разумнымъ путемъ такъ же, какъ мы идемъ нашимъ слабымъ и глупымъ путемъ, который съ нами — вотъ сущность истинной религіи... Я съ вами согласенъ... Если бъ я думалъ, что существуетъ Всемогущій, Всесильный Богъ, Который спокойно смотритъ на всѣ битвы, и смерти, и разрушенія, и ужасы этой войны — и могъ бы все остановить или предотвратить — и не дѣлалъ бы этого, желая развлечься, — я бы возсталъ противъ него.

...И всякій бы это сдѣлалъ!

— Но васъ вооружили противъ Бога ваши учителя и катехизисы... Они хотятъ доказать, что онъ владѣетъ всей природой. Какъ средневѣковые герольды, которые настаивали на томъ, что Христосъ, несомнѣнно, былъ великимъ рыцаремъ и имѣлъ право носить оружіе. Въ дѣйствительности же Богъ — въ природѣ и неизбѣжности. Неизбѣжность — это нѣчто, лежащее внѣ Бога, внѣ добра и зла, внѣ пространства и времени, вѣчно длящаяся и непроницаемая тайна. Неизбѣжность — крайнее, послѣднее, а Богъ — самое сокровенное и глубокое. Онъ ближе намъ, чѣмъ наше дыханіе, ближе, чѣмъ ноги и руки. Онъ — Другое, Противоположность этому міру. Онъ выше, больше природы или неизбѣжности, ибо Онъ — духъ, а онѣ слѣпы, но Онъ ими не управляетъ... пока еще...

— Мнѣ всегда говорили, что Онъ Творецъ неба и земли...

— Это — іудейскій Богъ, котораго переняли христіане.

. . . .

Летти стала мысленно взвѣшивать новые для нея взгляды.

— Я никогда о Немъ такъ не думала, — сказала она, наконецъ. — И сейчасъ все кажется совершенно иначе.

— И я тоже такъ прежде не думалъ. Но теперь думаю... Я какъ-то сразу это нашелъ и ясно все увидалъ; я вижу это такъ ясно, что удивляюсь, какъ до сихъ поръ этого не видѣлъ... Видите-ли, такъ легко понять, что есть Богъ, и какъ Онъ сложенъ, и чудесенъ, и какъ Онъ братски близокъ, когда подумаешь о всѣхъ тѣхъ милыхъ мальчикахъ, что тысячами, сотнями тысячъ отдали свои жизни . . . .
. . . .

. . . .
. . . . Они отдавали свои жизни... отдавали свои жизни... Эти милыя, дорогія жизни, эти жизни, полныя надеждъ и солнца.

... Развѣ вы не видите, что такъ должно быть, Летти? Развѣ вы не видите, что иначе быть не можетъ?

— Нѣтъ, — сказала она. — Я смотрѣла на вещи и видѣла ихъ совершенно иначе.

— Но для меня это такъ ясно, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Если бы во всемъ мірѣ не было ничего, кромѣ нашихъ добрыхъ отношеній другъ къ другу, или той любви, которая заставила васъ рыдать вотъ тутъ, въ этихъ ласковыхъ лучахъ октябрьскаго солнца, или той любви, которой я питалъ къ Гью — если бы не было ничего другого... если бы все остальное было жестокостью и издѣвательствомъ, грязью и страданіями, то все равно ясно и несомнѣнно было бы, что существуетъ Богъ любви и справедливости. Если бы не было во всемъ мірѣ никакихъ другихъ признаковъ, никакихъ другихъ указаній на Бога, кромѣ свѣтлыхъ божескихъ началъ, которыя мы видѣли въ этихъ двухъ нашихъ юношахъ; если бъ у насъ не было другого свѣта, кромѣ любви, живущей между нами...

... Вы ничего не имѣете противъ того, что я такъ говорю? — вдругъ спросилъ м-ръ Бритлингъ. — Я только объ этомъ сейчасъ могу и думать... объ этомъ Богѣ... Богѣ, который борется, который жилъ въ Гью и Тедди, ясно и открыто, и о томъ, какъ Онъ долженъ сдѣлаться Правителемъ Міра...

— Этотъ Богъ, Который борется? — повторила она. — Я о немъ такъ никогда не думала!

— Конечно, Онъ такой, долженъ быть такимъ! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Какъ же Богъ можетъ быть существомъ, какъ Онъ можетъ быть чѣмъ-нибудь, имѣющимъ значеніе для человѣка, если онъ не будетъ такъ же ограниченъ и опредѣленъ и... человѣченъ, какъ мы сами... съ явленіями и обстоятельствами, лежащими внѣ Его и за Нимъ?..

XI.

Летти медленно пошла скошенными полями къ своему коттеджу.

Она проговорила съ м-ромъ Бритлингомъ больше часа, и голова ея была всецѣло занята мыслями объ этомъ измѣнившемся и упростившемся человѣкѣ, который

говорилъ о Богѣ, какъ онъ говорилъ бы о птицѣ, которую онъ видѣлъ, или о деревѣ, подъ которымъ онъ укрывался отъ дождя. И какъ-то связаннымъ, сплетеннымъ съ этими мыслями о м-рѣ Бритлингѣ было и странное представленіе о Богѣ, какъ о существѣ, которое можетъ подойти такъ же близко, какъ Тедди, шепча ласковыя слова въ темнотѣ. У нея было нелѣпое убѣжденіе, что Богъ такъ же борется, какъ и м-ръ Бритлингъ; и что м-ръ Бритлингъ, лишь съ нѣкоторой неопредѣленно большей ограниченностью взглядовъ, любилъ такъ же, какъ и Богъ. Она любила м-ра Бритлинга за его карты, мечты, за полное самообнаженіе въ его разговорѣ съ ней. Странно, что подавляющая мысль о мертвомъ Тедди какъ-то совсѣмъ ушла сейчасъ у нея изъ головы. Она теперь была охвачена какимъ-то чувствомъ начала и конца, какъ будто въ жизни ея перевернулась страница, и все было ново. Нѣсколько лѣтъ назадъ — сознаніе ея отвергало религію, какъ схему непростительныхъ ограниченій и стѣсненій, нѣчто, полное противорѣчій, вызванныхъ собственной нелѣпостью. Летти никогда не думала о религіи иначе, какъ съ презрѣньемъ. Она была до сихъ поръ счастливой атеисткой. Она играли и жила въ лучахъ солнца существомъ, преисполненнымъ безграничной увѣренностью въ томъ, что въ основѣ міра, въ которомъ она находится, лежитъ лишь одно добро. Она до сихъ поръ отказывалась думать о всякихъ непріятныхъ и тяжелыхъ вещахъ. Пока кровавая лапа войны не уничтожила этой ея увѣренности. Тедди, ея товарищъ по играмъ — ушелъ отъ нея, и игра любви кончилась навсегда; насталъ конецъ и юному, счастливому пріятію жизни, какъ жизни; и вмѣсто Тедди теперь была горечь жизни, скорбь жизни, и это выступленіе Бога изъ полнѣйшей неизвѣстности въ новую живую связь съ ея собственнымъ существованіемъ.

Она оставила м-ра Бритлинга съ его атласомъ. Онъ лежалъ, вытянувшись на травѣ, подъ изгородью, развернувъ его передъ собой. Это занятіе показалось бы ей еще недавно чѣмъ-то самымъ нелѣпымъ и невообразимымъ. Онъ тщательно чертилъ на своихъ картахъ самопишущимъ перомъ, красными чернилами, новыя границы міровыхъ штатовъ. Но теперь ей это было понятно.

Она знала, что эти проведенныя красными чернилами границы м-ра Бритлинга могли, въ концѣ концовъ, оказаться гораздо мудрѣе и крѣпче, чѣмъ всѣ договоры дипломатовъ.

Въ этотъ послѣдній часъ онъ сталъ очень близкимъ ей. Она вдругъ убѣдилась въ томъ, что преисполнена необычайной нѣжности къ нему. До сихъ поръ она никогда не ломала головы надъ своимъ отношеніемъ къ кому-либо, кромѣ Тедди... Теперь, какъ-будто, она раскрывалась всему міру въ жаждѣ жалости, и ласки, и доброты. И эта новая мысль о дружественномъ Богѣ, у Котораго тоже была своя борьба, о Которомъ можно было думать, какъ о какомъ-то Богѣ, родственномъ м-ру Бритлингу, родственномъ Тедди — захватила ея воображеніе. Онъ былъ за этимъ осеннимъ солнцемъ; Онъ былъ въ маленькой птичкѣ, казавшейся столь довѣрчивой и доброй. И во всемъ, гдѣ была доброта, гдѣ была ласка и нѣжность — былъ и Богъ. И тысячи старыхъ фразъ, которыя она слыхала и читала, и на которыя она обращала мало вниманія, лежавшія до сихъ поръ сухими скелетами въ ея памяти, теперь вдругъ облеклись въ плоть и кровь и ожили. Это Богъ, — если это былъ, дѣйствительно, Богъ... Значитъ, тогда не глупость говорить, что Богъ есть любовь, что Онъ другъ и товарищъ?.. И съ Нимъ, быть можетъ, теперь она будетъ въ состояніи встрѣтиться лиомъ къ лицу съ міромъ, по которому ужъ она никогда больше не пойдетъ рядомъ съ Тедди и въ которомъ она не будетъ съ Тедди больше строить мечту о счастьѣ... Въ концѣ концовъ, она была одно время очень счастлива; знала поразительное счастье! Она знала больше счастья, больше любви въ этотъ короткій годъ-другой послѣ ихъ свадьбы, чѣмъ знавали многіе другіе во всю свою жизнь.

И такъ подъ вліяніемъ этихъ новыхъ мыслей, Летти, вышедшая изъ дому съ головой, полной местью и убійствами, теперь возвращалась на закатѣ, думая о жалости, о тысячѣ нѣжностяхъ и ласкахъ Тедди, которыя, въ концѣ концовъ, были лишь указаніями на безграничную доброту и нѣжность Бога... Какое право имѣла она на злобную и преисполненную ненависти скорбь, самососредоточенную и мстительную, когда вотъ тутъ рядомъ старый Бритлингъ все еще могъ мечтать о новой эпохѣ милосердія на землѣ, и красно-золотые лучи солнца, теплые, какъ улыбка Тедди, ложились наземлю?..

Она должна сейчасъ же вернуться домой, поцѣловать Сисси и спрятать куда-нибудь подальше ту посылку, которую она приготовила для Тедди, пока она не узнаетъ про какого-нибудь бѣднаго солдата въ плѣну, чтобы послать ее ему. Да, въ своемъ горѣ она была безжалостна къ Сисси. Въ эгоизмѣ своей скорби она обращалась съ Сисси, какъ со стуломъ или столомъ, не думая о томъ, что Сисси можетъ

уставать, мечтать и о своемъ грядущемъ счастьѣ. Вѣдь роль возлюбленной для Сисси была еще впереди, а ея избранникъ уже—въ хаки. Вѣдь, у нея не будетъ такого свѣтлаго года, какой былъ у Летти передъ тѣмъ, какъ война омрачила весь міръ. Вѣдь прежде, чѣмъ Сисси сможетъ выйти замужъ, долженъ прійти миръ, а миръ все еще далекъ. А кто знаетъ, какая участь ждетъ Дирека?..

Летти прошла черезъ рощицу и калитку въ изгороди, вышла на поляну, откуда былъ виденъ ея домъ. Окна коттеджа подъ широкими вѣтвями каштана горѣли пламенемъ въ лучахъ заходящаго солнца. Дверь въ коттеджъ была открыта, и кто-то, какіе-то люди двигались подъ портикомъ у входа...

Кто-то выходилъ изъ коттеджа, кто-то чужой въ незнакомомъ костюмѣ, а сзади него былъ человѣкъ въ костюмѣ форменнаго покроя, защитнаго цвѣта... но это былъ м-ръ Дирекъ. А за нимъ стояла Сисси.

Но кто же былъ этотъ чужой?

Онъ вышелъ изъ-подъ рамы портика и направился къ садовой калиткѣ.

Кто же... кто же этотъ чужой, незнакомый человѣкъ?

Онъ былъ одѣтъ въ какое-то странное, иностранное на видъ платье, мѣшковатыя брюки изъ какой-то мягкой синей матеріи и въ блузу; и лѣвая его рука была забинтована чѣмъ-то бѣлымъ... На головѣ его была шляпа, и онъ былъ съ бородой...

Онъ былъ совсѣмъ чужой, какой-то иностранецъ... Неужели она сходитъ съ ума?

... Но, конечно, это какой-то иностранецъ.

И вдругъ онъ сдѣлалъ какое-то движеніе, какой-то сложный шагъ въ сторону, запрыгалъ по дорожкѣ, и сразу онъ перестал̃ъ быть чужимъ и иностраннымъ. Онъ сразу сдѣлался невѣроятно, поразительно знакомымъ, близкимъ, благодаря именно этому шагу...

Нѣтъ!

У нея отнялось дыханіе. Все существо Летти какъ-будто застыло. И этотъ незнакомецъ въ то же время сталъ невѣроятно знакомымъ, поглядѣвъ въ упоръ минуту, другую на ея неподвижную фигуру... замахалъ ей шляпой, жестомъ... жестомъ, окончательно утвердившимъ это чувство близости и знакомства. Но она не подала никакого знака въ отвѣтъ.

Нѣтъ, это кажущееся знакомство было лишь игрой воображенія, игрой случайности.

Этотъ чужой человѣкъ очевидно прибылъ изъ Бельгіи, чтобы разсказать что-нибудь о Тедди.

И вдругъ она удивила себя тѣмъ, что стала издавать какой-то стонущій звукъ, какой-то нелѣпый глупый звукъ, вродѣ того, который издаетъ ребенокъ, когда онъ подражаетъ мычанію коровы. Она замычала:

— Муу-у-у!..

И побѣжала впередъ, какими-то неувѣренными, словно чужими ногами, размахивая руками, и пока она бѣжала, она убѣждалась все яснѣе и яснѣе, что этотъ раненый человѣкъ въ странномъ костюмѣ былъ Тедди. Она бѣжала все скорѣе и скорѣе, спотыкаясь, почти падая... Если она сейчасъ же не добѣжитъ до него, неотложно, то весь міръ лопнетъ, разорвется...

Держать его, прижаться близко, близко къ нему.

— Летти! Летти! Только одна рука!

Она прижималась къ нему, и онъ обнималъ ее...

Все обошлось! Она всегда знала, что все это обойдется. (Только прижаться покрѣпче къ нему). Что пройдетъ нѣкоторое время, и все будетъ хорошо. Но вѣдь все это были глупости! Развѣ она не знала все время, что онъ живъ? И вотъ онъ тутъ съ ней, живой. (Прижаться крѣпко, крѣпко къ нему). Даже какъ-то не вѣрится, такъ все хорошо!.. послѣ всѣхъ ея мученій!.. Держать его въ объятіяхъ!.. виснуть на немъ!.. чувствовать, какъ онъ, живой, цѣлуетъ ее, тоже плачетъ, плачетъ вмѣстѣ съ нею!..

— Тедди! Милый! Любимый!

XII.

Летти была уже въ коттеджѣ, пытаясь слушать и понять то, что было слишкомъ сложнымъ для ея переволновавшихся мыслей. Вотъ м-ръ Дирскъ пытается что-то объяснить относительно запоздавшей телеграммы, пришедшей вскорѣ послѣ того, какъ она вышла изъ дому. Вообще много кое-чего пытается объяснять м-ръ Дирекъ. Но какое значеніе имѣютъ какія-либо объясненія, когда имѣется Тедди, настоящій, прежній Тедди, вотъ только съ бородой и забинтованной рукой? Вначалѣ у нея была нелѣпая увѣренность, что и эти двѣ странности скоро отпадутъ, такъ что Тедди снова сдѣлается точь въ точь тѣмъ же Тедди, какимъ онъ всегда былъ.

У Тедди была прострѣлена рука выше локтя.

— У меня нѣтъ одной руки, Летти милая! По счастію — лѣвая. Придется замѣнить ее какимъ-нибудь крюкомъ, на подобіе старинныхъ пиратовъ.

Потомъ были какіе-то разговоры о томъ, какъ онъ попалъ въ плѣнъ.

— Другой офицеръ — т. е. офицеръ, про котораго пріѣхалъ и разсказалъ м-ръ Диркъ — лежалъ тамъ нѣсколько дней.

Тедди прострѣлили лѣвую руку выше локтя, и отъ удара падающаго бревна онъ лишился чувствъ. Когда же онъ пришелъ въ себя, онъ былъ уже безоруженъ, и надъ нимъ стоялъ нѣмецкій солдатъ...

Потомъ ему удалось бѣжать. Очень скоро ему удалось бѣжать. Онъ былъ на какой-то желѣзнодорожной станціи въ Бельгіи; запертъ въ залѣ третьяго класса съ тремя или четырьмя французскими плѣнными. Въ это время на станцію совершили налетъ французскіе и англійскіе аэропланы и стали бросать бомбы. Стража и двое изъ плѣнныхъ были убиты. Во время охватившей всѣхъ суматохи, остальные убѣжали и добрались до города. Горѣли вагоны съ сѣномъ и взорвался бакъ съ керосиномъ.

— При такихъ условіяхъ нельзя было не убѣжать. Такъ какъ все равно, если бы нашли меня около развалинъ станціи, непремѣнно пристрѣлили бы.

При взрывѣ въ кисть Тедди попали осколки стекла и ржаваго желѣза; рана вначалѣ казалась такъ незначительна; нѣсколько недѣль она его не безпокоила, потомъ въ нее очевидно попала грязь.

Въ узкой, мощеной булыжникомъ уличкѣ, позади станціи онъ наткнулся на какую-то женщину, которая не говорила по-англійски, но которая повела его къ мѣстному священнику, а тотъ припряталъ его.

Летти вначалѣ не соображала, въ чемъ дѣло. Да ей какъ-то не хотѣлось слушать разсказа, какъ онъ спасся. Ей хотѣлось узнать про его руку.

Да, были странныя подробности въ этомъ разсказѣ. Былъ старый крестьянинъ, который заставлялъ Тедди работать у себя на полѣ, несмотря на его раненую руку, и который указывалъ бывало на проходящаго нѣмца, когда Тедди протестовалъ; были люди, именуемые «они», которые тогда организовали переходъ бѣглыхъ черезъ границу въ Голландію. Были ночныя бдѣнія, эти длинныя ночи одна за другой передъ свободой... Но Летти интересовалась только рукой. Подъ повязкой было нѣчто, что озадачивало воображеніе, нѣчто забинтованное, какой-то обрубокъ. Она не могла объ этомъ думать. И все же не могла отдѣлаться отъ мысли о немъ.

— Но какъ ты лишился руки?

Вначалѣ была только маленькая ранка, а потомъ она стала болѣть.

— Но я не пошелъ въ госпиталь, такъ какъ боялся, что меня интернируютъ въ Голландію до конца войны, и я не получу возможности вернуться домой. А мнѣ безумно хотѣлось домой. Я... истосковался по дому: никто никогда такъ не тосковалъ по дому, какъ я. Я тысячу разъ вспоминалъ о нашемъ домѣ и о садѣ, и о томъ, какъ мы изъ окна глядѣли на прохожихъ... И какъ-будто я все время ихъ видѣлъ... И стараго толстощекаго пастора нашего съ его добродушной улыбкой, и миссисъ Уокеръ съ крайняго коттеджа, и какъ она ходила за пивомъ и подмигивала намъ, когда увидитъ, бывало, что мы ее наблюдаемъ, и маленькій Чарли, пасущій своихъ свиней, и всѣхъ... И тебя, Летти... Въ особенности тебя, Летти. И какъ мы бывало стояли одни у окна, облокотившись на подоконникъ, прижимаясь другъ къ другу плечами, съ твоей щекой передъ самыми моими глазами... И ничего не болитъ...

... Какъ я объ этомъ вспоминалъ и тосковалъ!..

... И вотъ, какъ видишь, я въ госпиталь не пошелъ. Я надѣялся попасть сперва въ Англію. Ну, и запустилъ...

— Съ тобой вернулась ко мнѣ жизнь, Тедди! — сказала Летти. — До сегодняшняго дня я твердо вѣрила, что ты вернешься! А сегодня меня вдругъ взяло сомнѣніе... Я думала, что все кончено... кончена настоящая жизнь, любовь, радость веселья, и что у меня впереди ничего не оставалось, только какъ-нибудь тянуть лямку... и хранить память о тебѣ... Бѣдная рука... бѣдная рука... и быть доброй къ людямъ... И притворяться, что ты живъ... гдѣ-то... я не буду думать о рукѣ... скоро... не сразу... Я рада, что ты пошелъ, но еще болѣе рада, что ты вернулся и ужъ больше не будешь въ состояніи пойти... И я буду твоей правой рукой, дорогой, и твоей лѣвой, всѣми твоими руками... Отдаю тебѣ обѣ мои руки за твою потерянную... И у тебя будутъ три руки, вмѣсто двухъ.

XIII.

Летти стояла у окна, прижавшись, какъ можно ближе къ Тедди, въ мірѣ, который казался сплошь созданнымъ изъ неожиданностей. Она не обращала вниманія на остальныхъ, и только когда Тедди съ ними говорилъ, или они обращались къ нему, существовали они для нея.

Такъ, напримѣръ, Тедди сейчасъ говорилъ съ м-ромъ Дирекомъ.

Они что-то передъ этимъ говорили о канадцахъ, кото-

рые поспѣли на смѣну эссекскому полку послѣ битвы, во время который Тедди попалъ въ плѣнъ. И тогда стало ей ясно, что м-ръ Дирекъ говоритъ о своемъ полку.

— Я не первый американецъ, сдѣлавшійся канадцемъ... на время этой войны.

Наконецъ, онъ получилъ возможность объясниться.

— Я сказалъ завѣдомую ложь, — заявилъ онъ торжественно. — И на 600 миль отодвинулъ на сѣверъ мѣсто моего рожденія...

... Только предупреждаю васъ, я ни на секунду не согласенъ и не допускаю ни слова изъ того, что Сисели когда-либо говорила объ Америкѣ, ни слова... Вы не понимаете, въ какомъ трудномъ положеніи находится Америка. Америка — это новый міръ, гдѣ нѣтъ больше никакихъ расъ и народовъ. Она тотъ плавильный тигель, изъ котораго мы будемъ лить будущее, лучшее государство. Я всегда въ это вѣрилъ... и, не взирая на тысячу разныхъ мелочей... я и теперь въ это вѣрю. Я ни отъ чего не отказываюсь. И я сейчасъ воюю не въ качествѣ американца... а просто въ качествѣ самого себя... И не за Англію я воюю, не думайте. Ни капельки. Я не вижу, какъ кто-нибудь можетъ очень быть влюбленнымъ въ вашу имперію, съ ея мертво-живымъ дворомъ, ея хитроумными, коварными политиками, ея лордами и лэди и снобами, ея отношеніемъ къ Ирландіи и Индіи, и общимъ сваливаніемъ отвѣтственности съ однихъ плечъ на другихъ, и повальной клеветой на ваше простонародье. Я иду воевать не за Англію. Я иду воевать за Сисси, — и за справедливость, и за Бельгію, и за все такое — но въ особенности за Сисси... И я больше не могу смотрѣть въ лицо старику Бритлингу... И мнѣ хочется, кромѣ того, повидать эти окопы... поближе... Мнѣ кажется, будетъ потомъ, когда-нибудь, интересно о нихъ разсказывать...

... И вотъ я иду! — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Но, главнымъ образомъ, ради Сисси! Понимаете?

Сисси подошла и встала рядомъ съ нимъ.

Она смотрѣла то на разбитаго, искалѣченнаго Тедди, то на м-ра Дирека...

— До сихъ поръ мнѣ хотѣлось, чтобы вы шли на войну! — сказала она.

Слезы хлынули ей въ глаза.

— И теперь, вѣроятно, я должна пустить васъ! — сказала она. — Мнѣ было бы ужасно больно, если бы вы не пошли.

XIV.

— Боже, какъ постарѣлъ м-ръ Бритлингъ! — воскликнулъ внезапно Тедди.

Онъ стоялъ у окна, и когда на его замѣчаніе подошелъ м-ръ Дирекъ, онъ указалъ на фигуру м-ра Бритлинга, проходившаго по дорогѣ къ Дауэръ-Хаузу.

— Да, постарѣлъ бѣдняга! Я какъ-то до сихъ поръ не обращалъ вниманія, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Да вѣдь онъ посѣдѣлъ! — воскликнулъ Тедди. — Онъ не былъ сѣдымъ, когда я уѣхалъ.

И они стали всѣ вмѣстѣ слѣдить за удаляющейся вверхъ по холму фигурой м-ра Бритлинга, въ коротенькихъ до колѣнъ брючкахъ, съ атласомъ и бумагами подъ мышкой.

— Мнѣ надо пойти къ нему, — сказалъ Тедди, освобождаясь изъ объятій Летти.

— Нѣтъ! — сказала она, останавливая его рукой.

— Но онъ будетъ радъ!..

Она преградила мужу дорогу. Ей представилось, какъ вдругъ м-ръ Бритлингъ будетъ оторванъ отъ своихъ сновъ о Богѣ, правящемъ Соединенными Штатами міра, — чтобы радоваться возрожденію Тедди.

— Нѣтъ, — сказала она, —это пробудитъ въ немъ только воспоминанія о Гью и о его смерти. Не ходи къ нему, Тедди! Не сейчасъ! Какое ему до тебя дѣло?.. Дай ему отдохнуть отъ всего этого... Дай ему помечтать надъ своимъ атласомъ... Онъ не такъ одинокъ... Если бы ты зналъ... Я тебѣ разскажу какъ-нибудь, Тедди... когда буду въ состояніи... Но теперь... Нѣтъ! Онъ начнетъ опять думать о Гью... Пусть идетъ... У него тамъ имѣется Богъ и его атласъ... Они больше, чѣмъ ты думаешь...

Глава II.

М-ръ Бритлингъ пишетъ до разсвѣта.

I.

Прошло нѣсколько недѣль. Была середина ноября, м-ръ Бритлингъ, тщательно закутанный въ свой теплый халатъ, въ плотныхъ шерстяныхъ «пиджамахъ», сидѣлъ ночью за своимъ письменнымъ столомъ и все работалъ надъ новымъ сочиненіемъ, преисполненнымъ нелѣпыхъ стремленій, такъ какъ оно носило заглавіе: «Лучшее Управленіе Міромъ».

Въ послѣднее время онъ провелъ много безсонныхъ

мучительныхъ ночей. Днемъ еще жизнь была какъ-то сносна — но по ночамъ, если онъ только не отгораживался работой — всѣ ужасы и жестокости войны приходили и корчили ему рожи, и это было нестерпимо. То его преслѣдовали призраки длинныхъ вереницъ бѣженцевъ, то въ воображеніи его вставали картины полей, усѣянныхъ убитыми и ранеными, въ самыхъ ужасныхъ позахъ. Затѣмъ, вдругъ его начинали подавлять предвидѣнія страшнаго экономическаго и соціальнаго развала, который, ... ждетъ человѣчество послѣ войны... Временами же онъ думалъ о ранахъ, производимыхъ въ тѣлѣ и душѣ человѣка войною. А иногда его мучили мысли о торжествѣ зла. По міру, опустошенному глупостью, бродили торжествующіе глупцы, съ хвастливыми жестами, съ сознаніемъ раздутаго значенія, съ пренебрежительной ненавистью ко всему умѣренному, сдержанному и хорошему. И, сливаясь съ землей, по которой они ступали, лежало мертвое тѣло Гью, обращенное лицомъ внизъ. На затылкѣ юноши, окаймленная слипшимися отъ крови волосами, которые когда-то были «мягки, какъ пухъ», зіяла большая красная дыра. Эта дыра всегда была безжалостно-ясно и отчетливо ему видима. И они ступали по Гью... словно не замѣчая его. И огромными, тяжелыми, тупыми каблуками вдавливали въ глину разбросанные клочья его дивнаго мозга...

И единственное, въ чемъ находилъ спасеніе м-ръ Бритлингъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и кошмаровъ — былъ кружокъ свѣта отъ его рабочей лампы. Работая, онъ могъ вызывать и другія видѣнія, образы мира, порядка и справедливости. Среди мрака міроваго банкротства, онъ хватался за свой проспектъ смѣлаго новаго предпріятія, не заботясь о томъ, согласится ли кто-нибудь съ нимъ или нѣтъ...

II.

Но въ эту ночь кружокъ свѣта отъ лампы не хотѣлъ или не могъ приковать къ себѣ его мысли. Даже въ эту послѣднюю твердыню забралось сомнѣніе. Онъ притянулъ къ себѣ бумаги и сталъ перелистывать уже набросанную часть книги.

Цѣль книги, которую онъ началъ писать, — доказать и обсудить возможные методы управленія, обезпечившіе міру болѣе здоровую и прочную правящую власть. Онъ все еще вѣрилъ въ демократію, но все больше и больше приходилъ къ сознанію, что демократіи еще предстоитъ

найти свой методъ. Она должна была еще завладѣть человѣческимъ сознаніемъ, обзавестись еще не оформленными организаціями. Безконечные годы терпѣливаго обдумыванія, производства всякихъ опытовъ, обсужденія предстояли человѣчеству прежде, чѣмъ эта великая идея могла бы стать дѣйствительностью, и правда, испытанная, доказанная правда будетъ править землей.

А тѣмъ временемъ міръ долженъ оставаться ареной кровавой мелодрамы, оглушающаго шума, ...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Есть ли какая-нибудь надежда, что обезумѣвшее чудовище человѣчества будетъ когда-нибудь поймано и накрѣпко связано въ тонкосплетенной паутинѣ мысли?

Есть ли какой-нибудь смыслъ, наконецъ, въ томъ, что какой-то человѣкъ разрабатываетъ проектъ лучшаго управленія міромъ? Или это только безуміе и пустая претензія?

Изъ безпросвѣтнаго мрака Времени, которое вскорѣ снова раздавитъ и проглотитъ его, явился человѣкъ, барахтаясь, причиняя раны и боль, страдая самъ. Почему не барахтаться вмѣстѣ съ другими? Почему нельзя только ѣсть, пить, драться, кричать, рыдать и молиться, забыть Гью, почему не перестать предаваться скорби по Гью, не отбросить отъ себя всѣ эти никчемныя мечты о «Лучшемъ Управленіи Міромъ» и не обратиться къ менѣе мрачнымъ сторонамъ войны — къ веселымъ, полнымъ забавными приключеніями, къ анекдотическимъ, въ духѣ юмористическихъ журналовъ, сторонамъ войны? Неужели, — вы думаете, — оттого, что убиты ваши сыновья, больше не будетъ веселья и радости на землѣ? Пусть человѣчество само, какъ хочетъ, выкарабкивается изъ грязи и крови, — важно, что онъ самъ выкарабкался изъ нея.

Давайте, сохранимъ, по крайней мѣрѣ, наше драгоцѣнное чувство юмора.

Онъ притянулъ къ себѣ рукопись. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ и занимался тѣмъ, что украшалъ изображеніями скалящихъ зубы гномовъ и разными хвостами буквы предполагаемаго заглавія книги: «Лучшее Управленіе Міромъ».

III.

На письменномъ столѣ м-ра Бритлинга, около часовъ, лежало письмо, написанное на [illegible] неуклю-

жемъ англійскомъ языкѣ, и съ конвертомъ, разрѣзаннымъ и снова запечатаннымъ бумажной наклейкой, удостовѣряющей, что письмо было «вскрыто военной цензурой».

Любезный посредникъ въ Норвегіи написалъ м-ру Бритлингу письмо, въ которомъ сообщалось, что Herr Heinrich также умеръ. Онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Россіи, куда, раненый, попалъ въ плѣнъ. Онъ былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ послѣ того, какъ перенесъ большія трудности и лишенія во время великаго русскаго наступленія на Карпатскіе переходы ранней весной, и рана его, въ концѣ концовъ, оказались смертельной. Вначалѣ онъ было поправился, но потомъ онъ попалъ въ какую-то свалку между . . . . германцами и хорватами, въ которой былъ избитъ и еще израненъ, и въ результатѣ умеръ. Передъ смертью онъ написалъ своимъ родителямъ и снова попросилъ, чтобы скрипка, которую онъ оставилъ на храненіе м-ру Бритлингу, если возможно, была возвращена имъ. Явно было, что для него и для нихъ эта скрипка теперь стала символомъ, связаннымъ со многими воспоминаніями.

И вотъ сущность этого письма вторглась въ оранжевый кругъ лампы. На письмо надо было отвѣтить, и возможныя формы этого отвѣта сейчасъ пробѣгали по мыслямъ м-ра Бритлинга, исключая всякія другія соображенія. Онъ думалъ о старикахъ родителяхъ Генриха, — тамъ, гдѣ-то въ Помераніи, кажется, хотя онъ не былъ совсѣмъ увѣренъ, — былъ ли Генрихъ единственнымъ ихъ сыномъ, — и о миломъ юношѣ въ неизмѣнныхъ очкахъ, превратившемся теперь въ разбитый, разлагающійся трупъ въ одинокой могилѣ, на чужбинѣ...

. . . .

. . . .

И онъ поймалъ себя на томъ, что думаетъ о молодомъ Генрихѣ совсѣмъ такъ же, хотя и съ меньшей интенсивностью, какъ онъ думалъ и о собственномъ сынѣ. Его мысли совершенно не считались съ фактомъ, что Генрихъ былъ «врагомъ», что по закону «Око за Око» смерть Генриха должна была явиться компенсаціей и возмездіемъ за смерть Гью. Онъ подошелъ прямо къ коренному факту, что оба они были славныя, благородныя, добрыя существа.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Оба они были одарены приблизительно одинаковыми наклонностями къ наукѣ; развѣ вотъ больше было смѣлости и вдохновенности въ Гью; больше методичности у Генриха. . . . .

. . . .

Онъ вспомнилъ, какъ впервые онъ увидѣлъ Генриха на желѣзнодорожной станціи, куда выѣхалъ встрѣтить его, и какъ онъ разсмѣялся при видѣ его подчеркнутаго, чрезмѣрнаго «тевтонизма». Коротко остриженная, блестящая, свѣтлая голова, увѣнчанная пестро-бѣлой «корпораціонной» шапочкой, показалась въ толпѣ, мечась туда, сюда, очевидно, разспрашивая, задавая вопросы. Лицо его отъ усилій, вызванныхъ непривычнымъ языкомъ, сдѣлалось совсѣмъ розовымъ. Юноша былъ одѣтъ въ бѣлый фланелевый костюмъ съ тонкими пурпурными полосками; башмаки его были изъ той желто-зеленой кожи, которую только нѣмецкій студентъ могъ считать «шикарной». На спинѣ у него былъ Rucksack, въ одной рукѣ онъ очень осторожно несъ драгоцѣнную скрипку въ футлярѣ, эту самую, мертвую теперь скрипку, въ другой рукѣ онъ держалъ трость съ рѣзнымъ набалдашникомъ и острымъ концомъ. Онъ былъ болѣе «типичнымъ» нѣмцемъ, чѣмъ могло рисовать самое смѣлое воображеніе.

— Herr Heinrich? — сказалъ ему м-ръ Бритлингъ, и тотчасъ же стукнули каблуки, и юноша отвѣсилъ церемонный поклонъ, идущій какъ-то отъ таліи, поклонъ, которому какая-то неосторожная старая дама, нагруженная всякими овощами, значительно помѣшала своимъ несвоевременнымъ приходомъ. И съ самаго начала до конца, среди болѣе простыхъ англійскихъ отношеній, онъ сохранилъ этотъ церемонный поклонъ... и неизбѣжно кто-нибудь, что-нибудь этому поклону непремѣнно мѣшало...

Онъ былъ весь такой; немного церемонный, немного нелѣпый, но всегда чистый и розовый, методичный и аккуратный. Мальчики полюбили его безгранично.

Миссисъ Бритлингъ тоже почувствовала къ нему симпатію; да вобще всѣ поголовно любили его и относились къ нему хорошо. Онъ ни на что никогда не жаловался, кромѣ какъ на пикники. Пикники онъ терпѣть не могъ; онъ никакъ не могъ привыкнуть къ этимъ неожиданнымъ сборамъ, къ внезапному отъѣзду всей семьи въ какую-то глушь, въ какія-то дикія мѣста, для того, чтобы ѣсть холодную пищу, безъ вилокъ и ножей, въ самый несуразный часъ среди дня. И онъ по этому поводу выражалъ протестъ.

почтительный, но энергичный, м-ру Бритлингу. Въ ихъ договорѣ, заявлялъ онъ, было ясно и отчетливо обусловлено, что онъ долженъ получать горячую пищу одинъ разъ среди дня. Иначе его Magen приходилъ въ разстройство и нарушался порядокъ. Вечеромъ же онъ не могъ ѣсть серьезно и съ пользой...

Склонность къ недоѣданію и нѣкоторое отсутствіе благородной чувствительности были единственные недостатки, которые признавалъ Herr Heinrich въ англійскомъ образѣ жизни. Да, онъ, несомнѣнно, находилъ англичанъ холодными, непривѣтливыми. Сердце его было еще менѣе удовлетворено, чмъѣ его Magen. Онъ былъ существомъ экспрессивныхъ привязанностей; ему нужны были закадычныя дружбы, таинственныя близости, любовь. Онъ очень храбро пытался уважать и понимать м-ра Бритлинга и быть оккультно понятымъ имъ въ свою очередь; онъ любилъ длинныя прогулки и глубокія бесѣды съ Гью и маленькими мальчиками; онъ пытался наполнить свое сердце образомъ Сисси, и, въ концѣ концовъ, нашелъ чудеса наивности и очарованія въ дочери трактирщика. Когда онъ съ ней познакомился, она носила волосы туго сплетенной косой, и это дѣлало ее въ его глазахъ почти Маргаритой. Юноша громко взывалъ о любви, теплѣ и ласкѣ, которыя, какъ и Mittagsessen были совершенно ясно обусловлены въ ихъ договорѣ. Но эссексцкіе жители не могли удовлетворить его; они были молчаливы; очи были слишкомъ сложны и въ то же время слишкомъ тонки, они проскальзывали сквозь жирные, но все же жадные пальцы его сердца, и онъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ ограничиться самимъ собой, своими нѣмецкими корреспондентами, идеализаціей дочери трактирщика, Модъ Хиксонъ и воспитаніемъ Билли.

Билли! Воспоминанія м-ра Бритлинга снова вернулись къ фигурѣ молодого Генриха съ бѣлкой на плечѣ, къ этому образу, который такъ часто становился поперекъ его пути къ окончательному и полному осужденію Германіи. Вотъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, каковъ былъ основной духовный обликъ одного изъ этихъ жестокихъ пруссаковъ. . . . .

. . . .

. . . .

Другія воспоминанія о Генрихѣ стали мелькать въ мысляхъ м-ра Бритлинга. Генрихъ, играющій въ хоккей, бѣгущій съ чрезвычайной быстротой, но малой ловкостью, обойденный и сбитый съ толку Летти, выбитый изъ позиціи Гью, Генрихъ, бѣгущій, сломя голову, впередъ и, сломя

голову, назадъ и затѣмъ съ крикомъ бросающійся на траву, совершенно задыхаясь... Или опять тотъ же Генрихъ, очень серьезный и очень розовый, глядящій пристально сквозь очки на свои карты во время игры въ «дурачки»... Или Генрихъ на лодкѣ, на большомъ пруду; или Генрихъ плавающій, или прячущійся отъ мальчиковъ очень искусно, по собственной сложной теоріи, въ саду при игрѣ въ прятки. Или, наконецъ, Генрихъ, въ странныхъ позахъ гоняющій оленей въ паркѣ Клаверингса. Одно время онъ страшно мечталъ о томъ, чтобы подкрасться совершенно незамѣтно къ какому-нибудь оленю и погладить его... Или, наконецъ, Генрихъ, занятый составленіемъ какого-нибудь каталога или указателя... У него была страсть составлять списки, каталоги всякимъ книгамъ, нотамъ, всему, что было разбросано и что могло такъ или иначе быть систематизировано. Его любимымъ развлеченіемъ было придумываніе способа такъ отмѣчать страницы словаря, чтобы можно было сразу находить нужное слово. Онъ купилъ и изрѣзалъ поля трехъ словарей; и каждый былъ усовершенствованіемъ предыдущаго; онъ возлагалъ большія надежды на свое усовершенствованіе и на всякіе патенты, которые онъ получитъ, и имѣющія получиться отъ нихъ богатства... А комната его была всегда источникомъ странныхъ звуковъ — это были его поиски музыки на скрипкѣ. Онъ надѣялся, когда пріѣдетъ въ Матчингсъ-Изи, «примкнуть къ какому-нибудь струнному квартету». Но въ Матчингсъ-Изи не оказалось никакого струннаго квартета. И ему пришлось ограничиться піанолой и пытаться играть дуэты съ ней. Бѣда была въ томъ, что піанола самолично играла всѣ дуэты, а въ рукахъ маленькаго Бритлинга была склонна иногда проявлять легкомысленное своенравіе, позволяя себѣ внезапные скачки отъ крайней быстроты темпа къ крайней медлительности...

Затѣмъ было воспоминаніе о Генрихѣ, говорящемъ очень серьезно; съ очками, увеличивающими его круглые голубые глаза; о Генрихѣ, говорящемъ о своихъ взглядахъ на жизнь, о своихъ вѣрованіяхъ и невѣріяхъ, о своихъ стремленіяхъ и помыслахъ и видахъ на будущее.

У него было два основныхъ стремленія, двѣ основныхъ цѣли въ жизни. Можетъ быть, онѣ немного различались въ своихъ абсолютныхъ пропорціяхъ, но обѣ играли одинаково значительную роль въ его мысляхъ. Первой изъ этихъ «жизненныхъ цѣлей» было намѣреніе его, какъ только онъ сдастъ докторскій экзаменъ по филологіи, посвятить себя

цѣликомъ усовершенствованію международнаго языка, который долженъ былъ заключать въ себѣ всѣ преимущества Эсперанто и Идо.

— И тогда, — говорилъ бывало Herr Heinrich, — мнѣ кажется, больше никогда не будетъ никакихъ войнъ... никогда. .

Вторая его мечта, которая была важнѣе, заключалась въ усовершенствованіи его системы особыхъ отмѣтокъ на поляхъ словарей и всякихъ, распредѣленныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, справочниковъ. Эта система должна была быть такъ совершенна, что просто стоило бы взять въ руки данную книгу или словарь, пробѣжать рукой и глазами по краямъ ея и раскрыть ее «на той именно страницѣ, какая нужна». Онъ намѣревался осуществить это предпріятіе съ чисто-нѣмецкой послѣдовательностью и дотошностью.

— Мнѣ придется скоро, — сказалъ онъ, — изучить подробно механизмъ, съ помощью котораго обрѣзаются поля книгъ. Возможно, что и въ этой области мнѣ придется изобрѣсти какое-нибудь усовершенствованіе.

Въ этомъ и заключалась для Генриха двойная схема его будущаго. И оно должно было развиваться и развертываться и параллельно развить и его большое, еще ему самому неясное сердце, которое въ настоящее время было такъ явно неудовлетворено окружающимъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія Herr Heinrich'а.

И эта исторія теперь кончилась, какъ кончилась и повѣсть жизни Гью. За первымъ томомъ уже не послѣдуетъ ни второго, ни третьяго. Она кончилась въ спѣшно вырытой могилѣ, гдѣ-то въ глубинѣ Россіи. На великій проектъ усовершенствованныхъ указателей никогда не будетъ заявленъ патентъ, и больше не будетъ дуэтовъ скрипки съ піанолой.

Воображеніе рисовало м-ру Бритлингу маленькую фигурку, мужественно шагающую по снѣгу и полузамерзшей грязи Карпатовъ; оно видѣло его ахающимъ подъ первымъ впечатлѣніемъ шрапнельнаго огня; видѣло его среди атакъ и поспѣшныхъ отступленій, среди усталости и голода, и, быть можетъ, паническаго бѣгства въ темнотѣ. И затѣмъ началось жалостное паломничество плѣнныхъ въ изгнаніи.

. . . .

Затѣмъ раны . . . . мучительныя боли, вынужденное бездѣйствіе и маленькій сгорбленный, разбитый Генрихъ, сидящій отдѣльно, въ сторонѣ, въ биткомъ набиткомъ баракѣ для военноплѣнныхъ, ухаживающій за мучительной, не дающей покоя раной...

У него было обыкновеніе сидѣть какъ-то по особенному, скрестивши руки на скрещенныхъ ногахъ, глядя искоса на всѣхъ сквозь очки.

Такъ, навѣрное, сидѣлъ онъ и вскорѣ, должно быть, лежалъ на . . . . нарахъ и страдалъ, никѣмъ не утѣшаемый . . . . лежалъ неподвижно и временами, быть можетъ, вспоминалъ о Матчингсъ-Изи и думалъ о томъ, что дѣлаютъ сейчасъ Тедди и Гью. Потомъ, вѣроятно, у него жаръ сталъ усиливаться, и весь міръ для него становился ярко окрашеннымъ и фантастичнымъ, и безобразнымъ. Пока, наконецъ, въ одинъ сѣрый, мрачный день не охватила его безконечная слабость, не отупѣла боль, и тогда всѣ его мысли и воспоминанія стали гаснуть и гаснуть и... сливаться... и таять...

Скрипка была принесена въ комнату м-ра Бритлинга еще днемъ и лежала сейчасъ на подоконникѣ. Бѣдный маленькій, разбитый черепокъ, бѣдный осколочекъ разбитой жизни! Въ своемъ футлярѣ она напоминала ребенка въ гробу.

«Надо мнѣ написать старику-отцу его и матери, — подумалъ м-ръ Бритлингъ. — Не могу же я имъ просто послать скрипку, безъ слова отъ себя. . . . .

. . . .

. . . .

— Изъ моей черной тьмы — вашей! — сказалъ вдругъ м-ръ Бритлингъ громко.

Ему придется писать по-англійски. Но если они поанглійски не понимаютъ, то, навѣрное, найдутъ кого-нибудь, кто переведетъ имъ письмо. Придется ему писать очень разборчиво и ясно.

IV.

Онъ отставилъ рукопись «Лучшаго Управленія Міромъ», и началъ писать довольно медленно, отчетливо и ясно выписывая буквы.

«Милостивый государь!

Пишу Вамъ, чтобы сообщить, что возвращаю Вамъ тѣ немногія вещи Вашего сына, которыя я оставилъ у себя на храненіе, по его просьбѣ, когда вспыхнула война. Посылаю ихъ....»

Тутъ м-ръ Бритлингъ оставилъ пустое мѣсто, чтобы потомъ, когда онъ спишется съ норвежскимъ посредникомъ, вписать, какимъ путемъ онъ ихъ высылаетъ.

«Главнымъ образомъ, я озабоченъ тѣмъ, чтобы возвра-

тить Вамъ его скрипку, которую онъ трижды просилъ меня какъ-нибудь доставить Вамъ. Это, должно быть, или Вашъ подарокъ ему, или она была для него символомъ многаго такого, что связывало его съ домомъ и Вами. Я велю ее запаковать особенно тщательно и приму всѣ зависящія отъ меня мѣры, чтобы она въ цѣлости дошла до Васъ.

Мнѣ хочется сказать Вамъ, что всѣ напряженія и страсти этой войны не стерли въ нашей памяти, здѣсь въ Матчингсъ-Изи, воспоминанія о нашемъ другѣ и Вашемъ сынѣ. Онъ былъ однимъ изъ насъ, пользовался нашей любовью, имѣлъ здѣсь друзей, которые и по сей день остаются его друзьями. Мы высоко чтимъ его честность, высокое благородство и привѣтливость, и мы всѣ раздѣляемъ Вашу скорбь. Я собралъ для Васъ нѣсколько случайно имѣющихся у меня любительскихъ снимковъ, въ которыхъ Вы увидите его. освѣщеннымъ солнечными лучами, и которые, быть можетъ, помогутъ Вамъ немного яснѣе, чѣмъ по разсказамъ, представить себѣ жизнь, которую онъ здѣсь велъ. Одинъ изъ этихъ снимковъ я отмѣтилъ особеннымъ знакомъ. Тамъ снята наша семья, завтракающая въ саду, и Вы увидите, что рядомъ съ Вашимъ сыномъ сидитъ юноша, на годъ или два моложе его, чокающійся съ нимъ стаканами. Я поставилъ крестикъ надъ его головой. Это — мой старшій сынъ, онъ былъ мнѣ очень дорогъ, и онъ тоже убитъ въ этой войнѣ. Какъ видите, они мило и привѣтливо улыбаются другъ другу...»

Закончивъ эти строки, м-ръ Бритлингъ вспомнилъ о снимкахъ и досталъ ихъ изъ ящика письменнаго стола, гдѣ онъ ихъ хранилъ. Онъ выбралъ тѣ, на которыхъ былъ снятъ молодой нѣмецъ, но были и другіе, ясные и четкіе, которые теперь носили какую-то особенную значительность; были два изображающіе Тедди, и Гью, и Летти, и Сисси, и дѣтей, марширующимъ «гусинымъ» шагомъ; былъ еще одинъ, изображающій мосье Ванъ-деръ-Панта, стоящаго у входной двери, улыбающагося во весь ротъ, въ забытыхъ ночныхъ туфляхъ Генриха. Было также безконечное число изображеній Тедди. У кодака есть одно цѣнное качество — онъ отказывается запечатлѣвать пасмурные, сумрачные дни, и фотографическая запись жизни неизмѣнно — цѣпь свѣтлыхъ, яркихъ мгновеній. Въ ящикѣ надъ тѣмъ, гдѣ лежали снимки, хранились письма Гью и рядъ другихъ разнообразныхъ, случайныхъ документовъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ его жизни.

М-ръ Бритлингъ бросилъ писать и началъ перебирать

эти бумаги и вспоминать... Среди нихъ находились письма и открытки Генриха и одно-два письма Тедди.

Письма какъ бы подтверждали снимки напоминаніемъ о томъ, какимъ пріятнымъ и добрымъ можетъ быть человѣческій родъ. . . . .

. . . .

. . . . Какъ добры вообще люди!.. до самаго момента совершенія ими жестокости. Его мысли вдругъ заполнились маленькими анекдотами и разсказами о людскомъ добродушіи, прорывающемся сквозь злобу войны. . . . .

. . . .

Но вскорѣ его мысли вернулись отъ этихъ уклоненій къ задачѣ, лежавшей передъ нимъ.

Онъ старался представить себѣ родителей Генриха. Онъ представлялъ себѣ ихъ милыми, добрыми, вполнѣ цивилизованными людьми. Ясно было, что юноша происходилъ изъ хорошо воспитанной, добродушной семьи. Но онъ представлялъ себѣ ихъ — самъ не зная почему — людьми болѣе старыми, чѣмъ онъ самъ. У него, кромѣ того, было странное желаніе написать имъ выраженія особаго соболѣзнованія; какъ будто ихъ утрата была гораздо тяжелѣе, болѣе достойная жалости, чѣмъ его собственная. Онъ сомнѣвался, имѣютъ ли они, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе его сангвиническаго темперамента, могутъ ли они такъ же легко, какъ и онъ, искать и находить поддержку въ своей вѣрѣ; была ли въ Помераніи та же утѣшающая возможность статьи о «Лучшемъ Управленіи Міромъ»? Правда, все это весьма неясно формулировалось въ его мысляхъ, но это чувство несомнѣнно сидѣло гдѣ-то на задворкахъ его мозга. И онъ снова взялся за письмо.

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . . Могу написать Вамъ, и серьезно въ это вѣрю, что наши сыновья погибли не совсѣмъ напрасно. Можетъ быть, наши страданія, наше горе не напрасны... можетъ быть, даже и необходимы. Да, можетъ быть, они даже необходимы. . . . .

. . . .

. . . . . Да, основная ткань войны — черна. Съ этимъ я согласенъ, я это допускаю. Но никогда не была черная ткань войны такъ жидка, такъ истерта, такъ прозрачна. Въ тысячѣ различныхъ мѣстахъ сквозь нее просачивается свѣтъ».

Перо м-ра Бритлинга остановилось.

Въ комнатѣ царила абсолютная тишина.

«Барабанный стиль» — сказалъ, наконецъ, м-ръ Бритлингъ крайне огорченнымъ голосомъ.

И онъ вступилъ въ необычайный споръ съ собственнымъ стилемъ. Онъ совсѣмъ забылъ о старикахъ въ Помераніи, въ своемъ отчаяніи безсильный выразить то, что ему хочется; и началъ раздражаться отъ того, что онъ не вполнѣ владѣетъ всѣми этими словами и фразами, каждая изъ которыхъ влекла за собой цѣлый рядъ ассоціацій и отвлеченій, онѣ страшно осложняли и запутывали его основную мысль. Онъ перечиталъ фразу, которая ему не понравилась.

— Но дѣло вѣдь въ томъ, что это совершенная правда, — шепнулъ онъ. — Я именно это и хотѣлъ сказать!

Именно ли это?

Мысль его застряла на «именно это»... Когда хочешь многое сказать, стиль всегда стѣсняетъ, сковываетъ. Это то же самое, какъ если бы офицеръ передъ боемъ началъ возиться съ своей формой... Но какъ разъ именно это и надо дѣлать передъ боемъ... Все должно быть въ полной исправности и порядкѣ...

Онъ взялъ чистый листъ бумаги и сдѣлалъ три пробныхъ начала.

«Война похожа на черную ткань...»

«Война это завѣса изъ черной ткани, протянутая поперекъ пути...

«Война — завѣса изъ густой черной ткани, протянутая поперекъ всѣхъ надеждъ и добрыхъ намѣреній человѣчества. И все же она всегда пропускала кое-гдѣ лучи свѣта, и теперь — я не праздно мечтаю — завѣса эта становится все жиже и тоньше и прозрачнѣе, и то тутъ, то тамъ, въ тысячѣ мѣстахъ, сквозь нея прорывается свѣтъ. И этимъ мы всецѣло обязаны всѣмъ этимъ милымъ юношамъ...»

Его перо снова остановилось.

— Придется сперва набросать все начерно, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

V.

Три часа спустя м-ръ Бритлингъ уже работалъ при дневномъ свѣтѣ, хотя лампа его еще горѣла, и письмо его къ старому Генриху все еще было не больше, чѣмъ матеріалъ для письма. Но матеріалъ этотъ понемногу начиналъ уже слагаться въ опредѣленную форму, и намѣренія м-ра Бритлинга начинали находить себя, воплощаться. Теперь ему было ясно, что онъ уже пишетъ не въ качествѣ отдѣльной личности, какого-то ограниченнаго «я» двумъ другимъ отдѣльнымъ «я», скорбящимъ въ большомъ, старомъ, съ высокими стѣнами и острой крышей, домѣ, среди сосноваго лѣса (снимокъ котораго ему какъ-то показывалъ Генрихъ). Онъ слишкомъ мало зналъ ихъ для такого личнаго обращенія. Онъ писалъ, какъ онъ теперь убѣдился, не въ качествѣ м-ра Бритлинга, а въ качествѣ англичанина вообще — онъ только вѣдь этимъ могъ быть для нихъ, — и писалъ имъ, какъ германцамъ, ибо самъ никакъ иначе не могъ ихъ воспринимать. . . . .

. . . .

Медленно, упорно стиралось съ лица земли мужское населеніе Германіи. И пока онъ сидѣлъ тутъ въ тишинѣ, онъ думалъ о томъ, что у центральныхъ державъ убито уже почти два милліона солдатъ, и почти такое же количество искалѣчено и приведено въ негодность. Въ сравненіе съ этимъ британскія потери, какъ бы онѣ ни были огромны по сравненію съ цифрами предыдущихъ войнъ, все же были ничтожны. . . . .

. . . .

. . . .

И Германія, которой онъ вотъ сейчасъ пишетъ, будетъ лишь народомъ вдовъ и дѣтей, народомъ довольно худосочныхъ, изможденныхъ недоѣданіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ, калѣкъ, стариковъ, людей, лишившихся всего:—людей, потерявшихъ братьевъ и родственниковъ, и друзей, и мечты. И никакая побѣда сейчасъ ни на сушѣ, ни на морѣ не можетъ уже помѣшать Германіи стать именно такой. . . .

. . . . До войны не было Германіи, къ которой могъ бы обратиться съ такимъ призывомъ англичанинъ. Германія была лишь угрозой, жупеломъ, страшнымъ топтаніемъ вооруженныхъ людей. Было такъ же немыслимо думать тогда о томъ, чтобы говорить съ Германіей, какъ немыслимо было остановить кайзера, когда онъ мчался на полномъ ходу по Unter den Linden въ своемъ гудящемъ автомобилѣ; остановить его и потребовать отъ него краткой бесѣды. Но Германія, которая смотрѣла когда-то съ немного неувѣренной гордостью на этого мчащагося кайзера, у этой Германіи теперь глаза были залиты слезами и кровью. Она повѣрила, она послушалась, но никакая настоящая побѣда не пришла. И все же она продолжала воевать, истекая кровью, мучась, тратя свои лучшія силы и лучшія силы всего міра, безъ иной видимой цѣли, кромѣ истощенія; такъ была она упорна, преданна, горда и безнадежно безумна. И мысль Германіи, какова бы она ни была до войны, теперь сдѣлается чѣмъ-то остаточнымъ, чѣмъ-то забытымъ, и будетъ сидѣть за лампой, какъ сидитъ онъ сейчасъ, думая, скорбя, подсчитывая стоимость войны, убытки; вглядываясь въ темное будущее...

И вотъ къ этой-то Германіи онъ теперь и писалъ, къ

этой смутно-вырисовывавшейся фигурѣ, сидящей въ такомъ же кругу свѣта, какъ и онъ... этой фигурѣ, которая была отцомъ Генриха, великой Германіей, жившей еще до взмахивающихъ крыльями военныхъ орловъ, и той, — которой суждено ихъ пережить...

«Наши мальчики — писалъ м-ръ Бритлингъ — умерли, воюя одинъ противъ другого . . . .

. . . . Для насъ поводомъ для войны послужилъ тотъ фактъ, что Вы вторглись въ Бельгію, и Франція была въ опасности быть уничтоженной и раздавленной . . . . Но почему Вы вторглись въ Бельгію и Францію, и можно ли было этого избѣжать, — мы до сего дня не знаемъ . . . .

. . . .

Когда я сѣлъ Вамъ писать, я намѣревался только написать Вамъ о Вашемъ сынѣ и о моемъ. Но я чувствую, что то личное, отдѣльное, что можно сказать о нашей утратѣ, не нуждается въ высказываніи: это можетъ быть понятно безъ словъ. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

И вотъ поэтому я хочу, чтобы Вы меня терпѣливо выслушали до конца. Было время, въ самомъ началѣ этой войны, когда трудно было быть терпѣливымъ, т. к. надъ всѣми нами нависалъ ужасъ передъ утратами и несчастіями. Теперь ужъ больше нечего бояться этого. То, чего мы больше всего опасались и страшились — свершилось.

. . . .

. . . .

. . . .

Я хочу сказать Вамъ совершенно ясно и просто, что я считаю Германію, занимающую главное и центральное мѣсто въ этой войнѣ, наиглавнѣйшей виновницей ея, и я, пишущій Вамъ, какъ англичанинъ нѣмцу, во время этой самой войны, хотѣлъ бы, чтобы на этотъ счетъ у насъ не было никакихъ недоразумѣній. Я убѣжденъ, что въ десятилѣтіе, завершившееся Вашей побѣдой надъ Франціей въ 1871 г., Германія обратила свое лицо ко злу, и что ея отказъ поступить великодушно съ Франціей и по-настоящему, искренно подружиться съ какой-либо другой великой міровой державой — и есть основная причина, вызвавшая эту войну. Германія побѣдила... и она затоптала подъ своими ногами побѣжденную Францію. Она подвергла Францію нестерпимымъ оскорбленіямъ и униженіямъ; еще задолго до начала этой міровой рѣзни, она уже создавала войну на сушѣ и на морѣ, спуская броненосцы и дредноуты, строя стратегическія дороги, накопляя огромные запасы военныхъ припасовъ, угрожая, заставляя весь остальной міръ напрягаться до крайнихъ предѣловъ, чтобы не отставать отъ ея угрозъ... И, наконецъ, передъ каждой европейской державой вставала единственная дилемма: или подчиняться волѣ Германіи или воевать. А ни одинъ справедливый человѣкъ не могъ подчинить себя волѣ Германіи. Это была воля жестокая, насильствующая, грубая. Это была воля Цаберна. Вѣдь не въ томъ было дѣло, что Вы рѣшились сдѣлаться народомъ-имперіалистомъ, стремящимся обнять и объединить, слить въ одно единое, равное, цѣлое весь міръ. Вы не желали объединить міра. Вы хотѣли занести тяжелую стопу націоналистической Германіи, Германіи сентиментальной и не признающей основныхъ свободъ человѣка, Германіи, молящейся на портреты Вашего смѣшного, нелѣпаго кайзера и его сыновей, Германіи, разодѣтой въ пышныя военныя формы, читающей лишь то, что написано готическимъ шрифтомъ, презирающую всякую культуру, кромѣ своей —

на шею разрозненнаго и униженнаго человѣчества. Это было невыносимое будущее для человѣчества. И я лично предпочелъ бы, чтобы вся земля вымерла, чѣмъ согласился бы подчиниться этому.

Простите, что я пишу «Вы». Вы лично такъ же не отвѣтственны за Германію, какъ я — за сэра Эдуарда Грэя. Но это случилось на Вашихъ глазахъ; и Вы не напрягли всѣхъ Вашихъ силъ, чтобы предотвратить это, точно такъ же, какъ по отношенію къ Англіи, я тоже это допустилъ...»

— Очень ужъ все это сухо... общія мѣста... — шепнулъ м-ръ Бритлингъ. — Однако... это-то именно... и убило нашихъ сыновей.

Онъ сидѣлъ нѣкоторое время неподвижно, затѣмъ снова принялся за чтеніе своей рукописи.

«Когда я возвожу эти обвиненія на Германію, я не претендую ни въ малѣйшей степени на признаніе за Англіей какихъ-либо правъ на особую праведность, непогрѣшимость. Эта война принесла мало славы Германіи . . . .

. . . .

. . . . но слава вся выпала на долю непобѣдимой Франціи. Франція, а съ ней Бельгія и Сербія, вотъ кто покрылъ себя неугасаемымъ сіяніемъ героизма! Онѣ, эти трое, вели оборонительную войну, и дрались доблестнѣе, чѣмъ кто-либо могъ ожидать, за родную землю и свободу. Эта война была для нихъ войной простыхъ, опредѣленныхъ цѣлей, на которую они пошли, какъ одинъ человѣкъ, благородно, беззавѣтно. И англичане, и нѣмцы могутъ одинаково завидовать этой ихъ простотѣ. Я обращаюсь къ Вамъ, какъ къ честному человѣку, прошедшему школу жестокихъ уроковъ этой войны, съ просьбой присоединиться ко мнѣ въ моемъ страстномъ желаніи увидать Францію, Бельгію и Сербію возстановленными въ полной мѣрѣ, вышедшими изъ этихъ потоковъ крови, огня и борьбы не только въ прежнемъ своемъ видѣ, но увеличенными до предѣловъ, обнимающихъ всѣ ихъ національныя права; — отомщенными и гарантированными на будущія времена. О Россіи я здѣсь писать не буду; позвольте мнѣ сразу перейти къ своей родинѣ, отмѣчая, что между Англіей и Россіей можно провести безконечныя параллели. У насъ съ ней одинаковыя сложности, родственныя трудности....

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Въ этомъ мѣстѣ письмо прерывалось, и м-ръ Бритлингъ какъ бы началъ его сначала.

«Политически Великобританская Имперія — . . . . неуклюжее скопленіе всякихъ случайностей. Это нѣчто, чѣмъ можно такъ же мало гордиться, какъ контурами булыжника или формой картофелины. Для широкой массы англійскаго народа — Индія и Египетъ и вся эта сторона нашей государственной системы значатъ меньше, чѣмъ ничего; наша торговая политика нѣчто въ высшей степени для нихъ непонятное, въ нашемъ имперскомъ богатствѣ англійскій народъ не участвуетъ. Великобританія до сихъ поръ была группой четырехъ демократій, захваченныхъ въ сѣть огромнаго, но случайнаго имперіализма; средній простолюдинъ у насъ, въ Англіи, вѣчно находится въ состояніи политической озадаченности, начиная съ колыбели и кончая могилой. Тѣмъ не менѣе въ Англіи живетъ великій народъ, какъ такой же великій народъ живетъ въ Россіи; народъ съ собственными, ему одному свойственными, душой и характеромъ, народъ непобѣдимой доброты и съ особымъ высокимъ духомъ, и оба эти качества, доброта и духъ, все еще борются въ поискахъ выявленія и проявленія своей воли. Мы начинаемъ переживать тотъ же великій опытъ, который уже осуществили и Франція, и Америка, и Швейцарія, и Китай — опытъ демократизаціи. Это — новѣйшая форма человѣческихъ взаимоотношеній, и мы еще, здѣсь, только наполовину пробудились къ ея нуждамъ и необходимымъ условіямъ. Ибо напрасно увѣрять, что маленькія городовыя демократіи древности могутъ быть сравниваемы съ великими опытами въ области практическаго республиканства, которые производитъ человѣчество сегодня. Эта эра . . . . заря которой сегодня занимается — новая совершенно эра. Она еще не числитъ за собой и ста лѣтъ... И всѣ эти новыя явленія — еще очень слабы; крыса легко можетъ убить новорожденнаго человѣка; и чѣмъ величавѣе и значительнѣе судьба, тѣмъ слабѣе иногда бываютъ отпущенныя силы для самосохраненія. Мнѣ же кажется, что Вашъ совершенный и законченный имперіализмъ, управляемый германцами для германцевъ, въ своихъ цѣляхъ и видахъ на будущее является чѣмъ-то куда болѣе устарѣлымъ и мелкимъ и благороднымъ, чѣмъ эти барахтающіяся зарождающіяся исполинскія демократіи Запада . . . .

. . . .

. . . .

. . . . Когда вспыхнула эта война, я надѣялся, что меньше, чѣмъ черезъ годъ милитаризмъ будетъ разбитъ, уничтоженъ...»

VI.

Съ этого мѣста письмо м-ра Бритлинга стало уже превращаться въ рядъ случайныхъ, отрывочныхъ замѣтокъ. Въ нихъ была послѣдовательность, но не было опредѣленной связи. Его мысль перескакивала черезъ провалы, пропуски, которые не успѣвало заполнять его перо. И онъ началъ приходить къ сознанію, что его письмо къ этимъ старикамъ въ Помераніи становилось невозможнымъ. Оно опредѣленно уклонилось въ сторону какой-то диссертаціи.

— Тѣмъ не менѣе должны быть такія диссертаціи! — сказалъ онъ . . . .

VII.

«Мнѣ кажется, вы, нѣмцы, не отдаете себѣ отчета въ томъ, какъ вы упорно и прочно завоевали міръ до того, какъ вспыхнула эта война. Если бы вы посвятили половину ума и энергіи, затраченную вами на эту войну, мирному завоеванію человѣческой мысли и духа, я убѣжденъ, что вамъ удалось бы спокойно, незамѣтно взять въ свои руки руководство всѣмъ міромъ, и ни одинъ человѣкъ не сталъ бы протестовать. Ваша наука была на пять лѣтъ впереди нашей, ваша соціальная и экономическая организація — на цѣлую четверть вѣка... Никогда ни одному народу не было даже такой возможности повести и направить человѣчество къ . . . . всеобщему миру. Нужно было имѣть только нѣкоторую широту и великодушіе воображенія...

Но ваши юнкера, вашъ императорскій дворъ, ваши глупые, развратные принцы; что имъ до такихъ мечтаній?.. И съ завистливымъ чувствомъ удовлетворенія они швырнули всѣ достиженія Германіи въ костеръ войны...»

VIII.

«Вашъ сынъ, какъ вы несомнѣнно знаете, постоянно мечталъ о такомъ міровомъ мирѣ, какой я предсказываю человѣчеству; и Вашъ сынъ былъ великодушнѣе своей родины. Онъ могъ смотрѣть на войну и вражду, лишь какъ на

недоразумѣнія. Онъ думалъ, что человѣчество, которое будетъ въ состояніи понимать другъ друга и объясняться другъ съ другомъ на общемъ всѣмъ вразумительномъ языкѣ — навѣрное будетъ жить въ мирѣ. И поэтому онъ все время работалъ надъ своей идеей усовершенствованія и распространенія Эсперанто или Идо, или другого такого всеобщаго звена между народами земли. Мой сынъ тоже весь отдался родственной, и еще болѣе обширной мечтѣ — мечтѣ о человѣческой наукѣ, не знающей ни королей, ни родины, ни расы...

И этихъ юношей, эти надежды убила война...»

Такъ кончался отрывокъ. М-ръ Бритлингъ же нѣкоторое время пересталъ читать.

— Но развѣ это убило ихъ? — шепнулъ онъ.

— Если-бъ ты остался жить, дорогой, ненаглядный мой, ты и твоя новая Англія говорили бы съ молодой Германіей... куда лучше, чѣмъ я когда либо буду въ состояніи говорить...

Онъ сталъ снова перелистывать страницы, читая то одинъ отрывокъ, то другой со все возрастающимъ неудовольствіемъ...

IX.

— Диссертація. Сплошная диссертація! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

Никогда еще м-ру Бритлингу не было такъ ясно, что онъ —слабый, глупый, плохо освѣдомленный, невѣжественный, поверхностный писатель, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не чувствовалъ онъ, какъ сейчасъ, въ себѣ несокрушимое убѣжденіе, что въ немъ сидитъ духъ Божій, и что ему, м-ру Бритлингу, надлежитъ принять участіе въ установленіи новаго порядка жизни на землѣ; можетъ быть самое послѣднее, незначительное участіе, но для него это должно стать величайшей задачей его жизни. И величайшимъ, почти невыносимымъ горемъ для него было то, что услуги его, несмотря на все его желаніе, будутъ столь незначительными, столь бѣдными по качеству, столь слабыми по концепціи. И вотъ всегда это такъ, всегда онъ какъ будто на порогѣ чего-то яркаго, красиваго; и всегда онъ какъ будто въ такую минуту приходитъ къ убѣжденію, что писанія его — безпомощны, не отвѣчаютъ его требованіямъ, какъ бы измѣняютъ импульсу его сердца: вѣчно онъ находилъ свои попытки слабыми и безуспѣшными. Вотъ въ данномъ случаѣ: сначала онъ какъ будто ясно видѣлъ этотъ призывъ къ братству, къ всепрощенію, къ объединенію во имя одной цѣли. Къ кому могъ

лучше быть обращенъ такой призывъ, какъ не къ этимъ скорбящимъ родителямъ? Отъ кого этотъ призывъ могъ исходить съ большей надеждой на положительный результатъ, какъ не отъ него? А теперь вотъ онъ перечитывалъ то, во что онъ превратилъ этотъ призывъ. И его утомленному уму это показалось жалкой, безцвѣтной, утомленной попыткой. Это было похоже на докладъ, написанный для студенческаго литературно-философскаго кружка.

Его окончательно разстроила воображаемая картина пошлой нѣмецкой супружеской четы, въ очкахъ, которая уставившись недоумѣвающими глазами на переводчика, совершенно озадаченная, слушаетъ его письмо. Можетъ быть, они будутъ даже безсознательно обижены его запутанными обобщеніями. Чего это вздумалось этому англичанину читать имъ лекціи? Съ какой стати?

И онъ устало откинулся на спинку стула, опустивъ подбородокъ на грудь. Нѣкоторое время онъ даже не думалъ; затѣмъ взялъ и перечиталъ фразу, стоявшую передъ его глазами:

«И этихъ юношей, эти надежды убила война...»

Слова эти на нѣсколько минутъ застряли въ его мозгу.

— Нѣтъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ увѣренно, — они живутъ.

И внезапно его осѣнила мысль, что онъ не одинъ. Были тысячи и десятки тысячъ такихъ же мужчинъ и женщинъ, какъ онъ, желающихъ, стремящихся отъ всей души произнести, какъ и онъ, это слово примиренія. Не одна только его рука возставала противъ всѣхъ этихъ препятствій... Французы и русскіе сидѣли въ той же тишинѣ, лицомъ къ лицу передъ тѣми же недоумѣніями; были и нѣмцы, которые тоже искали къ нему какіе-то пути... Даже сейчасъ, вотъ когда онъ тутъ сидитъ и пишетъ. И впервые ясно почувствовалъ онъ близость какого-то духа, о которомъ онъ такъ часто и много думалъ въ послѣднее время. Духа, столь близкаго, что онъ былъ гдѣ-то за его глазами, въ его мозгу и рукахъ... Это не было обманъ зрѣнія; это было сознаніе непосредственной дѣйствительности. И это былъ Гью, Гью, котораго онъ считалъ мертвымъ, это былъ молодой Генрихъ тоже живой, это былъ онъ самъ, всѣ тѣ другіе, ищущіе, всѣ эти и еще больше, это былъ Господинъ, Вождь человѣчества... Богъ... тутъ съ нимъ и въ немъ, и м-ръ Бритлингъ зналъ, что это былъ — Богъ... У него было такое ощущеніе, какъ будто онъ все время шарилъ въ темнотѣ, считая себя одинокимъ среди скалъ и проваловъ и всякихъ безжалостныхъ явленій, и внезапно откуда-то протянулась

рука, увѣренная, сильная рука и коснулась его собственной руки. И голосъ внутри него самого, повелѣвалъ ему бодрствовать и не падать духомъ. И тутъ не было никакого чудодѣйственнаго фокуса; онъ былъ все еще — слабый и усталый, отчаявшійся болтунъ. Но онъ уже не былъ одинокъ и несчастенъ, уже не находился во власти отчаянія. Богъ былъ рядомъ съ нимъ, въ немъ и вокругъ него... И это былъ рѣшающимъ моментомъ въ жизни м-ра Бритлинга. Это было нѣчто столь же легкое, какъ проносящееся яснымъ апрѣльскимъ утромъ облачко; нѣчто столь же великое и значительное, какъ первый день творенія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ м-ръ Бритлингъ продолжалъ сидѣть, откинувшись на креслѣ, съ подбородкомъ на груди и руками, спущенными съ ручекъ кресла. Потомъ онъ выпрямился и глубоко вздохнулъ...

Это пришло такъ незамѣтно... какъ будто въ порядкѣ вещей.

Вотъ уже нѣсколько недѣль голова его была занята этой мыслью. Онъ недавно еще говорилъ съ Летти объ этомъ «конечномъ» Богѣ, являющемся Царемъ исканій человѣка во времени и пространствѣ. Но до сихъ поръ Богъ для него былъ чѣмъ-то отъ разума, теорій, слухомъ, чѣмъ-то, о чемъ говорилось, но что не сознавалось... Все то, что до сихъ поръ думалъ о Богѣ м-ръ Бритлингъ, было похоже на то, какъ если кто-нибудь вдругъ нашелъ пустой домъ, очень красивый и пріятный, и въ то время, какъ открывшій этотъ домъ, продолжаетъ свое одинокое, любопытствующее изслѣдованіе его, онъ слышитъ внизу дорогой и близкій голосъ хозяина, входящаго въ домъ...

Теперь ужъ нечего было отчаиваться, что онъ самъ одинъ изъ слабыхъ міра сего. Богъ былъ воистину съ нимъ; и онъ былъ съ Богомъ. Царь приближался въ царствіе свое. Среди тьмы и разоренія, ...
. . . . великой войны, Богъ, Предводитель Міровой Республики, боролся, пробивая себѣ дорогу къ царствію своему. И пока каждый напрягалъ всѣ свои усилія, отдавая всего себя на служеніе столь великому дѣлу, имѣло ли какое-нибудь значеніе то, что каждый дѣлалъ дѣло такъ убого и ничтожно?

— Я слишкомъ много думалъ о себѣ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — и о томъ, что я сдѣлалъ самъ. Я забылъ о томъ, что было въ нихъ и со мной.

X.

Вскорѣ послѣ этого онъ началъ перелистывать остальную часть того, что онъ написалъ за ночь, и перечитывалъ

написанное, какъ будто это было сочиненіе какого-то чужого человѣка.

Эти болѣе позднія замѣтки были еще отрывочнѣе, чѣмъ первыя, и написаны неувѣреннымъ, размашистымъ почеркомъ.

«Сдѣлаемъ себя охранителями и сторожами порядка міра»...

«Хотя бы изъ любви къ нашимъ мертвымъ...»

«Дадимъ обѣтъ служенія. Отдадимъ себя цѣликомъ, всѣми помыслами и сердцами нашими усовершенствованію и развитію методовъ демократіи и уничтоженію навсегда шаекъ авантюристовъ, торговцевъ, купцовъ, хозяевъ, владѣльцевъ и предсказателей, предавшихъ человѣчество болоту ненависти и крови... въ которомъ погибли наши сыновья... и въ которомъ все еще барахтаемся мы сами...»

Какъ безсиленъ былъ этотъ пискъ увѣщеванія. Кончающійся такой крикливой позой.

«Предавшихъ,» перечиталъ м-ръ Бритлингъ и сталъ критиковать фразу...

«Павшихъ вмѣстѣ съ нами», поправилъ онъ.

«Очевидно, потому такъ озлобляешься и негодуешь, — что чувствуешь себя одинокимъ. Потому что чувствуешь, какъ для нихъ твой разумъ — не разумъ. Озлобляешься отъ сознанія ихъ молчаливаго и равнодушнаго противорѣчія, и забываешь Силу, часть которой ты составляешь...»

Страница, на которой стояла фраза, которую онъ такъ критиковалъ, была въ сущности пуста, если не считать того, что поперекъ ея, по діагонали, были весьма тщательнымъ почеркомъ выписаны слова:

«Гью» и «Гью Филиппъ Бритлингъ».

На слѣдующемъ листѣ было написано:

«Построимъ миръ Міровой Республики среди этихъ развалинъ. Пусть это будетъ нашей религіей, нашимъ призваніемъ».

На этой страницѣ онъ остановилъ письмо.

Послѣдняя страница рукописи м-ра Бритлинга содержала лишь слѣдующій наборъ словъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ по листу:

«Гью... Гью... дорогой мой Гью...

... Адвокаты... Властелины...

... Торговцы, распрями и спорами...

... Честность...

... Кровь... кровь...

... И покончите съ ними всѣми...»

XI.

Онъ вздохнулъ.

Взглянулъ на разбросанныя бумаги и вспомнилъ о письмѣ, которое онъ долженъ былъ составить.

Но первой заговорила его усталость.

— Можетъ быть, въ концѣ концовъ, лучше просто послать скрипку?..

Онъ подперъ щеку руками и такъ сидѣлъ нѣкоторое время. Его глаза глядѣли въ пространство, ничего не видя. Его мысли разбрелись, разсѣялись и поблекли. Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и вернулся къ послѣдней мысли.

«Посласть просто скрипку... безъ всякаго письма.

Нѣтъ, я долженъ имъ просто и ясно написать...

О Богѣ, какимъ я Его нашелъ...

И какимъ Онъ нашелъ меня...»

«Религія — первое и послѣднее, и до тѣхъ поръ, въ Помераніи. Онъ что-то сталъ себѣ нашептывать. Перебиралъ мысленно то убѣжденіе, которое теперь стало такимъ яснымъ и неоспоримымъ въ его мозгу.

— Религія — первое и послѣднее, и до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не нашелъ Бога, и Богъ не нашелъ его, онъ начинаетъ безъ начала, работаетъ, творитъ безъ цѣли, безъ конца. У него могутъ быть дружбы, партійныя лойяльности, осколки чести. Но всѣ эти вещи находятъ свое мѣсто, и жизнь находитъ свое мѣсто только съ Богомъ. Только съ Богомъ. Богъ, — борющійся въ человѣкѣ, и посредствомъ Человѣка противъ Слѣпой Силы и Ночи и Небытія, есть конецъ, и цѣль, и смыслъ. Онъ - Царь единственный... И конечно, я долженъ писать о Немъ. Я долженъ сказать всему моему Міру о Немъ. И до прихода истиннаго Царя, неизбѣжнаго Царя, Царя, неизмѣнно присутствующаго тамъ, гдѣ собираются нѣсколько праведниковъ — эти окровавленныя развалины древняго міра, эти ничтожные мелкіе властелины, эти коварные политиканы и хитрые адвокаты, эти люди, требующіе и хвастающіе и обманывающіе и принуждающіе, это созидатели войнъ и насильники — скоро съежатся и исчезнутъ... какъ комокъ бумаги, брошенный въ огонь...

Нѣкоторое время спустя онъ прибавилъ:

«Наши сыновья, показавшіе и открывшіе намъ Бога...

XII.

Онъ провелъ ладонями по глазамъ и лбу.

Эта ночь неимовѣрныхъ усилій утомила мозгъ, а

онъ уже не въ состоянiи былъ думать легко и свободно. И сидя за столомъ, прижавъ руки къ глазамъ, онъ погрузился въ какую-то пустоту...

Онъ всталъ и стоялъ, совершенно неподвижно, у окна, глядя въ садъ...

Лампа все еще горѣла, но уже давно онъ писалъ не при ея свѣтѣ. Незамѣтно подкрался день и уничтожилъ потребность въ этомъ индивидуальномъ кружкѣ желтаго свѣта. Въ мiръ вернулись краски, чистыя жемчужныя краски, чистыя и опредѣленныя, какъ взглядъ ребенка или дѣвичiй голосъ, и золотая прядь какого-то облачка висѣла на небѣ подъ церковнымъ шпилемъ. Надъ прудомъ нависъ туманъ, мягкiй сѣрый туманъ, вышиной не больше аршина. На мокрой отъ росы травѣ за рѣшеткой его сада пробѣжалъ выводокъ куропатокъ, остановился и словно побѣжалъ. Въ этомъ году куропатокъ расплодилось необычайное множество, такъ какъ на нихъ почти никто не охотился. А тамъ дальше, на лугу сидѣлъ на заднихъ лапахъ заяцъ, неподвижный, какъ камень. Заржала лошадь... И волна за волной заливали мiръ, окружающiй Матчингсъ-Изи, свѣтъ и тепло, въ ожиданiи восхода солнца.

И казалось, какъ будто въ мiрѣ нѣтъ ничего, кромѣ этого утра и солнечнаго восхода...

Откуда-то издалека, изъ-за церкви, донеслись какiе-то звуки... то раннiй работникъ точилъ косу...

Конецъ.

Авторизованный переводъ

М. Ликiардопуло.

РАЗСКАЗЫ РЕМИ-ДЕ ГУРМОНЪ.

I.

ДІАНА.

Когда Геліодоръ увидѣлъ, что луна померкла въ яесномъ небѣ, и свѣтъ ея трепетнымъ покровомъ легъ на спокойныя воды полуночнаго моря, страхъ овладѣлъ его душой и, видя такое мрачное предзнаменованіе, онъ воздѣлъ руки къ небу и сталъ заклинать боговъ о милости.

Но напрасно. Боги оставались глухи къ его мольбамъ, и уста ихъ, вѣщавшія мудрость, молчали; лишь изрѣдка въ святилищѣ оракула раздавались отрывочныя прорицанія, какъ бы разсѣченныя невидимыми молніями.

Геліодоръ вновь занялъ свое мѣсто на мраморной скамьѣ у входа во храмъ. Ночной вѣтеръ тихо жаловался въ вышинѣ, и камыши грустно шептались между собой, и онъ заплакалъ, покоренный грустью боговъ и природы.

* * *

Онъ долго плакалъ и такъ и заснулъ на порогѣ храма, какъ подобаетъ жрецу и стражу, но скоро дикіе крики разбудили его. При трепетномъ свѣтѣ факеловъ, онъ увидѣлъ толпу полуголыхъ людей, маленькаго роста, съ лоснящимися жиромъ волосами, едва прикрытыхъ опоясывающими ихъ чресла невыдѣланными шкурами звѣрей и потрясавшими палицами и чадными сосновыми вѣтвями. Ихъ вождь оглушилъ Геліодора ударомъ палицы, и связанный ремнями жрецъ былъ брошенъ въ камыши, а толпа принялась грабить святилище Діаны-бѣлоснѣжной.

Казалось, варвары обладали нечеловѣческимъ даромъ разрушенія, ибо то, что люди созидали въ теченіе вѣковъ, они разрушили въ немногіе часы ужасной ночи. А когда

все золото и драгоцѣнности были погружены на повозки, грабители, упоенные безуміемъ разрушенія, выволокли изъ храма божественный мраморъ Артемиды, чьей непорочной красотѣ умиленно поклонялись богомольцы. И захотѣли они, желая угодить своимъ богамъ и думая на-вѣки разрушить ненарушимую красу богини, раздробить бѣлоснѣжный ликъ ея; но богиня не пожелала допустить оскверненія своей красоты, и варвары удалились, утомленные безполезнымъ святотатствомъ.

Тогда Геліодоръ разорвалъ узы, связывающія его, и вышелъ изъ шелестящихъ камышей, въ то время, какъ на востокѣ зарождался новый день; онъ смылъ тину, залѣпившую ему глаза, и увидѣлъ ужасъ нечестиваго разрушенія и Дѣву, которой онъ поклонялся, лежащей поперекъ тропы, какъ трупъ, какъ тѣло, брошенное послѣ надруганія.

Онъ палъ къ ногамъ богини и, облобызавъ ихъ, потерялъ сознаніе.

* * *

«Мраморъ непорочный, божественный,
Колѣни, гордыя своею красотой,
Бедра, которыхъ ничья рука не осквернила похотливымъ прикосновеніемъ,
Колыбель, никогда не укрывавшая младенца,
Источникъ, которымъ не смѣли утолить свою жажду даже птицы,
Чрево непорочное,
Чистота бѣлоснѣжная,
Руки, удостоившія объятіемъ только священные стволы дубовъ,
Персты, которые ласкали лишь бѣлыхъ гончихъ псовъ твоихъ,
Гордыя уста,
Мраморъ непорочный, божественной благодати!..»

* * *

Такъ взывалъ Геліодоръ во снѣ къ богинѣ и молилъ ее о милости, говорилъ о своемъ отчаяніи, стыдѣ, о своемъ поклоненіи и любви.

«Прости меня, Діана-Артемида! Ты избрала меня стражемъ жилища твоего — и я не сумѣлъ не допустить осквернителей! Ты избрала меня служителемъ твоимъ — и я не уберегъ тебя отъ святотатства...»

И когда Геліодоръ помолился такъ, со всей покорностью и простосердечіемъ, то показалось ему, что богиня поднялась съ земли, наклонилась къ нему, что гордыя уста ея смягчились и произрекли:

«Прощаю тебя, Геліодоръ, ибо знаю, что ты съ радостью пожертвовалъ бы жизнью своею ради меня, но [illegible]вары пощадили ее по моему [illegible] тебя свидѣтелемъ чуда, еще невиданнаго [illegible].

Боги древни, Геліодоръ, [illegible] это знаешь, [illegible] какъ бы древни они ни были, всѣ [illegible] въ мірѣ и [illegible] умереть. Часъ смерти ихъ наступилъ. [illegible] самое время, какъ я говорю съ тобой, но [illegible] похожа на смерть людей, [illegible] они умираютъ [illegible] сущность ихъ вѣчна и возрождается въ новыхъ [illegible].

Эти претворенія необходимы для славы боговъ [illegible]дости людей: когда боги слишкомъ стары, они перестаютъ внушать страхъ и любовь; сердца людей быстро [illegible]ютъ и становятся безразличны; люди, эти вѣчныя [illegible], перестаютъ вѣрить въ лѣстницу [illegible] бояться, что ступени ея обрушатся [illegible], и не рѣшаются начать восхожденіе на небо; [illegible] въ безнадежность міра, они [illegible] дни мірозданія, въ темной [illegible] жестокости.

Нужны новыя ступени: вотъ почему [illegible] божественные стволы въ [illegible] безконечности.

Спи, Геліодоръ. Когда ты проснешься, ты, любившій меня такой, какая я была, возлюбишь меня и такой, какой я буду, и по новой лѣстницѣ ты поднимешься такъ высоко, что голова твоя закружится отъ блаженства».

Діана умолкла, и Геліодору показалось, что онъ видитъ, какъ направляется по храму женщина, [illegible] волочащейся одеждой, усѣянной голубыми звѣздами; голову ея окружало золотистое [illegible] впередъ рукъ ея струились на землю [illegible]. И она вошла въ храмъ.

* * *

Геліодоръ спалъ; когда онъ проснулся, храмъ снова возвышался на прежнемъ мѣстѣ, но воздвигнутъ онъ былъ согласно канонамъ новаго искусства: на бѣлыхъ стѣнахъ его виднѣлись невѣдомыя Геліодору изображенія, агнцы въ сіяніи, и часто повторялась буква, именуемая греками тау.

Онъ поднялся и вошелъ въ святилище, котораго онъ все еще считалъ себя жрецомъ и стражемъ; но, вѣроятно, опьяненный долгимъ сномъ, онъ не узнавалъ ни сокровищъ, ни вазъ, кадильницъ и свѣтильниковъ, хотя и возвращенныхъ на мѣста, ими занимаемыя до разграбленія, не узнавалъ лицъ вѣрующихъ, наполняющихъ храмъ, ни даже священнаго изображенія, возвышающагося подъ тѣмъ же

шелковымъ шатромъ, украшеннымъ жемчугами; — и онъ стоялъ, потрясенный удивленіемъ, когда вновь зазвучалъ въ его сердцѣ голосъ, слышанный имъ во снѣ:

«Геліодоръ, узнай меня, люби меня, какъ ты любилъ Діану. Я попрежнему — непорочная Дѣва; приблизься, произнеси слова любви, и ты поймешь, ибо любовью все познаваемо. Приди, Геліодоръ, и взойди на первую ступень, ведущую къ блаженству».

А вѣрующіе пѣли:

„Ave, semper virgo,
Ave scala coeli...“

Геліодоръ присоединилъ свой голосъ къ хору и тотчасъ увидѣлъ, вздымающуюся передъ нимъ новую лѣстницу, сооруженную изъ драгоцѣннѣйшихъ древесъ, срубленныхъ въ безграничной дубравѣ вѣчности. Однимъ порывомъ онъ поднялся сразу на высшую ступень, и поднялся онъ такъ высоко, что голова его закружилась отъ блаженства, что понялъ онъ вѣчныя тайны, законъ мірозданія, гласящій премѣнность формы и вѣчность существа.

II.

СЛУЧАЙ СЪ КОРОЛЕМЪ.

Молодой король и юная королева совершали торжественный въѣздъ въ столицу черезъ брешь въ городской стѣнѣ, какъ того требовалъ древній обычай, въ силу котораго, всякій разъ, когда король возвращался побѣдоносно съ войны, заросшая плющемъ стѣна разрушалась, а потомъ, по миновании надобности, возстановлялась вновь, и вновь покрывалась зеленью. Уже двѣнадцать разъ предки короля праздновали такимъ образомъ свое торжественное возвращеніе. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе уже многихъ поколѣній, стѣна оставалась нетронутой и густо заросла лѣнивымъ плющемъ, какъ символъ мира и упадка.

Но плющъ былъ сорванъ, и побѣдитель совершилъ свой въѣздъ.

Кортежъ былъ простъ и великолѣпенъ: впереди двигался эскадронъ кавалеристовъ, съ развѣвающимися по вѣтру гривами и колеблющейся щетиной пикъ, а за нимъ, въ открытомъ раззолоченномъ экипажѣ, ѣхали король и королева. Король былъ затянутъ какъ оса въ бархатную куртку цвѣта зари, вышитую гіацинтами; а королева походила на стрекозу въ своемъ лиловомъ шелковомъ корсажѣ, украшенномъ топазами; вокругъ коляски гарцевала стража, а замыкалъ шествіе отрядъ старыхъ воиновъ, закованныхъ въ латы и согбенныхъ подъ тяжестью длинныхъ аркебузъ.

Почтительно и любопытно толпа тѣснилась вдоль пути непривѣтливая и безрадостная; казалось, что толпа сердится на то, что ее лишили празднествъ въ честь свадьбы короля и на то, что побѣдитель приводилъ имъ, въ лицѣ дочери побѣжденнаго, скорѣе коронованную рабу, чѣмъ королеву.

Но юная королева улыбалась, а молодой король, склоняя голову, привѣтствовалъ народъ.

Уже нѣсколько минутъ спокойно двигалось такъ шествіе, медленно, но безъ препятствій и бурь; раззолоченная

коляска казалась величественной галерой, плывущей по спокойному лону водъ.

Слишкомъ большая сдержанность толпы безпокоитъ королей, подобно тому, какъ слишкомъ спокойное море тревожитъ опытнаго капитана. Молодая королева, дочь побѣжденнаго, наклонилась къ королю и, продолжая улыбаться толпѣ, произнесла нѣсколько словъ, заранѣе условленныхъ вѣроятно, такъ какъ король остался невозмутимъ и отвѣтилъ ей лишь знакомъ. Молодой адъютантъ повернулъ свой взглядъ въ сторону королевскаго экипажа, король небрежно поднялъ руку къ своему подбородку и адъютантъ тотчасъ повторилъ этотъ жестъ; однако, ничего не воспослѣдовало тотчасъ за этимъ таинственнымъ обмѣномъ безмолвныхъ знаковъ.

Постепенно толпа становилась все многочисленнѣе и замѣтное волненіе стало пробѣгать по ней, какъ по гладкой поверхности океана: образовались теченія, водовороты, но спокойные и молчаливые. Шествіе повернуло на болѣе широкую улицу, еще не расчищенную, такъ какъ кортежъ двигался со сравнительной быстротой, совершенно непредвидѣнной: толпа торопливо тѣснилась къ домамъ, испуганная воинственнымъ видомъ всадниковъ, ихъ копьями и горячими конями. Шествіе замедлилось, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, одна изъ лошадей коляски метнулась въ сторону, вся запряжка, управляемая крошечными форейторами, секунду поколебалась и, наконецъ, рѣшительно бросилась влѣво; линія стражи была разорвана, нѣсколько неосторожныхъ горожанъ слишкомъ выдвинулись впередъ, и одинъ изъ нихъ покатился, смятый копытами лошадей.

Тогда рѣзко, какъ цирковая колесница, королевская запряжка пришла въ порядокъ и всѣ шесть лошадей, внезапно успокоенныя, остановились какъ вкопанныя.

Король соскочилъ на землю, первый подбѣжалъ къ раненому и поднялъ его на руки. И тотчасъ изъ толпы, передъ этимъ спокойной и молчаливой, поднялся глухой ропотъ, скоро перешедшій въ громовые раскаты привѣтствій. Народу, бездѣйственно созерцавшему все происшедшее, поступокъ короля показался чудомъ находчивости и героизма: внезапно усмиренныя лошади, король, покидающій свою колесницу, чтобы ринуться на помощь неизвѣстной жертвѣ собственной неосторожности и любопытства — какой прекрасный поводъ къ энтузіазму!

Но когда толпа увидѣла, что король самъ усаживаетъ раненаго на мягкія подушки королевскаго экипажа, рядомъ

съ королевой, тотчасъ же принявшейся заботливо обтирать лицо и руки раненаго кружевнымъ платочкомъ, — восторгъ толпы перешелъ въ неистовство, и даже войско, забывъ свою роль, принялось потрясать воздухъ восторженными кликами.

— Какъ добръ король! — говорили въ толпѣ. — Какъ добра королева! Только король можетъ быть такъ великодушенъ! Только королева можетъ быть такъ добросердечна! И какъ они прекрасны! У короля истинно королевскій ростъ, а глаза королевы нѣжнѣе очей Мадонны!..

Толпа умилялась: взрывъ кликовъ обожанія прокатился вдоль улицъ, отдался по ту сторону стѣнъ, нашелъ откликъ въ деревняхъ и лѣсахъ, и даже въ отдаленныхъ ущельяхъ горъ!

Но вотъ, наконецъ, прибыли врачи, и коляска для перевозки пострадавшаго.

— Отвезите его ко мнѣ, во дворецъ, — приказалъ король. — И пусть ухаживаютъ за нимъ, какъ за моимъ братомъ.

Слова эти передавались изъ устъ въ уста, услышанныя всѣми они еще усилили восторгъ толпы, и безъ того почти достигшій пароксизма: они проникли сквозь стѣны домовъ, просочились за перегородки, поднялись до чердаковъ, спустились въ погреба — и весь городъ высыпалъ на улицы. Слѣпые плакали, потому, что они не могутъ видѣть, глухіе оттого, что не слышатъ, паралитики и увѣчные подползли къ окнамъ — только бы принять участіе въ прославленіи короля.

Человѣческая каша стала такъ густа, что понадобился цѣлый часъ, чтобы пересѣчь половину главной площади. Отъ времени до времени, король стоя, помахивалъ своимъ шлемомъ, украшеннымъ лебедиными перьями, и вихри криковъ неслись въ отвѣтъ на это привѣтствіе. Тогда король помогъ подняться юной королевѣ, поставилъ ее на сидѣніе экипажа и показалъ народу; восторгъ и преклоненіе толпы стали такъ велики, что ей не хватило способовъ ихъ выраженія, и съ минуту на площади царило величественное молчаніе, какъ во время Претворенія Даровъ.

Вдругъ, какъ бы побѣжденная волненіемъ, королева склонила головку на плечо своего супруга, король поцѣловалъ прекрасное чело, приблизившееся къ его устамъ, и зрѣлище этой царственной идилліи вновь бросило искру въ костеръ сдерживаемаго энтузіазма, и вулканъ народный снова началъ извергать огненные потоки.

Затѣмъ, какое-то движеніе организовалось среди толпы

она разступилась и дала проходъ приблизительно тремъ десяткамъ рѣшительныхъ и сильныхъ людей. Когда они собрались вокругъ экипажа, воля ихъ ясно выразилась, они выпрягли лошадей, заняли ихъ мѣста и радостно поволокли своихъ повелителей.

Такимъ способомъ почти всегда заканчиваются привѣтствія и восторгъ народный, ибо люди не могутъ придумать болѣе яркаго выраженія раболѣпства.

Восторгъ толпы усиливался: женщины рисковали быть раздавленными, только бы поцѣловать пыль подножки королевскаго экипажа.

Кортежъ вновь сформировался, въ то время, какъ маленькая королева судорожно сжимала руку юнаго короля.

Они смотрѣли другъ на друга, и въ очахъ ихъ свѣтилась любовь.

III.

МОНАХЪ.

(Анекдотъ)

Тотъ, кого и безъ того уже звали «монахомъ» за его воздержанную жизнь и горькій взглядъ на міръ, сдѣлался имъ дѣйствительно на тридцать шестомъ году своей жизни. Послѣ долгихъ и волнующихъ бесѣдъ со странымъ поэтомъ, старательно продѣлавшимъ искусъ послушничества почти во всѣхъ монастыряхъ Франціи, онъ отдалъ свое предпочтеніе монастырю въ Солиньи, прославленному Рансэ и принадлежащему Ордену Траппистовъ, самому строгому и таинственному изъ всѣхъ.

Онъ думалъ, что имѣетъ право быть недовольнымъ и жаловаться на жизнь, на женщинъ, которыя его не любили, на мужчинъ, его не понявшихъ, на непреодолимую цѣпь случайностей и препятствій, вѣчно преграждавшихъ ему путь, какъ только онъ направлялъ утлое суденышко своей жизни въ сторону Туліи или Атлантиды.

Въ дѣйствительности же онъ никогда не предпринималъ ничего, кромѣ безсильныхъ попытокъ, никогда не выражалъ ничего, кромѣ крошечныхъ желаній, хрупкихъ какъ мыльные пузыри, такихъ же красивыхъ и безполезныхъ. Онъ даже не былъ однимъ изъ тѣхъ, кого Фурье, изобрѣтатель занимательной психологіи, обозначаетъ терминомъ «начинатели»; онъ никогда ничего не начиналъ, всегда оставаясь по ту сторону точки отправленія. Способный поддаваться чужому вліянію и повинующійся, какъ языкъ колокола веревкѣ звонаря, онъ прекращалъ свой благовѣстъ, какъ только бросали веревку. Одной изъ его слабостей было — оставаться тамъ, гдѣ онъ находился: онъ всегда послѣднимъ уходилъ изъ кафе, театра, всегда послѣднимъ покидалъ гостиную и часто его буквально приходилось выставлять за дверь, всегда удивленнаго тѣмъ, что «уже пора». Онъ, вѣроятно, былъ бы превосходнымъ столпникомъ, ибо ему никогда не пришло бы въ голову, единожды взобравшись на столбъ, слѣзть съ него.

Его другъ — поэтъ, былъ, въ противоположность ему, совершеннѣйшимъ образцомъ убѣжденнаго «начинателя».

г. нимъ, хотя быть можетъ и случайно, онъ въ своихъ исканіяхъ никогда не выходилъ изъ рамокъ религіозности и его всегда таинственнымъ образомъ тянуло въ лоно церкви. Въ средніе вѣка, въ тринадцатомъ столѣтіи, онъ былъ бы однимъ изъ тѣхъ вѣчно-странствующихъ клириковъ, которые кочевали изъ аббатства въ аббатство, служа распространителями набожныхъ легендъ и легкомысленныхъ пѣсенъ, неспособныхъ обосноваться на долгій срокъ на одномъ мѣстѣ, ибо ихъ непреодолимо тянуло къ новымъ мѣстамъ, навстрѣчу новымъ приключеніямъ.

«Монахъ» никогда не рѣшился бы пуститься въ путь одинъ, но соглашеніе съ поэтомъ заставило его исполнить свое намѣреніе. Почти безъ гроша, но снабженные рекомендательными письмами, они отправились пѣшкомъ, какъ странствующіе разносчики, ночуя и получая пропитаніе у настоятелей церквей, попадавшихся имъ на пути; порою пріемъ былъ не слишкомъ ласковый, но они умѣли нѣсколькими лицемѣрными фразами успокоить недовѣрчивость церковнослужителей.

У Траппистовъ, отецъ-настоятель принялъ ихъ съ гостепріимствомъ, обязательнымъ для членовъ Ордена, съ привѣтливостью, рекомендуемой уставомъ Рансэ, въ которомъ одинъ изъ первыхъ параграфовъ гласитъ: «Старайтесь принимать гостей съ такимъ участіемъ и гостепріимствомъ, чтобы они не могли подумать, что ихъ посѣщеніе тягостно и неумѣстно».

Съ перваго же дня они оба были очарованы миромъ и спокойствіемъ, царящими въ обители, и поэтъ твердо рѣшилъ начать здѣсь свое седьмое послушничество.

Но рѣшимости его хватило не надолго: черезъ мѣсяцъ онъ ушелъ, а «монахъ» остался, и уже навѣки не долженъ былъ покидать монастыря, — еще разъ подтверждая такимъ образомъ ужасныя слова Паскаля: «Воля людская никогда не получила бы полнаго удовлетворенія, если бы она имѣла возможность выполнить всѣ свои намѣренія, но люди чувствуютъ удовлетворенность, какъ только отказываются отъ осуществленія своихъ желаній. По правдѣ сказать, жертва «монаха» была не слишкомъ велика, — такъ ничтожно было то количество свободы, отъ котораго онъ отказывался. Строгія правила Ордена были для него спасительнымъ исходомъ, и онъ скоро сталъ механически и покорно исполнять всѣ его требованія, такъ же покорно, какъ покорно слѣдуетъ ягненокъ движеніямъ стада, управляемаго пастухомъ.

Послѣ двухъ лѣтъ послушанія, онъ принялъ постригъ

и произнесъ три великихъ обѣта — послушанія, воздержанія и бѣдности, и почувствовалъ себя безконечно счастливымъ

Вставать въ два часа утра, поститься до полудня, пѣть въ хорѣ, работать въ саду и полѣ, воздѣлывая овощи и фрукты, спать на жесткихъ доскахъ и многіе другіе подвиги уничиженія плоти, скоро стали для него вкоренившимися привычками. Къ тому же, постоянное недоѣданіе, недосыпаніе и переутомленіе работой погрузили его въ состояніе оцѣпенѣнія и отупѣнія, изъ котораго онъ никогда уже не выходилъ; иногда, особенно по утрамъ, или передъ отходомъ ко сну, ему казалось, что онъ уже умеръ и, если и живетъ, то какой-то онѣмѣлой жизнью личинки, и это ощущеніе проходило у него только въ полѣ, при яркомъ свѣтѣ солнца, во время сѣнокоса, или уборки хлѣбовъ.

Подобно большинству братіи, онъ и не думалъ испытывать какого-либо мистическаго подъема, тѣмъ болѣе, что по натурѣ своей онъ не былъ вовсе набожнымъ, ни даже христіаниномъ. Однако, онъ въ точности исполнялъ всѣ молитвы и набожныя упражненія, требуемыя уставомъ, безъ особаго усердія, но и безъ принужденія. Sedebit solitarius et tacebit. Молчаніе ему было пріятно: какой прекрасный отдыхъ послѣ долгихъ и безполезныхъ споровъ его юности!

Только единожды онъ былъ взволнованъ, но зато до ужаса, до холоднаго пота. Среди монаховъ Траппистовъ существуетъ обычай, что когда одинъ изъ нихъ умираетъ, его мѣсто за трапезой сохраняется за нимъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, и пища покойнику подается наравнѣ съ живыми. Случилось такъ, что почти одновременно скончались оба его сосѣда, сидѣвшіе съ нимъ рядомъ за длиннымъ монастырскимъ столомъ, и ему пришлось въ теченіе цѣлаго мѣсяца вкушать пищу, чувствуя по бокамъ присутствіе двухъ мертвецовъ. Это ощущеніе, сперва очень тягостное, послужило ему затѣмъ на пользу, ибо показало, что онъ не окончательно еще отрекся отъ жизни, такъ какъ прикосновеніе смерти было непріятно ему; нѣсколько благочестивыхъ разсужденій скоро успокоили его мятущуюся душу.

Къ тому же близился и его чередъ. Уже тридцать лѣтъ жилъ онъ въ монастырѣ и вступилъ въ шестьдесятъ пятый годъ своей жизни, а это возрастъ, рѣдко достигаемый братьями Ордена Траппистовъ. Онъ ощущалъ все растущую слабость и, почувствовавъ, какъ и окружающіе, что конецъ его близокъ, онъ рѣшилъ подвергнуться великой церемоніи, сопровождающей кончину братьевъ Ордена

Согласно уставу, онъ былъ перенесенъ въ лазаретъ

часовню и уложенъ на охапкѣ соломы, ложѣ смерти, уготованномъ для собирающихся принять послѣднее причастіе въ присутствіи всей братіи. Аббатъ, въ лиловомъ облаченіи, съ посохомъ въ рукахъ, тихимъ голосомъ читалъ молитвы, а монахи колѣнопреклоненно повторяли ихъ. Когда молитвы были окончены, священникъ, видя тупое уныніе въ глазахъ умирающаго, склонился къ нему, заклиная покаяться:

«Покайтесь, братъ мой! Здѣсь часто видѣли, что грѣхи, хранимые въ тайнѣ всю жизнь, признавались только при послѣднемъ воздыханіи. Покайтесь, Богъ слушаетъ васъ и прощаетъ...»

«Отецъ мой», заговорилъ умирающій, — «Отецъ мой, — я вѣрю въ Бога...»

Переводъ Ю. Ж.

СЕГОДНЯ.

VI *.

Срамъ и боль... . . . .
Разливается день по торцу...
Только выйдешь— . . . . . .
Съ размаху бьетъ по лицу...

И вспухаетъ набухшее небо
Отвратительнѣе потроховъ...
Какъ не вспомнить при этомъ Эреба
И эстетскихъ стильныхъ стиховъ!..

Крокодилъ съ человѣчьей рожей
Продавился сквозь даму въ трамвай...
И въ отвѣтъ ему—что-то, похожее
На визгъ, на вой, на лай...

Подъ замученной потною клячей
Пробѣгаетъ за стеклами мостъ...
На обломкахъ растоптанныхъ звѣздъ
Развѣ можетъ сегодня иначе?..

И вчера, и вчера, какъ сегодня,
И завтра, какъ тысяча лѣтъ...
Какъ прекрасенъ Господній
Нескончаемый свѣтъ!

* См. «Лѣтопись» № 9.

VII.

Въ трамваѣ какой-то, рядомъ,
Нехорошій и склизкій, какъ грибъ,
Обшарилъ лицо мое взглядомъ
И къ чему-то въ глазахъ прилипъ...

И отъ злости, отъ бунта я глянулъ,
Врылся въ глаза его...
И было тревожно и странно:
Что нужно ему?—Ничего.

Такъ. Игрой въ безполезную слѣжку
Онъ тѣшился, не спѣша...
И вдругъ—распятой усмѣшкой
Задергалась его душа...

Я понялъ:—уже ненавидитъ.
До тоски. До закушенныхъ губъ.
Я понялъ: онъ слышитъ, видитъ
Невыговоренное «трупъ!»

И нельзя было оторваться
Отъ зрачковъ, защемившихъ стонъ...
... Говорятъ, отъ глазъ святотатца
Блѣднѣютъ лики иконъ...

VIII.

Павіаньи глаза голодные
Запутались въ твоемъ чулкѣ...
Что-жъ ты? Танецъ сулила модный,
А танцуешь смерть въ кабакѣ?..

О, какой еще новый Гойя
На гвоздяхъ озвѣрѣвшихъ дней
Заставилъ тебя такое
Закричать о душѣ своей?..

Всѣ движенья твои, изгибы,
Каждый мускулъ дрожащій твой—
Какъ послѣдняя правда о гибели,
Какъ оборванный смертный вой...

Въ этомъ черномъ безшумномъ платьѣ—
Неживое—твое плечо...
Эй, кричите:—Довольно... Хватитъ!
Можетъ, не поздно еще!..

IX.

Замученный глазъ, обл ѣзлый
Выглядывалъ изъ фонаря...
На углу ни за-что, зря,
Еще одного пригрѣзали...

Ничего ужаснаго не было:
Лежалъ, не двигаясь, человѣкъ...
Только ужъ очень нелѣпо
Намокалъ подъ нимъ снѣгъ...

Толпились какіе-то поздніе,
Городовой, сторожа...
Чьи-то пальцы, холодные, какъ гвозди,
Потрогали клинокъ ножа....

Говорили почему-то шопотомъ—
И таяли потомъ съ темноту...
Суетливо и странно хлопотно
Стучала пролетка на мосту...

Улицу сѣрую отъ сырости
Выстилалъ болотный дымъ...
Развѣ можетъ другое вырости
Подъ небомъ такимъ?..

X.

А. БИЧЪ-ЛУБЕНСКОЙ.

Мечется, мучаясь, плачетъ—
Надрывается, руки ломая...
Это-жъ—глупая душа моя
Не умѣетъ, не можетъ иначе...

Оттого, что колючая жалость
Исцарапаетъ до-крови за-день...
Оттого, что кричать осталось —
И уже о пощадѣ...

Натанъ Венгровъ.

ЧЕТЫРЕ ПОЭМЫ ЭМИЛЯ ВЕРХАРНА.

Изъ трилогіи:

«Вечера», «Разгромы», «Черные Факелы».

I.

Безсмыслица растетъ, какъ стебель роковой,
На черноземѣ чувствъ, желаній, думъ гніющихъ.
Героевъ тщетно ждать, спасителей грядущихъ,
И мы осуждены коснѣть въ тоскѣ родной.

Иду къ безумію, къ его сіяньямъ бѣлымъ,
Къ сіяньямъ лунныхъ солнцъ, такъ странныхъ въ полдень намъ,
Къ далекимъ отзвукамъ, въ которыхъ гулъ и гамъ,
И лай багряныхъ псовъ за призрачнымъ предѣломъ.

Озера розъ въ снѣгу, и птицы въ облакахъ,
На перьяхъ вѣтерка присѣвшія, летая;
Пещеры вечера, и жаба золотая,
Задвинувшая даль, у входа на часахъ;

Клювъ цапли, въ пустоту разверзнутый безмѣрно;
Въ лучѣ дрожащая недвижно мошкара;
Безсильное тикъ-такъ, безпечная игра...
Смерть сумасшедшаго,—тебя я понялъ вѣрно!

II.

Подъ каменнымъ небеснымъ сводомъ
Стале-эбеновыхъ столповъ,
Вотъ смолкли стоны молотковъ.
Вступила Ночь. Съ ея приходомъ,
Вотъ смолкли стоны молотковъ,
Что строятъ днемъ (ряды вѣковъ!)
Хрустальный свѣтъ небеснымъ сводомъ.

Изваянный обломокъ льда,
Луна, мертва безмѣрно, сходитъ,
Безъ отзвука, и не находитъ
Ни тучки,—скрыться отъ стыда.
Луна, мертва безмѣрно, сходитъ,
Одѣта въ саванъ золотой,
На Сѣверъ, лѣстницей крутой.

Межъ спутницъ, дѣвственныхъ и мирныхъ,
Эфирный путь вершитъ она,
Въ стеклѣ озеръ отражена
И въ зеркалѣ болотъ сапфирныхъ;
Эфирный путь вершитъ она,
Къ часовнѣ, гдѣ огнемъ унылымъ
Мерцаютъ факелы могиламъ.

Подъ твердью, что озарена
Мерцаньемъ факеловъ унылымъ,
Проходитъ медленно къ могиламъ,
Въ часъ похоронъ своихъ, луна.

III.

Въ одеждѣ, цвѣта пламени и яда
Разсудка моего безжизненное тѣло
Влачится внизъ по Темзѣ онѣмѣлой.

Мосты изъ бронзы, гдѣ вагоны,
Встрѣчаясь, будятъ отзвуки и стоны,
И крылья мрачныхъ парусовъ
Бросаютъ тѣнь на зыбь валовъ;
Огромный циферблатъ, чьи стрѣлки недвижимо
Застыли, красной маской скрытъ,
Угрюмъ, на жалкій трупъ глядитъ;
Безмѣрно-мертвый, тотъ влачится мимо.

Онъ—мертвъ, отъ жажды все понять,
Изваять вѣчныя начала
Въ гранитной тверди идеала,
Вещей и лицъ причины знать!
Онъ—мертвъ (и вотъ плыветъ, кровавый!)
Отъ познавательной отравы.
Онъ—мертвъ, безумно возжелавъ
Абсурдно-безграничныхъ правъ.
Онъ умеръ въ упоеньи бреда,
Когда, казалось, снизошла
Къ нему желанная побѣда
Полетомъ праздничнымъ орла!
Онъ умеръ; вдругъ угасла сила,
Что волю въ правду претворила!
Онъ умеръ, слишкомъ истончивъ
Свой необузданный порывъ!
Вдоль набережной полусонной,
Вдоль стѣнъ, скрывающихъ заводъ,
Гдѣ молотъ молніи куетъ,
Кортежъ влачится похоронный.

Казармы, стѣны, фонари,
Рядъ фонарей, что, безъ отвѣта,
Недвижно, будутъ ждать зари;
Блескъ тусклый золота и свѣта;
Грусть камней; камней полоса;
Чернь башенъ; кирпичи строеній;
Глядѣвшіе въ туманъ и въ тѣни
Ихъ окна,—мутные глаза;
Міръ стапелей, гдѣ ночь темнѣе;
Рядъ обезснашенныхъ судовъ
И четвертованныя реи,—
Подъ небомъ міровыхъ голгсвъ!

Въ уборѣ мертвыхъ камней самоцвѣтныхъ,
Зажженныхъ пурпуромъ огней разсвѣтныхъ,
Разсудка моего безжизненное тѣло
Влачится внизъ по Темзѣ онѣмѣлой.

Ко всѣмъ случайностямъ плыветъ
Онъ, сквозь туманъ, по мути водъ,
Подъ дальній гулъ глухихъ набатовъ,
Разбитыхъ о уступы скатовъ;
(А сзади, пробудясь, дымитъ
Безмѣрный городъ, вновь не сытъ);
Плыветъ въ сѣдую безконечность,
Чтобъ спать въ вечеровыхъ гробахъ,
Туда, гдѣ, сумрачны и полны,
Вскрывъ безпредѣльность щелей, волны
Медлительно пріемлютъ въ вѣчность
— Каждый прахъ.

IV.

Серебряные рты и каменно-нѣмые
Глаза, въ безбрежности хранятъ слова льдяныя
Поры ночной, съ ея тоской.

Въ эѳирно-золотыхъ просторахъ, загораясь,
Созвѣздія плывутъ, какъ жернова, вращаясь;
Поры ночной, съ ея тоской.

Безмѣрный сонмъ колоннъ, какой-то градъ зыбучій
Рисуется вдали за необхватной тучей
Поры ночной, съ ея тоской.

Какъ знать, не встанетъ ли рядъ саркофаговъ темныхъ,
Желѣзомъ замкнутыхъ, изъ сумраковъ огромныхъ
Поры ночной, съ ея тоской?

Иль, шагомъ мертвецовъ, когорты-привидѣнья
Нарушатъ вѣчный сонъ и мертвыя мгновенья
Поры ночной, съ ея тоской?

И навсегда смежатъ сверканье глазъ несытыхъ,
Кристаллы тайные и золото,—въ орбитахъ
Поры ночной, съ ея тоской?

Валерій Брюсовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА БУДУЩАГО.

До недавняго времени въ извѣстной части нашей прессы считалось «не-патріотичнымъ» писать о финансовыхъ и экономическихъ затрудненіяхъ, предстоящихъ по окончаніи войны. Нѣкоторые публицисты «прогрессивнаго блока» продолжаютъ и теперь придерживаться такого рода «патріотизма» и старательно замалчиваютъ вопросъ о будущихъ затрудненіяхъ. Это не мѣшаетъ имъ весьма ѣдко издѣваться надъ германскими офиціозами, которые не жалѣютъ радужныхъ красокъ, чтобы замаскировать современныя затрудненія Германіи. Они весьма вразумительно доказываютъ, что подобная офиціальная ложь не принесетъ Германіи никакой пользы, и тѣмъ горше будетъ ея разочарованіе. . . . .

. . . .

Впрочемъ, оптимизмъ имѣетъ и другіе корни. Необычайные барыши, наживаемые во время войны, обиліе «бѣшеныхъ денегъ» ошеломили обывательское воображеніе—и нѣкоторые искренне вѣрятъ, что послѣ войны предстоитъ «небывалый расцвѣтъ промышленности».

«Биржевымъ зайцамъ» и банкамъ, которые спекулируютъ на повышеніе товарныхъ цѣнъ и цѣнъ дивидендныхъ бумагъ, очень выгодно патріотическое лицемѣріе и обывательская наивность, и они также поддерживаютъ оптимизмъ, наживая на немъ «кругленькія суммы» въ биржевой игрѣ...

Въ послѣдніе мѣсяцы, когда само правительство поставило на обсужденіе вопросъ о предстоящей ликвидаціи финансовыхъ и экономическихъ послѣдствій войны, сдѣлалось возможнымъ трактовать эти темы болѣе свободно.

Обычный трафаретъ разсужденій такой: если мы выйдемъ побѣдителями, насъ ожидаютъ самыя блестящія перспективы; если не побѣдимъ, намъ угрожаетъ «экономическое рабство».

. . . .

. . Каковы бы ни были военные и политическіе результаты войны (говорить о нихъ пока преждевременно), не подлежитъ сомнѣнію, что война поставила передъ страной, какъ и передъ остальными воюющими державами, весьма сложныя экономическія и финансовыя проблемы.

Въ настоящей статьѣ я, конечно, не могу освѣтить эти проблемы со сколько-нибудь достаточный полнотой и глубиной. Этому препятствуетъ также крайняя скудость и запоздалая публикація нашихъ свѣдѣній по экономической и финансовой статистикѣ. Я попытаюсь намѣтить лишь нѣкоторыя общія соображенія.

Въ нашей печати, какъ это ни странно, до сихъ поръ еще спорятъ о томъ, «разбогатѣли» мы отъ войны, или «обѣднѣли». Я уже указывалъ въ другой моей работѣ[1], что страна въ цѣломъ не могла сдѣлаться богаче отъ того, что огромное количество «хозяйственныхъ благъ» замѣнено государственными обязательствами (бумажными деньгами и займами), и на огромную сумму увеличилась наша задолженность заграницей.

Населеніе сдѣлалось «богаче» наличными деньгами, но обогащеніе это совершилось весьма неравномѣрно.

Увеличилась расцѣнка товаровъ, и всѣ, кто продавали ихъ, нажили на этой операціи. Если бы всѣ цѣны товаровъ и заработная плата повышались одновременно и одинаково, то, въ концѣ концовъ, никто бы отъ этого не выигралъ: увеличеніе доходовъ поглощалось бы увеличеніемъ издержекъ. Но цѣны растутъ неодинаково, однѣ быстрѣе другихъ. По общему правилу, при превышеніи спроса надъ предложеніемъ товаровъ, повышеніе цѣнъ товаровъ опережаетъ ростъ издержекъ производства, и цѣны на средства существованія, въ общемъ, возрастаютъ быстрѣе, чѣмъ заработки широкихъ массъ населенія. Въ концѣ концовъ, отъ повышенія цѣнъ выигрываютъ тѣ, кто больше продаетъ, чѣмъ покупаетъ, т. е. всякаго рода промышленники, торговцы и крупные сельскіе хозяева. А расплачиваются за это тѣ, кому приходится больше покупать, чѣмъ продавать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, продавать свою рабочую силу—казна и масса трудящихся классовъ.

Но вѣдь за переплаты казны придется расплачиваться, въ концѣ концовъ, всему населенію въ формѣ налоговъ. Тутъ мы подходимъ къ вопросу о ликвидаціи финансовыхъ послѣдствій войны, о которомъ придется еще говорить ниже.

Отъ покупки облигацій государственныхъ займовъ извлечь пользу могли капиталисты и банки, которые «зарабатываютъ» на этой операціи недурныя прибыли и выгодно «помѣщаютъ» капиталы. . . . .

. . . .

. . . .

Для иллюстраціи вліянія войны на крестьянское хозяйство приведу выдержку изъ корреспонденціи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 156, 1916).

---

[1] «Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи». ПТГР. 1916 г.

«Денегъ у населенія на рукахъ много, но лѣса исчезаютъ, быстро таетъ живой инвентарь, безъ котораго въ нашихъ мѣстахъ хозяйство немыслимо, почва истощается, пьянство начинаетъ все болѣе и болѣе поднимать голову. А въ то же время совершенно незамѣтно, чтобы излишки своихъ доходовъ деревня употребляла на культурныя улучшенія своего хозяйства. Всюду и вездѣ, напротивъ, замѣчается самое непростительное, легкомысленное мотовство этихъ денегъ на всевозможные пустяки. Появилось дорогое туалетное мыло, дорогая одежда, зеркала и пр.,—новыя привычки растутъ на этомъ хозяйственномъ оскудѣніи, какъ опенки на гниломъ пнѣ».

Я не рѣшусь, конечно, утверждать, что картина, нарисованная въ этой корреспонденціи, наблюдается всюду, но противорѣчіе между повышеніемъ личнаго потребленія и ухудшеніемъ хозяйства въ той или иной мѣрѣ должно проявляться, безъ сомнѣнія, повсемѣстно.

Крестьяне въ общемъ, можетъ быть, стали лучше питаться и одѣваться (покупаютъ даже «шоколадъ» и «шелковыя кофточки»), но инвентарь ихъ хозяйства уменьшился и пришелъ въ упадокъ. Цѣны на всѣ предметы крестьянскаго обихода увеличились очень значительно, и на соотвѣтственную величину уменьшилась покупательная сила денегъ. Рабочіе получаютъ повышенную плату, но за то всѣ предметы существованія вздорожали еще больше. Вотъ банки, капиталисты и болѣе крупные сельскіе хозяева дѣйствительно нажили крупныя средства. Прибыли ихъ такъ велики, что далеко покрываютъ всѣ потери на инвентарѣ. Показателемъ послѣдняго могутъ служить отчеты акціонерныхъ обществъ, которыя «выдали» хорошіе дивиденды, несмотря на «списываніе на погашеніе» затратъ и въ «запасные капиталы» огромныхъ суммъ (преувеличенныхъ противъ дѣйствительной надобности)—для уменьшенія обложенія ихъ налогами и для упроченія положенія ихъ дѣлъ въ будущемъ...

Такъ обстоитъ дѣло съ «матеріальнымъ благополучіемъ». Посмотримъ теперь, какія измѣненія произошли во всемъ строѣ народнаго хозяйства.

Возростающая дороговизна и нарушеніе правильнаго снабженія страны важнѣйшими продуктами заставили правительство и общественныя организаціи начать борьбу съ этими явленіями. Въ началѣ борьба носила случайный и разрозненный характеръ. Издавались таксы цѣнъ, которыя или не соблюдались, или оказывались выше рыночныхъ цѣнъ; воспрещался вывозъ продуктовъ изъ отдѣльныхъ мѣстностей, устанавливались очереди желѣзнодорожныхъ перевозокъ и очереди исполненія заказовъ

и полученія сырыхъ матеріаловъ. Постепенно этотъ процессъ государственнаго и общественнаго вмѣшательства все болѣе усиливается и охватываетъ все новыя и новыя области. Созданы «Особыя Совѣщанія» по оборонѣ, топливу, по продовольствію, по перевозкамъ, которыя въ извѣстной мѣрѣ централизуютъ заказы, закупки и снабженіе. Для нѣкоторыхъ отраслей производства образованы особые «комитеты» по распредѣленію сырыхъ матеріаловъ—хлопковый, кожевенный, шерстяной, бумажный и т. д. Въ послѣднее время и общественныя организаціи—союзы земствъ и городовъ, военно-промышленные комитеты и другія общественныя организаціи —также стремятся къ централизаціи закупокъ и снабженія. Союзъ горнопромышленниковъ юга Россіи, объединяющій всю угольную, желѣзорудную, желѣзную, марганцевую и соляную промышленность южной Россіи, образуетъ колоссальный кооперативъ для снабженія всѣхъ этихъ отраслей промышленности всѣми необходимыми матеріалами и орудіями. Отдѣльныя городскія управленія и земства организуютъ снабженіе населенія важнѣйшими продуктами. Все болѣе и болѣе увеличивается число потребительныхъ коопeрацій и количество ихъ членовъ, и они сливаются въ союзы оптоваго снабженія.

Но производство, кредитъ и оптовая торговля оставались до послѣдняго времени внѣ сферы правительственнаго и общественнаго воздѣйствія, и спекулятивное повышеніе цѣнъ продолжается.

Во главѣ всей товарной спекуляціи стоятъ крупнѣйшіе коммерческіе банки. Сошлюсь на характеристику такой роли банковъ, напечатанную недавно (22 Іюля 1916 г.) въ «Новомъ Времени», которое отнюдь вообще не склонно относиться къ банкамъ съ предвзятой враждебностью.

> «Частные банки въ виду стѣсненія торгово-промышленнаго оборота населенія во время войны, утилизируютъ скопляющіяся у нихъ деньги на всевозможныя спекуляціи. Начинается скупка предметовъ широкаго массового потребленія и спекуляція на повышеніе цѣнъ этихъ предметовъ. Возникаютъ тѣ уродливыя явленія, свидѣтелями которыхъ мы въ настоящее время являемся. Растетъ дороговизна и съ нею народное недовольство. Съ другой стороны, банки, начинаютъ поощрять биржевую игру. Развивается грандіозный биржевой ажіотажъ, который отвлекаетъ вниманіе капиталистовъ отъ военныхъ займовъ».

Совершенно фантастическій размѣръ цѣнъ на нѣкоторые важнѣйшіе предметы потребленія всѣмъ извѣстны (напримѣръ, сукна вздорожали не менѣе, чѣмъ въ 6 разъ, точно также обувь и т. д.) Розничные торговцы при всемъ ихъ желаніи не могли бы догнать цѣны до такого высокаго уровня по той причинѣ, что они не

объединены и не имѣютъ средствъ задерживать у себя большіе запасы товаровъ. Это подъ силу только оптовымъ торговцамъ и производителямъ при содѣйствіи крупнаго банковаго капитала. Банки оказываютъ имъ кредитъ и сами скупаютъ большія партіи товаровъ.

Спекуляція вздуваетъ цѣны непрерывно, и не видно конца этому. Правительство вынуждено поставить извѣстные предѣлы возрастанію цѣнъ, которое грозитъ серьезными осложненіями. Для оптовыхъ закупокъ казны назначаются «твердыя цѣны» для различныхъ продуктовъ въ различныхъ районахъ производства. Для нѣкоторыхъ товаровъ (напр., для угля и нефти) устанавливаются предѣльныя цѣны. И «твердыя», и предѣльныя цѣны опредѣляются по такъ называемой «себѣ-стоимости» продукта. Оптовыя цѣны для частнаго рынка оставались пока внѣ нормировки и продолжаютъ повышаться. И каждая слѣдующая нормировка цѣнъ закрѣпляетъ это повышеніе[1]. Такъ, въ сентябрѣ 1916 года Особымъ Совѣщаніемъ по продовольствію прежнія майскія «твердыя цѣны» были значительно повышены.

Особое Совѣщаніе по продовольствію высказалось за распространеніе «твердыхъ цѣнъ» на всѣ сдѣлки—какъ казенныя, такъ и частныя и за установленіе твердыхъ цѣнъ на всѣ главнѣйшіе предметы потребленія.

Но безъ централизаціи оптовыхъ закупокъ «твердыя цѣны» не могутъ быть проведены на практикѣ. Поэтому естественно проектируются организаціи для централизаціи снабженія. Какъ и въ какой формѣ будутъ осуществлены эти организаціи (и будутъ ли осуществлены), пока еще не выяснилось.

Въ желѣзной промышленности фактически примѣняется принудительное распредѣленіе продукта: синдикатъ «Продамета» и желѣзодѣлательные заводы являются исполнителями назначеній правительственнаго комитета по снабженію металлами. Подобное же распредѣленіе все болѣе и болѣе вводится постепенно въ угольной, сахарной, кожевенной, нефтяной промышленности. По сообщеніямъ газетъ, разработанъ (въ Особомъ Совѣщаніи по топливу) проектъ центральной организаціи по покупкѣ и продажѣ всего каменноугольнаго топлива Донецкаго бассейна по нормированной правительствомъ цѣнѣ. Можно думать, что цѣна эта будетъ достаточно выгодна для углепромышленниковъ... Вообще уровень цѣнъ при всѣхъ нормировкахъ отражаетъ преобладаніе опредѣленныхъ общественныхъ группъ.

Но и высокая нормированная цѣна даннаго продукта не можетъ обезпечить снабженія страны, разъ цѣны другихъ продуктовъ не будутъ нормированы. Данная отрасль промышлен-

[1] См. изданія «Союза городовъ» «Состояніе хлѣбныхъ рынковъ» и «Состояніе мясного рынка» въ 1916 году.

ности перестанетъ интересовать банки, и это приведетъ къ сокращенію производства. Капиталы будутъ приливать въ тѣ отрасли, гдѣ остается еще поле для спекуляціи. Дальнѣйшимъ логически неизбѣжнымъ шагомъ является общая нормировка цѣнъ всѣхъ главнѣйшихъ массовыхъ продуктовъ, нормировка minimum'а заработной платы, централизація распоряженія кредитомъ и централизація снабженія [1].

Таково въ общихъ чертахъ положеніе дѣлъ послѣ двухъ лѣтъ войны.

Еще недавно изо-дня въ день въ газетахъ и разныхъ собраніяхъ только и говорилось о «мобилизаціи», о приспособленіи всего строя жизни къ условіямъ военнаго времени. Этотъ процессъ «мобилизаціи» продолжается и теперь, но на очередь уже выдвинутъ вопросъ о предстоящей «демобилизаціи» народнаго хозяйства.

По распространенному мнѣнію, необходимо будетъ предпринять рядъ мѣръ для постепеннаго приведенія народнаго хозяйства на прежнее положеніе, бывшее до войны,—и тѣмъ задача кончается. Очевидно, предполагается, что «свобода промышленной иниціативы» и «свободная конкурренція» снова вступятъ въ свои права, и сложный механизмъ капиталистическаго хозяйства начнетъ работать по прежнему. И тогда-то ожидается наступленіе «небывалаго промышленнаго расцвѣта».

Не подлежитъ сомнѣнію, что «демобилизація» народнаго хозяйства въ смыслѣ приспособленія его къ нуждамъ мирнаго времени крайне необходимая и весьма сложная задача. Съ прекращеніемъ войны огромный спросъ на разнаго рода предметы со стороны военно-морского вѣдомства (и вообще казны) сразу рѣзко сократится, и въ то же время въ огромной степени увеличатся требованія на всякаго рода продукты со стороны населенія—для удовлетворенія его личныхъ нуждъ, на возстановленіе всякаго рода средствъ производства и на возобновленіе разрушеннаго имущества. Демобилизація армій освободитъ множество «рабочихъ рукъ», которыя, конечно, не всѣ и не сразу могутъ найти себѣ подходящее примѣненіе. Мѣста мобилизованныхъ—такъ или иначе—заполнены другими,—женщинами, подростками, мужчинами болѣе стараго возраста, иностранными рабочими. Многія производства сократятся и не потребуютъ новыхъ рабочихъ рукъ. Для приведенія всего этого въ порядокъ,

[1] Я намѣчаю здѣсь только существо проблемы, созданной затрудненіями военнаго времени, но я очень далекъ отъ мысли, что она будетъ разрѣшена въ этомъ направленіи сколько-нибудь полно. Во всякомъ случаѣ объективныя условія, даже противъ воли заинтересованныхъ общественныхъ группъ, вынуждаютъ государственную власть все болѣе и болѣе итти по пути планомѣрнаго регулированія экономической жизни страны.

очевидно, потребуется не мало времени и планомѣрныхъ усилій со стороны государства и общества. Характеръ и содержаніе этого процесса «демобилизаціи» опредѣлится, конечно, соотношеніемъ силъ заинтересованныхъ общественныхъ группъ.

Однако, одна «демобилизація» въ указанномъ смыслѣ не разрѣшаетъ сложныхъ экономическихъ проблемъ, которыя возникнутъ по окончаніи войны.

Если оставить въ сторонѣ ура-патріотовъ, биржевыхъ зайцевъ и наивныхъ обывателей, то можно констатировать, что серьезные изслѣдователи отнюдь не представляютъ себѣ дѣло такъ просто. Даже самые крайніе оптимисты признаютъ, что потребуется напряженная, организаціонная и реформаторская работа для того, чтобы ликвидировать послѣдствія войны и достигнуть экономическаго процвѣтанія. Напримѣръ, проф. В. Э. Денъ, который утверждаетъ, что «населеніе Россіи, несмотря на войну, говоря вообще, не бѣднѣло, но скорѣе богатѣло», признаетъ, тѣмъ не менѣе, что «всѣ тѣ факторы, на которыхъ покоится... матеріальное благополучіе, непрочны и носятъ эфемерный характеръ», такъ какъ странѣ причинены «хозяйственныя раны». Авторъ надѣется, что по окончаніи войны наступитъ «невиданный дотолѣ подъемъ личности и творческой энергіи», и это приведетъ «къ экономическому подъему». Въ виду такихъ утѣшительныхъ перспективъ проф. Денъ призываетъ «бодро смотрѣть на будущее и не бояться тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя требуются войной и которыя еще въ большей степени потребуются послѣ ея окончанія» [1].

Бодрость—вещь очень хорошая и она обязываетъ смѣло констатировать всѣ предстоящія затрудненія. Попробуемъ это сдѣлать.

Въ цитированной уже выше брошюрѣ я указалъ вѣроятныя экономическія послѣдствія войны. Не стану повторять свои соображенія, приведу только конечный выводъ, къ которому я пришелъ: при данномъ положеніи вещей, если въ общихъ условіяхъ народнаго хозяйства не произойдетъ какихъ либо коренныхъ измѣненій, по окончаніи войны предстоитъ длительный экономическій застой, дороговизна всѣхъ средствъ существованія и ухудшеніе экономическаго положенія населенія; нѣкоторые слои населенія обогатятся, но широкія массы обѣднѣютъ.

Въ подтвержденіе этого прогноза я могу сослаться теперь на аналогичные выводы двухъ извѣстныхъ экономистовъ—бельгійскаго ученаго Эмиля Вандервельда, теперь министра Бельгіи, и германскаго ученаго Оскара Штиллиха. Совпаденіе ихъ выводовъ тѣмъ болѣе знаменательно, что они пришли къ

[1] «Русская Мысль», іюнь 1916.

нимъ, конечно, совершенно независимо одинъ отъ другого и, какъ представители двухъ борющихся коалицій, исходятъ изъ различныхъ представленій о вѣроятномъ исходѣ войны.

Эмиль Вандервельдъ характеризуетъ перспективы будущаго слѣдующимъ образомъ: [1]

«Предсказанія, которыя дѣлались въ теченіе этой войны, слишкомъ часто опровергались событіями, чтобы я рисковалъ дѣлать новыя. Мы переживаемъ безпримѣрный катаклизмъ. Онъ потрясъ міръ такъ, какъ войны революціи и имперіи не потрясали Европы. Наступитъ ли за нимъ, вслѣдствіе всеобщаго истощенія, періодъ угнетенія и застоя, или, наоборотъ, противорѣчія интересовъ, обостренныя войною, пробудятъ духъ?.. И то, и другое возможно. И то, и другое можетъ случиться одновременно, въ зависимости отъ характера страны. Сейчасъ мы можемъ только признать наличность цѣлаго ряда факторовъ, способныхъ повлечь развитіе новаго духа: обремененіе налоговыми платежами, обнаруженіе путемъ кроваваго опыта несказанныхъ золъ войны и милитаризма, скандальная противоположность между жестокою нищетою однихъ и небывалымъ обогащеніемъ другихъ, страшный кризисъ, несомнѣнно, предстоящій промышленности послѣ войны, борьба женщинъ за сохраненіе того положенія, которое онѣ заняли вслѣдствіе мобилизаціи... Я думаю во всякомъ случаѣ, что времена, которыя идутъ, будутъ похожи на все, что угодно, кромѣ идилліи».

Оскаръ Штиллихъ въ своемъ изслѣдованіи даетъ слѣдующій прогнозъ: [2]

«Итакъ, въ Германіи послѣ войны будутъ налицо всѣ тѣ признаки, которые въ хозяйственной жизни идутъ подъ обычнымъ наименованіемъ «кризисъ»: сокращенная покупательная способность широкихъ массъ, низкая заработная плата, недостатокъ въ капиталѣ и сокращеніе кредита, отчасти слишкомъ высокія, отчасти слишкомъ низкія цѣны товаровъ, словомъ—извѣстный застой во всѣхъ областяхъ хозяйственной дѣятельности и ухудшеніе всего народнохозяйственнаго положенія сравнительно съ временемъ до войны».

Неизбѣжность финансовыхъ и экономическихъ затрудненій послѣ войны предвидятъ, какъ я уже сказалъ, всѣ болѣе или менѣе серьезные ученые, но не формулируютъ опредѣленно, въ чемъ могутъ выразиться эти затрудненія.

---

[1] См. журналъ «Совр. Міръ» № 5-6, статья г. Н. Іорданскаго.

[2] Oskar Stillich. Gehen wir einer Hochkonjunctur entgegen? Содержаніе этой работы изложено въ № 138 «Торгово-Промышленной Газеты» за 1916 г.

Проектовъ разрѣшенія предстоящихъ проблемъ предложено не мало. Одни рекомендуютъ «налоговую безпощадность», другіе видятъ все спасеніе въ государственной монополизаціи нѣкоторыхъ отраслей промышленности и торговли. Всѣ признаютъ необходимымъ развитіе производительныхъ силъ страны и рекомендуютъ для этого усиленную постройку желѣзныхъ дорогъ и другихъ полезныхъ сооруженій, переработку внутри страны нашего сырья, сокращеніе праздниковъ, развитіе техническаго образованія, усовершенствованіе законовъ о торговлѣ и промышленности въ духѣ большей свободы, опредѣленную таможенную систему (одни—«автономный тарифъ», т. е. установленіе высокой таможенной охраны для сокращенія импорта иностранныхъ товаровъ, другіе—договорные тарифы, т. е. усиленіе экспорта нашихъ сырыхъ продуктовъ), опредѣленную «экономическую коалицію» съ союзными державами, усиленный притокъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ.

Всѣ эти проекты отличаются однимъ «маленькимъ» недостаткомъ—они совершенно игнорируютъ состояніе народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло послѣ войны. Недостаточно больному, не имѣющему средствъ существованія, прописать цѣлесообразное лѣченіе, надо дать ему возможность воспользоваться этимъ лѣченіемъ. Для разрѣшенія финансовой проблемы необходимо увеличить во много разъ производительныя силы страны—иначе населеніе не въ состояніи будетъ нести увеличенное государственное обложеніе, въ какой бы формѣ оно ни выразилось. Для развитія производительныхъ силъ страны требуются колоссальныя затраты государственныхъ средствъ и приложеніе огромнаго количества частныхъ капиталовъ. А между тѣмъ послѣ войны государственные финансы и рынокъ капиталовъ будутъ напряжены до крайности. Разрѣшеніе финансовой и экономической проблемы взаимно обусловлены. Гдѣ же выходъ изъ этого «порочнаго круга»?

Отвѣтъ подсказывается тѣмъ ходомъ развитія, который наблюдался въ періодъ войны. Главныя затрудненія, съ которыми приходилось считаться, заключались въ недостаткѣ разнаго рода продуктовъ и проистекающей отсюда чрезмѣрной дороговизнѣ. По окончаніи войны положеніе дѣлъ еще болѣе осложнится. Взамѣнъ спроса на товары для нуждъ войны, создастся огромный спросъ на всякаго рода матеріалы для возстановленія уничтоженнаго имущества и средствъ производства, почти не возобновлявшихся за время войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко сократится приливъ денежныхъ средствъ изъ казны и усилится стягиваніе ихъ въ казну (въ формѣ займовъ). Недостатокъ товаровъ осложнится еще недостаткомъ свободныхъ капиталовъ, тогда какъ во время войны капиталы были въ изобиліи. Доро-

говизна товаровъ и капиталовъ (учетнаго и ссуднаго процента), какъ это и бываетъ во время кризисовъ, пріостановить развитіе производства.

Если во время войны сдѣлались неизбѣжными нормировка цѣнъ и принудительное распредѣленіе продуктовъ, то съ окончаніемъ войны государственное регулированіе экономической жизни должно будетъ итти дальше и захватить самое производство и рынокъ капиталовъ, т. е. кредитъ. Одна нормировка цѣнъ при принудительномъ распредѣленіи продуктовъ можетъ привести (и дѣйствительно приводитъ, какъ показываетъ практика) къ тому, что производство перестанетъ развиваться, и останутся неудовлетворенными самыя насущныя потребности государства и населенія. Въ отрасляхъ промышленности, которыя объединены въ синдикаты и тресты, эти организаціи не допустятъ расширенія производства и, можетъ, быть, даже сократятъ его размѣры—для того, чтобы поддержать высокій уровень прибыли, соотвѣтствующій повышенію общей нормы прибыли на капиталъ, вызванному недостаткомъ капитала. Въ отрасляхъ промышленности, не синдицированныхъ или слабо синдицированныхъ, тотъ же результатъ будетъ получаться вслѣдствіе банкротствъ и прекращенія дѣятельности болѣе слабыхъ предпріятій. Стремленіе къ извлеченію наибольшей прибыли будетъ задерживать развитіе производства. Застой производства возможно будетъ преодолѣть только путемъ общественнаго или государственнаго принужденія (Productionszwang). А это, въ свою очередь, не совмѣстимо съ свободой приложенія капиталовъ.

Сторонники экономической свободы, принципа «Laisser-faire», которые надѣются, что и послѣ войны свободная игра экономическихъ интересовъ приведетъ къ «экономическому расцвѣту», забываютъ, что въ послѣднія десятилѣтія этотъ принципъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свое безсиліе и вытѣснялся началомъ нормировки. Синдикаты, тресты, горизонтальная и вертикальная концентрація производства (т. е. объединеніе однородныхъ производствъ и объединеніе производствъ, доставляющихъ сырые матеріалы, съ тѣми, которые перерабатываютъ эти матеріалы, напр., соединеніе угольныхъ копей, желѣзныхъ рудниковъ, металлургическихъ заводовъ, и желѣзопередѣльныхъ заводовъ), «консорціумы» банковъ, которые все болѣе объединяютъ управленіе всѣмъ финансовымъ капиталомъ,— все это еще задолго до войны постепенно съуживало область экономической свободы. Взамѣнъ конкурренціи разрозненныхъ капиталистовъ, выступаетъ солидарность дѣйствій цѣлыхъ группъ представителей капитала, которая имѣетъ тенденцію превратиться въ организованное господство единаго «финансоваго капитала». Война внесла въ этотъ процессъ концентраціи капитала только то, что государственная и общественная власть—

въ большей или меньшей степени—стала вмѣшиваться въ область неограниченнаго господства капитала. Поэтому нельзя говорить, что такое вмѣшательство идетъ въ разрѣзъ съ господствующими принципами экономической свободы, ибо они все болѣе вытѣсняются голымъ принципомъ капиталистическаго господства. Война усилила процессъ концентраціи производства, и сами государства прямо или косвенно вынуждаютъ капиталистовъ объединяться въ синдикаты.

Всякаго рода объединенія предпринимателей стремятся ограничивать развитіе производства для повышенія или поддержанія ренты и нормы прибыли на извѣстной высотѣ. Государственное вмѣшательство при извѣстныхъ условіяхъ можетъ преслѣдовать и другую задачу—наибольшаго развитія производительныхъ силъ. Но для этого, конечно, необходимо увеличеніе силы и вліяніе тѣхъ общественныхъ слоевъ, которыя заинтересованы не въ поддержаніи нормы прибыли, а въ возможно болѣе полномъ развитіи производительныхъ силъ.

Въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ будетъ осуществляться въ дальнѣйшемъ государственное регулированіе дѣятельности объединяющагося капитала,—предсказывать напередъ было бы безплодно. Все будетъ зависѣть отъ соотношенія силъ между заинтересованными общественными группами. Чѣмъ болѣе организованными и сознательными окажутся тѣ или иные слои населенія, тѣмъ болѣе вліятельной будетъ ихъ роль въ процессѣ государственной нормировки экономической жизни страны. Кому будетъ принадлежать политическое преобладаніе, тотъ будетъ имѣть рѣшающее вліяніе и въ этомъ процессѣ. И соотвѣтственно интересамъ и удѣльному вѣсу той или иной группы опредѣлится то направленіе, въ которомъ будетъ разрѣшаться экономическая проблема.

Въ тѣсной связи съ экономической проблемой стоитъ финансовая проблема.

Эта послѣдняя проблема слагается изъ двухъ частей. Съ одной стороны, изысканіе способовъ возможно большаго увеличенія средствъ государства; съ другой стороны, вопросъ о возможно болѣе цѣлесообразномъ и экономномъ расходованіи ихъ

Съ легкой руки В. Н. Коковцова пошло въ ходъ слово «налоговая безпощадность». По приблизительнымъ расчетамъ спеціалистовъ нашъ государственный бюджетъ, составлявшій до войны около 3 съ половиной милліардовъ рублей, придется увеличить до 5½—7 милліардовъ, т. е. удвоить. Чтобы достигнуть такого результата, сторонники В. Н. Коковцова не видятъ другого пути, какъ повысить до послѣдней возможности всѣ и всякіе налоги и изыскать всѣ возможные новые способы извлеченія государственныхъ доходовъ. Проектируется увеличеніе налоговъ

на сахаръ, чай, табакъ, спички, соль, керосинъ, ткани, на электрическую энергію и пр. Проектируется также рядъ государственныхъ монополій, которыя по существу равнозначущи съ косвенными налогами. Изъ новыхъ прямыхъ налоговъ приняты только два—подоходный и съ прироста прибылей, но норма обложенія установлена очень невысокая. Не входя здѣсь въ оцѣнку всѣхъ этихъ налоговыхъ предположеній, укажу только, что косвенные налоги всею своею тяжестью падаютъ на массы населенія и мало затрагиваютъ положеніе болѣе состоятельныхъ классовъ.

«Налоговая безпощадность» можетъ довести населеніе до самаго бѣдственнаго положенія и въ то же время не принесетъ значительнаго увеличенія доходовъ государства. Болѣе раціональное разрѣшеніе вопроса состояло бы въ томъ, чтобы переложить бремя обложенія съ болѣе слабыхъ плечъ на болѣе сильныя—увеличить налоги, падающіе на состоятельные классы—подоходный, поимущественный, съ перехода имущества и налогъ на незаслуженный приростъ цѣнности. Установленіе такихъ налоговъ въ высокомъ размѣрѣ дастъ крупныя средства и не приведетъ къ пониженію средняго уровня благосостоянія, понизитъ только излишнюю роскошь.

Проектируемыя у насъ государственныя монополіи по своему значенію равносильны повышенію косвеннаго обложенія (на предметы первой необходимости). Монополіи могутъ имѣть и другое значеніе: не повышая цѣны товаровъ или услугъ, онѣ вводятся для передачи въ руки государства прибылей, получавшихся частнымъ капиталомъ. Монополіи перваго типа возлагаютъ бремя обложенія на массы населенія; монополіи второго—выгодны для большей части населенія, кромѣ капиталистовъ, лишающихся высокихъ прибылей въ соотвѣтствующей промышленности.

Итакъ, доходы государства могутъ быть значительно увеличены и не принесутъ ухудшенія въ условіяхъ жизни массъ населенія только въ томъ случаѣ, если главная ихъ часть будетъ получаема за счетъ доходовъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія. А такъ какъ эти слои всегда стремятся переложить тяжесть налоговъ на массы путемъ увеличенія цѣнъ товаровъ, то государственная нормировка товарныхъ цѣнъ является необходимой и съ этой точки зрѣнія.

Другая часть проблемы состоитъ въ возможномъ уменьшеніи и болѣе цѣлесообразномъ назначеніи расходовъ государства. На уплату процентовъ по государственнымъ займамъ потребуются колоссальныя суммы. Уже теперь государственные займы фактически приносятъ болѣе 6% годовыхъ. Такой уровень процента необычайно высокъ. Капиталистамъ, являющимся кредиторами государства, обезпеченъ очень высокій доходъ.

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Сокращеніе расходовъ государства можетъ быть осуществлено и путемъ урѣзыванія нѣкоторыхъ непроизводительныхъ расходовъ, которыя поглощаютъ очень крупныя средства. Само собой разумѣется, что и въ данномъ случаѣ вопросъ разрѣшится въ ту или другую сторону въ зависимости отъ того, куда направится равнодѣйствующая борющихся между собой общественныхъ силъ.

Предсказать ходъ будущаго экономическаго развитія, конечно, нельзя, но предвидѣть вѣроятныя тенденціи его при той или иной комбинаціи условій до извѣстной степени возможно. Если по окончаніи войны общія условія народнаго хозяйства останутся прежнія, и если, кромѣ бремени дороговизны, массамъ населенія придется нести еще тягость повышеннаго обложенія, длительный застой экономической жизни будетъ неизбѣженъ. Его можно предотвратить только путемъ устраненія дороговизны, путемъ организаціи народнаго хозяйства, и путемъ перенесенія главнаго бремени государственнаго обложенія на болѣе состоятельные классы населенія. Поскольку эти задачи будутъ осуществлены, постольку сдѣлается возможнымъ сравнительно быстро залѣчить «хозяйственныя раны», нанесенныя войной, безъ тяжелыхъ «матеріальныхъ жертвъ» для массъ населенія.

Б. Авиловъ.

ДНЕВНИКЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Въ извлеченіяхъ подъ редакціей А. М. Хирьякова.

22 января Гаспра 1902. Е. б. ж.*

Все слабъ. Пріѣхалъ Бертенсонъ[1]. Разумѣется, пустяки. Чудные стихи:

Зачалъ старинушка покряхтывать,
Зачалъ старинушка покашливать,
Пора старинушкѣ подъ холстинушку,
Подъ холстинушку да и въ могилушку.

Что за прелесть народная рѣчь. И картинно, и трогательно и серьезно.

30 Января 1902. (Продиктовано во время болѣзни).

1) Отобрали у рабочихъ все молоко, надѣлали пирожныхъ и ваннъ, а потомъ съ помощью науки хотятъ дѣлать наипитательнѣйшимъ то далеко недостаточное количество, которое осталось для рабочихъ. Вотъ цѣль нашего ученаго земледѣлія, техники, медицины.

2) Лежатъ разсыпанные по міру тлѣющіе угли,—духъ Божій живитъ ихъ по мѣрѣ силы жизненности, развиваемой въ каждомъ углѣ и сообщаемой другимъ. Въ этомъ для человѣка и цѣль и смыслъ жизни. Только это (?).

31 Января 1902. 1 часъ дня.

1) Только это въ томъ смыслѣ, что законность и степень законности всѣхъ другихъ цѣлей зависитъ отъ того, въ какой степени они содѣйствуютъ достиженію этой.

2) Понятно, что въ молодости ничтожная цѣль удовлетворенія чувства кажется единой цѣлью жизни, но это-то переставленіе нижней цѣли на мѣсто высшей есть источникъ всѣхъ бѣдствій людей. Если цѣль моя добыть и соблюсти чистую воду для питья для ближнихъ и животныхъ, я не полѣзу въ этотъ источникъ съ грязнымъ сосудомъ, ногами или одеждѣ, только, чтобы поскорѣе удовлетворить свою похоть.

3) Какъ мало я цѣнилъ глубочайшую притчу о насыщеніи пятью хлѣбами, раздавая хлѣбъ, но не поглощая его.

---

* Имѣніе гр. Паниной на южномъ берегу Крыма, гдѣ Л. Н. Толстой перенесъ тяжкую болѣзнь, едва не сведшую его въ могилу.

4) Только бы эти раскиданные и тлѣющіе угольки старались пользоваться вѣющимъ на нихъ духомъ Божьимъ и сообщать другъ другу радость созданія этого духа и теплоты согрѣвающаго ихъ огня любви.

5) Какъ ясно, когда стоишь на порогѣ смерти, что это несомнѣнно такъ, что нельзя жить иначе. Ахъ, какъ благодѣтельна болѣзнь! Она, хоть временами, указываетъ намъ, что мы такое и въ чемъ наше дѣло жизни.

Февраль. (Продиктовано во время болѣзни):

1) De mortuis aut bene aut nihil,—какое языческое, ложное правило! О живыхъ говори добро или ничего. Отъ сколькихъ страданій это избавило бы людей, и какъ это легко. О мертвыхъ же почему не говорить и худого. Въ нашемъ мірѣ, напротивъ, установилось правило съ некрологами и юбилеями говорить о мертвыхъ однѣ, страшно преувеличенныя, похвалы, слѣдовательно, только ложь. И это наноситъ людямъ ужасный вредъ, сглаживая и дѣлая безразличнымъ понятіе добра и зла.

2) Надо проболѣть тяжелой болѣзнью, чтобы убѣдиться, въ чемъ жизнь: чѣмъ слабѣе тѣло, тѣмъ сильнѣе становится духовная дѣятельность.

3) Если эта жизнь благо, то и всякая другая тоже. И наоборотъ. И потому, чтобы не бояться смерти, нужно умѣть видѣть только благо этой жизни.

8 Марта. 1902. (Своей рукой).

1) Бѣлинскій безъ религіи,—изъ нижняго этажа. Гоголь религіозный—изъ верхняго.

2) Человѣкъ матеріальный—вонючее, ядовитое существо. Parerga und Paralipomena.

3) «И охладѣетъ любовь»—это послѣднее худшее бѣдствіе. И оно то совершилось.

4) Что важнѣе: обязанности царя или человѣка? Обязанности царя можешь сложить, а обязанности человѣка никогда.

(Скучно опять жить).

(Міръ Божій. Мартъ 1902. Стр. 118. Шопенгауэръ).

1) Одинъ путь—культуры, другой—отреченія отъ жизни. Ни тотъ, ни другой: отреченіе отъ личности, любовь, и достигается цѣль—счастье.

Паульсенъ говоритъ, что учитель долженъ быть не Ницше, не Шопенгауэръ, а Христосъ. А почему?—не объясняетъ.

2) Вересаевъ пишетъ, что послѣ одушевленія служенія людямъ наступаетъ разочарованіе, компромиссы. Онъ спрашиваетъ: отчего? А только оттого, что это дѣлалось по гипнозу, по кружковскому чувству, по славѣ людской, а не по установленному отношенію къ Безконечному.

3) *Очень важное.* Необходимо написать о томъ, что христіан-

ство не есть ни отреченіе отъ жизни, ни допускающій все культъ, а есть ученіе, регулирующее жизнь. Одно перехватило, другое не дохватило.

21 Марта 1902.

1) То, что видитъ нерелигіозный человѣкъ, видитъ и религіозный, но то, что видитъ религіозный,—не видитъ нерелигіозный.

Предстоятъ работы: 1) Добавленія; 2) Объ истинномъ значеніи христіанства; 3) Къ духовенству; 4) Къ молодежи.

1) *Къ молодежи:* Отдаваясь современному и пренебрегая прошедшимъ, вы насаживаете деревья безъ корней.

2) Да будетъ воля Того, по чьему закону я жилъ въ этомъ мірѣ (въ этой формѣ) и теперь, умирая, ухожу изъ этого міра, выхожу изъ этой формы. Волю эту я знаю только по благу, которое она дала мнѣ, и потому, увѣренный въ ея благости, спокойно и, поскольку вѣрю, радостно отдаюсь ей.

24 Марта 1902.

5) Положеніе людей, не поднявшихся до религіознаго сознанія, дѣйствительно, очень затруднительное, когда они наблюдаютъ поступки людей религіозныхъ. Они въ такомъ же недоумѣніи, въ какомъ долженъ быть человѣкъ, живущій одной животной жизнью, при видѣ поступковъ людей, живущихъ умственной жизнью. Обѣдъ готовъ,—а онъ не ѣстъ, что-то читаетъ или пишетъ,—жизнь у него сладкая, а онъ тревоженъ, и т. п.

6) *(Къ молодежи).* Изучайте древнія религіи не въ томъ смыслѣ, какъ разные ограниченные Летурно,—что, молъ, вотъ какія глупости исповѣдывали люди (не мы, умные),—а въ томъ: какими глубокими мыслями и вѣрованіями жило древнее человѣчество.

7) *(Къ духовенству).* Очнитесь отъ гипноза. Задайте себѣ вопросъ: что бы вы думали, если (бы) родились въ другой вѣрѣ? Побойтесь Бога, который далъ вамъ разумъ не для затемненія, а выясненія истины.

8) Выхожу изъ этой жизни по волѣ Того, Кто далъ мнѣ ее, спокойно отдаюсь ей, зная ее только, какъ источникъ высшаго блага—жизни.

10 Апрѣля 1902.

1) Вопросъ въ томъ для насъ: сольется ли моя отдѣльная жизнь съ безконечнымъ потокомъ жизни, или опять приметъ новую отдѣльную форму? Въ первомъ случаѣ это верхъ невообразимаго блаженства: нирвана, непосредственная жизнь въ Богѣ. Во второмъ—это продолженіе жизни въ новой формѣ, обусловленное, по *кармѣ*, моей здѣшней жизнью. Вопросъ и страхъ въ потерѣ сознанія своего «я» въ обоихъ случаяхъ неоснователенъ. Но первый случай невѣроятенъ. Мы не имѣемъ права предпола-

гать жизнь внѣ отдѣльности, потому что не знаемъ такой. И потому остается только 2-й случай: новая форма жизни. Но предполагать новую форму жизни съ удержаніемъ сознанія прежняго «я» мы тоже не имѣемъ права, такъ какъ начали эту жизнь безъ сознанія прежняго «я». Но сознаніе отдѣленнаго «я» зависитъ отъ пространства и времени. Переходъ же изъ одной формы въ другую происходитъ внѣ пространства и времени.

6) Говорятъ: прекрати существующій порядокъ—все погибнетъ. Все равно какъ сказать: растаетъ рѣка и все погибнетъ. Нѣтъ, пойдутъ корабли, начнется настоящая жизнь.

20 сентября. Я. П. 1902.

Полтора мѣсяца не писалъ. Все время писалъ Х(аджи) М(урата). Здоровье поправляется. Душевнымъ состояніемъ могу быть доволенъ. Нѣтъ недобрыхъ чувствъ ни къ кому.

Много думалось. Много записать надо.

. . . .

. . . .

2) Заставить себя любить нельзя, можно только устранить препятствія, мѣшающія любви.

3) Я не знаю жизни иной, какъ только ограниченную, отдѣленную отъ всего, частичную. И потому жизнь была и будетъ отдѣленная. Отдѣленную же жизнь я не могу представить себѣ иначе, какъ въ пространствѣ и времени. Я не могу представить себѣ иначе, какъ въ пространствѣ и времени, но это не значитъ того, чтобы не могла быть отдѣленность помимо пространства и времени.

4) Жизнь я не могу иначе, видѣть какъ *движеніемъ* во времени, предѣлы жизни не могу видѣть иначе, какъ матеріей въ пространствѣ.

5) Листъ падаетъ осенью не отъ мороза или сухости, а отъ того, что онъ исполнилъ свое химическое назначеніе. Также и всякій организмъ, также и человѣкъ(?).

6) Желать при смерти удержать свою личность, это значитъ желать лишенія себя возможности новой, молодой жизни. Докторъ психіатръ разсказывалъ, что онъ разъ вывелъ съ собой на улицу своихъ больныхъ. Больные испугались новой для нихъ свободы и большой жизни и стали жаться къ доктору и проситься назадъ. Также, говорятъ, заключенные въ первое время освобожденія тоскуютъ о тюрьмѣ. Не то же ли это?

7) Думалъ о безнравственности медицины. Все безнравственно. Безнравственenъ страхъ болѣзни и смерти, который вызываетъ медицинская помощь, безнравственно пользованіе исключительной помощью врачей, доступной только богатымъ. Безнравственно пользоваться исключительными удобствами, удовольствіями, но пользоваться исключительной возможностью

сохраненія жизни есть верхъ безнравственности. Безнравственно требованіе медицины скрыванія отъ больного опасности его положенія и близости смерти. Безнравственны совѣты и требованія врачей о томъ, чтобы больной слѣдилъ за собой—своими отправленіями, вообще жилъ какъ можно меньше духовно, а только матерьяльно: не думалъ бы, не волновался, не работалъ.

8) Соціалисты видятъ въ трестахъ, синдикатахъ осуществленіе или движеніе къ осуществленію соціалистическаго идеала, т.-е. что люди работаютъ сообща, а не врозь. Но работаютъ они сообща только подъ давленіемъ насилія. Какія доказательства на то, что они также будутъ работать, когда будутъ свободны, и какія доказательства того, что тресты и синдикаты перейдутъ къ рабочимъ. Гораздо вѣроятнѣе, что тресты произведутъ рабство, отъ котораго, освобождаясь, рабы будутъ разрушать эти не ими устроенные тресты.

9) Гипнозъ преданія, т.-е. внушенія людямъ повторенія того, что дѣлали ихъ предки, есть главная преграда движенія впередъ—освобожденія человѣчества.

10) Мое выздоровленье похоже на то, что экипажъ вытащили изъ трясины, въ которой онъ завязъ, не на ту сторону, куда неизбѣжно надо ѣхать, а на эту. Черезъ трясину не миновать ѣхать.

29 октября 1902. Ясн. Поляна.

Недѣли три болѣю печенью. Все поправляю К(ъ) Д(уховенству).[2] Кажется кончилъ или близокъ къ этому. Есть много, что записать. Теперь же запишу то, что сейчасъ думалъ, именно:

1) Вы говорите, что все зависитъ отъ внѣшнихъ, т.-е. матерьяльныхъ причинъ, и что поэтому человѣкъ не свободенъ. Изслѣдуя всякій поступокъ, вы найдете причины, обусловливающія его, и все будетъ понятно и ясно. Но вотъ морская птица въ бурю плыветъ по волнамъ. И другая такая же птица,—забывъ то, что она прилетѣла и теперь плаваетъ по избранному ею направленію, наблюдая ея подъемъ и паденіе по волнамъ и даже направленіе ея движеній, не имѣя point de repaire, отъ котораго она могла бы измѣрить движеніе птицы,—всѣ ея движенія объяснить движеніемъ волнъ. Но наблюдаемая птица, перебирая ногами, плыветъ по волнамъ и движется въ избранномъ ею направленіи.

То же самое съ человѣкомъ въ его зависимости отъ среды. Если мы наблюдаемъ его извнѣ, мы не видимъ среди движеній, зависящихъ отъ среды, его главнаго движенія жизни, не имѣя point de repaire. Главное движеніе его есть его совершенствованіе, его то мы не видимъ.

Но мало того, что наблюдающая птица не видитъ движенія наблюдаемой птицы, пока она плыветъ въ морѣ: наблюдаемая

птица можетъ еще подняться и поднимается или ныряетъ и исчезаетъ изъ поля зрѣнія наблюдающаго и мы опять приписываемъ ея исчезновеніе волнамъ. То же и съ человѣкомъ въ этой жизни—пространственной и временной. Пока онъ здѣсь, онъ весь кажется въ зависимости отъ временныхъ и пространственныхъ условій, но онъ еще былъ прежде и внѣ этихъ условій, и можетъ выходить изъ этихъ условій и тогда мы, умѣя наблюдать и видѣть только въ этихъ условіяхъ, говоримъ, что его нѣтъ.

2) Матеріальное объясненіе жизни ясно и просто для всего кромѣ какъ для вопроса о томъ, что есть жизнь и чѣмъ надо руководиться въ ней. Духовное же объясненіе жизни ясно опредѣляетъ жизнь и чѣмъ надо руководиться въ ней, но зато не знаетъ и не хочетъ знать ничего о матеріальныхъ условіяхъ жизни, которыя, очевидно, безсмысленны и противорѣчивы.

Нынче *30 ноября 1902. Я. П.*

Хотѣлъ записать многое, но поправлялъ объ отдѣльности и запоздалъ. Здоровье хорошо. Радъ, что не перестаю думать о смерти и чаще прежняго въ жизни вспоминаю о своемъ отношеніи къ Пославшему. Много есть что записать и недурное. Кончилъ легенду,[3] взялся опять за Х(аджи) М(урата), и должно быть, е. б. ж.,[4], завтра кончу.

Часто приходитъ ясное представленіе о томъ, какъ бы надо и можно разсказать свою душу всю. Но это находитъ мгновеніями, а сейчасъ даже не помню, какъ.

Запишу хоть двѣ недлинныя мысли:

1) Прежде всего пробуждается въ человѣкѣ сознаніе своей отдѣленности отъ всего остального, т.-е. своего тѣла, потомъ сознаніе того, что отдѣлено, т.-е. своей души, духовной основы жизни, и потомъ сознаніе того, отъ чего отдѣлена это духовная основа жизни, т.-е. сознаніе Бога.

2) Зачѣмъ наши жизни и жизнь всего міра? Зачѣмъ этотъ ростъ отдѣльныхъ существъ? Похоже, что это дыханіе Бога, что Богъ дышитъ нашими жизнями.

3) Въ часахъ показываются секунды, минуты, часы, сутки, недѣли, мѣсяцы, годы (есть такіе часы). Такъ и въ жизни міра есть эфемериды и жизни людей и жизни солнцъ. (Не хорошо).

4) Основа жизни есть сознаніе своей отдѣльности. А это сознаніе уже навѣрное не матеріальное. А въ немъ основа жизни и вся жизнь.

10 декабря 1902. Яс. Пол.

Написалъ на своемъ портретѣ французскому художнику Robert Castor слѣдующее: «Le but de notre existence n'est pas en elle meme. Il est au dela. Notre vie est une mission, dont nous pouvons connaitre les devoirs, mais point le but».

13 декабря 1902. (Продиктовано).

1) Напрасно думаютъ критики, что движеніе интеллигенціи можетъ руководить народными массами (Милюковъ)[5]. Еще болѣе напрасно думалъ бы писатель сознательно руководить массами своими сочиненіями. Пусть только каждый приводитъ свое сознаніе въ наибольшую ясность и жизнь въ наибольшее соотвѣтствіе съ требованіями этого сознанія.

2) Если на вопросъ: можете ли вы играть на скрипкѣ? вы отвѣчаете: не знаю, я еще не пробовалъ, то мы сейчасъ же понимаемъ, что это шутка. Но когда на такой же вопросъ: можете ли вы писать сочиненія?—мы отвѣчаемъ: можетъ быть, могу, я не пробовалъ,—мы не только не принимаемъ это за шутку, но постоянно видимъ людей, поступающихъ на основаніи этого соображенія. Доказываетъ это только то, что всякій можетъ судить о безобразіи безсмысленныхъ звуковъ не учившагося скрипача (найдутся такіе дикіе люди, которые найдутъ и эту музыку прекрасной), но что нужно тонкое чутье и умственное развитіе для того, чтобы различать между наборомъ словъ и фразъ и истиннымъ словеснымъ произведеніемъ искусства.

3) Вся первая половина XIX вѣка полна попытокъ разрушить насильственной революціей . . . . . . государственный строй. Всѣ попытки кончились реакціей, и власть правящихъ классовъ только усилилась. Очевидно, революція не можетъ теперь одолѣть государственную власть. Остается одно: такое измѣненіе міровоззрѣнія народа, при которомъ онъ пересталъ бы служить насилію . . . . Такое измѣненіе можетъ произвести только религія, и именно христіанская.
. . . .
. . . . И потому не только главное, но единственное средство въ наше время служить человѣчеству состоитъ въ . . . .
. . . . . . и установленіи истинной христіанской религіи. То самое, что всѣми считается самымъ ничтожнымъ дѣломъ и чего не только никто не дѣлаетъ, но самые бойкіе квази-ученые люди заняты обратнымъ: еще большимъ запутываніемъ и затемнѣніемъ . . . . . . христіанства.

1903 годъ. 4 января.

Для того, чтобы понятно было мое пониманіе жизни, нужно стать на точку зрѣнія Декарта о томъ, что человѣкъ несомнѣнно знаетъ только то, что онъ есть мыслящее, духовное существо, и ясно понять, что самое строго-научное опредѣленіе міра есть то, что міръ есть мое представленіе. (Кантъ, Шопенгауеръ, Шпиръ). Но что же такое это духовное существо, которое я на-

зываю собою, и что есть причина моего представленія о существованіи міра? На эти вопросы, опредѣляя жизнь, я отвѣчаю такъ: жизнь есть сознаніе духовнаго, отдѣленнаго отъ всего остального, существа, находящагося въ непрестанномъ общеніи со Всѣмъ. Предѣлы отдѣленности отъ Всего этого существа представляются мнѣ тѣломъ (матеріей) моимъ и тѣлами другихъ существъ, составляющихъ Все. Непрестанное же общеніе этого отдѣленнаго духовнаго существа со Всѣмъ представляется мнѣ не иначе, какъ во времени. Предѣлы моего духовнаго существа, проявляющіеся въ пространствѣ, я не могу познавать иначе, какъ тѣломъ своимъ и другихъ существъ. Общеніе же этого существа съ другими я не могу познавать иначе, какъ движеніемъ своего и другихъ существъ.

Не было бы отдѣленности моего духовнаго существа отъ Всего, не было бы моего тѣла ни тѣлъ другихъ существъ. И точно также не было бы общенія моего отдѣльнаго существа со Всѣмъ, не было бы движенія и всѣхъ другихъ существъ. Такъ что жизнь есть сознаніе отдѣленности моего ограниченнаго предѣлами, духовнаго существа отъ какого-то другого, безграничнаго духовнаго существа, составляющаго Все и Начало всего.

13 марта 1903. Я. П.

Опять все то, да не то. Надо сначала. Нынче всталъ съ болью живота. Пріѣхали Мимочка [6] и Гольденвейзеръ [7].

Надо записать три вещи, кромѣ новой версіи опредѣленія жизни.

1) Второй разъ встрѣчаю въ жизни не заслуженную, ничѣмъ не вызванную ненависть отъ людей только за то, что имъ хочется имѣть такую же репутацію, какъ моя. Они начинають любить, потомъ хотятъ быть тѣмъ, что любятъ, но то, что они любятъ, *не они*, и мѣшаютъ имъ быть такими же, и они начинаютъ ненавидѣть. Вотъ доказательство зла славы.

2) Богъ это—весь безконечный міръ. Мы же, люди, въ шару, не въ серединѣ, а въ какомъ-либо мѣстѣ (вездѣ середина) этого безконечнаго міра. И мы, люди, продѣлываемъ въ своемъ шару окошечки, черезъ которыя смотримъ на Бога,—кто сбоку, кто снизу, кто сверху, но видимъ всѣ одно и то же, хотя представляется оно намъ и называемъ мы его различно. И выводъ изъ того, что видно въ окошечкахъ, для всѣхъ одинъ: будемъ жить всѣ согласно, дружно, любовно. Ну и пускай каждый глядитъ въ свое окошечко и дѣлаетъ то, что вытекаетъ изъ этого смотрѣнія. Зачѣмъ же отталкивать людей отъ ихъ окошка и тащить къ своему? Зачѣмъ приглашать даже бросить свое, оно, молъ, дурное,—и приглашать къ своему? Это даже неучтиво. Если кто недоволенъ тѣмъ, что видитъ въ свое, пускай самъ подойдетъ къ другому и спроситъ, что ему видно, и пускай тотъ, кто доволенъ

тѣмъ, что видитъ, разскажетъ то, что онъ видитъ. Это полезно и можно.

Я очень счастливъ тѣмъ, что сталъ совсѣмъ по настоящему вѣротерпимъ. И научили меня невѣротерпимые люди.

29 Апрѣля 1903 г. Яс. Пол.

9) Жизнь всѣхъ людей состоитъ сначала въ расширеніи, а потомъ въ уничтоженіи предѣловъ сознанія. Мудрость состоитъ въ томъ, чтобы знать это и въ этомъ расширеніи видѣть истинное благо и сознательно содѣйствовать этому расширенію.

10) Объясненіе происхожденія организмовъ отъ первоначальной клѣтки—протоплазмы—то же, что объясненіе химическихъ процессовъ посредствомъ атомовъ и свѣта посредствомъ волнъ невѣсомаго эфира. Атомы и эфиръ сами по себѣ не реальны, но суть объясняющія явленія, устанавливающія для нихъ законы предположенія. Не реальны они потому, что предполагается безконечное (безконечно малое) пространство (объемъ, вѣсъ). Точно такъ же нереальны объясненія происхожденія организмовъ изъ протоплазмы, а суть только предположенія, объясняющія явленія и устанавливающія для нихъ законы. Нереальны же они потому, что предполагается безконечное (безконечно великое) время образованія ихъ.

11) Ошибка феминизма въ томъ, что онѣ хотятъ дѣлать все то же, что мужчины. Но женщины—отличныя отъ мужчинъ существа, съ своими совершенно особенными свойствами; и потому, если онѣ хотятъ усовершенствоваться, занять высшее положеніе, имъ надо развиваться въ своемъ особенномъ направленіи. Какое оно—я не знаю; къ сожалѣнію, и онѣ не знаютъ, но вѣрно то, что оно иное, чѣмъ мужское.

13) Кто-то спрашиваетъ меня: «Судьба ли отъ человѣка или человѣкъ отъ судьбы?» Чѣмъ больше живемъ духовной жизнью, тѣмъ независимѣе отъ судьбы; и наоборотъ.

14) Въ нашъ вѣкъ существуетъ ужасное суевѣріе, состоящее въ томъ, что мы съ восторгомъ принимаемъ всякое изобрѣтеніе, сокращающее трудъ и считаемъ необходимымъ пользоваться имъ, не спрашивая себя о томъ, увеличиваетъ ли это изобрѣтеніе, сокращающее трудъ, наше счастье, не нарушаетъ ли оно красоты. Мы, какъ баба, черезъ силу доѣдающая говядину, п. ч. она досталась ей, хотя ей и не хочется ѣсть и ѣда навѣрное будетъ ей во вредъ. Желѣзныя дороги—вмѣсто пѣшей ходьбы, автомобили—вмѣсто лошадей, чулочныя машины—вмѣсто спицъ.

18 іюня 1903. Я. П.

Здоровье хорошо. Была дурная погода 3 дня, и я чувствовалъ себя очень слабымъ. Много ѣзжу верхомъ. Посѣтители: Давыдовъ, Абрикосовъ, Масловъ, Глѣбова.

Ничего или почти ничего не работаю. Рѣшилъ Николая

Павловича[8] оставить почти какъ (есть), а если понадобится, то описать отдѣльно.

Записать надо слѣдующее:

1) Расширеніе сознанія или, точнѣе, уясненіе духовнаго сознанія, перенесеніе своего «я» въ духовное сознаніе совершается, выражается любовью. Любить естественно легче существа подобныя себѣ. Такъ мы и любимъ людей: легче всего своихъ родныхъ, потомъ наиболѣе похожихъ на себя чужихъ, потомъ наиболѣе похожихъ на себя животныхъ, потомъ даже растенія.

2) Задумалъ три новыя вещи:

1) Крикъ теперешнихъ заблудшихъ людей: матеріалистовъ, позитивистовъ, ничшеанцевъ,—крикъ (Мар. 1 ,24): «Оставь, что тебѣ до насъ, Іисусъ Назарянинъ? Ты пришелъ погубить насъ. Знаю тебя, кто ты, Святый Божій». (Очень бы хорошо). [9]

2) Въ еврейскій сборникъ. Веселый балъ въ Казани, влюбленъ въ красавицу, дочь воинскаго начальника—поляка, танцую съ нею; ея красавецъ старикъ-отецъ ласково беретъ ее и идетъ мазурку. И на утро послѣ влюбленной, безсонной ночи звуки барабана и сквозь строй гонятъ татарина, и воинскій начальникъ велитъ больнѣй бить. (Очень бы хорошо). [10]

И 3) Описать себя по всей правдѣ, какой я теперь, со всѣми моими слабостями и глупостями, въ перемежку съ тѣмъ, что важно и хорошо въ моей жизни. (Тоже хорошо бы). [11]

Все это много важнѣе глупаго Х(аджи) М(урата).

19 іюня 1903. Я. П. Е. б. ж.

Не писалъ. Большая слабость, но совсѣмъ здоровъ. Ничего не пишу.

Записать надо двѣ:

1) Всѣ люди болѣе или менѣе приближаются къ тому или другому предѣлу: одинъ—жизнь только для себя, другой—жизнь только для другихъ.

2) Перечелъ Франциска Ассизскаго. Какъ хорошо, что онъ обращается къ птицамъ, какъ къ братьямъ! А разговоръ его съ frère Léon о томъ, что есть радость?! [12]

Къ тому же. Жизнь есть сознаніе своего единства съ Богомъ.

23 іюня. Я. П. 1903.

Здоровье хорошо. Ѣмъ ягоды, ѣзжу верхомъ много. Вялость умственная.

Записать одно:

1) Я—очень дурной по свойствамъ человѣкъ, очень тупъ къ добру, и потому мнѣ необходимы большія усилія, чтобы не быть совсѣмъ мерзавцемъ. Какъ Ю. Самаринъ какъ-то очень хорошо сказалъ, что онъ—прекрасный учитель математики, потому что очень тупъ къ математикѣ. Я—совершенно то же [illegible]

но я, главное,—то же въ дѣлѣ добра: очень тупъ, и потому не совсѣмъ дурной,—нѣтъ, смѣло скажу: хорошій учитель.

4 іюля 1903. Я. П.

Выписалъ мысль. Поправлялъ Х(аджи) М(урата). Здоровье недурно. Только слабѣе прежняго. Много задумываю писаній; очевидно неисполнимыхъ. Нынче читалъ, какъ обучались солдаты. Какъ бы хорошо, наивно разсказать это.

Вчера, разговаривая съ Гольденвейзеромъ о томъ, что дѣлается съ сознаніемъ во время сумасшествія, думалъ слѣдующее:

1) Жизнь продолжается во время сумасшествія только для наблюдателя извнѣ; жизнь же истинная, жизнь сознанія отсутствуетъ, такъ же какъ она отсутствуетъ во снѣ, въ утробѣ матери, въ первомъ дѣтствѣ, въ періодѣ страсти. Жизнь человѣческая только тогда жизнь, когда человѣкъ сознаетъ въ себѣ духовное начало жизни. Это-то сознаніе человѣка духовнаго начала претворяетъ матеріальную, пространственную, движущуюся, временную жизнь міра.

15 іюля.

Все не могу писать. Неясны мысли, и нѣтъ желанія; но уясняются неожиданно нѣкоторыя мысли къ опредѣленію жизни. Такъ, нынче думалъ:

1) Выдѣлять по времени періоды яснаго сознанія отъ затемненнаго и заглушеннаго, какъ во снѣ и сумасшествіи,—невѣрно. Есть одно внѣвременное существо, которое и есть мое «я». Оно болѣе или менѣе затемняется, какъ солнце тучами и атмосферой, моей ограниченностью, но оно всегда едино и невременно.

2) Говорятъ: то только настоящее безсмертіе, при которомъ удержится моя личность. Да личность-то моя и есть то, что меня мучаетъ, что мнѣ болѣе всего отвратительно въ этомъ мірѣ. Остаться навѣки съ своей личностью—это дѣйствительно мученіе Агасфера.

21 іюля 1903. Я. П.

Здоровье все такъ же хорошо, живу все такъ же растительной жизнью. Пытался написать сказку, но не пошло.

Нынче въ постели думалъ новую—не новую, но иную формулировку опредѣленія жизни:

1) Безконечное духовное, внѣпространственное, внѣвременное существо, т.-е. то, что мы знаемъ существующимъ, но которое не постигаемъ, свойства котораго не знаемъ, то, что мы называемъ Богъ. Это существо проявляется намъ въ тѣлесной формѣ. Мы называемъ жизнью, нашей жизнью наше сознаніе этого существа. Называемъ мы тоже жизнью наблюдаемое нами проявленіе этого существа внѣ насъ во времени и пространствѣ, и называемъ нашей жизнью наблюдаемое другими и передаваэ-

мое намъ проявленіе этого существа въ пространствѣ и времени. Первое есть истинная жизнь, второе — только проявленіе жизни.

2) Думалъ о томъ, что для выраженія всего моего отношенія къ власти недостаточны ни формы разсужденія, ни обращенія, ни художественнаго произведенія, а нужна новая форма. Можетъ быть, я ищу ее.

3) Не могу достаточно повторять себѣ (и другимъ), что есть три двигателя жизни человѣческой: а) чувство, вытекающее изъ различныхъ общеній человѣка съ другими существами; б) подражаніе, внушеніе, гипнозъ и в) выводъ разума. На милліонъ поступковъ, совершающихся вслѣдствіе первыхъ двухъ двигателей, едва ли одинъ совершается на основаніи выводовъ разума. Распредѣленіе это происходитъ и въ каждомъ человѣкѣ (т.-е. что человѣкъ изъ милліона поступковъ совершаетъ одинъ по разуму) и въ различныхъ людяхъ.

Папа — избраніе и Серафимъ.[13] Какая иллюстрація силы внушенія.

9 авг(уста) 1903. Я. П.

Все время здоровъ. Написалъ въ одинъ день «Дочь и отецъ».[14]. Недурно. Сказки кончилъ.

Нынче надо записать удивительную вещь. Думая о людяхъ, которыхъ не любишь, прибавляй эпитетъ: милый, бѣдный. Милый А., милый Б., милый Побѣдоносцевъ. Это самовнушеніе. Сейчасъ ищешь ту сторону, съ которой N. N. милый—и находишь.

20 августа.

Только нынче кончилъ сказки и не три, а двѣ. Недоволенъ. Зато «А вы говорите» недурно. Здоровье все хорошо. Нынче ѣду въ Пирогово.

Надо было записать кое-что, забылъ.

1). Пустяки. Когда самъ забылъ имя и спрашиваешь у другого, этотъ другой заражается и тоже забываетъ.

2). Научить жить, пока повернешься на одной ногѣ: «Совершенствуйся, старайся быть совершеннымъ, какъ Отецъ вашъ небесный».

14 ноября. 1903. Яс. Пол.

6) Военныхъ людей научаютъ умирать при исполненіи своихъ обязанностей, и многіе исполняютъ это,—умираютъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Почему же нельзя человѣку-христіанину, понимающему жизнь въ служеніи Богу, совершенствованіи, нельзя умирать такъ же съ оружіемъ въ рукахъ, т.-е. исполняя назначенное дѣло? Это тѣмъ болѣе можно, что чѣмъ старше становится человѣкъ или вообще чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ значительнѣе и вліятельнѣе

его дѣятельность. На этомъ и основаны всегдашнія правила уваженія старыхъ.

Нынче *24 ноября 1903. Я. П.*

Все копаюсь съ предисловіями и къ Шекспиру и къ Гаррисону[16]. Почти кончилъ. Здоровье хорошо, но умственно не боекъ.

Сейчасъ думалъ, кажется мнѣ, что очень важное, а именно:

1) Мы знаемъ въ себѣ двѣ жизни: жизнь духовную, познаваемую нами внутреннимъ сознаніемъ, и жизнь тѣлесную, познаваемую нами внѣшнимъ наблюденіемъ.

Обыкновенно люди (къ которымъ я принадлежу), признающіе основой жизни жизнь духовную, отрицають реальность, нужность, важность изученія жизни тѣлесной, очевидно, не могущаго привести ни къ какимъ окончательнымъ результатамъ. Точно такъ же и люди, признающіе только жизнь тѣлесную, отрицаютъ совершенно жизнь духовную и всякіе основанные на ней выводы, отрицаютъ, какъ они говорятъ, метафизику. Мнѣ же теперь совершенно ясно, что оба неправы, и оба знанія: матеріалистическое и метафизическое имѣютъ свое великое значеніе, только бы не желать дѣлать несоотвѣтствующіе выводы изъ того или другого знанія. Изъ матеріалистическаго знанія, основаннаго на наблюденіи внѣшнихъ явленій, можно выводить научныя данныя, т.-е. обобщенія явленій, но нельзя выводить никакихъ руководствъ для жизни людей, какъ это часто пытались дѣлать матеріалисты-дарвинисты, напримѣръ. Изъ метафизическихъ знаній, основанныхъ на внутреннемъ сознаніи, можно и должно выводить законы жизни человѣческой какъ, зачѣмъ жить?—то самое, что дѣлаютъ всѣ религіозныя ученія, но нельзя выводить, какъ это пытались многіе, законы явленій и обобщенія ихъ.

Кажется *30 ноября 1903. Я. П.*

Кончилъ предисловіе, недурно. Написалъ нѣсколько писемъ. Все не кончилъ Шекспира, хотя и близится къ концу. Здоровье было все время очень хорошо.

Записать надо двѣ вещи:

1). Какъ-то на-дняхъ ночью, въ постели, сталъ думать о жизни, о Богѣ, и смыслъ жизни и Богъ перестали быть ясны и нашелъ ужасъ сомнѣнія. Стало жутко. Сердце сжалось. Но продолжалось недолго. Главный ужасъ былъ въ сомнѣніи, въ томъ, что нельзя молиться, что никто не услышитъ, что ничто не обязательно. Не страхъ смерти, а страхъ безсмысленности. Продолжалось недолго. Первая звѣздочка просвѣта зажглась въ томъ, что всегда въ основѣ всего: отъ Кого, отъ Чего пришелъ, къ тому иду и приду. Потомъ просвѣтлѣло сознаніе того, чего хочетъ отъ меня сила, пославшая меня, и стало легко, сомнѣніе исчезло. Это было отчасти скорѣе физическое затмѣніе, въ которомъ важно знать,

это физическое, нѣкій сонъ, сонъ высшихъ духовныхъ силъ. И въ эти минуты не спрашивать, а ждать. (Дурно описалъ весь процессъ сомнѣнія и избавленія отъ него, а чувствовалъ очень сильно).

2). Я прежде думалъ, что сущность жизни человѣка состоитъ въ все большемъ и большемъ расширеніи предѣловъ. Но это невѣрно, не можетъ быть. Въ чемъ сущность жизни—не дано намъ знать. Одно, что мы знаемъ, это то, что все совершенствованіе человѣка состоитъ въ наибольшемъ сліяніи съ непостижимой для него вѣчной жизнью, въ все большемъ и большемъ сліяніи своей линіи жизни съ тѣми двумя параллельными безконечными линіями, которыя влекутъ его къ себѣ.

Идеальная жизнь такая:

(Безтолково, но мнѣ нужно).

3). Третьяго дня видѣлъ во снѣ, что я сочиняю комическій по формѣ разсказъ крестьянина, набравшагося непонятныхъ словъ, но разсказъ трогательный. И было очень хорошо. Вообще вся ночь была—особенно оживленная дѣятельность мозга. Представилъ себѣ еще три народные типа. Одинъ—силачъ, богатырь, медлитель, но подверженный припадкамъ бѣшенства, гдѣ дѣлается звѣремъ. Другой—болтунъ, хвастунъ, поэтъ, нѣжный и самоотверженный минутами. Третій—эгоистъ, но изящный, привлекательный, даровитый и бабникъ.

Хочу каждый день писать хоть понемногу воспоминанія.

Левъ Толстой.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Бертенсонъ, Левъ Бернардовичъ, извѣстный врачъ и гигіенистъ, одинъ изъ основателей Всероссійской Лиги для борьбы съ туберкулезомъ, род. въ 1850 г. Считая себя близкимъ къ смерти, Левъ Николаевичъ относился отрицательно къ медицинской помощи, считая ее пустяками, несмотря на приглашеніе такого свѣтила медицины, какъ Бертенсонъ. Вообще же, вопреки установившемуся мнѣнію объ отношеніи Толстого къ медицинѣ, Левъ Николаевичъ не отрицалъ медицины, но находилъ, что польза отъ нея не оправдываетъ тѣхъ расходовъ, которые, благодаря неразумному государственному устройству, тратятся на нее и отягощаютъ и безъ того тяжелое положеніе малоимущихъ классовъ населенія.

2. Статья «Къ Духовенству» была напечатана впервые въ Англіи въ изданіи «Свободнаго Слова» въ 1903 г. и затѣмъ въ Россіи въ изданіи «Обновленія» въ 1906 г. (конфискована). Статья эта тѣсно связана по идеѣ съ легендой Толстого «Возстановленіе Ада и разрушеніе его», которая является какъ бы художественной иллюстраціей къ статьѣ «Къ духовенству».

3. Легенда «Возстановленіе Ада и разрушеніе его» впервые напечатана въ Англіи въ изд. «Свободнаго Слова» въ 1903 г. Въ Россіи появилась въ нѣсколькихъ изданіяхъ, изъ которыхъ почти всѣ конфискованы.

4. Е. Б. Ж.—«Если буду живъ»—сокращенная отмѣтка, часто встрѣчающаяся въ послѣднихъ дневникахъ Толстого, считавшаго, что человѣку постоянно слѣдуетъ помнить о возможности неожиданной смерти.

5. Л. Н—чъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду вышедшую тогда книгу П. Н. Милюкова: «Изъ исторіи русской интеллигенціи» (СПБ. 1902).

6. «Мимочка»—такъ называли за глаза писательницу Лидію Ивановну Веселитскую (псевд. Микуличъ), автора извѣстной повѣсти: «Мимочка отравилась», впервые напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» и по указанію Л. Н—ча изданной «Посредникомъ». Воспоминанія Л. И. Веселитской о своемъ знакомствѣ съ Л. Н. и его семействомъ («Тѣни прошлаго», П. 1914 г.), къ сожалѣнію страдаютъ большими неточностями.

7. Гольденвейзеръ, Александръ Борисовичъ, извѣстный піанистъ, профессоръ московской консерваторіи, другъ Л. Н. Толстого, часто гостившій въ Ясной Полянѣ и доставлявшій Толстому большое наслажденіе своей игрой.

8. Въ своей повѣсти «Хаджи Муратъ» Толстой, рисуя борьбу русскихъ съ горцами, столкновеніе двухъ различныхъ культуръ, даетъ намъ двѣ характерныя фигуры: съ одной стороны императора Николая I, а съ другой —Шамиля. Съ особеннымъ интересомъ отнесся Толстой къ изображенію Николая Павловича. Имъ былъ просмотрѣнъ громадный матеріалъ, касающійся всей жизни императора и въ результатѣ появилась работа, которая нарушила бы соразмѣрность частей, если бы Толстой помѣстилъ ее цѣликомъ въ своей повѣсти. Въ этомъ же году Толстой писалъ между прочимъ . . . . «Въ числѣ моихъ работъ есть и характеристика Государя Николая I. Я составилъ было довольно отрицательное представленіе объ его характерѣ и личности, но потомъ, прочтя подробности объ его рожденіи, какъ Екатерина любовалась имъ, какъ чудеснымъ ребенкомъ и подробности объ его смерти, я измѣнилъ свои сужденія и постарался глубже вникнуть въ то, что онъ былъ въ душѣ и почему онъ былъ такимъ, какимъ онъ былъ. Хорошо бы было намъ при всѣхъ сужденіяхъ

о людяхъ помнить, что каждый изъ насъ былъ невиннымъ ребенкомъ и каждый умиралъ или будетъ умирать. При этомъ созерцанiи двухъ концовъ жизни каждаго человѣка тотчасъ же уничтожается недоброе или поверхностно легкомысленное отношенiе къ человѣку».

Несмотря на такое отношенiе Толстого къ Николаю Павловичу, невошедшая въ повѣсть глава еще не можетъ появиться въ Россiи по существующимъ цензурнымъ условiямъ.

9. Эта вещь не была написана Л. Н. Толстымъ.

10. Этотъ разсказъ не попалъ въ еврейскiй сборникъ. Онъ появился только въ посмертныхъ изданiяхъ. Въ началѣ Л. Н—чъ называетъ его «Дочь и отецъ», потомъ: «А вы говорите» и наконецъ даетъ ему названiе «Посл[illegible]бала», подъ какимъ онъ и былъ напечатанъ. Въ еврейскiй же сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ кишиневскаго погрома Л. Н—чъ отдалъ легенды: «Ассирiйскiй царь Ассархадонъ», «Три вопроса» и «Трудъ, смерть и болѣзнь».

11. Толстому не удалось выполнить это желанiе, но отчасти онъ дѣлаетъ это въ своихъ дневникахъ.

12. Разговоръ Франциска Ассизскаго съ братомъ Львомъ о томъ, въ чемъ заключается радость совершенная, чрезвычайно восхищалъ Толстого и былъ помѣщенъ имъ въ «Кругъ чтенiя» подъ датой 8 мая. Разговоръ этотъ, нѣсколько напоминающiй 13 главу перваго посланiя апостола Павла къ Коринфянамъ, сводится къ тому, что радость совершенная заключается въ кроткомъ перенесенiи незаслуженныхъ оскорбленiй и обидъ и въ признанiи ихъ заслуженными.

13. Въ это время было много разговоровъ о канонизацiи Серафима Саровскаго, мощи котораго были открыты 19 iюля 1903 года.

14. См. примѣчанiе 10-ое.

15. Вильямъ-Ллойдъ Гаррисонъ (1805—1879),—одинъ изъ выдающихся борцовъ за освобожденiе негровъ и отмѣну рабства въ С.-А. Соед. Штатахъ и въ то же время предшественникъ Толстого въ провозглашенiи идеи непротивленiя злу насилiемъ. Съ идеями Гаррисона Толстого познакомилъ сынъ Гаррисона, прочитавшiй соч. Л. Н—ча «Въ чемъ моя вѣра» и нашедшiй въ немъ много схожаго съ воззрѣнiями своего отца. Предисловiе, о которомъ упоминаетъ Л. Н—чъ, было написано имъ къ бiографiи Гаррисона, составленной В. Г. Чертковымъ и Ф. Хола на англiйскомъ языкѣ. По-русски это предисловiе напечатано сперва въ 1904 году въ «Своб. Словѣ» въ Англiи, а впослѣдствiи вошло въ полное собранiе сочиненiй Толстого, а въ сокращенномъ видѣ помѣщено Толстымъ въ «Кругѣ чтенiя», томъ II, 15 декабря.

ИЗЪ ОБЛАСТИ НАУКИ.

(Частичный синтезъ антитоксиновъ И. И. Остромысленскаго. Жидкій уголь Люммера и Эстергельда. Международныя научныя учрежденія во время войны).

Мы хотѣли бы обратить вниманіе нашихъ читателей на одинъ уголокъ въ Россіи, скромный и незатѣйливый, который, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, приковываетъ къ себѣ взоры ученыхъ не только россійскихъ, но и всего міра. Мы говоримъ о частной химической и химико-біологической лабораторіи И. И. Остромысленскаго въ Москвѣ, изъ которой за послѣдніе годы вышли замѣчательныя работы. Положительно не вѣрится, чтобы въ обстановкѣ частной лабораторіи можно было достигнуть такихъ результатовъ. Плодовитость, работоспособность и продуктивность лабораторіи прямо поразительны. И. И. Остромысленскій сумѣлъ привлечь къ себѣ сотрудниковъ и учениковъ и создалъ солидную школу работниковъ, которая могла бы составить гордость любого университетскаго химическаго института. Достаточно проглядѣть «Журналъ Русскаго Физико-Химическаго Общества», за послѣдніе годы, чтобы убѣдиться, что статьи за подписью И. И. Остромысленскаго и его сотрудниковъ льются цѣлымъ потокомъ и притомъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ химической науки.

Болѣе или менѣе широкую извѣстность, особенно за-границей, И. И. Остромысленскій пріобрѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ была опубликована его работа (1912) объ искусственномъ приготовленіи каучука, — вопросъ, надъ которымъ билось и ломало голову въ послѣднее время столько химиковъ во всѣхъ странахъ. Въ настоящее время много говорятъ также объ аналогѣ препарата Эрлиха, приготовленномъ И. И. Остромысленскимъ. Но не эти, сами по себѣ весьма зімѣчательныя, работы составятъ, по нашему мнѣнію, главную заслугу и славу этого изслѣдователя, какъ ученаго. И. И. Остромысленскій предпринялъ теперь разработку интереснѣйшаго и труднѣйшаго вопроса біологической химіи, которому принадлежитъ огромное будущее, и въ этой области ему уже удалось получить удивительные результаты. Этому замѣчательному экспериментатору посчастливилось превратить нормальную кровяную сыворотку нормальнаго животнаго въ рядъ модификацій, которыя совершенно тождественны по свойствамъ со специфическими антитоксинами. Здѣсь необходимо особенно подчеркнуть, что превращеніе это велось безъ участія животныхъ, въ условіяхъ обыкновеннаго лабораторнаго химическаго эксперимента. До сихъ поръ антитоксины вырабатывались только въ организмахъ животныхъ, теперь мы имѣемъ надежду на то, что сможемъ готовить противоядія противъ различныхъ заразныхъ болѣзней искусственнымъ путемъ, не выходя изъ обстановки химической лабораторіи. Съ этой выдающейся работой мы и хотимъ познакомить читателей; мы сможемъ это сдѣлать, конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько позволяютъ размѣры краткой журнальной замѣтки.

Въ наукѣ считается довольно давно установленнымъ, что бактеріи заразныхъ болѣзней производятъ свое разрушающее дѣйствіе тѣмъ, что выдѣляютъ особаго рода ядовитыя вещества — токсины, которые отравляютъ организмъ. Какъ только бактеріи попадаютъ въ организмъ, этотъ послѣдній сейчасъ же приспособляется для борьбы и тотчасъ начинаетъ вырабатывать вещества — антитоксины, которые обезвреживаютъ токсины, дѣлаютъ ихъ неядовитыми, нейтрализуютъ эти яды. Установлено также, что образованіе антитоксиновъ въ организмѣ усиливается по мѣрѣ того, какъ онъ перенесъ, уже соответствующую болѣзнь: послѣ этого человѣкъ или животное пріобрѣтаетъ иммунитетъ къ соотвѣтствующей болѣзни. На этомъ свойствѣ основано примѣненіе предохранительныхъ прививокъ ослабленныхъ культуръ бактерій, гдѣ организму дается возможность развить всѣ свои средства борьбы противъ бактерій, не подвергая его при этомъ опасности серьезной болѣзни. На этомъ же свойствѣ основано примѣненіе сыворотокъ для леченія заразныхъ болѣзней. Когда человѣкъ заболѣваетъ, напримѣръ, дифтеріей и ему грозитъ опасность быть отравленнымъ дифтерійнымъ токсиномъ, въ его кровь вводятъ путемъ инъекціи сыворотку иммунизированной лошади. Въ такой сывороткѣ имѣется антитоксинъ дифтерита, который нейтрализуетъ токсинъ бактерій и помогаетъ заболѣвшему организму справиться съ болѣзнью.

Когда химикъ встрѣчается съ такимъ фактомъ, какъ обезвреживаніе токсиновъ антитоксинами, то первое, что ему приходитъ въ голову, это вопросъ: не имѣетъ ли онъ передъ собой явленіе обыкновенной химической нейтрализаціи. Въ химіи хорошо извѣстны случаи нейтрализаціи основаній кислотами, и мы знаемъ, въ чемъ заключается сущность этого процесса. Тамъ происходитъ взаимодѣйствіе двухъ тѣлъ, въ результатѣ чего получается новое тѣло, которое называется солью и которое не обладаетъ болѣе ни свойствами основанія, ни свойствами кислоты. Изъ соли можно обратно выдѣлить ея составныя части, — основаніе, или кислоту, —если подѣйствовать на нее опредѣленными химическими реагентами. Оказывается, что подобное же взаимодѣйствіе происходитъ и у токсиновъ съ антитоксинами: токсины даютъ съ антитоксинами солеобразныя соединенія, причемъ антитоксинъ ведетъ себя обыкновенно, какъ слабая кислота, а токсинъ — какъ слабое основаніе. Солеобразная природа этихъ соединеній можетъ быть доказана, между прочимъ, тѣмъ, что, при дѣйствіи сильныхъ кислотъ или сильныхъ основаній, они распадаются на первоначальныя составныя части. Поэтому, съ химической стороны большинство токсиновъ можно разсматривать, какъ слабыя основанія, а антитоксины, какъ слабыя кислоты. Кромѣ того, токсины можно характеризовать, какъ азотистыя соединенія, вѣроятно, близкія къ бѣлкамъ; всѣ же извѣстные до сихъ поръ антитоксины представляютъ изъ себя химически или одно и то же вещество или смѣсь нѣсколькихъ веществъ, весьма близкихъ между собою по структурѣ: это — бѣлки глобулины, обладающіе всѣми характерными для этихъ соединеній свойствами.

Токсины способны реагировать не только съ антитоксинами. Какъ настоящія основанія, они могутъ соединяться съ кислотами и давать при этомъ соотвѣтствующія соли. Весьма замѣчательно, что кислотныя

соли токсиновъ обыкновенно не обладаютъ ядовитыми свойствами. Ру и Эссенъ первые показали, что дифтерійный токсинъ теряетъ свои ядовитыя свойства при дѣйствіи винной кислоты; Розенталъ и Дорръ наблюдали, какъ слабые растворы минеральныхъ кислотъ переводятъ дезинтерійный токсинъ въ неядовитое соединеніе; токсичность яда столбняка, по Ру и Веллару, исчезаетъ въ присутствіи самыхъ слабыхъ кислотъ, даже такихъ, какъ угольная кислота. Подобныхъ примѣровъ въ настоящее время извѣстно много. Замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи токсины отличаются отъ алкалоидовъ, соли которыхъ ядовиты (солянокислый морфій — ядовитъ; солянокислый токсинъ дифтерита — безвреденъ).

Антитоксины обладаютъ однимъ замѣчательнымъ свойствомъ, которое ихъ особенно характеризуетъ. Свойство это носитъ названіе специфичности и заключается въ томъ, что дифтерійный антитоксинъ нейтрализуетъ токсинъ дифтерита, но безсиленъ противъ столбнякового токсина и т. д. Является вопросъ: почему токсины специфичны? Въ чемъ надо искать причину этого своеобразнаго явленія? Въ поискахъ отвѣта, И. И. Остромысленскій ведетъ разсужденіе приблизительно слѣдующимъ образомъ. Антитоксины, при всемъ своемъ разнообразіи, представляютъ изъ себя одно и то же вещество — глобулинъ. Поэтому, специфичность антитоксиновъ нельзя объяснить химическимъ ихъ строеніемъ. Допуская «химическую» специфичность, мы должны были бы надѣлить одно и то же вещество способностью существовать въ безчисленномъ количествѣ изомерныхъ формъ, которыя рѣзко отличаются между собой по своимъ свойствамъ. Намъ пришлось бы въ такомъ случаѣ сдѣлать маловѣроятное допущеніе, что, въ присутствіи различныхъ токсиновъ, глобулинъ даетъ соотвѣтствующіе имъ различные химическіе изомеры. На основаніи всего сказаннаго, мы неизбѣжно должны придти къ выводу, что специфичность токсина обусловливается физическимъ состояніемъ его частицъ. Этотъ выводъ идетъ, быть можетъ, въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ біологовъ, но онъ тѣмъ болѣе правдопобенъ, что находитъ для себя многочисленныя аналогіи въ физико-химіи. Каждому химику хорошо извѣстно, какое значеніе имѣетъ физическое состояніе вещества при нѣкоторыхъ процессахъ: платина въ губчатомъ состояніи способна сгущать водородъ и другіе газы, чего не дѣлаетъ обыкновенный платиновый металлъ; весьма мелкій порошокъ желѣза, высыпанный на воздухъ, загорается безъ всякаго предварительнаго накаливанія; свѣжеосажденные металлы обладаютъ нѣкоторыми свойствами, которыхъ нѣтъ у обыкновенныхъ металловъ, — и такихъ примѣровъ можно привести много.

Въ самое послѣднее время констатированы факты, такъ называемой, ограниченной специфичности. Сущность этихъ явленій станетъ ясной изъ слѣдующихъ примѣровъ: Ру и Кальметтъ обнаружили, что антитетаническая (противостолбняковая) сыворотка дѣйствуетъ антитоксично также и на змѣиный ядъ; инъекціи антидифтерійной лечебной сыворотки излечиваютъ нерѣдко дѣтскую дезинтерію; наблюдались тоже случаи, когда даже обыкновенная сыворотка нормальной лошади или другихъ животныхъ оказывалась антитоксичной противъ цѣлаго ряда токсиновъ. — столбняка, дифтерита и т. д. Эти факты никакъ ужъ невозможно объяснить съ точки зрѣнія «химической» специфичности антитоксиновъ.

Итакъ, все говоритъ за то, что специфическое отношеніе антитоксина

къ соотвѣтствующему токсину обусловливается физическимъ состояніемъ его частицъ. Въ чемъ же заключается особенность его физическаго состоянія? Особенность, дѣйствительно, здѣсь имѣется и очень важная. Дѣло въ томъ, что антитоксины, такъ же, какъ и токсины, являются типичными коллоидами, а коллоиды, какъ извѣстно, обладаютъ многими особенными свойствами, отличающими ихъ отъ другихъ тѣлъ (кристаллоидовъ); коллоиды, между прочимъ, не образуютъ въ водѣ и въ другихъ растворителяхъ настоящихъ растворовъ, а даютъ нѣчто такое, что можно сравнить съ очень тонкимъ порошкомъ, взвѣшеннымъ въ жидкости. Когда мы сливаемъ вмѣстѣ коллоидальные растворы двухъ тѣлъ, способныхъ образовать между собой химическое соединеніе, то въ этихъ условіяхъ химическая реакція можетъ и не наступить: для того, чтобы между двумя тѣлами произошло химическое взаимодѣйствіе, необходима извѣстная близость между ихъ молекулами; въ обыкновенныхъ нормальныхъ растворахъ близость эта является идеальной (кислота съ основаніемъ реагируетъ неизбѣжно, когда они находятся въ растворѣ), молекулы же коллоидовъ значительно удалены другъ отъ друга, образуютъ иногда замкнутыя отдѣльныя группы коллоидальныхъ частицъ, покрытыхъ пленкой, и т. д., — все это препятствуетъ наступленію химической реакціи.

Поэтому, когда токсинъ попадаетъ въ кровь животнаго или человѣка и встрѣчается тамъ съ глобулиномъ кровяной сыворотки, то между ними происходитъ взаимодѣйствіе, которое, по мнѣнію И. И. Остромысленскаго, складывается не менѣе, чѣмъ изъ двухъ стадій: 1) сначала происходитъ физическое сближеніе между молекулами двухъ этихъ тѣлъ (адсорбція); 2) потомъ наступаетъ химическое взаимодѣйствіе между токсиномъ и антитоксиномъ. Въ первой стадіи (адсорбція) происходитъ физическое измѣненіе коллоидальныхъ частицъ, связанное, вѣроятно, съ измѣненіемъ электрическаго состоянія всей системы, пораженіемъ поверхностной пленки отдѣльныхъ молекулярныхъ группъ, модификаціей расположенія молекулъ и т. д. Глобулинъ кровяной сыворотки становится въ этой стадіи способнымъ химически реагировать съ даннымъ токсиномъ и пріобрѣтаетъ всѣ свойства специфическаго антитоксина. Когда адсорбція глобулина токсиномъ произошла, то наступленіе химической реакціи становится неизбѣжнымъ: оба тѣла реагируютъ и соединяются между собой, какъ основаніе и кислота.

Если специфичность антитоксиновъ опредѣляется коллоидальной ихъ природой, то возникаетъ существенный, очень важный и въ высшей степени интересный вопросъ: нельзя ли замѣнить антитоксинъ кристаллическими (дающими нормальные растворы) кислотами? Замѣна эта должна оказаться тѣмъ болѣе удобной, что кислоты, какъ кристаллоиды, не будутъ специфичными и одинаково должны относиться ко всѣмъ токсинамъ. Идея эта вполнѣ согласуется съ извѣстными фактами, о которыхъ рѣчь была выше и по которымъ соляная, винная, уксусная, молочная и другія кислоты нейтрализуютъ различные токсины, но бѣда въ томъ, что сами эти кислоты не безопасны для организма, такъ какъ при инъекціяхъ свертываютъ кровь, вызываютъ закупорку сосудовъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, передъ наукой стоитъ очередная и чрезвычайно важная задача — найти простѣйшую безвредную кислоту, которая смогла

бы играть роль универсальнаго антитоксина. Для этой цѣли, на первыхъ порахъ, быть можетъ, слѣдовало бы, не уклоняясь далеко отъ бѣлковыхъ веществъ, изслѣдовать близкія къ нимъ амидокислоты, представляющія продукты распада глобулина (гликоколь, аланинъ, лейцинъ и т. д.).

Основное положеніе И. И. Остромысленскаго о томъ, что специфичность антитоксина опредѣляется его коллоидальной природой, было блестяще подтверждено рядомъ замѣчательныхъ экспериментовъ (произведенныхъ при сотрудничествѣ доктора Петрова), гдѣ глобулинъ сыворотки превращался въ любой антитоксинъ подъ вліяніемъ исключительно физическихъ воздѣйствій и при условіяхъ, исключающихъ химическій процессъ. Было обнаружено при этомъ, что адсорбція глобулина токсиномъ происходитъ (хотя и рѣдко) даже при простомъ повышеніи температуры путемъ нагрѣванія; въ другихъ опытахъ подыскивались такія вещества, которыя, не разрушая молекулъ, измѣняли бы конфигурацію молекулъ въ коллоидныхъ частицахъ, разрушали бы поверхностныя пленки, мѣняли бы электрическое состояніе частицъ и тѣмъ способствовали бы адсорбціи коллоидовъ. Въ качествѣ «катализаторовъ», которые могутъ дѣйствовать разрушающе на пленки, были избраны іодъ и сѣрнистый углеродъ, которые вводились въ чрезвычайно малыхъ количествахъ. Вотъ примѣры опытовъ съ этими веществами: глобулинъ сыворотки нормальной лошади, въ присутствіи іода, превращается въ антитоксинъ съ токсиномъ дифтерита (безъ прибавленія іода — этого не происходитъ); полученный антитоксинъ былъ выдѣленъ и оказался идентичнымъ съ дифтерійнымъ антитоксиномъ иммунизированной лошади; въ тѣхъ же условіяхъ, т. е. въ присутствіи іода, глобулинъ нормальной сыворотки ведетъ себя, какъ антитоксинъ съ токсиномъ мясного отравленія и съ другими токсинами.

Іодъ и сѣрнистый углеродъ могли служить только для первоначальныхъ опытовъ. Необходимо было найти такіе «катализаторы», которые являлись бы болѣе нейтральными въ смыслѣ общаго своего дѣйствія на организмъ. Такое вещество должно было удовлетворять тремъ условіямъ: оно должно быть безвреднымъ, химически нейтральнымъ и легко получаться въ чистомъ видѣ. Экспериментаторы остановились на хлористомъ натріѣ (поваренная соль), и опыты блестяще доказали правильность ихъ выбора: въ присутствіи хлористаго натрія, глобулинъ сыворотки легко и быстро адсорбируется токсиномъ и превращается въ соотвѣтствующій антитоксинъ. Приведемъ пару примѣровъ. Токсинъ мясного отравленія, въ присутствіи 6% раствора хлористаго натрія, нейтрализуется нормальной лошадиной сывороткой при обыкновенной температурѣ черезъ 4 часа; изъ полученнаго нейтральнаго соединенія можно выдѣлить обратно токсинъ и глобулинъ, который является идентичнымъ антитоксину мясного отравленія. Токсинъ дифтерита, въ присутствіи 6% раствора хлористаго натрія и при температурѣ 37 град., не измѣняется и не теряетъ своихъ ядовитыхъ свойствъ; въ тѣхъ условіяхъ, но съ прибавленіемъ нормальной лошадиной сыворотки, онъ очень скоро становится безвреднымъ, даетъ нейтральное соединеніе съ глобулиномъ, изъ котораго потомъ выдѣляются обратно токсинъ дифтерита и соотвѣтствующій ему антитоксинъ.

Такимъ образомъ, И. И. Остромысленскому удалось показать, что

глобулинъ кровяной сыворотки, при физическомъ воздѣйствіи одного и того же агента, можетъ превратиться въ любой антитоксинъ.

Намъ нечего здѣсь говорить о громадной научной важности этой работы, — она ясна сама собой. Съ химической стороны ее можно опредѣлить, какъ искусственное полученіе антитоксиновъ изъ глобулиновъ или частичный синтезъ антитоксиновъ. Это огромный и важный шагъ къ осуществленію полнаго синтеза (изъ химическихъ элементовъ) этихъ веществъ, который будетъ возможенъ съ выполненіемъ синтеза глобулина. Въ этомъ отношеніи изслѣдованія И. И. Остромысленскаго можно поставить рядомъ со знаменитыми работами Эмиля Фишера въ области синтеза бѣлковыхъ веществъ. Но, кромѣ химической, въ работѣ И. И. Остромысленскаго имѣется еще другая сторона, быть можетъ, еще болѣе важная,—біологическая. Если дальнѣйшіе опыты подтвердятъ полученные имъ результаты, то мы будемъ имѣть въ рукахъ могущественное и въ высшей степени простое средство для борьбы съ заразными болѣзнями. Правда, И. И. Остромысленскій скромно замѣчаетъ, что для этого «надо пройти еще весьма далекій путь» и что въ настоящее время «мы весьма удалены отъ этой цѣли». По этому поводу можно сказать, что путь предстоитъ, быть можетъ, далекій и трудный, но важно то, что онъ найденъ, что первый шагъ уже сдѣланъ, идея дана, намѣтилось направленіе пути, ясной стала цѣль,—а это главное для успѣха науки.

* * *

Не такъ давно, — въ началѣ 1914 года, — проф. Бреславскаго университета О. Люммеръ сдѣлалъ сообщеніе о томъ, что ему удалось обратить уголь въ жидкое состояніе и наблюдать кипѣніе этого вещества.

Тогда это сообщеніе произвело своего рода сенсацію и заинтересовало не только однихъ людей науки. Причина общаго интереса къ работѣ проф. Люммера понятна. Его открытіе давало надежду найти новые пути въ трудномъ дѣлѣ изученія свойствъ и внутренней природы трехъ родныхъ братьевъ: угля, графита и алмаза. Мы давно и хорошо знаемъ, что они, всѣ трое, состоятъ изъ одного и того-же химическаго элемента—углерода, но, въ чемъ заключается причина разницы между ними, — этого выяснить до сихъ поръ не удавалось. Химики имѣютъ большія основанія предполагать, что разница эта зависитъ отъ величины и строенія молекулъ (частицъ): молекула угля, по ихъ мнѣнію, содержитъ иное количество углеродныхъ атомовъ, чѣмъ молекула графита, а частица этого послѣдняго состоитъ изъ иного количества атомовъ, чѣмъ ихъ имѣется въ молекулѣ алмаза; но сколько атомовъ въ каждой молекулѣ, какъ они тамъ расположены, какъ молекулы построены, — этого никто не знаетъ.

Недостаточность свѣдѣній въ этой области объясняется тѣмъ, что уголь, графитъ и алмазъ — тѣла въ высшей степени постоянныя въ химическомъ и физическомъ отношеніи: съ другими тѣлами они соединяются химически только при высокой температурѣ, а физическое ихъ состояніе было извѣстно только одно, — ни въ жидкомъ, ни въ газообразномъ видѣ ихъ не наблюдали; извѣстно было только, что обыкновенный уголь, при температурѣ пламени гремучаго газа (около 2.000 градусовъ), нѣсколько размягчается, но не плавится.

Соотвѣтственно этому, необыкновенными трудностями сопровожда-

лись работы надъ превращеніемъ угля и графита въ алмазъ. Муассанъ первый приготовилъ въ 1893 году въ Парижѣ кристаллическій порошокъ алмаза. Онъ добился этого, подвергая обыкновенный уголь дѣйствію огромнаго давленія и очень высокой температуры, достигавшей 3.500 град. въ построенной имъ особой электрической печи. Способъ Муассана имѣлъ большое научное значеніе, — онъ впервые показалъ возможность превращенія угля въ алмазъ, — но для практическихъ цѣлей полученія искусственныхъ алмазовъ онъ оказался непригоднымъ, такъ какъ такимъ путемъ не удается приготовить кристалловъ сколько-нибудь значительной величины.

Кристаллы, вообще говоря, или осаждаются изъ растворовъ, или образуются при медленномъ охлажденіи расплавленнаго тѣла. Вотъ почему превращеніе угля въ жидкое состояніе обѣщало открыть новое поле для изысканій въ области искусственнаго приготовленія алмазовъ путемъ техническаго превращенія угля въ кристаллическую модификацію углерода.

Проф. Люммеръ пользовался для своихъ опытовъ природнымъ углемъ съ очень малымъ содержаніемъ золы (отъ 1% до 0,15%), который вводился въ видѣ электродовъ въ пламя электрической Вольтовой дуги; электрическій токъ былъ силой въ 30 амперовъ, и наблюденія велись при пониженномъ давленіи. Въ этихъ условіяхъ, при давленіи въ 60—50 сантиметровъ ртутнаго столба, на поверхности электрода происходило сначала кипѣніе, а затѣмъ тамъ образовалась жидкость съ вязкой, густой консистенціей; при уменьшеніи давленія до 40—35 сантиметровъ, т.е., приблизительно до полу-атмосферы, уголь на поверхности электрода обращался въ жидкость обыкновеннаго вида; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило плавленіе, О. Люммеръ замѣчалъ образованіе шариковъ, которые, по его мнѣнію, представляли изъ себя не что иное, какъ капли жидкаго угля.

Это наблюденіе проф. Люммера было взято подъ сомнѣніе и подвергнуто строгой критикѣ со стороны цѣлаго ряда ученыхъ и, въ томъ числѣ, знаменитаго В. Крукса. Критики, прежде всего, сомнѣвались въ томъ, чтобы можно было достигнуть плавленія угля, не примѣняя при этомъ огромнаго давленія во много атмосферъ; кромѣ того, представлялись возраженія въ томъ смыслѣ, что, въ условіяхъ опытовъ Люммера, не могло происходить образованія капель, и что, поэтому, этотъ экспериментаторъ принялъ за плавленіе нѣчто иное...

Швейцарскій химикъ Г. Естергельдъ повторилъ опыты Люммера въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и результаты своихъ изслѣдованій представилъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Швейцарскаго Химическаго Общества. Данныя, добытыя Естергельдомъ, показываютъ, что Люммеръ былъ правъ, что онъ, дѣйствительно, наблюдалъ плавленіе угля и что иначе, какъ плавленіемъ, объяснить его наблюденія— невозможно.

Главное затрудненіе въ опытахъ Люммера заключалось въ томъ, что, въ условіяхъ обыкновенной Вольтовой дуги, происходитъ большое сравнительно испареніе, а значитъ, и охлажденіе угля; поэтому, могло образоваться только небольшое количество расплавленнаго тѣла въ видѣ тонкаго поверхностнаго слоя жидкости, которой было слишкомъ недо-

статочно для яснаго образованія капель. Имѣя въ виду это обстоятельство, Естергельдъ ввелъ соотвѣтствующія измѣненія. Онъ старался вводить куски угля возможно большей величины; Вольтову дугу онъ помѣстилъ въ атмосферѣ азота; приняты были всѣ предосторожности, чтобы образовавшіеся пары угля не уносились съ поверхности электрода; токъ примѣнялся очень высокаго напряженія, что позволяло вести нагрѣваніе съ такой быстротой, что температура плавленія угля (близкая, по видимому, къ 4.000 град. абс.) достигалась раньше, чѣмъ образовавшіеся пары успѣвали отдѣлиться отъ поверхности и распредѣлиться въ печи; опыты велись при пониженномъ давленіи отъ 1 до 0,06 атмосферы.

Авторъ доклада представилъ большое количество образцовъ угля подвергнутыхъ дѣйствію его опытовъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ видъ тѣла, явно испытавшаго частичное плавленіе. Образцы настолько характерны, что ни въ комъ не вызываютъ болѣе никакихъ сомнѣній.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области продолжаются. Теперь надо ожидать попытокъ измѣрить плотность паровъ расплавленнаго угля, а это дастъ возможность опредѣлить величину и другія свойства его молекулы; надо ожидать также, что будутъ найдены условія и способы, которые позволятъ переводить уголь изъ жидкости въ состояніе кристалловъ, добиться полученія алмазовъ.

* * *

Въ настоящее время представляется невозможнымъ учесть тотъ вредъ и ту задержку въ развитіи, какіе испытываетъ наука со времени начала военныхъ дѣйствій. Но съ особенной грустью приходится отмѣтить прекращеніе и ограниченіе функцій такихъ научныхъ учрежденій и предпріятій, которыя являлись интернаціональнымъ достояніемъ и непосредственно служили прогрессу науки.

Многіе, вѣроятно, знаютъ, какую роль играла всегда «Центральная станція астрономическихъ телеграммъ» (Zentralstelle für astronomische telegramme) въ Килѣ. Всѣ астрономическія наблюденія, сдѣланныя въ любомъ пунктѣ земного шара, сообщались тотчасъ по телеграфу центральной станціи, а эта послѣдняя оповѣщала сейчасъ-же обсерваторіи всего міра о наиболѣе важныхъ открытіяхъ. Это позволяло астрономамъ не только быть въ курсѣ того, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ, но часто провѣрять и дополнять другъ друга. Съ началомъ войны станція прекратила свои дѣйствія интернаціональнаго астрономическаго центра. Въ послѣднее время, правда, дѣлаются попытки наладить прекращенное дѣло и съ этой цѣлью директоръ станціи, проф. Кобольдъ, уступилъ свое мѣсто представителю нейтральной націи — профессору Копенгагенскаго университета Е. Стремгрену. Но этой перемѣны, конечно, слишкомъ недостаточно, чтобы можно было мечтать о полномъ возстановленіи функцій станціи.

Метеорологическія станціи всего міра всегда обмѣнивались между собой всѣми данными своихъ наблюденій и сообщали другъ другу свои предположенія о возможномъ состояніи атмосферы въ ближайшее время. Это позволяло Англійскому Метеорологическому Бюро правильно и систематически публиковать синоптическія метеорологическія карты Европы и Атлантическаго океана, а Американскому Бюро — такія-же

карты для сѣвернаго полушарія. Оба бюро прекратили теперь издательство своихъ картъ: съ одной стороны, на многихъ линіяхъ телеграфное сообщеніе прекращено совершенно, а съ другой, — воюющія страны позволяютъ публиковать наблюденія своихъ обсерваторій только съ большимъ опозданіемъ въ разсчетѣ, чтобы противная сторона не смогла ими воспользоваться для своихъ военныхъ цѣлей.

Для изслѣдованія верхнихъ слоевъ атмосферы былъ установленъ, въ числѣ другихъ, способъ, который по существу своему является интернаціональнымъ, такъ какъ предполагаетъ соглашеніе и сотрудничество разныхъ странъ. Въ одинъ опредѣленный, заранѣе назначенный день, въ различныхъ странахъ пускались небольшіе баллоны, наполненные водородомъ; потомъ тщательно собирались свѣдѣнія о томъ, гдѣ и когда эти баллоны опустились. Во время войны во многихъ мѣстахъ резиновые шары и водородъ представляютъ большую рѣдкость; кромѣ того, кому теперь охота пускать шары, разъ нѣтъ увѣренности, что они не затеряются и разъ нѣтъ никакой надежды получить о нихъ свѣдѣнія раньше начала мирныхъ переговоровъ.

Дѣятельность Интернаціональнаго Сейсмологическаго Общества тоже много пострадала отъ войны. Пятый конгрессъ Общества, предполагавшійся въ Петроградѣ, не смогъ состояться, и Комитетъ его, находящійся въ Страсбургѣ, долженъ былъ прекратить свою дѣятельность по централизаціи сейсмическихъ научныхъ наблюденій. Въ результатѣ этого надолго, очевидно, будетъ отложено появленіе полнаго каталога землетрясеній, который началъ было готовиться къ выпуску.

Фауна Чернаго и Балтійскаго морей была предметомъ особеннаго вниманія со стороны ученыхъ, такъ какъ давала неисчерпаемый матеріалъ для зоологическихъ, біологическихъ и многихъ другихъ изслѣдованій. Закрытіе навигаціи и почти полное прекращеніе рыболовства въ этихъ моряхъ лишаетъ возможности дѣлать океанографическія изысканія и приноситъ огромный ущербъ для науки.

Лондонское Королевское Общество взяло на себя колоссальный трудъ по изданію «Интернаціональнаго Каталога научной литературы». Главная цѣнность этой наиболѣе обширной научной энциклопедіи должна была заключаться въ систематической правильности и полнотѣ ея изданія. О продолженіи задуманнаго дѣла въ настоящій моментъ не можетъ быть и рѣчи: литература поступаетъ далеко не въ полномъ видѣ и не во-время; кромѣ того, и финансовая база предпріятія временно подорвана, такъ какъ до окончанія войны едва-ли можно ожидать поступленія годовыхъ денежныхъ взносовъ отъ научныхъ обществъ такихъ странъ, какъ Германія, Австрія, Бельгія, Польша.

Приведенными здѣсь примѣрами, пострадавшихъ отъ войны научныхъ предпріятій, вопросъ, конечно, не исчерпывается. Достаточно сказать, что подорванъ въ настоящее время самый важный интернаціональный институтъ, который такъ важенъ для прогресса науки, — это дружное сотрудничество на этомъ поприщѣ всѣхъ народовъ. Ущербъ, вызванный этимъ дефектомъ, слишкомъ великъ, и едва-ли можно мечтать о томъ, что его удастся возмѣстить въ будущемъ.

Н. Лазаркевичъ.

АСТРАХАНСКОЕ РЫБНОЕ ЦАРСТВО.

I.

Степи съ порѣдѣвшими стадами, съ полями, убранными наскоро старыми [illegible] бабъ и [illegible], съ . . . . . . полосами [illegible]—вотъ что теперь можно видѣть на югѣ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . [illegible] важнѣйшихъ [illegible] въ степныхъ [illegible] рѣдкостью. [illegible] въ степныхъ [illegible].

Много [illegible] дѣлю Россіи [illegible] птицей и [illegible] гасть [illegible] рыбныхъ [illegible] мыслахъ [illegible].

Въ [illegible] побывать въ [illegible] и въ Астрахани [illegible] точена вся [illegible].

Уже [illegible] наго царства. [illegible] ками съ [illegible] или, [illegible] скаго района. [illegible] Астрахани, лежатъ [illegible] воды, [illegible] чія породы [illegible] рыбъ. [illegible] волжскомъ пароходѣ и видишь необъятно широкое русло богатырской рѣки, становится понятно, какое это богатство и для судоходства, и для рыбной ловли. Просторъ изумительный. Берега разбѣгаются такъ широко, что порою теряется ощущеніе рѣки; кажется, что плывешь по безконечному озеру съ прихотливо-извивающимися берегами.

Нижнее теченіе Волги, отъ Царицына до Астрахани, дѣлится на десять рыболовныхъ участковъ, морской районъ на 12 участковъ. Въ каждомъ участкѣ свой смотритель, наблюдающій за

правильностью лова. А во главѣ всего рыболовства стоитъ управленіе Каспійско-Волжскими рыбными промыслами, находящееся въ Астрахани. Роль управленія и надзора довольно поверхностная и въ значительной степени канцелярская. Надзоръ, какъ и полагается ему по должности, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы не нарушались постановленія о рыболовствѣ, чтобы не ловили маломѣрную рыбу и не было лова во время запрета. Надзоръ подсчитываетъ,—конечно, приблизительно,—количество выловленной рыбы, стоимость ея, отмѣчаетъ измѣненія, какія наблюдаются въ состояніи рыболовства, и обо всемъ этомъ посылаетъ донесенія Управленію. Управленіе изъ присланныхъ матеріаловъ составляетъ годовые отчеты, выпускаемые съ большимъ опозданіемъ. Такъ, напр., отчетъ за 1914 годъ появился только въ 1916 году, а за 1915 годъ выйдетъ въ 1917 году.

Мѣстные рыбопромышленники и люди, хорошо знающіе жизнь промысловъ, относятся къ отчетамъ управленія скептически.

Одинъ такой промысловый человѣкъ, съ которымъ я столкнулся на пароходѣ, на видъ степенный и положительный, увидя у меня опрятно напечатанную книжку въ зеленой обложкѣ,— отчетъ за 1914 годъ—сказалъ:

— Канцелярская канитель. Правильности тутъ не ищите.

— Почему?—спросилъ я.

— Да развѣ можно рыбное дѣло учесть? Вѣдь это все равно, что считать песокъ на берегу. Вотъ тутъ говорится: выловлено столько-то милліоновъ воблы. А кто ее считалъ? И какъ это можно сосчитать? Я выловлю полмилліона, а скажу триста тысячъ, какъ вы меня провѣрите? Пишутъ, конечно, на глазъ. А на мелкихъ промыслахъ совсѣмъ никакого учета нѣтъ.

— Ну, хоть приблизительно, вѣдь можно установить?

— Приблизительно я вамъ и безъ отчета скажу, а точно вы никогда не узнаете.

— А какъ тутъ идутъ вообще дѣла на промыслахъ?

— Да, собственно говоря, никакъ, если хотите. Вѣдь кто орудуетъ на нашихъ промыслахъ? Всякій случайный людъ. Тутъ кромѣ своихъ здѣшнихъ найдется и съ Дона, и съ Кавказа, и съ Азовскаго моря. Это все охотники. Пріѣзжаютъ весной, ловятъ до заморозковъ съ налета и, подработавъ, уѣзжаютъ опять. Конечно, думаютъ только объ одномъ—чтобы больше выловить, дороже продать, а до остального имъ нѣтъ дѣла.

— Ну, а мѣстные ловцы?

— Да и мѣстные тоже не лучше. Рыбы въ морѣ и въ рѣкѣ много, просторъ для ловли огромный, ну и стараются. Что вы хотите отъ людей, которымъ нужно заработать, какъ можно больше? Имъ нуженъ только сегодняшній день, а о завтрашнемъ

они не думаютъ. Волга даетъ рыбу, ну, стало быть, и лови, сколько влѣзетъ, а что будетъ потомъ, это ихъ не касается. Есть тутъ всякія постановленія насчетъ маломѣрки молоди, всякіе запреты и ограниченія, но ихъ умѣютъ любехонько обходить, а не то просто дѣйствуютъ нахраномъ, жульнически. Если бы можно было, ловили бы круглый годъ. Да многіе и ловятъ.

— А надзоръ?

— Да развѣ за всѣми усмотришь? Изъ десяти, можетъ быть, одинъ попадется, ну, снасти и рыбу отберутъ у него, протоколъ составятъ. А больше сходитъ съ рукъ.

Я перелистываю отчетъ. Въ донесеніяхъ смотрителей рѣчныхъ и морскихъ участковъ сплошныя жалобы на хищничество. Протоколы за нарушеніе рыболовныхъ правилъ составляются въ каждомъ участкѣ сотнями.

Вотъ, напримѣръ, дѣятельность надзора XIV рыболовнаго участка за 1914 годъ:

«Въ отчетномъ году штатнымъ и сверхштатнымъ надзоромъ составлено 58 протоколовъ на неизвѣстныхъ лицъ, и 483 протокола на извѣстныхъ; по нимъ конфисковано:

ставныхъ частиков. сѣтей законнаго размѣра	21.778	концовъ.
» » » незаконнаго »	23.736	»
плавныхъ частиковыхъ сѣтей	44	»
» красноловныхъ	47	»
осетровыхъ аханов	3.310	»
бѣлничьихъ ахановъ	1.639	»
самоловной крючковой снасти	2.696	перетягъ
сомовника	140	»
неводовъ	2	»
волокушъ	4	»
разной мелкой снасти	261	»

Отъ продажи конфискованной рыбы выручено 5.037 руб. 78 к., а отъ продажи судовъ и орудій рыболовства 4.410 руб. 17 коп.».

Судя по донесеніямъ и разсказамъ смотрителей, на промыслахъ между надзоромъ и ловцами идетъ настоящая война.

— Хищничество,—говорилъ мнѣ смотритель, съ которымъ я бесѣдовалъ о рыбныхъ дѣлахъ.—Да какъ ему не быть при настоящихъ порядкахъ? Вѣдь, мы обязаны слѣдить не только за водами, но и за береговой полосой. А тамъ вѣчные захваты земельныхъ участковъ, порубка лѣса, охота, выпасъ скота. Чтобы справиться со всѣмъ этимъ нуженъ цѣлый штатъ стражниковъ, нужны моторы, катера. А между тѣмъ весь нашъ надзоръ состоитъ изъ смотрителя, 4—5 стражниковъ и 2—3 работниковъ. Стража разъѣзжаетъ на весельныхъ лодкахъ. Далеко ли уѣдешь

на простой лодкѣ? Хищники знаютъ нашу слабость и пользуются [illegible].

— А управленіе знаетъ объ этомъ?

— Конечно, знаетъ. [illegible] наши донесенія. Всѣ они [illegible] надзора.

[illegible] много о хищническомъ [illegible] въ закретный періодъ [illegible] и ставятъ сѣти. [illegible] удачу. [illegible] По береговой полосѣ [illegible] можно спрятаться [illegible] мѣстахъ помогаютъ [illegible] по взморью.

[illegible] Замѣтивъ [illegible] хищниковъ пускается [illegible] хищники на [illegible] оружіе [illegible] тогда обращается [illegible] тѣмъ временемъ [illegible].

[illegible] жестокости [illegible] нормамъ.

— [illegible] кладбищахъ? — спросилъ [illegible].

— [illegible].

— [illegible]

— [illegible].

— [illegible] чортъ знаетъ [illegible] Во время хода [illegible] тутъ начинается [illegible] что ее не [illegible] пьянѣютъ отъ [illegible] могутъ убрать. [illegible] лодки нельзя [illegible] что и срокъ уже прошелъ [illegible] оторваться [illegible] вороха сельди. Но вотъ, наконецъ, [illegible] проходитъ. Тогда начинается разборка. Крупную [illegible] солятъ и отправляютъ въ Астрахань или въ [illegible] иногда цѣлыми ворохами, остается на берегу. [illegible] ее зарываютъ въ песокъ, а нѣтъ—оставляютъ [illegible], на воздухѣ, она гніетъ, пропадаетъ.

— И это не преслѣдуется?

— Преслѣдуется. Но вы знаете слабость надзора. Хищни-

камъ не жаль молоди. [illegible] разсуждаютъ такъ: Волга неистощима, и въ будущемъ году будетъ не меньше, чѣмъ въ этомъ. А неводный ловъ развѣ такъ губителенъ для молоди? Вся молодь остается на берегу вмѣстѣ съ сорью. Гибнутъ безполезно милліоны молоди.

Съ одной стороны — хищничество, съ другой — [illegible] порядки, превращающіе [illegible] въ [illegible] кладбища. Нѣтъ движенія впередъ, [illegible], и если что дѣлается, то только подъ [illegible] крайней необходимости.

Въ послѣднее время стало замѣчаться уменьшеніе вылова воблы. Стали допытываться причинъ, и оказалось, что уменьшеніе вылова находится въ полной зависимости отъ массоваго истребленія маломѣрка. Истребленіе было [illegible], и только 9 мая 1911 года былъ изданъ законъ, которымъ запрещалось истребленіе маломѣрка. Послѣдствія охраненія молоди не замедлили сказаться. Въ первый годъ примѣненія новаго закона (въ 1912 году) было выловлено воблы 4.893.000 шт., во второй годъ — 9.449.000 шт и въ третій 19.893.000 шт.

То же самое наблюдалось и въ отношеніи улова лещ въ 1912 году—760.000 шт.

въ 1912 году		760.000 шт.
» 1913 »		928.000 »
» 1914 »		2.036.000 »

Но такое вмѣшательство сознательной человѣческой воли въ стихійно, какъ вода, плывущую жизнь промысловъ бываетъ рѣдко. Власть архаизма здѣсь такъ сильна, косность и неподвижность техническихъ формъ такъ незыблемы, что о движеніи впередъ не можетъ быть и рѣчи. Ясно сознаютъ необходимость измѣненій, но пока надумаютъ, пока соберутся, проходятъ годы, иногда даже десятилѣтія, а тѣмъ временемъ рыбо-промысловому дѣлу наносится непоправимый ущербъ.

II.

Что же представляетъ собою астраханское рыбное царство, что оно даетъ и что могло бы дать при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ?

Территоріально оно простирается отъ Царицына до Астрахани (Волжскій районъ) и затѣмъ захватываетъ большую часть каспійскаго побережья съ многочисленными отмелями, островами и затонами, богатыми рыбой. Въ центрѣ стоитъ Астрахань— столица рыбнаго царства.

Астрахань—городъ азіатскій, пестрый, грязный и по своему живописный. У него свой обликъ и свой ароматъ. Пахнетъ селедками, воблой, [illegible]

пахами. Эти запахи несутся со всѣхъ сторонъ, окутываютъ рейдъ и городъ. Мѣстное населеніе ихъ не замѣчаетъ, принюхалось, но на свѣжаго человѣка они производятъ одуряющее впечатлѣніе.

Астраханскій рейдъ—одинъ изъ живописнѣйшихъ и оживленнѣйшихъ въ Россіи. Мы пришли въ Астрахань вечеромъ. Волга у Астрахани безпредѣльно широка. Вечеромъ вся эта ширь дрожитъ разноцвѣтными огнями. Въ темнотѣ перекликиваются неумолчно пароходные гудки, шумятъ колеса. Чувствуется непрерывное, незатихающее ни на минуту движеніе.

Я остался ночевать на пароходѣ. Утромъ меня разбудила музыка пароходныхъ свистковъ. Утро было тихое, солнечное, водная ширь голубѣла. Разноголосая перекличка неслась надъ водой по всему рейду. Тянулись вереницами тяжелыя баржи-тихоходы, бѣгали рѣзвые и голосистые катера, ползли, тяжело пыхтя, буксирные пароходы, множество парусныхъ лодокъ самой разнообразной формы и величины скользили по водѣ. Цѣлыми толпами онѣ сгустились у набережной, вѣя вѣтрилами, колыхая парусами, и въ гущѣ ихъ терялись стоявшіе на причалѣ баржи и пароходы.

Картина оживленная, привлекательная. И не удивительно: вѣдь рыболовно-промышленный флотъ каспійско-волжскаго района насчитываетъ, по даннымъ 1914 года, 52,888 единицъ. Однѣхъ бударокъ—самый распространенный типъ парусника—на промыслахъ насчитывается 31.078. Астрахань, какъ сосредоточіе рыбныхъ промысловъ, привлекаетъ множество рыболовныхъ судовъ. Сюда тянутся ближніе и дальніе рыболовы, везя рыбу въ обмѣнъ на хлѣбъ, на припасы, на рыболовныя снасти.

Орудія лова въ количественномъ отношеніи тоже представляютъ собою любопытную страницу промысловой жизни. По даннымъ управленія,[1] рыболовное вооруженіе волжско-каспійскаго района состоитъ изъ 2.737.170 единицъ, стоимостью 23.576.327 руб.

Въ отдѣльности наиболѣе крупныя орудія лова распредѣляются такъ:

Неводовъ	942
Волокушъ	1.320
Сѣтей плавныхъ красноловныхъ	3.773
» » частиковыхъ	11.316
» ставныхъ краснолов.	292.938
» » частиковыхъ	1.012.020
» ахановъ	224.500
Перетягъ	978.855
Нередъ	120.500

[1] Отчетъ Управленія Каспійско-Волжскихъ рыбныхъ промысловъ за 1914 годъ.

Рыбнымъ ловомъ, а также заготовленіемъ рыбныхъ продуктовъ и службою на астраханскихъ промыслахъ занято было въ 1914 году 111.718 человѣкъ: въ томъ числѣ: мужчинъ—95.154, женщинъ—13.308, подростковъ—3.256.

Въ 1915 году число лицъ, занятыхъ на промыслахъ, упало до 94.095 чел. Сказалось вліяніе войны.

Жизнь и условія работы на промыслахъ очень тяжелы. Мѣста привольныя и на рѣкѣ, и на взморьѣ. Множество дичи, еще больше рыбы. Волжское предъустье и взморье кишмя-кишатъ рыбой. На отмеляхъ, на косахъ, въ камышевыхъ заросляхъ и черняхъ, которыя тянутся на десятки верстъ, рыба ходитъ стадами. Въ открытомъ морѣ рыбы не меньше, чѣмъ на взморьѣ.

Но за это приволье и обиліе, обогащающія рыбопромышленниковъ, промысловымъ рабочимъ приходится расплачиваться тяжелымъ трудомъ.

Съ ранней весны, а иногда съ февраля, какъ только въ устьѣ тронется ледъ, ловцы выходятъ на работу. Еще стоятъ заморозки, бьютъ метели, ходятъ бѣлыми островами разбитыя льдины, а рыбаки уже выѣзжаютъ съ сѣтями и волокушами, захватывая первую весеннюю добычу.

Часто приходится платиться за ранній выходъ. Февраль на югѣ бурный. Оттепели смѣняются холодами, часто бываютъ бури, метели, дожди. Неуклюжія бударки затопляетъ, разбиваетъ, уноситъ въ море.

Но въ февралѣ уже идетъ судакъ, таранъ, бѣлорыбица, а въ мартѣ стихійнымъ движеніемъ начинаетъ итти вобла. Наступаетъ горячее, трудное время. Дни и ночи на работѣ, на холодѣ, на вѣтрѣ, на дождѣ. И часто некогда подумать даже о приваркѣ. Ѣдятъ въ сухомятку, кое-какъ.

Едва отойдетъ вобла, какъ съ половины апрѣля начинаетъ двигаться такъ же стихійно сельдь. И опять напряженная, не знающая передышки, работа—бери, хватай, лишь бы побольше, лишь бы не упустить нужный моментъ.

Лѣтняя, или, какъ называютъ здѣсь, жаркая путина протекаетъ спокойнѣе весенней путины. Но наступаетъ страшная. 50 градусная жара, и особенно тяжело бываетъ на морѣ. Бываютъ тихіе дни и тихіе ночи, когда все точно замираетъ въ духотѣ, въ знoѣ, и кажется, что дышешь раскаленнымъ желѣзомъ.

Днемъ солнце палитъ убійственно, море не даетъ прохлады. Трудно работать въ такіе дни, тяжелѣетъ голова, тѣло обливается потомъ. Иногда изсякаетъ прѣсная вода, и тогда для ловцовъ начинаются мучительные часы. Кругомъ безпредѣльное пространство воды, а во рту сухо, внутри все горитъ, и несется съ бударокъ тоскливое, безпомощное:

— Ни-ить...

Осенняя путина вначалѣ идетъ легко, осень здѣсь самое лучшее время. Но въ ноябрѣ и декабрѣ уже бываетъ холода, заморозки, непогоды, и работающимъ на промыслахъ приходится страдать отъ нихъ такъ же, какъ и вначалѣ весны.

— Чижало,—говорятъ рабочіе, когда заходитъ рѣчь о промыслахъ.—Все безъ времени, не знаемъ ни дня ни ночи. Когда пошлютъ, тогда и иди, въ вѣтеръ, въ дождь, во всяку погоду. Все время въ мокротѣ, обсушиться негдѣ. А когда сельдь да вобла идетъ, такъ и дыхнуть некогда, спины не разогнешь.

— А плата какая?

— До войны было такъ: мужику 20 руб., бабѣ—15 руб., подростку—семь съ полтиной. Теперь платятъ больше. Даютъ еще положеніе.

— Какое положеніе?

— Хлѣба полтора фунта, да калача два фунта въ день, сахару въ мѣсяцъ два фунта и чаю полфунта.

— А обѣдъ?

— Котелъ хозяйскій, а приварокъ нашъ. Рыбу даютъ, а мяса не полагается. Теперь вотъ сахаръ перестали давать. То хоть чайку, бывало, попьешь, обогрѣешься, а теперь и того нѣтъ.

Уменьшеніе и нерѣдко отмѣна положенія практикуется на промыслахъ часто.

Вообще недобросовѣстности и безсердечія по отношенію къ рабочимъ, въ особенности къ инородцамъ, которыхъ работаетъ на промыслахъ не мало,—не оберешься. При договорѣ сулятъ одно, а на дѣлѣ выходитъ другое.

Въ сентябрѣ этого года въ Астрахани былъ такой случай.

На казенную пристань явилась толпа персовъ и кавказцевъ, около 40 человѣкъ. Многіе изъ нихъ были полуодѣты, нѣкоторые босикомъ. Съ плачемъ они стали жаловаться судоходному надзору на свое горькое житье на промыслахъ. Наняты они были подрядчикомъ въ Ленкорани на рыбные промыслы Исаева. При наймѣ имъ, кромѣ жалованья 35—40 руб. въ мѣсяцъ, обѣщали выдавать «положеніе»—хлѣбъ, рыбу, чай, сахаръ. Помѣщеніе въ казармахъ. Въ половинѣ августа ихъ привезли на Калиновскій промыселъ. Рабочихъ книжекъ не выдавали. Хлѣбъ давали такой, что они его не могли ѣсть. Сахару не давали; къ чаю приходилось покупать за свои деньги конфекты по 2 р. фунтъ. Казармъ не оказалось; жили, несмотря на холодъ, подъ открытымъ небомъ. Работать заставляли угрозами. Работали на тоняхъ въ полубахилахъ, въ водѣ; вечеромъ не было возможности обсушиться, такъ какъ ни дровъ, ни керосину имъ не давали. Выселен-

ные изъ терпѣнія, они пришли въ Астрахань искать защиты и, какъ благодѣянія, просили отправить ихъ обратно въ Ленкорань.

Объ этомъ въ свое время сообщалось въ астраханскихъ газетахъ («Астраханскій листокъ» № 187 за 1916 г.). Случай не единичный, и я привожу его, какъ характеристику отношеній рыбопромышленниковъ къ рабочимъ. И это еще во время войны, когда большой спросъ на рабочихъ и не всегда ихъ можно найти. Въ нормальное же время рыбопромышленники совсѣмъ не стѣсняются и, платя гроши, выжимаютъ изъ рабочихъ послѣдніе соки.

III.

Война внесла много измѣненій въ состояніе рыбной промышленности каспійско-волжскаго района, однако, эти измѣненія не приняли катастрофическаго характера. Прежде всего надо отмѣтить тотъ фактъ, что количество выловленной рыбы почти не измѣнилось. Такъ, напримѣръ, рѣчное неводное рыболовство, находящееся преимущественно въ рукахъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, не потерпѣло никакихъ сокращеній. Неводный ловъ обслуживается главнымъ образомъ рабочими изъ мѣстныхъ инородцевъ—калмыковъ и киргизовъ, . .
. . . . въ обработкѣ же рыбныхъ товаровъ заняты почти исключительно женщины.

Въ худшемъ положеніи оказались владѣльцы мелкихъ промысловъ, работающихъ преимущественно на морскомъ ловѣ. Здѣсь призывъ хозяина или опытнаго руководителя, часто даже работника, ставилъ весь промыселъ въ затруднительное положеніе. Но такъ какъ и здѣсь рыболовствомъ занимаются, главнымъ образомъ, инородцы, то сокращеніе морского промысла выразилось цифрой не болѣе 3—4% сравнительно съ нормальными годами.

Цифра эта относится къ 1914 году; 1915 годъ далъ сокращеніе морского лова уже на 37%. О 1916 годѣ пока нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ, но по отдѣльнымъ свѣдѣніямъ можно установить, что сокращеніе ловцовъ пошло дальше, ...
. . . .

Несмотря, однако, на уменьшеніе ловцовъ, количество выловленной рыбы не уменьшилось.

Уловъ 1914 года далъ 18.178.344 пуда рыбы на сумму 33.802.970 руб.; уловъ 1915 года далъ 19.903.536 пуд. на сумму 43.224.226 руб.—болѣе въ сравненіи съ 1914 годомъ на 2.137.334 пуд. Весенняя путина 1916 года дала 8.783.271 п.; лѣтній и осенній уловы были не ниже нормальнаго.

Такимъ образомъ, несмотря на потрясенія войны, на уменьшеніе постояннаго населенія и рабочей силы и самый способъ веденія рыб-

наго дѣла, богатый каспійско-волжскій районъ въ состояніи давать ежегодно до 20 милліоновъ пудовъ рыбы. Гораздо большія потрясенія пришлось перенести собственно рыбной торговлѣ.

Какъ только была объявлена война, положеніе на рыбномъ рынкѣ рѣзко измѣнилось. Закрылись прежде всего внѣшніе рынки для товаровъ наиболѣе высокой цѣнности—икры и красной рыбы, вывозимой въ Германію и Австро-Венгрію. Крупныя нѣмецкія фирмы отказались отъ платежей. Съ объявленіемъ войны Турціей закрылся и балканскій рынокъ, для котораго заготовлялись спеціальные товары, какъ, напримѣръ, тарама—икра частиковыхъ рыбъ, почти не имѣющая сбыта въ другія страны.

Но этимъ затрудненія не ограничились. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . Въ концѣ октября на станціи Астрахань лежало около тысячи вагоновъ неотправленныхъ грузовъ, а къ половинѣ ноября скопилось около 500 вагоновъ свѣжей рыбы и 1300 вагоновъ малосола. Такимъ образомъ, время оживленнаго спроса на рыбу было упущено и рынки остались безъ товара.

Все это тяжело отразилось на рыночныхъ цѣнахъ. Большинство рыбныхъ товаровъ понизилось на 50 и болѣе процентовъ, а цѣны на икру красной рыбы упали до 40—50 руб. за пудъ, вмѣсто 150—200 руб., обычныхъ въ это время года.

Цѣны на рыбу долго оставались пониженными. Конечно, главная тяжесть создавшагося положенія легла на ловецкое населеніе, такъ какъ пріемныя цѣны на рыбу понизились еще больше.

1915 годъ по улову надо признать вполнѣ удовлетворительнымъ. За исключеніемъ красной рыбы и сельди, почти всѣ другіе сорта рыбы дали увеличеніе, а добыча воблы далеко превзошла цѣлый рядъ предыдущихъ лѣтъ. Въ 1914 году было выловлено воблы 4.198.092 пуд., а въ 1915—7.913.390 пуд., т. е. болѣе предыдущаго года на 3.715.298 пуд.

Но затрудненія . . . . . . въ 1915 году не уменьшились. Отправка рыбныхъ грузовъ воднымъ путемъ вверхъ по Волгѣ немного повысилась. Въ 1914 году на пристани волжско-камскихъ судоходныхъ дистанцій поступило изъ Астрахани—7.385.968 пуд. рыбы на сумму 18.503.090 руб., а въ 1915 году—8.086.180 пуд. на сумму 20.775.186 руб. Насколько понизился экспортъ грузовъ на внутреннie рынки въ сравненіи съ нормальнымъ временемъ, видно изъ поступленій на тѣ же пристани въ 1913 году,

въ теченіе коего отправлено было изъ Астрахани 11.540.334 пуда рыбы на сумму 32.464.703 руб.

Съ закрытіемъ навигаціи скопились огромные заторы грузовъ на станціяхъ, лежавшіе цѣлыми мѣсяцами. Въ началѣ декабря въ Астрахани лежало 700 тыс. пуд. рыбы, приготовленной къ отправкѣ, а къ 1 января 1916 года въ Астрахани остались неотправленными до 2.300 вагоновъ просоленной и мороженой рыбы. Доставка сократилась, спросъ увеличился, и естественно, что цѣны поднялись за 1915 годъ на 50—100%.

1916 годъ проходилъ въ тѣхъ же ненормальныхъ условіяхъ транспортированія рыбныхъ товаровъ, какъ и предыдущіе года. Задержки и залежи рыбныхъ грузовъ стали обычнымъ явленіемъ. Помимо естественныхъ причинъ. . . . . стали обнаруживаться искусственныя задержки грузовъ съ цѣлью повысить цѣны на рыбные товары. Разсчетъ оказался правильнымъ, такъ какъ, при наличности хорошаго улова и большихъ запасовъ рыбы, цѣны на рыбу стали расти съ угрожающей быстротой. И когда въ августѣ текущаго года, въ цѣляхъ борьбы съ спекуляціей, были установлены въ Астрахани на рыбу твердыя цѣны,—рыба исчезла съ астраханскаго рынка, и по установленнымъ цѣнамъ нельзя было купить ничего.

А между тѣмъ, такса установлена была достаточно высокая. При сравненіи ея съ цѣнами, существовавшими на астраханскомъ оптовомъ рынкѣ до войны, въ 1914 году, получимъ слѣдующія цифры:

	1914 г. Р. К.	1916 г. Р. К.
судакъ мѣрный пудъ	5 20	9 85
» полумѣрн. »	3 70	8 70
сазанъ мѣрный »	3 30	8 50
» полумѣрн. »	3 10	7 55
лещъ мѣрный »	3 25	7 55
жерехъ неразб. »	2 —	6 —
окунь и др. мел. »	— 80	3 —
Вобла колодка »	1 —	5 50
Тарань . . . »	1 50	3 55
Сельдь за 1000 рыбъ: заломъ	225 —	342 —
» рядовая	65 —	177 —
» мѣрная	30 —	127 —
» полумѣрная	18 —	87 —
Пузанокъ	10 —	43 —

Однако, такія цѣны не могли удовлетворить оптовиковъ. Еще въ 1915 году сельдь продавалась съ барышомъ въ 300—400%; въ 1916 году захотѣлось эти барыши удвоить.

По установленнымъ цѣнамъ сдѣлки не производятся, между тѣмъ рыба непрерывно вывозится изъ Астрахани. Частныя лица и фирмы покупаютъ товаръ по какимъ-то подпольнымъ цѣнамъ, не фигурирующимъ нигдѣ на бумагѣ, а представители общественныхъ организацій, считающіеся съ установленными цѣнами, не находятъ въ Астрахани рыбы: вся она оказалась запроданной еще до 17 августа, т. е. до введенія таксы.

Съ однимъ такимъ представителемъ крупнаго кооператива я ѣхалъ на пароходѣ до Астрахани. Онъ возлагалъ большія надежды на астраханскій рынокъ.

— Будемъ замѣнять мясо рыбой,—говорилъ онъ.—Отъ такой замѣны населеніе не пострадаетъ. Рыбы у насъ много. Вотъ закуплю нѣсколько вагоновъ и буду хлопотать о скорѣйшей доставкѣ. Главное затрудненіе въ перевозкѣ, а купить, я думаю, можно.

Черезъ два дня я встрѣтилъ кооператора въ Астрахани. Видъ у него былъ угнетенный, растерянный.

— Купили рыбу?—спросилъ я.

— Да, купишь тутъ чорта пухлаго,—выругался кооператоръ.

— А что?

— Нѣтъ рыбы въ Астрахани.

— Быть не можетъ.

— Пойдите по оптовикамъ, убѣдитесь. Я ихъ почти всѣхъ обошелъ.

— Но гдѣ же рыба?

— Въ Астрахани.

— Не понимаю.

— Дѣло простое,—объяснилъ кооператоръ.—Тутъ установлены твердыя цѣны на рыбу. Оптовики не хотятъ продавать по этимъ цѣнамъ, считая ее слишкомъ низкой, а я могу купить только по твердымъ цѣнамъ. Мнѣ отвѣчаютъ на это: рыба вся запродана.

— Что же вы ни съ чѣмъ и уѣдете?

— А что же подѣлаешь? Приходится мириться съ невѣроятнымъ: въ Астрахани нѣтъ рыбы.

Такихъ неудачныхъ покупателей отъ кооперативныхъ и общественныхъ учрежденій въ Астрахани бываетъ много. Пріѣдутъ, походятъ по складамъ и возвращаются съ пустыми руками.

— Въ Астрахани нѣтъ рыбы.

Рыбная торговля въ Астрахани ведется изъ-подполы. Биржа упразднена; сдѣлки завершаются какими-то таинственными путями. Въ биржевомъ комитетѣ я засталъ только унылую фигуру секретаря, который ничего не могъ сообщить мнѣ о рыбной торговлѣ.

— Никакихъ сдѣлокъ у насъ нѣтъ,—сказалъ онъ, шурша какими то бумажками.—Вы видите, какъ у насъ тихо.

Въ большомъ помѣщеніи комитета было пусто, только барышня гулко [illegible] на машинкѣ, да за окномъ, на берегу, галдѣли персы.

— Гдѣ же все-таки можно узнать о положеніи дѣлъ на рыбномъ рынкѣ?

— Спросите у рыбопромышленниковъ, въ управленіи промыслами. Тамъ вѣрнѣе знаютъ.

Но всюду, куда [illegible] обращаетъ, [illegible] на нѣмыя, [illegible]:

— Не знаемъ... Трудно сказать...

Создавалось [illegible] впечатлѣніе, [illegible] въ темнотѣ и [illegible], что [illegible].

А между тѣмъ, ясно, что [illegible] съ рыбными [illegible], требующая [illegible] ства, самаго [illegible] обществен[illegible]. [illegible] корѣчиво [illegible] странное [illegible] рыбный [illegible] для [illegible] кольcя кулаковъ [illegible].

Гдѣ же [illegible]? [illegible] есть которой [illegible] рыбной [illegible] столетъ [illegible]? Вѣдь главная [illegible], [illegible] потребителя [illegible] дѣйствительной стоимости [illegible]? Ясно одно, что [illegible] щеній трудно [illegible].

Нужен[illegible] путь—путь [illegible] наго изученія [illegible] о [illegible]. До сихъ поръ [illegible] не сдѣлали [illegible] точному [illegible] производимой рыбы. [illegible], донесенія, [illegible] справки, [illegible] скимъ, [illegible] путемъ, не даютъ [illegible] представленія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ [illegible]; они—только канцелярскія отписки, за которыми не видно живого дѣла.

Рыбная промышленность не частное, но государственное дѣло, и только въ такой плоскости можно разсматривать ее. При недостаткѣ мяса, рыба является предметомъ питанія широкихъ массъ, и надо сдѣлать такъ, чтобы этотъ цѣнный продуктъ не гноился на станціяхъ, пристаняхъ и складахъ, не служилъ матеріаломъ для наживы немногихъ, а дѣйствительно шелъ въ широкія массы.

Для этого нужно измѣнить всю систему завѣдыванія рыбными промыслами. Мало составлять отчеты по сомнительнымъ даннымъ, нужно регулировать движеніе рыбной промышленности, знать точные размѣры ея. Нужно самое широкое общественное вмѣшательство въ промысловую жизнь, полную архаизма, своекорыстія и хищничества.

До сихъ поръ работа на рыбныхъ промыслахъ шла сама собой, стихійно, какъ идетъ сельдь по веснѣ, и у рыбопромышленниковъ было такое же отношеніе къ дѣлу, какъ и къ сельди: ее ловили, ее же и истребляли, не считаясь съ послѣдствіями.

Нужно измѣнить отношеніе къ дѣлу и посмотрѣть на рыбное царство другими, болѣе разумными и внимательными глазами.

Н. Сурожскій.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ОДНА ИЗЪ ГРАНЕЙ ТВОРЧЕСТВА ЭМИЛЯ ВЕРХАРНА.

Всѣмъ русскимъ поклонникамъ Эмиля Верхарна, имѣвшимъ счастливую возможность видѣть и слышать его зимой 1913—14 г., когда великій бельгійскій поэтъ совершалъ свою поѣздку по Россіи (увы! первую и послѣднюю, несмотря на горячее желаніе «вернуться къ русскимъ друзьямъ»), — конечно, запомнился навсегда плѣнительный образъ невысокаго, уже сгорбленнаго старика, съ добродушно-проницательными глазами подъ неизмѣнными стеклами пенсне, съ небрежно откинутыми посѣдѣлыми кудрями и съ большими усами, придававшими какую-то особую ласковость легкой, чуть замѣтной улыбкѣ. Эмиль Верхарнъ читалъ въ Россіи (въ Петроградѣ, въ Москвѣ, въ Варшавѣ и другихъ городахъ) о своей родной Фландріи, непобѣдимо заставляя слушателей полюбить спокойную красоту ея тихаго пейзажа, читалъ о новомъ бельгійскомъ народѣ, величіе и героизмъ котораго уже провидѣлъ зоркимъ взоромъ поэта, читалъ о своемъ собственномъ творчествѣ, съ подлинной, не показной скромностью, но и съ проникновеннымъ пониманіемъ самой сущности своихъ стиховъ. Всего охотнѣе, однако, съ наибольшимъ подъемомъ и одушевленіемъ, читалъ Эмиль Верхарнъ «объ энтузіазмѣ», — любимѣйшую изъ своихъ лекцій. Чтеніе объ энтузіазмѣ вездѣ кончалось тріумфомъ поэта: слушатели, въ невольномъ порывѣ, устраивали ему овацію, всѣ рукоплескали, многіе отдѣльно благодарили за пережитыя радостныя минуты. Увлекала глубокая искренность лектора, его увѣренность въ правотѣ своихъ словъ и наличность, въ самомъ голосѣ, въ самомъ способѣ говорить того именно энтузіазма, о которомъ шла рѣчь. Надо любить весь міръ, всѣхъ людей и самого себя, говорилъ поэтъ, пусть всѣ удивляются другъ на друга, восхищаются другъ другомъ, преклоняются другъ передъ другомъ: admirez-vous les uns les autres!

Этотъ всеобъемлющій энтузіазмъ былъ для поэта привычной атмосферой духа, которой онъ дышалъ повседневно. Послѣдніе сборники стиховъ Верхарна, «Многообразное Сіяніе», «Властительные Ритмы», «Зыблемыя Нивы», исполнены безграничнымъ восторгомъ бытія, умиленіемъ предъ всѣми проявленіями жизни и славословіемъ всѣхъ силъ вселенной. Той же радостью жить, чувствовать и мыслить насыщена серія книгъ (оставшаяся незаконченной) «Вся Фландрія», посвященныхъ маленькой родинѣ поэта, ея прошлому и настоящему, прелести ея холмовъ и побережій, бодрой суетѣ ея городовъ, напряженію ея промышленной и торговой жизни, духовной силѣ ея только-что сложившагося въ одно цѣ-

[illegible] народа, великимъ людямъ ея [illegible]рія, полководцамъ, мыслителямъ, поэтамъ, художникамъ. Отъ [illegible] пѣсенъ о «зрѣющихъ нивахъ», съ безумной [illegible] [illegible]», и хороводѣ сельскихъ дѣвушекъ, «въ цвѣтномъ [illegible] въ воскресенье «на перекресткахъ [illegible]», до торжественныхъ [illegible] о мірѣ, [illegible] изъ людей», и о «строѣ [illegible] тѣлъ), «въ неистовомъ круговращеніи [illegible] [illegible]ра огня», — вся поэзія Верхарна [illegible] восторгомъ, умиленіемъ и [illegible]. [illegible] смертельная война» опу[illegible] [illegible], жестоко потрясая душу [illegible] благосостояніе (домъ [illegible], былъ разрушенъ бом[illegible] [illegible], библіотека, со[illegible] [illegible] т. п. д.), — Верхарнъ на[illegible] [illegible] своихъ согражданъ, [illegible] Верхарна, его пламенныя [illegible]), не чужда такой [illegible] бичуютъ варварство [illegible], осквернявшихъ [illegible] памятники старины и [illegible] [illegible]ція. Въ поэзію Верхарна [illegible], очень рѣзкіе [illegible] было стать книгой [illegible], чье сердце всегда [illegible] исключительно [illegible] Верхарнъ не столько клеймитъ [illegible] выраженія въ [illegible] мужествомъ [illegible] Льежа, Намюра и другихъ [illegible] первого пѣ[illegible] [illegible] образъ короля Альберта I, [illegible] и другихъ «вож[illegible] [illegible]», которая неожиданно [illegible]...

[illegible] Верхарнъ въ послѣдніе годы жизни, [illegible] [illegible]турный міръ, кажется, [illegible] славой, признавъ въ немъ [illegible] его на тотъ, нынѣ свободный, тронъ, который въ разныя [illegible] занимали Гете, Викторъ Гюго, Левъ Толстой, а также, [illegible] человѣчества, Байронъ и Ибсенъ. Читатели разныхъ странъ [illegible] къ звукамъ величественныхъ строфъ, въ которыхъ, [illegible] къ энтузіазму пророка и визіонера примѣшивалась доля старческаго благодушія, и всѣхъ эта поэзія неуклоннаго «да», неограниченнаго «пріятія міра» — покоряла откры-

ваемыми ею свѣтлыми перспективами. Но, вѣроятно, далеко не всѣ знали и помнили, какой цѣной купилъ Верхарнъ эту свою любовь къ бытію, во всѣхъ его проявленіяхъ, свою любовь къ родной странѣ, къ родной Европѣ, къ родному человѣчеству и къ родной вселенной. Между тѣмъ истинное значеніе и истинную глубину [illegible] Верхарна пріобрѣтаютъ лишь для тѣхъ, кто вслѣдъ за нимъ [illegible] трагическій путь отъ крайняго «отрицанія» до [illegible] «утвержденія», кто понялъ, что «восторгъ, умиленіе и славословіе» [illegible] молотомъ гнѣва, отчаянія и проклятія. [illegible] судить Верхарна и чувствовать подлинный духъ [illegible] юношескихъ книгъ, [illegible] какъ «Фламандцы» и «Монахи», [illegible] трилогія «Вечера», «Разгромы», «Черные Факелы». Къ [illegible] «Многообразнаго Сіянія» Верхарнъ [illegible] черезъ [illegible] сомнѣній, черезъ бездонные [illegible], черезъ запутанный лабиринтъ [illegible] прогресса, въ самого человѣка. [illegible] Верхарна поразительнѣе и [illegible] безпросвѣтную мглу [illegible] страданія Данте въ [illegible] ледяномъ озерѣ, [illegible] тайный, извилистый ходъ выводитъ подъ небо, «чтобы вновь видѣть звѣзды — a [illegible]»; но въ этихъ тягостныхъ блужданіяхъ съ бельгійскимъ поэтомъ не было [illegible] путеводителя — Вергилія, и никто не давалъ обѣщанія, что [illegible] и поведетъ далѣе — [illegible]-Беатриче.

Періодъ [illegible] безвыходность [illegible] до середины 90-хъ годовъ [illegible] этой эпохи выражены поэтомъ, прежде всего, въ [illegible] трилогіи: «Вечера» (1888 г.), «Разгромы» (1888), «Черные Факелы» (1891 г.), потомъ въ отдѣльныхъ поэмахъ двухъ [illegible] сборниковъ: «Представшіе мнѣ по пути» (1891 г.) и «Призрачныя селенія» (1895 г.), наконецъ, въ рядѣ стихотвореній, впослѣдствіи объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Лозы моей стѣны» (1892 — 1897 г.); послѣднія изъ этихъ поэмъ совпадаютъ, по времени, съ появленіемъ въ печати новой трилогіи: «Обезумѣвшія деревни» (стихи, 1894 г.), «Города со щупальцами» (стихи, 1896 г.), «Зори» (драма, 1898 г.), знаменующей уже духовное возрожденіе. Книги, написанныя въ началѣ этого періода, производятъ понынѣ на читателя впечатлѣніе угнетающее, впечатлѣніе дикаго и чудовищнаго кошмара, который властно схватываетъ, давитъ и отъ котораго нѣтъ силъ освободиться; онѣ и подали поводъ критикамъ именовать Верхарна «галлюцинатомъ» и «одержимымъ», — названіе, нерѣдко повторявшееся и позднѣе, когда оно утратило свое значеніе въ примѣненіи къ ясной и классически-стройной поэзіи автора «Елены Спартанской». Если бы

судьба сулила Верхарну раннюю кончину, прежде чѣмъ онъ преодолѣлъ овладѣвшія имъ «мятежныя силы», — онъ остался бы въ исторіи литературы, какъ пророкъ такого предѣльнаго пессимизма, передъ которымъ ничтожными кажутся жалобы Леонарди, Ленау и другихъ «пѣвцовъ міровой скорби». Мы знали бы тогда только того Верхарна, который, съ саркастической убѣдительностью и съ трагической иронiей указалъ на роковое безсиліе человѣка, на его обреченность вѣчно порываться, безплодно и безполезно, къ недостижимому, и должны были бы думать, что для самого поэта не могло открыться выхода за эти неодолимыя грани. Даже, зная послѣднія книги Верхарна, трудно предугадать ихъ солнечность въ томъ сгущенномъ мракѣ, которымъ окутана трилогія «Разгромовъ». И сила пессимистическихъ поэмъ Верхарна, тайна ихъ власти надъ душой читателя — въ томъ, что онѣ побѣждаютъ не только своими образами и картинами, странными и незабываемыми; за этими символами, изваянными рѣзцомъ мастера, чувствуется строго продуманное міросозерцаніе мыслителя. Верхарнъ — художникъ, той эпохи, идетъ рука объ руку съ Верхарномъ — философомъ: его сумрачныя поэмы — ядовитые цвѣты, выросшіе на прочныхъ стебляхъ мысли.

Врядъ ли кто-либо, перечитавъ «Черные Факелы» или «Призрачныя селенія», сможетъ скоро отдѣлаться отъ навязчивыхъ образовъ, внушенныхъ ему поэтомъ. Въ воспоминаніяхъ останется и «небесный сводъ изъ камня, опирающійся на аркады изъ эбена и металла», подъ которымъ совершаются «похороны луны», и «медово-гангренозныя болота», въ которыя «съ неба сочится кровь изъ сердца пронзенныхъ звѣздъ»: и «распятые въ огнѣ на небѣ вечера», эти каждодневно «встающія Голгоѳы», и женщина въ черномъ на перекресткѣ», чьи надежды, «какъ свора черныхъ псовъ, опять пролаяли на сумрачныя луны, — на луны черныя ея зрачковъ»; и «золотой катафалкъ, встающій изъ глубины сумерекъ»; и «вечеръ, полный пурпуромъ и алыми потоками, что распадается за уменьшившейся равниной»: и математическіе пейзажи «лѣса предвѣчныхъ чиселъ» или «законовъ»; и картина предутренней Темзы, по которой «влачится внизъ трупъ разсудка»... Долго будетъ слышаться «слабый вскрикъ птицы, плачущей въ агоніи, надъ пустыннымъ прудомъ, гдѣ застоялась побурѣвшая вода»: будетъ вновь «выростать» безмыслица, какъ роковой цвѣтокъ»; будетъ тревожить желаніе поэта — «стать іератическимъ звѣремъ, что чернымъ блескомъ сверкаетъ подъ украшеннымъ красными карбункулами портикомъ храма въ Бенаресѣ»; будутъ всходить «льдяныя луны въ протахъ точного золота»; будутъ медлительно и чуть слышно пробираться черезъ вечеровой сумракъ «эбеново-золотыя коты». Не разъ предстанетъ вновь трагическій «Вѣстникъ Ничтожества», «гость изъ страны прогнившей мертвецовъ», чтобы разсказывать, какъ на его островѣ, подъ «сѣрымъ прокаженнымъ кустомъ» лежитъ «черный, странный Гамлетъ», надъ которымъ кружатъ вороны, Офелія, у которой «изъ полусгнившихъ губъ вырастаетъ заплѣснѣвшій цвѣтокъ», Неронъ и Тиберій, «цари эбена, вскормленные тьмой», Вителлій, на животъ котораго

насѣли лемуры, «высасывая газы», всѣ властелины земли, мудрецы, поэты, искатели истины, изможденные монахи, а рядомъ развратники, лесбіянки, некрофилы, «бредившіе вѣчностью соитій», соединенные послѣднимъ тріумфомъ, — распадомъ и уничтоженіемъ. И долго въ воспоминаніяхъ, зловѣщими отзвуками, будутъ звучать постоянно повторяющіяся слова: «болота», «стоячая вода», «льдяныя» или «черныя» луны, «черные льы», «эбеновые коты», дворцы «изъ золота и эбена», «ночные гроты», «звонъ металла», «крикъ птицы», «мертвецы», «мгла», «ночь», «тлѣніе», ничтожество»... Читатель самъ становится галлюцинатомъ, подобно поэту, и бредитъ, вмѣстѣ съ нимъ, всѣмъ небывалымъ, чудовищнымъ и жестокимъ.

Но страшные и грозные, часто фантастическіе и гиперболическіе, символы Верхарна — не просто причуда поэта, желающаго во что бы то ни стало быть оригинальнымъ, измышляющаго непривычныя и поражающія сочетанія словъ. Верхарнъ не изъ тѣхъ, кто выискиваетъ новые, еще не использованные въ поэзіи, образы, чтобы ошеломить, иногда даже чтобы оттолкнуть читателя. Поэмы Верхарна — не филигранная работа эстета, поставившаго себѣ задачей — создать «гротескъ», найти, вслѣдъ за японцами, «красоту въ безобразіи», продолжить и развить «идеи Эдгара По». Символы Верхарна, съ неизбѣжностью, выростаютъ изъ его міросозерцанія. Потому они такъ послѣдовательны, потому поэтъ никогда не ошибается въ стилѣ, нигдѣ не допускаетъ диссонанса: такіе промахи были бы неизбѣжны при сознательной стилизаціи, и они невозможны, когда писатель говоритъ лишь то, что глубоко пережилъ. и продумалъ, когда онъ только записываетъ свои подлинныя впечатлѣнія. «Ужасное» Верхарна было повседневнымъ «ужасомъ» для самого поэта. Верхарнъ мучитъ читателя, но терзаетъ и самого себя. «Будь своимъ собственнымъ палачемъ, никому не уступай радости мучить себя, никогда!» — говоритъ поэтъ, и «Разгромы» кончаются знаменательнымъ стихотвореніемъ: «И я также требую себѣ свой терновый вѣнецъ!» Образъ «крови», часто встрѣчающійся въ стихахъ Верхарна, — не простая «фраза»: поэтъ такъ жилъ, что чувствовалъ на своемъ челѣ какъ бы капли крови отъ «терноваго вѣнца». Мучительства Верхарна — не мимолетныя «настроенія» пѣвучаго Ліонеля, который сейчасъ клянетъ вселенную, чтобы черезъ мигъ примиряться съ міромъ ради красоты повстрѣчавшейся въ саду женщины: безпощадныя отрицанія «Вѣстника Ничтожества» — неизбѣжный выводъ изъ логическихъ предпосылокъ, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ направляли всю жизнь поэта.

Основная идея, опредѣлявшая міросозерцаніе Верхарна той эпохи, на философскомъ языкѣ, должна быть названа «гносеологической проблемой». Нѣтъ причинъ дѣлать изъ Верхарна философа въ школьномъ смыслѣ и предполагать, что онъ изучалъ эту проблему по трактатамъ неокантіанцевъ или хотя бы по книгамъ самого Канта и Платона. Сколько намъ извѣстно, Верхарнъ никогда не занимался философіей, но это не мѣшало ему, конечно, интуиціей геніальнаго поэта и напряженіемъ мысли

человѣка, который въ рѣшеніи [illegible] вопросовъ видитъ не игру діалектики, а [illegible] до глубинъ метафизики. Самъ Борхардтъ, [illegible] былъ бы удивленъ, если бы ему сказали, что [illegible] метафизическіе вопросы, и все же міровоззрѣніе [illegible] бле-мой [illegible] Затруднительно сказать, въ [illegible] внутренней [illegible] XVIII [illegible] обусловлено [illegible] но, быть [illegible] (съ на-[illegible] это. [illegible] привлекательно [illegible] трле-[illegible] [illegible] Родри. [illegible]

Художественно [illegible] идеи. [illegible] въ [illegible] («Черная Фелента», 1890 г.) [illegible] въ лѣсу [illegible] чиселъ». Этотъ фантастическій [illegible] мерт-[illegible] деревья на числ [illegible] [illegible] что числа «изъ [illegible] въ своей безконечности [illegible] чтобы [illegible] тѣми же самыми [illegible] чувствуетъ [illegible] отъ этой неизбѣжности [illegible] съ числами:

Я погибаю, я пропалъ,
Разбилъ чело о камни скалъ,
Сломалъ всѣ пальцы объ утесы.
Какъ бредъ кошмара — — ихъ вопросы!..
Я изнемогъ, я изнемогъ — —
На перекресткахъ всѣхъ дорогъ
Встрѣчаться съ ними, какъ съ предѣломъ!..
Я — обезумѣвшій въ лѣсу предвѣчныхъ чиселъ. [1]

---

[1] Желая передать точныя выраженія поэта, мы приводимъ большинство цитатъ въ прозаическомъ переводѣ: тамъ же, гдѣ необходимо сохранить художественную сторону приводимыхъ стиховъ, пользуемся нашими

Пытаясь проникнуть въ суть вещей, мы открываемъ, какъ послѣднее отвлеченіе, — число, т. е., свойства нашего разсудка, такъ числа дѣлаютъ познаніе невозможнымъ. И Верхарнъ заканчиваетъ свою поэму горькимъ восклицаніемъ, — признаніемъ невозможности для человѣка когда-либо сорвать «покровъ съ Изиды», т. е. постичь истину:

О, вѣчно ль небесамъ мерцать въ алмазномъ снѣ,
И сонмамъ звѣздъ глядѣть съ своихъ чертогъ ко мнѣ
Неумолимо и сурово?
И вѣчно ль не сорвать покрова
Предъ золотой Изидой въ вышинѣ?

Ту же идею Верхарнъ развиваетъ въ поэмѣ о «Законахъ», гдѣ передъ нами опять «черный небосводъ, расчерченный архитектурами, что разсѣкаютъ и захватываютъ въ сѣти вѣчность», сложныя и строго-параллельныя построенія, безконечно повторяющія свои подробности; схожія мысли положены въ основу поэмы о «Книгахъ» и ряда другихъ стихотвореній. Одно изъ нихъ, озаглавленное «Искупленіе», выражаетъ безнадежность даже вѣры, убиваемой тѣмъ же агностицизмомъ. Поэтъ обращается къ Божеству: «Я знаю, что Ты — ложь, и мои уста молятся Тебѣ»... Послѣ такихъ признаній оставался лишь одинъ выходъ: навсегда отказаться отъ надежды разсудкомъ постичь истину, и Верхарнъ и послѣдовательно такой выходъ принялъ. Такъ возникла вторая основная идея трилогіи о «Разгромахъ»: призывъ замѣстить разсудочное познаніе интуитивнымъ, признать первенство воли, а не интеллекта. Эту мысль поэта тоже можно поставить въ связь съ нѣкоторыми философическими ученіями новаго времени, — съ теоріями марбургской школы, отчасти съ прагматизмомъ, но, конечно, Верхарнъ ничѣмъ не обязанъ ни Когену, ни Бергсону уже потому, что писалъ свои поэмы задолго до нихъ. Можетъ быть, позволительно установить нѣкоторое вліяніе идей Ницше, хотя и съ авторомъ «Заратустры» едва начинали знакомиться во Франціи 80-хъ годовъ. Правильнѣе думать, что Верхарнъ самостоятельно пришелъ къ выводу, въ сущности, неизбѣжному, — что должно отречься отъ разсудка и его истинъ и искать другихъ, внѣ-разсудочныхъ путей къ осмысливанію міра и жизни. Однако, и на этихъ путяхъ Верхарнъ нашелъ только мучительныя сомнѣнія и внутреннія противорѣчія, не былъ удовлетворенъ темными обѣщаніями мистики и не остался ея адептомъ.

Поэма, которая наиболѣе ярко выражаетъ разрывъ Верхарна съ раціонализмомъ, заключаетъ собою «Черные Факелы». Поэтъ рисуетъ незабывающуюся картину предутренней Темзы въ предѣлахъ Лондона, по которой медленно влачится внизъ безжизненное тѣло разсудка (le cadavre de ma raison) въ одеждѣ «цвѣта пламени и яда». Видны «мосты изъ

переводами (Верхарнъ. "Собраніе стиховъ", изд. 2-е, М. 1916. печатается изд. 3-е). Въ параллель съ поэмой Верхарна «Числа» можно поставить стихи Фета «Среди звѣздъ», гдѣ русскій поэтъ восклицаетъ, обращаясь къ звѣздамъ: «Рабы, какъ я, мнѣ прирожденныхъ числъ!»

бронзы», на которыхъ вагоны, встрѣчаясь, «поднимаютъ безконечный гулъ», видны «паруса мрачныхъ судовъ» «огромный циферблатъ, скрытый красной маской, стрѣлки котораго неподвижны», высокія стѣны заводовъ, фабричные корпуса, темные домики предмѣстій.

Казармы, стѣны, фонари,
Рядъ фонарей, что безъ отвѣта,
Недвижно, будутъ ждать зари;
Блескъ тусклый золота и свѣта;
Грусть камней; камней полоса;
Чернь башенъ; кирпичи строеній;
Глядящіе въ туманъ и въ тѣни
Ихъ окна, — мутные глаза;
Міръ стапелей, гдѣ ночь темнѣе;
Сонмъ обезснащенныхъ судовъ
И четвертованныя реи,
Подъ небомъ міровыхъ голгоѳъ...

Мимо проплываетъ «трупъ разсудка», который умеръ «отъ желанія знать слишкомъ многое». «изваять причины всѣхъ существъ и всѣхъ вещей въ тверди чернаго гранита»; умеръ «отъ познавательной отравы», отъ «бредоваго стремленія къ абсурдной и пламенной власти», отъ того, что «утончился до безконечности»: умеръ въ тотъ часъ, когда казалось, что вождѣленный «тріумфъ уже паритъ надъ челомъ полетомъ орла». Оставляя за собой безмѣрный городъ, который съ прежней ненасытимой жаждой жить пробуждается въ утреннемъ пурпурѣ, — скорбный трупъ

... Сквозь туманъ, по пути вѣдъ,
Ко всѣмъ случайностямъ плыветъ,
Подъ дальній гулъ глухихъ набатовъ,
Разбитыхъ о уступы скатовъ...
Плыветъ въ сѣдую безконечность,
Чтобъ спать въ вечеровыхъ гробахъ,
Туда, гдѣ, сумрачны и полны,
Бокрывъ неизмѣримость щелей, волны
Медлительно пріемлютъ въ вѣчность
— Каждый прахъ.

Какъ бы завершеніемъ поэмы о Темзѣ служитъ другая, начинающая собой «Черные Факелы» и озаглавленная «Отплытіе»:

Дики и злы, набѣгаютъ валы у скалы.
Море стучитъ о гранитъ, и реветъ.
Море зоветъ все впередъ и впередъ.
Море въ приливѣ растетъ...

Отдаваясь призыву стихіи, поэтъ готовъ устремиться къ «безумнымъ неизвѣстностямъ», къ «сомнамбулическимъ пробужденіямъ», къ какимъ-то «за предѣломъ и гдѣ-то судорожно встающимъ солнцамъ». И стихотвореніе кончается характернымъ признаніемъ:

А то, что считалъ я разсудкомъ своимъ,
Глядя, какъ ты мчишься по волѣ,
Свой факелъ безсильный вздымаетъ, и дымъ
Клубится на брошенномъ молѣ.

Сходныя признанія можно привести и изъ ряда другихъ поэмъ Верхарна, но не меньше въ нихъ и свидѣтельствъ глубокой неудовлетворенности поэта избраннымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, стихотвореніе «Скала» кажется однимъ мучительнымъ крикомъ изверившагося человѣка, который, наконецъ, не видитъ иного исхода, кромѣ смерти, тождественной для него съ полнымъ исчезновеніемъ, обращеніемъ въ ничто. Поэту представляется желаннымъ удѣломъ взойти на одинокую скалу надъ моремъ и потомъ перестать быть, уйти изъ міра незамѣтно, раствориться во всеобщемъ «ничтожествѣ»:

Гдѣ скальные квадраты море гложетъ,
Я съ моремъ буду-ль тамъ наединѣ?
Наединѣ съ своей душой, быть можетъ?
И послѣ — умереть, и стать ничѣмъ,
Кто ничего не помнитъ, глухъ и нѣмъ,
Кто отошелъ безъ звоновъ похоронныхъ,
Безъ свѣчъ, безъ родственниковъ огорченныхъ...

Если познаніе сущностей невозможно, то у человѣка нѣтъ критерія, чтобы различить истинное и ложное, правду и ошибку, добро и зло, прогрессъ и движеніе назадъ. Жизнь обращается, по выраженію нашего Достоевскаго, въ «дьяволовъ водевиль». «Вѣстникъ Ничтожества» Верхарна объявляетъ, что въ конечномъ счетѣ, все, самое возвышенное, равно всему, самому низменному. Къ чему воздвигать «Новый Градъ предѣльной доброты и жертвоприношенья», къ чему «возноситься умомъ къ недостижимой сферѣ» и заключать міръ въ желѣзные тиски» научныхъ законовъ, къ чему «пламенно искать обороны отъ слѣпыхъ грѣховъ», если всѣ подвиги самопожертвованія, всѣ открытія смѣлой мысли, всѣ дѣянія аскетовъ и пророковъ, въ концѣ концовъ, приведутъ къ тому же, какъ «набрасываніе пожаровъ на Римъ», какъ «лесбійскій грѣхъ», какъ служенія «морской Афродитѣ»? если и дерзкія мечты и постыдныя похоти обратятся рядомъ въ «губки блѣдныя и мрачныя» и въ «щупальцы каракатицъ», изгибающихся, словно пышные цвѣты? Какой смыслъ въ прогрессѣ наукъ, въ совершенствованіи и углубленіи человѣческаго духа, въ исканіяхъ правды на землѣ, если все равно, мы не можемъ различить, что правда и что обманъ.

поднялись ли мы выше или пали ниже, совершили подвигъ или преступленіе, если успѣхи знанія — призрачны, новыя «истины» — лишь новая форма стараго заблужденія, вся міровая исторія — лишь вращеніе въ одномъ и томъ же кругу? Если нѣтъ истинъ, то нѣтъ добра, то нѣтъ смысла въ жизни; если въ жизни нѣтъ смысла, то не стоитъ и жить: таковъ ходъ умозаключеній, открывающійся въ трилогіи Верхарна.

Замѣнивъ истины, [illegible] чувственное угадываніе: желаніе добра замѣняетъ [illegible] не сдерживаемой воли; [illegible] въ [illegible] «[illegible] случайностямъ», къ «безумнымъ [illegible]», къ «[illegible] пробужденіямъ», — къ игрѣ [illegible] фантазіи. Верхарнъ скоро убѣдился, что [illegible] — [illegible]. [illegible] кругъ остается, къ которому [illegible] Верхарнъ, [illegible] одинъ изъ [illegible] новой поэзіи, — [illegible]: [illegible] нѣтъ, будемъ [illegible] есть [illegible]. Все обречено на [illegible] звукъ. Вѣчность [illegible] принадлежитъ [illegible] Тогда именно [illegible] Верхарна, его [illegible] во [illegible] и [illegible] Реме [illegible], и [illegible]. Но Верхарнъ [illegible]. [illegible] міроваго процесса. «[illegible]» [illegible], [illegible] съ [illegible], не имѣющихъ конечной цѣли, [illegible]. Но [illegible] не нашла верховнаго смысла, [illegible].

[illegible] и общее содержаніе трилогіи «[illegible]» и вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible] душевной трагедіи, пережитой Верхарномъ. Потребность разрѣшить для себя «вѣчные» вопросы бытія привела Верхарна къ его безысходно-пессимистическому міросозерцанію, по которому у жизни нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Изъ этого міросозерцанія выросла мучительная трилогія Верхарна и связанныя съ нею поэмы. Отсюда возникли его философскіе стихи-раздумья, какъ: «Числа», «Законы», «Книги», «Вѣстникъ Ничтожества», «Темза», «Открытіе» и др.; отсюда и тѣ лирическія признанія, которыя поэтъ самъ называетъ «радостно мучить самого себя», какъ нѣсколько, озаглавленныхъ одинаково — «Вечеръ», какъ: «Мои пальцы», «Вѣнецъ» (терновый), «Діалогъ», «Мечъ», «Молитва», «Молитвенно» и др.; отсюда же и широко-извѣстныя поэмы о городѣ, въ суетѣ котораго сконцентрирована бездѣльность и безсмысленность жизни вообще: поэмы о «Лондонѣ», съ «безмѣрно-скорбнымъ боемъ Вестминстерскихъ часовъ» и «зѣвотой тупицъ тоски» (какъ

поэтъ назвалъ поѣзда желѣзныхъ дорогъ), о «Женщинѣ въ черномъ» на перекресткѣ, проституткѣ, и убивающей того, «чей окровавленъ ножъ», потому что ей, «холодной, какъ смерть», доведенной до предѣловъ униженія, [illegible] лишь [illegible], о часѣ «Мятежа», когда [illegible] — [illegible], как змѣя», и др. [illegible] безъ Вергилія и безъ [illegible] о Беатриче, въ [illegible] кругахъ Ада, гдѣ въ центрѣ [illegible] Люцифера-Сатана... [illegible] поэмъ «[illegible]» — правдивая запись о [illegible] Верхарна, [illegible] Верхарна, [illegible] свое зловіе [illegible] взора [illegible]. [illegible] что въ [illegible] развитія.

Но какъ [illegible] Верхарнъ тотъ [illegible] [illegible] и [illegible] конечно, требуютъ [illegible] другихъ [illegible] жизнь. [illegible] крупныхъ лицъ, [illegible] древнихъ, [illegible] (позднѣе — [illegible] рую они дѣлали, — [illegible] народа, прежде всего, въ [illegible] рабочихъ. [illegible] ное, что [illegible] Верхарну въ жизни, и [illegible] рядомъ [illegible] серія лекцій о современной литературѣ въ [illegible] Народномъ Домѣ, тогда только-что [illegible] замѣчательнѣйшимъ и [illegible] изъ учрежденій [illegible] Тамъ поэты, въ томъ числѣ и Верхарнъ, [illegible] преимущественно [illegible] говорили о [illegible] творчества, устраивались выставки картинъ и скульптуры. Сближеніе Верхарна съ рабочими побудило его заняться [illegible] соціальными вопросами и ознакомиться съ соціализмомъ, какъ теоріей. [illegible] это, по собственному признанію поэта, произвело на него впечатлѣніе сильнѣйшее. Совершенно новые образы, [illegible] символы трилогіи, заняли воображеніе Верхарна: встали передъ нимъ

иныя проблемы, нежели тѣ, которыя мучили раньше; открылись перспективы будущаго, не похожаго на рисовавшееся раньше мечтамъ. Разумѣется, все это было связано и съ новой работой мысли, которая стала расшатывать устои прежняго міросозерцанія и возводить столбы новаго, преображеннаго. Началась новая эпоха въ біографіи поэта, также занимающая около десяти лѣтъ (до конца 900-ыхъ годовъ) и также ознаменованная могучими усиліями пытливой мысли и исключительными по мастерству достиженіями художника...

Интересъ къ соціальнымъ проблемамъ особенно ярко запечатлѣнъ во второй трилогіи Верхарна: «Обезумѣвшія Деревни», «Города со щупальцами» и «Зори». Новое міросозерцаніе поэта впервые опредѣленно выразилось въ сборникѣ поэмъ «Лики Жизни» (1899 г.), за которымъ слѣдовали, развивающія ся идеи, книги: «Мятежныя силы» (1903 г.), «Многообразное Сіяніе» (1906 г.) и «Властительные Ритмы» (1910 г.). Въ то же время (съ 1904 г.) Верхарнъ началъ и длинный рядъ своихъ поэмъ, посвященныхъ «Всей Фландріи». То были круги Чистилища, за которыми предстояло войти въ сферы Рая. Данте современности, какъ справедливо называютъ Эмиля Верхарна, оставилъ намъ и свою «Божественную Комедію», въ которой современный человѣкъ находитъ и свою Преисподнюю, и свой путь къ Возрожденію, и свой Эдемъ.

Валерій Брюсовъ.

ДЖЕКЪ ЛОНДОНЪ.

Умеръ Джекъ Лондонъ. Его охотно читаютъ въ Россіи. Онъ едва ли не самый любимый изъ иностранныхъ писателей. Между тѣмъ, его литературный талантъ не соотвѣтствуетъ его популярности. Очевидно, онъ удовлетворяетъ интимной потребности русскаго читателя. Но какой?

Какъ въ кинематографѣ проносятся передъ читателемъ произведеній Лондона далекія сѣверныя страны съ сверкающими снѣжными пустынями, несутся быстрыя рѣки, трещатъ и обваливаются ледяныя горы, размываются и исчезаютъ цѣлые острова. Но проходитъ мгновеніе — и картина мѣняется: появляется роскошный югъ, съ его тропическими растеніями, дикари-людоѣды, рои москитовъ, микроскопическія разноцвѣтныя птицы, великаны деревья. Перелистываются страницы книги — мѣняются картины на экранѣ: кишатъ людьми улицы громаднаго города, скользятъ вверхъ и внизъ машины домовъ-небоскребовъ, слышится гудѣніе автомобилей и шумъ подземныхъ желѣзныхъ дорогъ. — Не мистерія жизни, не тайные шорохи ея, а кинематографъ жизни, ея движеніе и воплощеніе въ дѣйствіе — произведенія Джека Лондона. И героемъ его картинъ всегда является человѣкъ дѣйствія — съ ясно осознанными цѣлями борьбы, съ неустаннымъ

любопытствомъ къ жизни и ея приключеніямъ. По своему жизненному пути герой Лондона идетъ всегда стремительно и бурно. Человѣкъ безъ энергіи и воли не существуетъ для Лондона. Онъ презираетъ лѣнтяя и труса и заставляетъ его погибать, — Лондонъ на сторонѣ судьбы, которая всегда уничтожаетъ слабыхъ и неприспособленныхъ. Герой кинематографа и мелодрамы, — человѣкъ воли и дѣйствія, — герой произведеній Лондона. Здѣсь проходитъ онъ тысячи верстъ по ледяной пустынѣ, рискуя замерзнуть и умереть отъ истощенія въ пути, для того лишь, чтобы выиграть пари и упиться преклоненіемъ людей передъ собой («Солнце-красное»). Тамъ, измученный и больной, ведетъ онъ непрерывную борьбу съ чернокожими дикарями, подстерегающими каждый его шагъ, чтобы убить его («Приключеніе»). Вотъ онъ, невѣжественный, почти дикарь, достигаетъ упорнымъ, непрерывнымъ трудомъ современнаго уровня знаній, чтобы завоевать любовь дѣвушки, которую онъ самъ полюбилъ («Мартинъ Иденъ»).

Вотъ ищетъ онъ золото въ далекихъ пріискахъ Аляски («Ущелье большого золота»); онъ будетъ стоять и долбить своей киркой и забудетъ объ усталости, голодѣ, жаждѣ и, когда придетъ опасность, подкрадется воръ, чтобы завладѣть его жилой, онъ звѣринымъ чутьемъ узнаетъ врага; на днѣ ямы произойдетъ борьба, и грабитель будетъ побѣжденъ. Это даже не возмездіе; это—побѣда болѣе ловкаго, болѣе сильнаго, болѣе хитраго. Герои Лондона всегда побѣждаютъ. Эти люди твердыхъ мускуловъ, упорной воли, непрестаннаго труда и непоколебимой энергіи. И, самое главное, они умѣютъ хотѣть и знаютъ, что могутъ побѣдить. Въ нихъ «кровь кипитъ и силъ избытокъ». Правда, иногда кажется имъ, что жизнь обманываетъ ихъ, что она манитъ иллюзіями. На краю гибели, у порога смерти почуетъ вдругъ этотъ обманъ герой Лондона («Солнце красное»), но надѣяться не перестанетъ и въ отчаяніе не придетъ: могучій двигатель живущаго — жизненный инстинктъ — побѣдитъ тоску, нарисуетъ картины борьбы и побѣды, и снова воспрянетъ усталый человѣческій духъ и заставитъ истощенное тѣло и слабѣющую волю искать спасенія. И въ этой борьбѣ онъ забудетъ о промелькнувшей передъ нимъ загадкѣ жизни. Для него мистика жизни — въ подчиненіи законамъ жизни. А они учатъ тому, что сильный и храбрый долженъ бороться, а слабый и трусливый — погибать. Но въ современной жизни это возможно лишь тамъ, гдѣ человѣкъ стоитъ лицомъ къ лицу съ природой, куда не проникли еще законы цивилизованнаго общества. Лишь тамъ, въ первобытныхъ условіяхъ жизни, можетъ выявиться истинная сущность человѣка, лишь тамъ сильнымъ не грозитъ опасность погибнуть и быть выкинутымъ за бортъ жизни. Борьба съ враждебными силами природы — это извѣчно. Борьба двухъ мужчинъ за обладаніе женщиной — это законъ жизни. Но борьба людей съ людьми въ современномъ буржуазномъ обществѣ — это противъ законовъ природы, это издѣвательство надъ человѣческой силой и человѣческимъ умомъ. Тутъ побѣдить, еще не значитъ быть

великимъ и сильнымъ, и тутъ погибнуть еще не значитъ быть ничтожнымъ и слабымъ. Въ сущности, сильные и не нужны въ этой жизни: слабые сплошь могутъ справиться съ нею. Въ оригинальномъ разсказѣ «Двойственная личность» [illegible] существованіе: днемъ онъ почтенный [illegible] и [illegible], а ночью превращается въ [illegible], распѣвая старинныя [illegible] дневного — [illegible].

[illegible] естью, при[illegible] и яркое чув[illegible] природы, въ [illegible] деньги [illegible] являются жесто[illegible] вооруженный капи[illegible] и сильное, смѣ[illegible] лишь [illegible] трудъ съ [illegible] въ большихъ [illegible].

[illegible] и Мартинъ [illegible] ему [illegible] разбивающееся въ прахъ при первой попыткѣ [illegible] имъ. Но Иденъ все же [illegible], [illegible] хотя бы внѣшнія препятствія. А сколько людей гибнутъ, придавленные тяжестью труда и унылой безпросвѣтной жизнью!

Но Лондонъ не отчаивается. Человѣкъ не можетъ бороться одинъ съ этимъ гигантскимъ колесомъ, которое сокрушаетъ людей только потому, что они бѣдны, а не потому, что слабы и глупы. Онъ соединяетъ ихъ, этихъ обездоленныхъ, въ гигантскія массы: онѣ борятся за будущее, которое дало бы человѣку быть самимъ собой, проявлять свою сущность, не стѣсненную соціальными путами. И навстрѣчу имъ, этимъ рабамъ жизни, ставшимъ сильными своею сплочен-

ностью, станутъ госпожа ея. И въ великой борьбѣ сойдутся эти двѣ рати, — хищниковъ и обездоленныхъ («Подъ железной пятой»).

И тутъ уже нѣтъ у Джека Лондона [illegible], ибо въ этой борьбѣ [illegible] и станутъ они [illegible]ными. И нѣтъ у Лондона ужаса передъ этой борьбой: пусть льются потоки крови, пусть разрываются бомбы и разрушаются города, если этотъ ужасъ — путь къ побѣдѣ, да совершится этотъ ужасъ! Герои Лондона не боятся умирать, они [illegible] интенсивной жизнью, чтобы бояться смерти. И [illegible] и въ землю возвратиться. [illegible] Лондона никогда не задумываются [illegible] судьбу, [illegible]. И потому они всегда [illegible], да и тѣ лишь [illegible] не духа. Лондонъ [illegible] въ ихъ жизнь [illegible] духа, — [illegible] изъ [illegible] и [illegible] страсти. [illegible] смерти и [illegible]. Герои Лондона такъ [illegible] величія [illegible] вѣчнаго [illegible] въ глубинѣ [illegible] человѣческаго духа. [illegible]. Художественныя произведенія [illegible]. Онъ не [illegible] утонченныхъ [illegible] притягательность [illegible] — такую же, [illegible] онъ самъ, — свободную, [illegible] заканчивается [illegible] періодъ его жизни и [illegible] женщина [illegible].

И зрители [illegible]: они, утомленные однообразіемъ [illegible] жизни, увидали новыя, неизвѣстныя страны; они, усталые отъ своихъ [illegible], противорѣчивыхъ чувствъ, [illegible] съ чувствами [illegible] и [illegible]; они, нерѣшительные и [illegible], [illegible] борьбы и побѣды.

И еще одно, можетъ быть, самое главное: они знаютъ, для нихъ, русскихъ обывателей, [illegible] безвольныхъ и слабыхъ, — это романтика, но для той далекой страны — это бытъ.

С. Левидова.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

КЪ ИСТОРІИ БЕЛЬГІЙСКАГО НЕЙТРАЛИТЕТА.

Недавно въ Парижѣ вышла въ переводѣ съ англійскаго интересная книжка, написанная по поводу нарушенія бельгійскаго нейтралитета, «La Belgique et le chiffon de papier» («Бельгія и клочокъ бумаги»). Авторъ книжки, англичанинъ Брэйльсфордъ, до глубины души возмущенный, какъ и всѣ его соотечественники, насиліемъ, учиненнымъ надъ Бельгіей, въ объясненіи общихъ историческихъ причинъ этой трагедіи и ея вѣроятныхъ послѣдствій держится своеобразной точки зрѣнія.

Искренній другъ угнетенныхъ національностей, Брэйльсфордъ много лѣтъ посвятилъ изученію судьбы тѣхъ маленькихъ народовъ, которые входятъ въ «сферы вліянія» великихъ державъ, и изъ-за которыхъ неоднократно возникали международныя осложненія. Онъ до войны нѣсколько разъ ѣздилъ на Ближній Востокъ съ цѣлью изученія балканскаго вопроса. Въ 1906 г. онъ издалъ книгу о Македоніи. Послѣ второй балканской войны институтъ Карнеджи пригласилъ его принять участіе въ анкетной комиссіи, посланной институтомъ на Балканы.

При этихъ работахъ Брэйльсфордъ имѣлъ возможность ближе познакомиться съ главными пружинами англійской міровой политики въ прошломъ и въ настоящемъ, и это послужило для него компасомъ при его новѣйшихъ изысканіяхъ по исторіи англо-бельгійскихъ отношеній. Къ этимъ изысканіямъ его побудили, съ одной стороны, горячее сочувствіе къ печальной участи Бельгіи, съ другой стороны, его критическое отношеніе къ имперіалистской политикѣ. Въ виду того, что результаты этихъ изысканій, изложенные въ упомянутой книжкѣ, отличаются извѣстной оригинальностью, мы думаемъ, что русскому читателю не безынтересно будетъ съ ними познакомиться.

«Соблюденіе нейтралитета Бельгіи, — пишетъ авторъ, — считалось для сосѣдей дѣломъ чести. Его нарушеніе Германіей было нѣчто худшее, чѣмъ насиліе: оно поколебало у народовъ взаимное довѣріе и основы нравственности; оно замедлило поступательное движеніе цивилизаціи.» Но именно потому, что нападеніе на Бельгію было такимъ великимъ зломъ, на этотъ фактъ, — говоритъ онъ, — нельзя реагировать однимъ лишь чувствомъ гнѣва. «Мы должны выяснить себѣ: какъ это могло случиться? Что мы можемъ сдѣлать, чтобъ предупредить

повторенiе такихъ фактовъ? Почему намъ, англичанамъ, приходится лишь мстить за то, чего мы не сумѣли предупредить?»

Ища отвѣта на эти вопросы, Брэйльсфордъ вначалѣ излагаетъ общеизвѣстныя причины германскаго нападенiя на Бельгiю. Съ того момента, — говоритъ онъ, — какъ Францiя была вовлечена ходомъ событiй въ настоящую мiровую войну, ближайшая участь Бельгiи была рѣшена, ибо въ германскомъ генеральномъ штабѣ, какъ это хорошо извѣстно было свѣдущимъ людямъ въ лагерѣ союзниковъ, уже въ теченiе 20 лѣтъ разрабатывался стратегическiй планъ наступленiя на Францiю черезъ Бельгiю [1].

Исходя изъ того, что въ Россiи мобилизацiя будетъ протекать гораздо медленнѣе, чѣмъ во Францiи, германскiй генеральный штабъ предполагалъ обрушиться со всей силой на послѣднюю и нанести ей рѣшительный ударъ раньше, чѣмъ Россiя успѣетъ мобилизовать свои армiи; а такъ какъ линiя французскихъ укрѣпленiй отъ Вердена до Бельфора представляла очень трудно преодолимое препятствiе для такого натиска, то нѣмцы рѣшили пробиться во Францiю черезъ Бельгiю, причемъ они предполагали, что бельгiйцы окажутъ имъ лишь мнимое сопротивленiе. Избирая этотъ путь, Германiя нарушала подписанный Пруссiей международный договоръ. Мало того, она дѣйствовала даже вопреки тѣмъ успокоительнымъ завѣренiямъ, которыя ея посланникъ дѣлалъ въ Брюсселѣ наканунѣ самой войны. Но она находила достаточное оправданiе для своего поведенiя въ пресловутомъ принципѣ, что Not kennt kein Gebot, что по нуждѣ и закону перемѣна бываетъ.

Авторъ считаетъ этотъ принципъ варварскимъ. Для него двоякая мѣрка, прилагаемая германскими патрiотами къ себѣ и къ бельгiйцамъ, находившимся въ состоянiи необходимой самообороны, есть проявленiе готтентотской морали. Но его, какъ англичанина, занимаетъ, главнымъ образомъ, другой вопросъ: сдѣлала ли Англiя все, что отъ нея зависѣло, чтобы предупредить нападенiе Германiи на маленькую нейтральную страну? Располагала ли Англiя вообще свободой дѣйствiй въ этомъ направленiи въ виду общаго характера ея внѣшней политики? Вѣдь если бы, — говоритъ онъ, — Германiя опредѣленно и своевременно знала, что нападенiе на Бельгiю вовлечетъ ее въ войну съ Англiей и что, наоборотъ, соблюденiе бельгiйскаго нейтралитета избавитъ ее отъ одного лишняго могущественнаго противника, она не могла бы не отказаться отъ своего излюбленнаго стратегическаго плана, какъ отъ явно безразсуднаго. Чтобъ отвѣтить на эти вопросы, авторъ обращается къ исторiи отношенiя англiйской дипломатiи къ бельгiйскому нейтралитету.

[1] Этотъ планъ, кстати говоря, былъ подробно описанъ въ получившей широкое распространенiе книгѣ Жореса — «L'armée nouvelle», вышедшей наканунѣ настоящей войны. А. М.

По ходячему мнѣнію бельгійскій нейтралитетъ гарантированъ былъ договоромъ пяти державъ 1839 г., закрѣпившимъ предыдущій аналогичный договоръ 1831 г. Это ходячее мнѣніе, — говоритъ Брейльсфордъ, — ошибочно. Полный отчетъ о договорѣ 1839 г. данъ былъ въ тронной рѣчи англійской королевы при открытіи парламентской сессіи того года. Въ этой рѣчи ничего не говорилось о бельгійскомъ нейтралитетѣ. Тамъ говорилось лишь, что «голландскому и бельгійскому правительству [illegible] былъ договоръ объ окончательномъ мирѣ» и что «гарантія пяти державъ достаточно обезпечиваетъ сохраненіе этого мира». Договоръ 1839 г. гарантировалъ, такимъ образомъ, [illegible] между Бельгіей и Голландіей сохраненіе status [illegible] Договоръ пяти державъ сталъ [illegible] гарантіи бельгійскаго нейтралитета [illegible] 19 вѣка. Но и [illegible] гарантіи не слишкомъ большую [illegible] факта. Когда Дизраэли въ 1856 г. [illegible] нейтральными, лордъ Пальмерстонъ [illegible] который въ 1839 г. подписалъ договоръ о Бельгіи, [illegible]: «Въ Европѣ безусловно [illegible] въ формѣ договора о соблюденіи нейтралитета [illegible] Швейцаріи. Но я не [illegible] обязательствомъ, ибо всемірная [illegible] конфликтъ [illegible] декларацію о нейтралитетѣ [illegible] сторона полагаетъ, что [illegible] нейтральную территорію».

[illegible] что лордъ Пальмерстонъ, одинъ изъ авторовъ договора 1839 г., [illegible] 1856 г., какъ договоръ о нейтралитетѣ Бельгіи [illegible] къ нему, однако, въ то время не серьезно, [illegible] та или иная [illegible] сосѣдняго рода «обычное право». Разсуждая, такимъ образомъ, и ссылаясь на прецеденты, лордъ Пальмерстонъ, по мнѣнію автора, вѣроятно, имѣлъ въ виду прежде всего прецедентъ изъ новой англійской исторіи: Извѣстно, — говоритъ авторъ, — что во время наполеоновскихъ войнъ Каннингъ, опасаясь давленія Наполеона на Данію и желая предупредить это давленіе, приказалъ своему флоту атаковать нейтральную Данію, блокировать Копенгагенъ и силой захватить датскія суда. Если бы Пальмерстонъ дольше жилъ, — говоритъ авторъ, — онъ могъ бы сослаться еще на другіе примѣры, на исторію Египта, Кипра и т. д.

Англія впервые серьезно отнеслась къ защитѣ бельгійскаго нейтралитета лишь во время франко-прусской войны 1870 г. Въ чемъ же это проявилось, и чѣмъ это было вызвано? Когда разразился франко-прусскій конфликтъ, Гладстонъ счелъ нужнымъ заключить сепаратный договоръ съ Франціей и Пруссіей, обязывающій воюющія

не нарушать бельгійскаго нейтралитета и одновременно обязывающій Великобританію принять военныя мѣры къ его охранѣ въ случаѣ покушенія съ чьей либо стороны. При этомъ оговаривалось, однако, что Англія въ такомъ случаѣ не приметъ участія «ни въ какихъ военныхъ операціяхъ внѣ бельгійскихъ границъ», и что договоръ потеряетъ силу черезъ годъ послѣ прекращенія войны. Изъ этого сепаратнаго договора видно, — говоритъ авторъ, — во-первыхъ, что правительство Гладстона не усматривало въ старомъ договорѣ 1839 г. достаточной гарантіи нейтралитета, во-вторыхъ, что оно не желало навсегда связывать своихъ преемниковъ болѣе опредѣленными обязательствами новаго договора 1870 г. Что же побудило Гладстона временно взять Бельгію подъ дѣйствительную защиту Англіи? Свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ Гладстонъ ясно изложилъ 10 августа 1870 г. Онъ заявилъ, что не согласенъ съ мнѣніемъ, будто «простой фактъ наличности гарантіи налагаетъ обязательство на всѣ договорившіяся стороны, совершенно независимо отъ особаго положенія, въ которомъ очутится тотъ или другой контрагентъ, когда представится случай сослаться на гарантію». Ни лордъ Абердинъ, — говорилъ онъ, — ни лордъ Пальмерстонъ не понимали гарантіи въ такомъ строгомъ и «непрактичномъ» смыслѣ слова. Но нужно имѣть въ виду, — сказалъ онъ въ заключеніе, — что помимо гарантіи нейтралитета, имѣющей все же извѣстный вѣсъ, есть еще одно соображеніе, важность котораго мы всѣ должны «глубоко чувствовать», это именно то, что нашимъ интересамъ противорѣчитъ «безграничное усиленіе какой либо державы». Въ этомъ была вся суть дѣла для Англіи, какъ корректно объяснилъ Гладстонъ. Этимъ принципомъ «европейскаго равновѣсія» всецѣло опредѣлялось его отношеніе къ бельгійскому нейтралитету въ 1870 году: онъ счелъ нужнымъ рѣшительно стать на его защиту потому, что возникла опасность безграничнаго усиленія могущества Наполеона III.

Когда Наполеонъ III потерпѣлъ пораженіе, когда исчезла опасность французской гегемоніи, англійское правительство надолго перестало интересоваться судьбой Бельгіи. Когда въ 1887 г. по поводу дѣла Шнебеле война вновь чуть не вспыхнула между Франціей и Германіей, въ Standard'ѣ въ офиціозномъ органѣ англійскаго правительства, появилось письмо за подписью Diplomaticus приписываемое лорду Салисбюри, выражавшее точку зрѣнія англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ письмѣ этомъ говорилось, что «было бы безуміемъ противиться прохожденію германскихъ войскъ черезъ Бельгію» въ случаѣ франко-германской войны. Это же точка зрѣнія англійскаго консервативнаго правительства еще раньше развивалась на страницахъ Standard'а, хотя и не въ такой категорической формѣ, и бельгійскій военный министръ, генералъ Бріальмонъ, въ своей книгѣ, изданной въ 1882 г., подчеркивалъ, что и Standard, органъ лорда Биконсфильда,

начиная съ февраля 1880 г., предупреждалъ Бельгію не расчитывать безусловно на поддержку со стороны Англіи.

Прошло 20 лѣтъ послѣ дѣла Шнебеле. Вновь возникла опасность войны между Германіей и Франціей (изъ-за Марокко), и Англія вновь измѣнила свое отношеніе къ Бельгіи. На этотъ разъ, какъ и въ 1870 г., она опять стала на стражу бельгійскаго нейтралитета, но уже не изъ боязни «безграничнаго усиленія» Франціи, а ради противодѣйствія усиленію новой соперницы — Германіи. Если-бъ, — говоритъ Брэйльсфордъ, — въ 1906 г. или въ 1911 г. вспыхнула война между Германіей и Франціей, мы бы непремѣнно въ войну вмѣшались и теперь уже совершенно ясно, что мы въ данномъ случаѣ это сдѣлали бы не изъ-за Бельгіи, ибо сэръ Эдуардъ Грэй намъ сказалъ, что онъ обѣщалъ оружіемъ поддержать Францію именно въ ея колоніальныхъ притязаніяхъ на Марокко. Защита Бельгіи въ этомъ случаѣ была бы, такимъ образомъ, лишь однимъ изъ эпизодовъ активной поддержки Франціи въ ея войнѣ съ Германіей изъ-за колоній, изъ-за африканскихъ богатыхъ золотыхъ розсыпей. Этимъ, — говоритъ Брэйльсфордъ, — объясняется своеобразный характеръ конфиденціальныхъ переговоровъ, ведшихся въ 1906 г. и въ 1912 г. нашими военными атташе Барнардистономъ и Бриджемъ съ бельгійскимъ генеральнымъ штабомъ, переговоровъ, которые стали случайно извѣстны во время настоящей войны и были опубликованы въ „Manchester Guardian"...! Управляющій бельгійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ своемъ рапортѣ отъ 23 апрѣля 1912 г. сообщаетъ о слѣдующей бесѣдѣ между англійскимъ военнымъ атташе, полковникомъ Бриджемъ, и генераломъ Юнгблутомъ, начальникомъ бельгійскаго генеральнаго штаба: «Полковникъ Бриджъ сказалъ, что англійское правительство во время новѣйшихъ событій подготовило высадку войскъ на наши берега и что эта высадка имѣла бы мѣсто даже въ томъ случаѣ, если-бъ мы не просили у него помощи. Генералъ (Юнгфлутъ) возразилъ, что наше согласіе на это было бы необходимо. Военный атташе отвѣтилъ, что онъ это знаетъ, но такъ какъ мы не въ силахъ помѣшать нѣмцамъ пройти черезъ нашу территорію, то Англія во всякомъ случаѣ высадила бы свои войска въ Бельгію». Какъ видно изъ болѣе ранняго рапорта отъ 10 апрѣля 1906 г. бельгійскаго генерала Дюкарма о его переговорахъ съ Барнардистономъ, англичане имѣли въ виду совершить эту высадку лишь послѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета Германіей. Германія поэтому никоимъ образомъ не можетъ ссылаться на эти переговоры для своего оправданія. Но неоспоримымъ остается тотъ фактъ, что Англія во время марокскаго конфликта обязалась передъ Франціей взять бельгійскій нейтралитетъ подъ свою военную защиту, совершенно независимо отъ того, попроситъ ли ее объ этомъ Бельгія или нѣтъ...

На основаніи всѣхъ указанныхъ историческихъ фактовъ нашъ авторъ приходитъ къ заключенію, что англійская дипломатія не всегда проявляла готовность стать на защиту бельгійскаго нейтрали-

тета и что въ тѣхъ случаяхъ, когда она это дѣлала, она руководилась прежде всего желаніемъ сохранить европейское равновѣсіе и воспрепятствовать чрезмѣрному усиленію той или иной континентальной державы, а отнюдь не тѣми мотивами, которые ей приписываютъ люди добросердечные, но профаны въ политикѣ. Этимъ принципомъ Англія руководилась неизмѣнно и только въ одномъ отношеніи она съ теченіемъ времени измѣнила свою политику. При Гладстонѣ она находилась въ состояніи блестящей изолированности; въ то время она не желала себѣ связывать рукъ никакими союзами. Это дало возможность Гладстону спасти Бельгію отъ нашествія въ 1870 г., не вовлекая Англію въ франко-прусскую войну. Въ новѣйшее время, при Эдуардѣ Грэѣ, Англія вступила въ коалицію. Грэй постепенно и незамѣтно превратилъ путемъ тайныхъ соглашеній antente cordiale въ тѣсный союзъ, и это имѣло роковое значеніе для Бельгіи.

Положеніе дѣлъ, — говоритъ авторъ, — въ началѣ настоящей войны было такое. Существовалъ старый договоръ 1839 г. насчетъ Бельгіи, которому Англія въ разныя времена приписывала различное значеніе, и который она далеко не всегда съ одинаковой энергіей готова была отстаивать. Съ другой стороны, англійскіе дипломаты и полководцы хорошо были освѣдомлены, что Германія на случай войны съ Франціей давно разработала стратегическій планъ наступленія черезъ Бельгію: генералъ Бріальмонъ, начиная съ 1882 г., собиралъ и публиковалъ доказательства, что таковъ, именно, планъ германскаго генеральнаго штаба. Еслибъ, — говоритъ авторъ, — мы имѣли въ виду на первомъ планѣ интересы Бельгіи, мы при такихъ условіяхъ должны были бы предупредить своевременно Германію, что нарушеніе нейтралитета Бельгіи, и только оно, явится для Англіи casus belli Это, конечно, вынудило бы Германію измѣнить свой стратегическій планъ, ибо выгоды прохожденія черезъ Бельгію никоимъ образомъ не могли бы компенсировать для нея опасности, вытекающей изъ англійской блокады. Сэръ Эдуардъ Грэй не сдѣлалъ, однако, такого заявленія и не могъ по совѣсти его сдѣлать, ибо у нашей дипломатіи были связаны руки. Сэръ Эдуардъ Грэй за недѣлю до объявленія войны предупредилъ лишь Германію въ неопредѣленной формѣ, что «въ Англіи трудно было бы сдержать общественное возбужденіе, если бъ надъ Бельгіей учинено было бы насиліе». Но вслѣдъ за этимъ онъ 1 августа закончилъ переговоры формальнымъ отказомъ обсуждать возможность сохраненія нейтралитета Англіей при условіи, если бъ Бельгія не была затронута и даже если бы цѣлостность Франціи и ея колоній была гарантирована.

«Я считалъ себя обязаннымъ категорически отказаться отъ всякаго обѣщанія остаться нейтральнымъ», заявилъ Эдуардъ Грей, а за день до этого отказа, 31 іюля онъ еще болѣе недвусмысленно сказалъ германскому посланнику: «Если бъ Франція была вовлечена въ войну, мы тоже были бы вовлечены въ нее». Изъ этихъ переговоровъ, опубликованныхъ въ разноцвѣтныхъ дипломатическихъ книгахъ, видно, что

сэръ Эдуардъ Грэй поддержку Франціи никакими спеціальными условіями не ограничивалъ. Правда, въ нашемъ кабинетѣ, говоритъ авторъ, часть членовъ, какъ извѣстно, готова была согласиться на объявленіе войны лишь въ случаѣ нарушенія нейтралитета Бельгіи. Но, съ другой стороны, извѣстно, что сэръ Эдуардъ Грэй и другая часть его коллегъ въ этомъ вопросѣ вполнѣ раздѣляли взгляды вождей юніонистской оппозиціи, и что они, если бъ это понадобилось, образовали бы коалиціонное министерство, чтобъ вести войну въ качествѣ соучастника франко-русскаго альянса. Достаточно напомнить письмо Бонаръ-Лоу къ Асквиту, написанное 2 августа, въ которомъ первый гарантируетъ правительству поддержку оппозиціи въ войнѣ, имѣющей цѣлью «помочь Франціи и Россіи». О Бельгіи въ письмѣ совершенно не упоминается. Эти переговоры, говоритъ авторъ, выяснили Германіи позицію Англіи и первая себѣ сказала: если бъ мы воздержались отъ нашествія на Бельгію, мы все равно, какъ оказывается, неизбѣжно столкнулись бы съ Англіей на морѣ, а, можетъ быть, и на сушѣ, какъ съ союзницей Франціи, поэтому намъ нѣтъ расчета отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя намъ даетъ нашъ стратегическій планъ. Такъ Бельгія стала жертвой антагонизма двухъ коалицій; такъ роковое стеченіе обстоятельствъ облегчило Германіи задачу осуществленія ея злого замысла.

Что же будетъ дальше? — спрашиваетъ авторъ. — Мы всѣ согласны, говоритъ онъ, что война иначе не можетъ кончиться, какъ эвакуаціей Бельгіи и ея вознагражденіемъ. Но обезпечитъ ли этотъ финалъ торжество международнаго права? Посрамитъ ли онъ старый принципъ—vight or wrong, my country? Сдѣлаетъ ли изъ финала войны дипломатія выводъ, что право выше силы? Исключитъ ли онъ на будущее время возможность, чтобъ какая-либо держава вновь разорвала договоръ, какъ клочокъ бумаги, когда это ей понадобится для охраны того, что она считаетъ своимъ жизненнымъ интересомъ»? Многіе на это надѣются; но авторъ смотритъ на дѣло гораздо болѣе пессимистически. Если принять во вниманіе, говоритъ онъ, всю совокупность условій, при которыхъ совершено было насиліе надъ Бельгіей, то приходится признать, что дипломатія изъ настоящей войны извлечетъ совершенно иную мораль—что коалиція, включающая Англію, Францію Россію, Сербію, Бельгію, Черногорію и Японію, болѣе сильна, чѣмъ коалиція, включающая Германію, Австрію, Турцію и Болгарію. Какіе выводы отсюда сдѣлаетъ Германія черезъ пять, десять или двадцать лѣтъ, или, въ случаѣ, если Германія будетъ низвергнута въ прахъ, другая какая-либо держава, не трудно предвидѣть тому, кто знаетъ исторію международныхъ отношеній со всѣми ея сюрпризами.

Чтобъ создать дѣйствительно прочную гарантію добрыхъ отношеній между народами, нужны совсѣмъ иные пути говоритъ Брейльсфордъ, нужна прежде всего полная переоцѣнка нѣкоторыхъ старыхъ идейныхъ цѣнностей. Но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

А. Мартыновъ.

ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦІИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ АНГЛО-САКСОНСКИХЪ СТРАНЪ.

Мы избрали настоящую тему съ той цѣлью, чтобы показать интересныя подробности уклада жизни литературной среды Англіи и политическихъ ея колоній, а также Сѣв.-Амер. С. Штатовъ, интересныя по тому содѣйствію, какое оказываютъ авторамъ самыя условія, самая обстановка литературной работы въ названныхъ странахъ.

Въ сравненіи съ русской жизнью, гдѣ многія цѣнныя произведенія научной и художественной мысли остаются ненапечатанными на рукахъ своихъ авторовъ только потому, что послѣдніе не знаютъ, куда ихъ помѣстить, или потому, что у авторовъ нѣтъ времени и желанія настойчиво стучаться въ двери различныхъ редакцій,—писатели въ англосаксонскихъ странахъ находятся въ неизмѣримо лучшихъ условіяхъ. Многіе изъ нихъ могутъ ограничить свои хлопоты по распространенію своихъ произведеній или по ихъ напечатанію простымъ обращеніемъ къ уже существующимъ обширнымъ, многочисленнымъ и разнообразнымъ по типу общественнымъ организаціямъ, которыя берутъ на себя всѣ заботы объ ихъ рукописяхъ. Будь это научный трудъ или художественное произведеніе, организація въ обоихъ случаяхъ берется помѣстить его въ періодическомъ изданіи соотвѣтствующаго типа и даже, по возможности, именно въ данномъ, желательномъ для автора, журналѣ или, наконецъ, газетѣ, если, конечно, не встрѣтится препятствія со стороны редакціи. Содѣйствіе этихъ *ассоціацій и агентствъ* особенно цѣнно для авторовъ начинающихъ, можетъ быть, никому неизвѣстныхъ, незнакомыхъ съ практикой, условіями и требованіями журнальной или газетной работы даннаго, опредѣленнаго типа. Несомнѣнно, этимъ путемъ было спасено отъ забвенія много, нынѣ громкихъ именъ, и, что всего дороже, блестки ихъ мысли и цѣнныя завоеванія ихъ научной работы стали достояніемъ широкихъ массъ, къ которымъ авторы обращаются.

Въ англо-саксонскихъ странахъ, особенно въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, наблюдается исполинскій ростъ журнальнаго и газетнаго дѣла. Въ Штатахъ ежедневныхъ періодическихъ изданій выходитъ свыше 22.000, и эта цифра была достигнута уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Въ этой малознакомой для Россіи средѣ давно выработались свои, чуждыя нашей литературной жизни, привычки и нормы. Если мы считаемъ газетныя статьи на строки, а крупныя работы на печатные листы, то въ Англіи счетъ ведется на количество словъ! Говорятъ какъ про от-

дѣльные типы работы о статьяхъ въ 1,000 словъ и болѣе; средней величины статьи насчитываютъ около 5,000 словъ. Или вотъ американскій журналъ «Every Week»; тутъ принимаются исчерпывающія статьи не менѣе, чѣмъ въ 60,000—70,000 словъ. Не трудно согласиться съ тѣмъ, что такой счетъ позволяетъ избѣгать многихъ недоразумѣній, непріятныхъ и для издателя, и для автора: счетъ на печатные листы, при разныхъ типахъ типографскаго шрифта, становится неопредѣленнымъ. Или возьмемъ требованія, предъявляемыя авторамъ къ внѣшней сторонѣ ихъ работы, притомъ почти во всѣхъ изданіяхъ; если это отъ нихъ прямо и не требуется, то настоятельно рекомендуется. Одна англійская издательская фирма («Ad m and Charles Bl.ck») отъ лица многихъ другихъ совѣтуетъ авторамъ: прилагать къ статьямъ краткую замѣтку объ интересующемъ предметѣ и цѣляхъ, преслѣдуемыхъ авторомъ при ихъ составленіи; складывать отдѣльныя части крупныхъ работъ не вмѣстѣ, а самостоятельно, и въ такомъ видѣ представлять свои произведенія на просторъ редакціи; не скатывать въ свертокъ, не перегибать въ нѣсколько частей, но доставлять, по возможности, въ свѣжемъ видѣ, безъ ломанныхъ листовъ, и т. д. Цѣлый рядъ, особенно научныхъ, журналовъ, напр., имѣетъ ту особенность, что совершенно не оплачиваетъ помѣщаемыхъ статей; сказанное относится преимущественно къ журналамъ по изученію исторіи литературы и языка не только въ Англіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ, о чемъ редакціями гласно заявляется заранѣе, къ свѣдѣнію авторовъ. Въ этомъ отношеніи намъ вспоминается, на европейскомъ континентѣ, примѣръ научныхъ журналовъ въ Германіи, гдѣ многіе изъ нихъ до войны не давали сотрудникамъ никакого гонорара. Не этимъ ли, — *отчасти*, — объясняется и тотъ ростъ числа научныхъ журналовъ, притомъ очень спеціальныхъ по своему типу, какой тамъ наблюдался наканунѣ войны!

Но мы говорили *о литературныхъ ассоціаціяхъ и агентствахъ*. Ассоціаціи объединяютъ не въ экономическомъ только отношеніи цѣлыя группы періодическихъ изданій. Главное удобство ихъ состоитъ въ томъ, что разъ присланная статья гдѣ-нибудь да будетъ напечатана, если имѣетъ какія-либо достоинства. Эти ассоціаціи и общества объединяютъ рабочія изданія, изданія для дѣтей, еженедѣльники, религіозно-назидательные журналы и пр. отдѣльно, по спеціальности. Всѣ они имѣютъ свои особыя наименованія, напр. «Religious Tract Society», «Children's pecial S rvic; Missi'n», «Marsh ll and Son» (всѣ въ Англіи), также и въ англійскихъ колоніяхъ.

Синдикаты печати преслѣдуютъ нѣсколько иныя цѣли и оказываются особенно могущественными въ Сѣверной Америкѣ.

Литературныя агентства объединяютъ преимущественно авторовъ и являются профессіональными организаціями, очень разнообразными по типу. Ихъ много какъ въ главнѣйшихъ англо-саксонскихъ странахъ, такъ и въ колоніяхъ. Назовемъ наиболѣе извѣстныя агентства, работающія не только на родинѣ, но и далеко на чужбинѣ;«Authors Alliacе».

«Lancashire Manuscript Bureau», «Literary Agency of London». Агентства принимаютъ на себя *комиссію* на помѣщеніе въ печати новыхъ произведеній авторовъ (placing), даютъ даже оцѣнку (criticising) и производятъ пересмотръ ихъ литературныхъ достоинствъ (revision) — по желанію автора. Въ агентствахъ работаютъ лица, имѣющія собственный длительный литературный опытъ, знающія читателя, вкусы отдѣльныхъ круговъ населенія, требованія, интересы и вопросы, занимающіе отдѣльныя изданія. Все это спасаетъ автора отъ риска потерять мужество и охоту къ дальнѣйшей литературной работѣ среди хлопотъ и бѣготни по редакціямъ, гдѣ не принимаютъ его статей не въ силу недостатка ихъ положительныхъ сторонъ, но, можетъ быть, и это бываетъ часто, вслѣдствіе наличности иныхъ интересовъ, иныхъ темъ, которыя желаетъ разрабатывать данная редакція; и только порою, послѣ многихъ поисковъ, удастся автору помѣстить свое произведеніе.— Въ этомъ смыслѣ *литературныя* агентства имѣютъ несомнѣнно положительное значеніе. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что среди нихъ наблюдаются и менѣе цѣнные типы организацій, агентства, сводящія свою роль лишь къ работѣ надъ внѣшней отдѣлкой законченнаго литературнаго произведенія, къ перепискѣ начисто, къ указанію на замѣченныя недодѣланныя мѣста въ текстѣ. Почти всѣ агентства самостоятельны и не находятся въ зависимости отъ какого-либо издательскаго предпріятія. Однихъ литературныхъ агентствъ намъ извѣстно въ Англіи до 26; большинство этихъ агентствъ простираетъ свою дѣятельность и на колоніи и другія страны, населенныя представителями англо-саксонской расы. Подобныя центральныя организаціи могутъ оказывать незамѣнимыя услуги по перемѣщенію рукописей изъ колоній, глухихъ угловъ въ европейскіе и американскіе центры и обратно. Какъ и союзы органовъ печати, многія агентства спеціализируются по помѣщенію въ журналахъ и газетахъ статей на опредѣленныя темы: театръ, искусство, дѣтская литература, статьи по спорту и т. д. или по опредѣленнымъ дисциплинамъ научнаго знанія. Въ самое послѣднее время появилось (къ началу 1916 г.) до 20 новыхъ агентствъ. Къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить, кромѣ уже дѣйствующихъ въ англійской метрополіи, до 17 главнѣйшихъ, исключительно сѣверо-американскихъ (всѣ въ Нью-Іоркѣ!), агентствъ. Въ Канадѣ мы находимъ до 14 литературныхъ агентствъ, въ Австралазіи — 11, въ Южной Африкѣ — 7, въ Индіи — 12. Относительно гонорарной расцѣнки ихъ труда замѣтимъ, что, напр., американскія литературныя агентства взимаютъ за свое посредничество и сношенія съ издательствами 10% съ редакціонной цѣны статьи; съ книгъ агентства получаютъ въ зависимости отъ числа изданныхъ экземпляровъ, отъ 5% до 20%. И за статьи, и за книги агентства получаютъ гонораръ лишь по напечатаніи. Приблизительно столько же получаетъ и самъ начинающій авторъ отъ самого издателя, рискнувшаго напечатать и распространять его первыя произведенія отдѣльной книгой. — оцѣнка, какъ видимъ, очень скудная!

Не одни агентства принимаютъ на себя помѣщеніе статей въ печати и пересылку ихъ изъ одной редакціи въ другую и третью, въ томъ случаѣ, если она почему-либо здѣсь оказывается неподходящей. Отдѣльные союзы органовъ печати, напр. «Am lg m ted Press», Ltd, (Англія), принимаютъ на себя эту задачу непосредственно и помѣщаютъ статью въ одномъ изъ вошедшихъ въ союзъ органовъ.

До сихъ поръ мы говорили про *литературныя* агентства. Кромѣ нихъ имѣются и другія, менѣе многочисленныя, но тоже разнообразныя по типу агентства во всѣхъ англо-саксонскихъ странахъ, имѣющихъ райономъ дѣятельности, какъ данную страну, такъ и, напр., весь «British Dominion», — всѣ британскія владѣнія. Сюда входятъ агентства по помѣщенію, печатанію и распространенію *драматическихъ* произведеній,— *музыкальныхъ* пьесъ, *художественныхъ изображеній* въ живописи, фотографіи и даже въ кинематографіи.

Изъ послѣднихъ типовъ литературно-художественныхъ агентствъ остановимся на *театральныхъ* агентствахъ. Ихъ дѣятельность и подборъ пьесъ для репертуаровъ обусловливаются малосерьезнымъ взглядомъ на театральныя представленія, господствующимъ въ широкихъ кругахъ населенія интересующихъ насъ странъ. Агентствами требуются, болѣе другихъ пьесъ, одноактныя миніатюры, часто инсценирующія анекдотъ, дѣйствительно случившееся происшествіе, литературный разсказъ. Тутъ чувствуется «профессіонализмъ», желаніе поспѣть за «вкусами» широкихъ массъ и крупное разстояніе, отдѣляющее театральныя агентства отъ перваго нами разсмотрѣннаго типа, хотя между тѣми и другими наблюдается непрерываемая связь на почвѣ литературной критики драматическихъ произведеній, съ одной стороны, и постановки ихъ на сценѣ—съ другой. Среди рекомендуемыхъ къ постановкѣ пьесъ большимъ успѣхомъ пользуются такія преходящія по своему значенію произведенія, какъ «обозрѣнія», и «пьесы на поднятіе занавѣса», «curtain-raisers». Много значитъ также и личное благоусмотрѣніе администратора и хозяина данной сцены, которому была предложена пьеса. Бываютъ примѣры, когда въ угоду actor-man g r, администратору театра, автору приходится вносить измѣненія въ редакцію своего произведенія, наконецъ, и англійскій законъ 1911 г. смотритъ на эту преобладающую категорію пьесъ несерьезно и даже ограничиваетъ авторское право на нихъ. Агентства стремятся выдѣлить въ предлагаемомъ авторами матеріалѣ прежде всего вещи, могущія произвести *эффектъ*. Въ Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Ливерпулѣ, Дублинѣ, Глазго намъ извѣстны «repertory theatres» театры, гдѣ спеціально «испытываются» въ указанномъ отношеніи предлагаемыя пьесы. Кромѣ того въ Англіи имѣются цѣлыя «producing Societies» (въ Лондонѣ ихъ насчитывается до 8), организаціи, тоже преслѣдующія цѣли извѣстнаго подбора пьесъ съ точки зрѣнія принятыхъ нормъ, хотя бы для насъ и спорныхъ, мѣстнаго театральнаго дѣла, вкусовъ публики и т. д. Эти общества даже даютъ порою пройти извѣстный (провинціальный) «стажъ» новой пьесѣ, авторъ которой стремится перевести ее на

другую, болѣе солидную сцену. Какъ видимъ, условія для творчества авторовъ драматическихъ произведеній не могутъ считаться особенно благопріятными.

Остальные типы агентствъ насъ интересуютъ въ убывающемъ порядкѣ степени ихъ прикосновенія къ вопросамъ, затронутымъ въ настоящей статьѣ. Литературныя агентства выдѣляются изъ всѣхъ какъ своею многочисленностью, такъ и разработанностью пріемовъ своей дѣятельности и осязательной пользой, приносимой ими книжному и литературному дѣлу. Прочіе типы агентствъ, несомнѣнно, заимствуютъ у первыхъ отдѣльныя детали своей работы. Отмѣтимъ также, что дѣлу распространенія литературныхъ произведеній немалую пользу приносятъ и близкіе къ агентствамъ *клубы* дѣятелей печати и литературы, которые подходятъ къ той же задачѣ, но съ другой стороны. Однако, ихъ дѣятельность заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія. Ихъ много; главнѣйшихъ насчитывается до 24, и это въ одной Англіи (большая часть въ Лондонѣ); писатели, дамы писательницы, журналисты и журналистки, работающіе только на родинѣ, и въ международныхъ органахъ, всѣ они организованы въ особые союзы, а эти послѣдніе въ центральныя ассоціаціи.

Свѣдѣнія о разсматриваемыхъ нами организаціяхъ *довольно неполны*. Рядъ фактовъ, особенно объ отдѣльныхъ, хотя бы и мало извѣстныхъ авторахъ, мы находимъ въ особыхъ «словаряхъ», широко распространенныхъ въ англо-саксонскихъ странахъ, типа англійскаго «Who's Who», ср. «Jear-Book» къ нему). По наведеннымъ нами въ Англіи справкамъ — *тождественныхъ* по типу названнымъ изданій въ другихъ, именно континентальныхъ странахъ, не имѣется; существующія же тамъ изданія преслѣдуютъ нѣсколько иныя цѣли. Кромѣ того отдѣльныя свѣдѣнія можно получить изъ различныхъ альманаховъ литературныхъ организацій, календарей для дѣятелей литературы и искусства и т. д. Однимъ изъ такихъ типовъ справочныхъ изданій является «*Ежегодникъ писателей и артистовъ*» («The Writers' and Artists' Jear-Book выходящій въ Лондонѣ. На-дняхъ будетъ изданъ новый томикъ на 1917 годъ.

Прежде чѣмъ закончить настоящія краткія строки, мы желали бы отмѣтить ту особенность нѣкоторыхъ англійскихъ періодическихъ изданій, что въ отношеніи авторовъ, присылающихъ во время войны свои матеріалы изъ заграницы, ими примѣняется своеобразная и нѣсколько исключительная мѣра. Именно, предлагается представлять *удостовѣреніе на право авторства данной статьи* отъ лица какого-либо офиціальнаго учрежденія. Мы склонны видѣть въ этомъ отзвукъ и вліяніе мѣстныхъ нормъ литературной жизни. Дѣйствительно, въ англо-саксонскихъ странахъ, напр., въ Сѣверной Америкѣ, существуютъ особыя «Copiright Office», центральныя государственныя учрежденія, гдѣ принимаются заявленія о правѣ авторства на данное литературное произведеніе или книгу еще до ихъ напечатанія. Съ практической стороны это оказывается

чрезвычайно полезнымъ—и вызвано уже давно требованіями жизни. Для насъ же такія нормы, въ приложеніи ихъ къ русскимъ работамъ, могутъ показаться странными.

Указаніемъ на эту характерную черту литературной жизни англо-саксонскаго міра, мы позволимъ себѣ закончить нашъ краткій обзоръ.

Владиміръ Б. Шкловскій.

ДѢЛО ФРИДРИХА АДЛЕРА.

21 октября 1916 года въ фешенебельномъ вѣнскомъ ресторанѣ известный австрійскій соціалъ-демократъ, Фридрихъ Адлеръ — старшій сынъ крупнѣйшаго представителя 2-го Интернаціонала и вождя австрійской соціалъ-демократіи, Виктора Адлера — тремя выстрѣлами изъ револьвера умертвилъ австрійскаго премьеръ-министра графа Штюргка. На минуту эти слабые одиночные выстрѣлы заглушили ревъ пушекъ и трескъ ружей на фронтѣ. На короткое время Адлеръ сосредоточилъ на себѣ вниманіе всей политической Европы.

Въ предлагаемыхъ строкахъ мы разсматриваемъ актъ Фридриха Адлера, разумѣется, не съ точки зрѣнія сенсаціи и эффекта. Чѣмъ вызванъ этотъ актъ, въ какой связи стоитъ онъ съ кризисомъ соціализма, каковы были субъективныя явленія Адлера и каковы вѣроятныя объективныя послѣдствія его шага для Австріи? — вотъ чѣмъ интересуемся мы въ настоящей бѣглой замѣткѣ.

Кто такой Фридрихъ Адлеръ?

Фридриху Адлеру теперь 37 лѣтъ. Онъ происходитъ изъ богатой семьи и получилъ очень хорошее образованіе. Естественникъ по спеціальности, онъ учился у самыхъ выдающихся представителей науки въ въ Вѣнѣ, Цюрихѣ и Мюнхенѣ. Окончивъ университетъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ приватъ-доцентомъ при цюрихскомъ университетѣ по каѳедрѣ физики. Затѣмъ нѣкоторое время онъ продолжаетъ свои академическія работы въ мюнхенскомъ «обществѣ нѣмецкихъ ученыхъ». Съ 1910 по 1911 г. онъ редактируетъ цюрихскую соціалистическую газету «Народное Право». Съ 1912 года онъ въ Вѣнѣ принимаетъ участіе въ редактированіи научнаго архи-умѣреннаго ежемѣсячнаго с.-д. журнала «Борьба», являясь дѣятельнымъ сотрудникомъ центральнаго органа с.-д. партіи «Вѣнская Рабочая Газета», а съ 1915 года и — секретаремъ партіи.

По всему своему воспитанію, по всему своему духовному облику Фридрихъ Адлеръ былъ мирный пропагандистъ, просвѣтитель, соціалистъ-культурникъ. . . . .

. . . .

. . . .

. . . . всѣмъ своимъ помышленіемъ, всей своей

дѣятельностью, всѣмъ своимъ умоначертаніемъ онъ до войны — и долго еще послѣ начала войны — принадлежалъ къ поколѣнію соціалистовъ *архи-мирной* эпохи.

Фр. Адлеръ былъ типичнымъ мирнымъ пропагандистомъ и рѣшительнымъ противникомъ анархизма. И все-таки онъ совершилъ террористическій актъ! Но вѣдь это вопіющее противорѣчіе, — говорятъ многія изъ офиціальныхъ германскихъ и австрійскихъ с.-д. газетъ. *Значитъ*... значитъ, Адлеръ дѣйствовалъ просто въ припадкѣ безумія, значитъ, Адлеръ просто душевно-больной человѣкъ, сумасшедшій! Газетамъ даже не приходитъ въ голову самое простое соображеніе: да развѣ не показала вся исторія политическаго террора, что при извѣстныхъ условіяхъ именно самые мирные люди, природные «культурники», берутся за револьверъ? . . . .
Абсолютизмъ — такой, какой свирѣпствуетъ въ Австріи съ начала войны — на то и абсолютизмъ, чтобы мирнѣйшихъ дѣятелей превращать порою въ террористовъ. Да, и у Фридриха Адлера, несомнѣнно, была «розовая мечтательная юность», когда онъ хотѣлъ посвятить себя мирному служенію своему народу, культурной просвѣтительной работѣ. До самаго начала войны и еще долго послѣ ея начала австрійскіе дѣятели типа Фр. Адлера хотѣли остаться мирными культурниками. *Австрійская дѣйствительность* судила иначе.

Не будемъ здѣсь распространяться о томъ, какова была роль австрійскихъ . . . . имперіалистовъ при возникновеніи самой войны. Австрійскій ультиматумъ надо, разумѣется, разсматривать, какъ звено въ цѣлой цѣпи событій. Но что этотъ неслыханный по наглости провокаціонный документъ долженъ былъ зажечь ненавистью къ «своему» правительству и «своему» имперіализму сердца всѣхъ честныхъ австрійскихъ соціалистовъ-интернаціоналистовъ—это само собой разумѣется. А Фридрихъ Адлеръ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу послѣднихъ. По чувству онъ былъ интернаціоналистомъ даже въ тѣ минуты — въ особенности въ началѣ войны — когда его критика по адресу офиціальной австрійской соціалъ-шовинистской партіи не была еще достаточно рѣшительной.

Но не только внѣшняя политика австрійскаго правительства должна была зажечь негодованіемъ сердца такихъ людей, какъ Фр. Адлеръ. *Внутренняя* политика Габсбургской монархіи должна была вызвать въ немъ еще большее возмущеніе. Ни въ одной западно-европейской странѣ реакція не справляла во время войны такихъ оргій, какъ въ Австріи. Какъ разительный примѣръ реакціонности внутренней политики австрійскаго правительства во время войны, обыкновенно, указываютъ на то обстоятельство, что Австрія — *единственная* страна среди воюющихъ державъ, которая за все время войны ни разу не созвала парламента. Но это было бы еще съ полбѣды, если бы австрійскіе реакціонеры не провинились ничѣмъ худшимъ.

Висѣлицы и разстрѣлы за время войны стали въ Австріи «бытовымъ

явленіемъ» О такихъ преступленіяхъ Габсбургской монархіи, какъ подлое убійство соціалъ-патріотическаго, австро-итальянскаго депутата Баттисти, знаетъ весь міръ. О «судебныхъ» процессахъ, подобныхъ тому, который австрійская камарилья создала противъ чешскаго депутата Крамаржа, пишутъ всѣ газеты. Но кто разскажетъ намъ о тѣхъ тысячахъ и тысячахъ безвѣстныхъ могилъ рядовыхъ чешскихъ и русинскихъ крестьянъ, которыя лежатъ на совѣсти современнаго австрійскаго правительства? За малѣйшіе признаки «неблагонадежности» русиновъ, чеховъ, сербовъ, словаковъ разстрѣливаютъ безпощадно. Не говоримъ уже о томъ, что *въ арміи солдатъ-«инородцевъ»* при первомъ подозрѣніи въ недостаткѣ «патріотизма» убиваютъ безъ всякаго суда. Съ мирными жителями обращаются не лучше. За паденіе Львова въ сентябрѣ 1914 года австрійская камарилья отомстила въ первую очередь ни въ чемъ не повиннымъ русинскимъ крестьянамъ . И такъ продолжается по сей часъ.

Совсѣмъ недавно намъ пришлось бесѣдовать съ однимъ австрійскимъ коллегой, который съ громадными трудностями (2 недѣли приходится высиживать на австро-швейцарской границѣ, проходя черезъ различныя чистилища) проѣхалъ на нѣсколько дней въ Швейцарію. Коллега этотъ обратилъ наше вниманіе на слѣдующее. — «Замѣтили-ли вы, спросилъ онъ, что въ «Вѣнской Рабочей Газетѣ» и другихъ органахъ печати часто появляются лаконическія, по внѣшности невинныя замѣтки, въ которыхъ говорится: въ такомъ-то городѣ или въ такомъ-то пограничномъ мѣстечкѣ или деревнѣ внезапно умерло столько-то человѣкъ (иногда слѣдуютъ фамиліи)? И знаете-ли, что это означаетъ? Это означаетъ, что эти люди были повѣшены или разстрѣляны по подозрѣнію въ «измѣнѣ». Вся Вѣна превосходно знаетъ, *какъ* надо понимать это «внезапно умерли». Но австрійская цензура не позволяетъ въ другой формѣ говорить объ этихъ фактахъ...» Прибавимъ только, что коллега, сообщившій намъ этотъ фактъ, заслуживаетъ самаго полнаго довѣрія...

Гоненія противъ рабочихъ, желающихъ хоть сколько-нибудь отстаивать свои хотя-бы только узко-экономическіе интересы, невѣроятны. По части дороговизны жизни, Австрія далеко оставила за собой другія страны Европы. По части эксплуатаціи женскаго и дѣтскаго труда — тоже. Помощь женамъ убитыхъ солдатъ — минимальная.

Въ самое послѣднее время — приблизительно недѣли за 2 до выстрѣла Адлера — въ швейцарскую печать окольными путями проникло извѣстіе о томъ, что въ Штиріи во время недавней экономической стачки на аммуниціонной фабрикѣ вмѣшались войска и разстрѣляли 700 рабочихъ. До сихъ поръ это извѣстіе не опровергнуто. Въ самой австрійской печати объ этомъ, конечно, нѣтъ ни звука. Бернская соціалистическая газета — обычно очень хорошо освѣдомленная — ставитъ въ прямую связь выстрѣлъ Адлера съ этимъ разстрѣломъ 700 рабочихъ.

. . . . Такова та обстановка, въ которой раздался выстрѣлъ Адлера. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что марксистъ Фр. Адлеръ отрицательно относится къ террору,

какъ системѣ политической борьбы. Методъ марксизма есть методъ массоваго дѣйствія, въ которомъ нѣтъ мѣста индивидуальнымъ террористическимъ актамъ. Почему же Фр. Адлеръ *на практикѣ* пришелъ къ иному рѣшенію вопроса? Разумѣется, тутъ могли сыграть роль и чисто личныя обстоятельства, нѣкоторыя особыя черты характера — неумѣніе ждать, недостатокъ выдержки и т. п. Но о полной потерѣ психическаго равновѣсія, о «сумасшествіи» не можетъ быть и рѣчи. Для того, чтобы уяснить себѣ психическое состояніе Адлера, понять его мотивы, необходимо, кромѣ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, о которыхъ мы только что говорили, обратить особое вниманіе на положеніе, создавшееся внутри австрійской соціалъ-демократической партіи.

Такая газета, какъ „Neue Freie Presse“ на другой день послѣ убійства — раньше, чѣмъ укрѣпилась версія о сумасшествіи — писала: «цѣлясь въ графа Штюргка, Фр. Адлеръ цѣлилъ также въ австрійскую с.-д. партію». Онъ хотѣлъ этимъ протестовать противъ «патріотическаго» курса офиціальной с.-д. партіи и своимъ выстрѣломъ надѣялся «заставить своихъ товарищей пойти по другому, желательному для него пути» („Neue Freie Presse“ 22 окт.). Въ этихъ словахъ буржуазной газеты больше правды, чѣмъ въ офиціозной версіи «Вѣнской Рабочей Газеты» и берлинскаго „Vorwärts“'а о «сумасшествіи» Адлера.

По адресу австрійской соціаль-демократіи послѣ 4-го августа 1914 года замѣчено было чрезвычайно удачно: *эта* партія меньше всего измѣнила своему прошлому, ибо... ибо она уже и задолго до нынѣшней войны стояла не на интернаціоналистской, а на соціалъ-шовинистской позиціи. Достаточно вспомнить ея поведеніе во время босне-герцеговинскаго кризиса и во время балканской войны — поведеніе, которое уже тогда вызвало самые рѣзкіе протесты изъ рядовъ международной соціалъ-демократіи.

Австрійская соціаль-демократія не пережила своего «4-го августа»

. . . .

единственно по той, независящей отъ нея, причинѣ, что парламентъ не былъ созванъ. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ офиціальная австрійская соціалъ-демократія повела себя не лучше, а еще хуже, нежели офиціальная германская соціалъ-демократія. «Вѣнская Рабочая Газета» объявила единственной задачей австро-германскаго пролетаріата — спасеніе «нѣмецкаго человѣчества». Главный редакторъ этой газеты, Фридрихъ Аустерлицъ, въ упоеніи первыми побѣдами нѣмцевъ, сталъ помѣщать передовыя статьи подъ заглавіемъ: «Въ Парижъ!» О сербахъ говорили не иначе, какъ о «полудикихъ», о русскихъ — какъ о «варварахъ».

Фр. Адлеру съ самаго начала «новый курсъ» былъ не по душѣ. Но къ числу *первыхъ* протестантовъ онъ *не* принадлежитъ. Авторитетъ горячо любимаго отца, Виктора Адлера, на него давилъ больше, чѣмъ на другихъ. Честь перваго интернаціоналистскаго выступленія въ австрійской печати принадлежитъ Роберту Даннебергу. Но Фридрихъ Адлеръ

немедленно къ нему примыкаетъ и въ дальнѣйшемъ занимаетъ въ этой борьбѣ болѣе видное мѣсто, чѣмъ Даннебергъ.

Вся офиціальная соціалъ-шовинистская печать набрасывается на двухъ смѣльчаковъ прямо съ остервенѣніемъ. Дѣло доходитъ до того, что столпъ австрійской с-д-іи, товарищъ предсѣдателя австрійскаго рейхсрата, Пернерсторферъ, пишетъ: кто проповѣдуетъ теперь старый интернаціонализмъ? — «Маленькая кучка академиковъ, образующая замкнутую клику... И эта кучка состоитъ не только изъ академиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исключительно — *изъ евреевъ*» (!) [1]. Даннебергъ и Фр. Адлеръ оба по происхожденію — евреи.

Въ такой тяжелой атмосферѣ пришлось жить и бороться Фридриху Адлеру. Для него положеніе еще затруднялось личной близостью къ Виктору Адлеру. Послѣдняго австрійская с.-д. оппозиція справедливо считаетъ своимъ самымъ опаснымъ противникомъ. Въ теченіе 20 лѣтъ борьбы марксизма съ ревизіонизмомъ Викторъ Адлеръ ухитрился не занять ясной и опредѣленной теоретической позиціи и въ то-же время на практикѣ усиленно помогать ревизіонистамъ. То-же и теперь. Не раздѣляя «крайностей» Пернерсторфера, Лейтнера и др., Викторъ Адлеръ на дѣлѣ есть главный руководитель «новаго курса». И при его громадномъ вліяніи въ австрійскомъ рабочемъ движеніи онъ, разумѣется, является крупнѣйшей силой офиціальной австрійской соціалъ-демократіи.

Постепенно Фридрихъ Адлеръ эмансипируется и отъ вліянія отца. Въ 1915 году онъ организуетъ въ Вѣнѣ группу сторонниковъ Циммервальда и пишетъ отъ ея имени манифестъ, произведшій большое впечатлѣніе въ мірѣ европейскихъ соціалистовъ. На конференцію въ Кинталь Фридрихъ Адлеръ отправляется лично, но австрійскія власти задерживаютъ его на границѣ.

Въ то-же время онъ пытается организовать лойяльную оппозицію въ рамкахъ партіи. На обѣихъ конференціяхъ австрійской соц.-демократіи (конецъ 1915 г. и въ апр. 1916 г.) Фридрихъ Адлеръ выступаетъ съ оппозиціонной платформой — сначала въ духѣ германскаго «центра» (Гаазе-Каутскій), а потомъ и рѣшительнѣе. Но онъ встрѣчаетъ лишь очень слабый откликъ. Въ апрѣлѣ 1916 г. его резолюція отвергается всѣми голосами противъ 16.

Фр. Адлеръ пытается издавать партійную «корреспонденцію» — еженедѣльный сборникъ статей, которыя могли бы перепечатываться въ партійныхъ газетахъ. Увы! Статьи никѣмъ не перепечатываются. Слишкомъ истребительныя завоеванія сдѣлалъ офиціозный курсъ. Предпріятіе гибнетъ даже не столько отъ репрессій, сколько въ силу безразличія и враждебности партійныхъ товарищей.

Кризисъ, переживаемый сейчасъ рабочимъ движеніемъ въ Австріи, особенно тяжелъ. Вѣчная національная грызня здѣсь издавна подготовила почву для національзма даже среди части рабочихъ. Оппорту-

[1] „Volkstribüne“, Wien, № 18.

низмъ расцвѣлъ здѣсь махровымъ цвѣткомъ. Съ другой стороны, и физическое истребленіе рабочаго класса здѣсь приняло наибольшіе размѣры. Весь цвѣтъ рабочихъ перебитъ или лежитъ въ траншеяхъ. Остались только старики и женщины. На женщинъ легла почти вся производственная жизнь. Апеллировать почти что не къ кому.

Офиціальная партія вмѣшивается только тогда, когда надо выступить *противъ* готовящейся экономической стачки, *противъ* демонстраціи голодающихъ женщинъ. Недовольную массу запугиваютъ и третируютъ, какъ сборище «людей, которымъ нечего терять» (подлинное выраженіе одного вѣнскаго с.-д. депутата).

Фр. Адлеръ организуетъ въ Вѣнѣ нѣсколько кружковъ изъ оставшихся болѣе или менѣе выдающихся рабочихъ. Оплотомъ оппозиціи становится рабочій клубъ «Карлъ Марксъ». Въ немъ образуется и болѣе лѣвое крыло. Но все же это только — небольшой кружокъ. При первыхъ пыткахъ апеллировать къ массамъ — возникаютъ непреодолимыя препятствія. Офиціальные «с.-д.» не останавливаются даже передъ доносами.

Глухая стѣна! Фридрихъ Адлеръ становится все пессимистичнѣй. Въ августѣ 1916 года онъ въ замкнутомъ кругу въ Цюрихѣ (здѣсь проживаетъ его семья) дѣлаетъ небольшой докладъ о положеніи дѣлъ въ Австріи. Яркими красками рисуетъ онъ неистовства австрійской реакціи, паденіе офиціальной с.-д. партіи, тупикъ, въ который зашло австрійское рабочее движеніе. И онъ приходитъ къ пессимистическому выводу: до конца войны ничего нельзя сдѣлать. Положеніе сейчасъ безвыходно.

Это пессимистическое настроеніе нашло себѣ выраженіе также въ послѣдней статьѣ Фридриха Адлера, напечатанной въ октябрьской (1916 года) книжкѣ ежемѣсячнаго научнаго журнала австрійской соціалъ-демократіи «Борьба», редакторомъ котораго состоялъ Фр. Адлеръ. Книжка вышла въ свѣтъ за нѣсколько дней до выстрѣла Адлера. Она является, поэтому, цѣннѣйшимъ документомъ для сужденія объ его настроеніяхъ.

— Никакихъ видовъ на близкій миръ! — такъ начинается эта статья.—Офиціальная германская и австрійская соціалъ-демократія «капитулировала совершенно» передъ «своей» буржуазіей. Массы безмолвствуютъ, а офиціальные «с.-д.» прямо проповѣдуютъ и превозносятъ эту политику фатализма. Что же дѣлать? Въ германской соц.-демократіи лучомъ надежды является ростъ оппозиціи. Тамъ борьба за завоеваніе мозговъ партійныхъ товарищей «идетъ болѣе» или менѣе успѣшно. Но что дѣлать намъ, австрійскимъ с.-д., оставшимся вѣрными старому знамени? У насъ положеніе во много разъ хуже. Нашъ центральный органъ занимается тѣмъ, что просвѣщаетъ правящій классъ», о «мобилизаціи пролетаріата» онъ и не думаетъ. «Все для рабочихъ, но *ничего* черезъ рабочихъ» — вотъ девизъ австрійской офиціальной с-діи. Въ Австріи намъ приходится вести вдвойнѣ тяжелую борьбу съ «*объединенными* авторитетами государства и с.-д. партіи». Какъ ни трудно положеніе дѣй-

ствительныхъ с.-д. въ Германіи, «мы можемъ имъ только завидовать» („Kampf" 345 — 347).

Фр. Адлеръ переходитъ далѣе къ рѣзкой критикѣ недавней имперской конференціи германской с.-д.-іи. Партійное правленіе подѣлало выборы на эту конференцію. Но все-таки тамъ были хоть какіе-нибудь выборы. А у насъ въ Австріи партійныя конференціи являются просто сборищемъ чиновниковъ, назначенныхъ сверху. Вообще, руководство современной австрійской соц.-демокр. находится въ рукахъ арміи партійныхъ чиновниковъ, редакторовъ... свѣдущихъ лицъ — юристовъ, депутатовъ и пр. Люди эти оторваны отъ массъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые вышли изъ рабочей среды, перестали быть пролетаріями, заразились мелкобуржуазной психологіей. Вожди эти фактически являются агентами буржуазіи. Но вину за это несутъ сами массы, остающіяся пассивными. «Происходитъ своеобразное раздѣленіе труда: монополія мышленія принадлежитъ вождямъ», массы безропотно подчиняются. «Тупоуміе, являющееся наслѣдственнымъ зломъ всѣхъ австрійскихъ политическихъ партій, въ доброй части заразило и насъ».

Ѣдкая, бичующая, уничтожающая критика по адресу офиціальной австрійской соціалъ-демократіи чередуется здѣсь съ глубокимъ пессимизмомъ въ отношеніи къ австрійскому рабочему движенію вообще.

Критическая часть этой статьи Адлера вызвала припадокъ бѣшенства у тѣхъ «вождей», которыхъ онъ подвергъ своей безпощадной критикѣ. Фридриху Адлеру была объявлена борьба не на жизнь, а на смерть. Всего за 2 дня до его выстрѣла «Вѣнская Рабочая Газета» помѣстила громовую статью Ф. Аустерлица противъ статьи Адлера. Задѣтые за живое, вожаки открыли теперь форменную травлю противъ Фр. Адлера. Уже послѣ умерщвленія Штюргка «Вѣнская Рабочая Газета» разсказала, что наканунѣ, въ пятницу, у Фр. Адлера была горячая стычка съ партійнымъ правленіемъ. Дѣло подошло къ окончательному разрыву.

Выстрѣлъ Фр. Адлера мѣтилъ не только въ политику Габсбургской монархіи, но и въ политику «арміи чиновниковъ» офиціальной австрійской соціаль-демократіи. Въ этомъ отношеніи „Neue Freie Presse совершенно права...

— «Фридрихъ Адлеръ сошелъ съ ума, его выстрѣлъ есть актъ невмѣняемаго человѣка». Таково было первое слово соціалъ-шовинистской прессы Германіи и Австріи. «Премьеръ-министръ графъ Штюргкъ убитъ. Убійца — сынъ Виктора Адлера — сумасшедшій», — такъ была озаглавлена первая-же статья «Vorwärts'а»,[1] посвященная дѣлу Адлера.

Гегемонія Германіи надъ Австріей своеобразно сказалась и въ томъ фактѣ, что руководящая роль въ «оцѣнкѣ» событія 21 октября принадлежала не австрійской, а германской печати. Рекордъ побилъ соціалъ-шовинистскій «Vorwärts». Первое слово сочувствія «Vorwärts» обращаетъ... къ австрійскому императору.

[1] «Vorwärts», какъ извѣстно, захваченъ теперь оффиціальнымъ правленіемъ партіи, т. е. сторонниками Шейдеманна.

— Убѣленный сѣдинами австрійскій императоръ! Онъ потерялъ брата, сына, супругу, племянника и престолонаслѣдника — теперь, въ самое трудное время, онъ теряетъ человѣка, съ которымъ всегда совѣтовался. Всякое человѣческое чувство склоняется передъ этимъ старцемъ на тронѣ. Кто пережилъ, кто перенесъ то, что пережилъ и перенесъ этотъ старецъ на тронѣ». („Vorwärts» № 291).

А Фр. Адлеръ? «Фр. Адлеръ — сумасшедшій!»...

На чемъ же, однако, основано это утвержденіе «Vorwärts'а»?

То, что передаетъ самъ «Vorwärts» о картинѣ убійства, о поведеніи Фр. Адлера на первыхъ допросахъ и пр., не даетъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ томъ, что Адлеръ дѣйствовалъ, какъ нормальный человѣкъ. Подробности эти извѣстны изъ газетъ, и мы не будемъ на нихъ останавливаться. Скажемъ только, что Фр. Адлеръ выказалъ изумительное хладнокровіе и выдержку. Единственная «улика» противъ умственныхъ способностей Фр. Адлера, приводимая «Vorwärts омъ, это то, что *сестра* Фр. Адлера въ продолженіе 2-хъ лѣтъ находится въ лечебницѣ для нервныхъ больныхъ.

— «Только душевно больной человѣкъ *могъ* совершить такой поступокъ («Vorwärts» № 291) — вотъ къ чему, въ сущности, сводится вся аргументація «Vorwärts'а».

Вначалѣ было не совсѣмъ ясно: зачѣмъ понадобилось офиціальнымъ с.-д. непремѣнно объявить Адлера сумасшедшимъ? Приходило въ голову: не хотятъ-ли они такимъ образомъ спасти Адлеру жизнь? Но уже скоро все разъяснилось. Est modus in rebus. Соціалъ-шовинистамъ это просто необходимо въ интересахъ ихъ политики. Если доказать, что Адлеръ дѣйствовалъ въ припадкѣ безумія, тогда можно будетъ не говорить ни о разстрѣлѣ 700 рабочихъ, ни о другихъ свирѣпостяхъ австрійской реакціи, ни о желаніи Адлера протестовать противъ политики австрійской соц.-демократіи. Тогда «бургфриденъ» спасенъ. О поступкѣ душевно-больного человѣка можно пожалѣть, но онъ не подлежитъ политическимъ оцѣнкамъ. И вотъ для этой благородной цѣли было выдумано «сумасшествіе».

Чтобы имѣть лишнее доказательство «сумасшествія» Адлера, прибѣгли еще къ слѣдующему: самого Штюргка стали изображать совершенно незначущей фигурой, добродушнымъ малымъ, чуть не подставнымъ лицомъ. «Чтобы ослабить впечатлѣніе отъ выстрѣла, они готовы изобразить собственнаго министра кретиномъ, на котораго не стоило потратить даже кусочка свинца», остроумно замѣтила по этому поводу одна соціалистическая газета. Офиціальные «с.-д.» и тутъ пошли дальше, чѣмъ даже буржуазная пресса. «Berliner Tageblatt» писалъ о Штюргкѣ, что «упорной волей онъ хотѣлъ замѣнить недостатокъ государственныхъ идей». Газета «Münchener Neueste Nachrichten» напомнила о цѣломъ «реестрѣ грѣховъ» графа Штюргка, объ его «упрямствѣ и упорствующемъ формализмѣ».

Штюргкъ на самомъ дѣлѣ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ предста-

вителей австрійской феодальной реакціи, противникомъ всеобщаго избирательнаго права, вдохновителемъ нынѣшней системы цензуры, единомышленникомъ венгерскаго реакціонера, графа Тиссы, опорой военной камарильи. Изобразить его невиннымъ бонвиваномъ—офиціальнымъ с.-д. не удалось. Тогда они стали запутываться все больше и больше. Вліятельнѣйшій органъ германскаго соціалъ-шовинизма, «Гамбургское Эхо», предложилъ слѣдующее геніальное объясненіе всего дѣла. Адлеръ, дескать, былъ «фанатикомъ теоріи». «Постоянное копаніе въ себѣ, одностороннее самоуглубленіе въ теорію привело его къ этому несчастью, лишивъ его душевнаго равновѣсія... На судьбѣ Фр. Адлера опять оправдывается то, что часто бываетъ съ сыновьями геніальныхъ отцовъ».

«Вѣнская Рабочая Газета» нѣсколько менѣе рѣшительно, нѣсколько болѣе стыдливо защищаетъ ту же версію: Фр. Адлеръ дѣйствовалъ въ припадкѣ безумія. Шагъ его былъ совсѣмъ необдуманъ. Доказательство: онъ никому и не намекнулъ о своемъ намѣреніи умертвить Штюргка, онъ велъ себя совершенно обычнымъ образомъ и даже заказалъ себѣ въ тотъ-же день билетъ въ оперу... Только австрійскій соціалистическій еженедѣльникъ «Народная Трибуна», отстаивающій иногда, хотя и крайне нерѣшительно, точку зрѣнія оппозиціи, рѣшился написать:

«Не можетъ быть никакого сомнѣнія: актъ Адлера объясняется *политическими мотивами*» («Folkstribüne» № 43).

Правящая Австрія, разумѣется, ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что Адлеръ не былъ сумасшедшимъ. Но въ послѣдніе дни и она стала сочувственно прислушиваться къ этой версіи. Штюргка не воскресишь, а объявить Адлера сумасшедшимъ, пожалуй, политически выгоднѣе, для сохраненія бургфридена, для сохраненія престижа передъ «заграницей». Съ того момента, какъ за Фридрихомъ Адлеромъ заперлась дверь тюрьмы, о немъ проникаетъ въ печать только то, что нравится австрійскому правительству. Сегодня оно сообщаетъ, что Адлеръ на допросѣ не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ признаковъ раскаянія. Завтра оно объявляетъ, что «подслѣдственный давалъ безсвязные отвѣты, позволяющіе усумниться въ нормальности его умственныхъ способностей». На чемъ, въ концѣ концовъ, остановится австрійское правительство — въ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, сказать трудно. Ясно одно: Фридриху Адлеру предстоитъ вынести упорную борьбу за *право умереть*, за право остаться въ памяти своего народа тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Н. Скопинъ.

ЛОЙДЪ-ДЖОРДЖЪ.

Итакъ свершилось! Черезъ головы Асквита и бывшихъ коллегъ по либеральному кабинету, перешагнувъ чрезъ демократическіе принципы и свое собственное демократическое прошлое, Ллойдъ-Джорджъ дошелъ до полноты власти и сталъ во главѣ кабинета юньонистскаго большинства. За нѣсколько дней до паденія коалиціоннаго кабинета «Times», требуя въ ядовитой передовицѣ отставки либераловъ, писалъ: «м-ръ Асквитъ обладаетъ многими высокими качествами, но въ числѣ ихъ отнюдь не насчитываются иниціатива и рѣшимость. Ему угодно было держать себя предсѣдателемъ «общества дебатовъ», тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ быть главнокомандующимъ, работающимъ при поддержкѣ хорошо организованнаго генеральнаго штаба. При всемъ своемъ поразительномъ умѣніи объединять вокругъ себя своихъ коллегъ, онъ все-таки не обладалъ настоящимъ инстинктомъ лидера. И въ этомъ его осужденіе. Мы, конечно, допускаемъ, что при достаточномъ давленіи извнѣ онъ согласился бы ввести любую форму правительства, но пока онъ стоялъ во главѣ его, онъ никогда не допустилъ бы *рѣшительной ломки теперешнихъ методовъ правленія.* А кромѣ того, товарищи м-ра Асквита, которымъ онъ остается такъ катастрофически вѣренъ, это большею частью усталые, изношенные люди. Главнокомандующій, для котораго реальный коэффиціентъ полезнаго дѣйствія оказался бы высшимъ критеріемъ, чѣмъ старая дружба, давно уже отослалъ бы ихъ подальше отъ политическаго фронта».

Увы, въ отсутствіи рѣшимости либераловъ изъ министерства коалиціи упрекали и изъ другого лагеря. Еще лѣтомъ, въ срединѣ іюля, демократическая The Nation писала:

«Настоящая опасность заключается въ ужасающей дряблости либеральнаго крыла кабинета. Шагъ за шагомъ сдаетъ онъ свои принципы: свободу торговли, гомъ-руль, добровольную военную службу. Либералы прекрасно знаютъ, что всѣ эти сдаваемыя позиціи необходимы для хорошаго управленія Имперіей, но у нихъ нѣтъ моральной силы, чтобы заявить объ этомъ и чтобы отстоять свои слова дѣйствіемъ».

Наконецъ, съ третьей стороны — съ рабочихъ низовъ—слышались не менѣе энергичныя обвиненія правительства въ бездѣйствіи въ продовольственномъ вопросѣ и ничегонедѣланіи для предупрежденія «систематическаго ограбленія народа его поставщиками». И протестъ этотъ выливался въ активную форму: желѣзнодорожники, углекопы, ткачи а за ними и рабочіе ряда другихъ профессій не переставали угрожать .

. . . .

. . . .

. . . . Въ самые послѣдніе дни передъ паденіемъ кабинета углекопы Уэльса потребовали, чтобы представитель ихъ былъ допущенъ къ ревизіи отчетовъ безмѣрно нажившихся во время войны углепромышленниковъ. Въ этомъ требованіи рабочихъ поддерживалъ даже «Times», и тогда, наконецъ, робкой и неувѣренной рукой правительство сдѣлало шагъ къ частичной національзаціи копей. Это былъ одинъ изъ первыхъ актовъ примѣненія новыхъ полномочій министерства торговли, дающихъ ему довольно широкія права регламентаціи частной торговли и огосударствленія ея. Когда подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія кабинетъ рѣшился, наконецъ, провести эту мѣру и когда Рэксиманъ, еще такъ недавно считавшій святотатствомъ всякое покушеніе на свободу торговли, заявилъ объ этомъ въ палатѣ общинъ, «Ekonomist» припомнилъ по этому поводу 2 строфы изъ Байрона о дамѣ, «которая сдалась, твердя: ахъ, никогда не сдамся я».

Въ этомъ постепенномъ сдаваніи при постоянной нерѣшимости сдаться и заключалось осужденіе павшаго кабинета. Онъ погибъ подъ троекратнымъ огнемъ рѣшительныхъ требованій: 1) требованій рабочей демократіи о введеніи важныхъ новеллъ государственнаго права: національзаціи импорта и важнѣйшихъ источниковъ народнаго питанія, являющейся для демократіи единственнымъ способомъ выйти изъ продовольственнаго кризиса; 2) требованій радикаловъ не сдавать важнѣйшихъ политическихъ позицій демократіи и, наконецъ, 3) требованій консерваторовъ сдать ихъ рѣшительно разъ и навсегда въ политикѣ, а въ экономикѣ ввести, наконецъ, протекціонизмъ. Не будучи въ состояніи поддерживать въ равновѣсіи всѣ эти, тянущія его въ различныя стороны требованія, кабинетъ палъ.

Все это не коснулось, однако, Ллойдъ-Джорджа. Его никто не упрекалъ ни въ недостаткѣ рѣшимости, ни въ дряблости воли. Наоборотъ, радикалы и демократы такъ же рѣзко осуждали его въ послѣднее время за «рѣшительный разрывъ съ демократіей», какъ рѣзко нападали на него въ свое время лорды и землевладѣльцы за рѣшительное объявленіе войны ихъ праву на нетрудовые доходы. Но это было еще въ довоенныя времена, въ тѣ времена, когда соціальное равновѣсіе Англіи потрясала не война съ внѣшнимъ врагомъ, а глухіе раскаты гражданской бури.

Непосредственнымъ поводомъ къ паденію кабинета послужили весьма многозначительныя и любопытныя событія. Полный воинственнаго пыла и энтузіазма Ллойдъ-Джорджъ рѣшилъ во имя успѣшнаго веденія войны сократить въ объемѣ и расширить въ могуществѣ такъ называемый «военный комитетъ» — комитетъ непарламентскій, а кабинетскій. Въ послѣднее время въ Англіи то и дѣло приходится слышать голоса о «паденіи парламентаризма» и о необходимости соотвѣтственнаго усиленія исполнительной власти. Политики различныхъ лагерей относятся, конечно, къ этому явленію весьма различно. Такъ Гобсонъ съ грустью констатируетъ въ своихъ статьяхъ «Война и Британская Свобода», помѣщенныхъ имъ въ демократической

«The Nation», что парламентъ дѣлается постепенно «послушнымъ орудіемъ въ рукахъ исполнительной власти», а Фостеръ пишетъ наоборотъ, въ журналѣ «The Edinburgh Review»: «всѣ рѣшенія парламента фактически предрѣшены, а потому дебаты сводятся къ потерѣ времени; ихъ пустота и искусственность доказываютъ, что существующая система парламентаризма переросла самое себя и возможность быть полезной странѣ и дѣлается опасной для будущаго благополучія страны». Фостеръ суммируетъ въ сущности тенденцію назрѣвавшую уже гораздо раньше войны, но, само собою разумѣется, что проведенный въ сентябрѣ 1914 г. Актъ о Защитѣ Королевства далъ этой тенденціи реальную почву, передавъ исполнительной власти значительную долю законодательныхъ функцій: возможность новой интепретаціи примѣненія старыхъ законовъ и возможность законодательнаго творчества путемъ обязательныхъ постановленій. Но при обширномъ коалиціонномъ кабинетѣ, засѣданія котораго носили въ значительной мѣрѣ характеръ собраній «общества дебатовъ», исполнительная власть не могла проявить, съ точки зрѣнія защитниковъ, новой тенденціи — достаточно единства воли. Отсюда стремленіе къ созданію небольшого и полновластнаго комитета, стоящаго во главѣ управленія страной. Война сдѣлала реальностью то, о чемъ можно было только мечтать въ мирное время. По плану Ллойдъ-Джорджа военный комитетъ долженъ былъ:

1) Получить неограниченную власть въ дѣлѣ веденія войны.

2) Сократить и измѣнить свой составъ.

До сихъ поръ комитетъ состоялъ изъ семи человѣкъ и оффиціально принимаемыя имъ рѣшенія подлежали утвержденію всего кабинета изъ 23 человѣкъ. На практикѣ, однако, онъ руководилъ войной вполнѣ самостоятельно, не справляясь съ мнѣніемъ кабинета, роль котораго сводилась, по мѣткому выраженію «Times'a», «къ почти автоматической ратификація актовъ комитета». И все-таки это казалось помѣхой, ибо члены кабинета имѣли доступъ въ комитетъ и дѣлали его засѣданія слишкомъ людными и длительными. Затѣмъ присутствіе въ немъ Асквита казалось опять-таки помѣхой рѣшительнымъ и быстрымъ дѣйствіямъ. И Ллойдъ-Джорджъ сталъ настаивать на томъ, чтобы изъ комитета въ числѣ другихъ либеральныхъ членовъ его былъ удаленъ и Асквитъ. Взамѣнъ стараго вожака либераловъ, съ которымъ такъ много и такъ успѣшно работалъ прежде Ллойдъ-Джорджъ, онъ потребовалъ введенія туда одного трудовика и... сэра Эдварда Карсона, одного изъ столповъ реакціи и своего бывшаго злѣйшаго врага, политику котораго онъ еще такъ недавно, передъ самой войной, клеймилъ въ рядѣ талантливыхъ и безпощадныхъ рѣчей.

Самые странные и фантастическіе слухи ходили по этому поводу въ странѣ. Много говорили объ интригахъ и личныхъ счетахъ, о разногласіяхъ между кабинетомъ . . . и даже о . . заговорѣ» противъ гражданской власти. Карсонъ согласился на схему Ллойдъ-Джорджа, хотя по мнѣнію «Times'a» поскольку дѣло касалось его личныхъ симпатій, весь-

ма неохотно». Но личныя симпатіи были отброшены, разъ два бывшихъ противника объединились на желаніи «дать веденію войны новое направленіе».

Все бы тѣмъ и кончилось, можетъ быть, если бы не рѣшительное сопротивленіе Асквита. Старый лидеръ «усталыхъ и изношенныхъ либераловъ» не захотѣлъ уступить безъ борьбы ни своего мѣста въ комитетѣ, ни принциповъ, во имя которыхъ онъ такъ долго работалъ на парламентской аренѣ. И въ результатѣ этой борьбы почтенному вождю либераловъ пришлось отказаться отъ власти, а Ллойдъ-Джорджъ «поцѣловалъ руку королю», ибо былъ назначенъ премьеромъ. При всемъ преклоненіи своемъ предъ энергіей этого человѣка, направленной теперь цѣликомъ на веденіе войны, «Times» не могъ не попрекнуть его все же его прошлымъ: «даже шутнику съ самымъ богатымъ воображеніемъ образъ Ллойдъ-Джорджа въ роли военнаго диктатора долженъ показаться весьма grotesque. Все его прошлое возстаетъ противъ такой роли». И все же «Times» относся весьма одобрительно къ тому, что человѣкъ, полный такого «несомнѣннаго энтузіазма къ рѣшительной военной тактикѣ», разорвалъ, наконецъ, съ либералами. «Это вѣдь былъ лишь вопросъ времени... Не нужно особенно сложныхъ теорій, чтобы понять его бунтъ противъ бывшихъ коллегъ. На этотъ счетъ страна не питаетъ никакихъ иллюзій».

Буржуазная пресса отнеслась, конечно, къ Ллойдъ-Джорджу и его разрыву съ старой тактикой съ достаточнымъ энтузіазмомъ. Либеральная Manchester gardian слегка покосилась, правда, на союзъ его съ Карсономъ: «Съ нимъ (т. е. съ Карсономъ) мы расходимся самымъ радикальнымъ образомъ въ большинствѣ вопросовъ внутренней политики и если возвращеніе его въ кабинетъ на постъ большой отвѣтственности несетъ за собой попытку ввести воинскую повинность въ Ирландіи или усилить все еще царящую тамъ репрессивную политику, то мы сочли бы его включеніе въ министерство весьма катастрофическимъ и стали бы ему сопротивляться изо всѣхъ силъ». Но все это говориться условно, въ сослагательномъ наклоненіи; въ изъявительномъ же газета успокаиваетъ себя тѣмъ, что «сэръ Эдвардъ Карсонъ теперь уже не тотъ самый сэръ Эдвардъ Карсонъ, какимъ онъ былъ до войны, и мы не можемъ предположить, чтобы его или Ллойдъ-Джорджа пришлось обвинить въ страшномъ безуміи поднять бурю у себя дома въ такой моментъ, когда ихъ мысль и ихъ энергія должны быть цѣликомъ направлены на утишеніе бури, разыгравшейся внѣ предѣловъ своего двора». Въ либеральной Daily Chronicle питавшей тѣ же надежды, появилась даже утка о томъ, что Карсонъ будто бы стоитъ за введеніе въ Ирландіи Гомъ-Руля и парламента съ тѣмъ, однако, чтобы Ольстеръ могъ оставаться независимымъ въ теченіе 3 лѣтъ и чтобы въ Ирландіи была введена воинская повинность. Но увы, самъ сэръ Карсонъ очень быстро опровергъ всѣ эти дерзновенныя мечтанія, пославъ въ Бельфастъ телеграмму такого содержанія: «Всѣ слухи лишены основанія. Ольстерцы знаютъ мои взгляды и мою несокрушимую лояль-

вость имъ». Такъ блестяще подтвердилъ Карсонъ — врагъ ирландской свободы и ирландскихъ крестьянъ, а нынѣ товарищъ по кабинету Ллойдъ-Джорджа, — свою вѣрность ольстерцамъ — потомкамъ англійскихъ солдатъ, надѣленныхъ когда-то землей ольстерской провинціи Ирландіи, въ награду за покореніе, разореніе и многократное усмиреніе Изумруднаго Острова.

Рѣзко высказалась противъ новыхъ комбинацій въ министерствѣ и противъ героя дня, Ллойдъ-Джорджа, только та пресса, которая и прежде еще единодушно осуждала его «не за его серьезное отношеніе къ войнѣ, а за ложные способы воплощать это серьезное отношеніе въ жизнь (въ частности, за его методы промышленной поддержки войны)... а главное, за его идею, что сила и организація это одно и то же въ жизни государства». The Nation, см. статью «Факты англійской общественности» въ августовской книжкѣ «Лѣтописи»). Но такую независимость сужденія сохранила только та пресса, которая умѣетъ еще не преклоняться предъ событіями дня и не подчинять имъ ни своихъ принциповъ, ни своей тактики.

Однако, на ряду съ буржуазной прессой новое министерство поддержали и рабочіе депутаты парламента. На собраніяхъ рабочей парламентской группы, гдѣ обсуждался вопросъ объ отношеніи къ приглашенію Ллойдъ-Джорджа участвовать въ новомъ кабинетѣ и даже въ пресловутомъ военномъ комитетѣ, *противъ* участія оказалось только «соціалистическое меньшинство». Остальные члены группы проявили столько добраго отношенія къ новому премьеру и столько охоты работать съ нимъ, что превзошли всѣ — довольно-таки робкія — ожиданія на этотъ счетъ «Times'а« Самъ по себѣ фактъ приглашенія рабочихъ депутатовъ въ министерство— фактъ весьма показательный и объясняется отнюдь не только соціалъ-реформаторскимъ прошлымъ Ллойдъ-Джорджа и его демократическимъ происхожденіемъ или очереднымъ расцвѣтомъ рабочихъ симпатій у юньонистовъ, которые, какъ извѣстно, проявляли извѣстную долю рабочелюбія и при прежнихъ конфликтахъ съ либералами. Объясняется этотъ фактъ стремленіемъ возстановить соціальное перемиріе, столь нужное для людей, желающихъ управлять страной черезъ военный комитетъ и столь сильно нарушенное за послѣднее время . . . . . движеніями, охватившими, какъ мы уже отмѣтили выше, важнѣйшія отрасли англійской индустріи: угольную, текстильную, желѣзнодорожную. Съ другой стороны, парламентскіе представители рабочей демократіи Англіи, рѣзко осуждавшей павшій кабинетъ за бездѣйствіе въ продовольственномъ вопросѣ, надѣются, повидимому, получить въ этомъ отношеніи отъ новаго кабинета удовлетвореніе своихъ важнѣйшихъ требованій въ обмѣнъ за политическую поддержку и соціальное перемиріе. Импонируетъ имъ несомнѣнно и самый фактъ признанія за ними качествъ государственныхъ дѣятелей. А мысль о возможныхъ послѣдствіяхъ сотрудничества меньшинства рабочихъ представителей съ большинствомъ юньонистскихъ подъ объединяющей десницей Ллойдъ-Джорджа ихъ отнюдь не смущаетъ.

Впрочемъ, въ этой политической наивности и полномъ отсутствіи политическаго идеализма слѣдуетъ обвинить только видимое большинство рабочихъ парламентеровъ. Соціалистическое меньшинство осталось при особомъ мнѣніи и при особомъ же мнѣніи былъ ораторъ, заявившій на продовольственной конференціи тредъ-юньоновъ, кооперативовъ и рабочихъ организацій: «Въ медлительной тактикѣ прежняго кабинета въ продовольственномъ вопросѣ была виновата и Рабочая Партія, — ея инертность, апатія и измѣна рабочимъ. Она связала себя по рукамъ и ногамъ по отношенію къ прежнему кабинету, ...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Въ политикѣ бываетъ два рода рѣшительности: рѣшительность убѣжденныхъ людей въ отстаиваніи своихъ политическихъ идеаловъ и рѣшительность въ *манерѣ* дѣйствовать, независимо отъ направленія дѣйствія. Въ 1910 — 1914 г. Ллойдъ-Джорджъ былъ очень рѣшительнымъ врагомъ Карсона и другомъ Ирландіи, горячимъ сторонникомъ законодательнаго введенія минимума заработной платы, дающаго «возможность жить», и ярымъ врагомъ «паразитовъ земледѣлія» — лордовъ — сторонникомъ радикальныхъ реформъ и, — объектомъ бурной ненависти землевладѣльцевъ и ольстерцевъ. Въ 1916 г. Ллойдъ-Джорджъ не вспоминаетъ больше ни о лордахъ, ни объ обложеніи нетрудовыхъ доходовъ, ни о «возможности жить»; онъ съ рѣшительностью выбрасываетъ все это изъ своего политическаго багажа, оставляетъ Ирландію, заключаетъ союзъ съ поставщиками . . . фактически продавъ имъ привиллегіи тредъ-юньонистовъ и, наконецъ, рѣшительно измѣняетъ своимъ старымъ друзьямъ, «уставшимъ и изношеннымъ», полусдающимся и все же не желающимъ итти на «рѣшительную ломку теперешнихъ методовъ правленія». Но то, на что не хватаетъ рѣшимости у старика Асквита и его «уставшихъ коллегъ», ни по чемъ Ллойдъ-Джорджу. Полный бурной рѣшимости онъ смѣло кидается въ распростертыя объятія юньонистовъ и становится во главѣ ихъ, когда послѣ долгаго перерыва создались, наконецъ, соціальныя предпосылки для возвращенія ихъ къ власти. И все же, въ одномъ отношеніи онъ остается вѣренъ себѣ: тогда, какъ и теперь, онъ ревниво охраняетъ *соціальный миръ*. Тутъ измѣнились у него только методы, но смыслъ его борьбы остался тотъ же.

Послѣднія 5—6 лѣтъ передъ войной были для Англіи періодомъ бурныхъ соціальныхъ столкновеній. По свидѣтельству политиковъ и экономистовъ самыхъ различныхъ лагерей, — такъ называемыя національныя забастовки, обнимавшія собой тогда цѣлыя отрасли промышленности и цѣлые округи страны, начинались по требованію массъ, помимо,

а иногда даже и вопреки совѣтамъ вождей, выбранныхъ для мирнаго времени. Это была дѣятельность, охваченныхъ стихійной солидарностью и творящихъ свою волю, массъ. Радикальное правительство сумѣло отнестись съ должнымъ уваженіемъ къ размаху движенія и подавить его соотвѣтствующими мѣрами. «Неудача забастовокъ, — пишетъ Чисхольмъ въ статьѣ, посвященной этому вопросу въ послѣднемъ приложеніи къ «Enciclopedia Britanica», — показываетъ, что, когда обществу угрожаютъ какъ таковому въ его цѣломъ, оно можетъ и будетъ защищать себя и что, какъ бы ни желало правительство остаться на нейтральной позиціи, его первой обязанностью является все же сохраненіе существующаго соціальнаго порядка... хотя бы для этого пришлось пустить въ ходъ не только полицію, но и войска»... Однако, усмиреніе не было единственнымъ оружіемъ въ арсеналѣ либеральнаго кабинета. Требовалось еще изобрѣсти соціальный громоотводъ, не посягая, однако, на привиллегіи промышленнаго капитала, на прибавочную стоимость въ ея чистомъ видѣ. Этотъ соціальный громоотводъ и былъ найденъ Ллойдъ-Джорджемъ въ видѣ его, такъ называемаго, «революціоннаго или «народнаго» бюджета 1909 — 10 года. Основной чертой его явилось, какъ извѣстно, усиленіе прогрессивнаго подоходнаго налога и обложеніе «незаработаннаго приращенія» стоимости земель лордовъ съ одной стороны, а съ другой, страхованіе рабочихъ и государственная пенсія старикамъ. Такимъ образомъ, въ бюджетѣ 1913 — 1914 г. увеличеніе обложенія нетрудовыхъ доходовъ выражалось уже цифрой въ 20 милліоновъ фунтовъ, а пенсіи старикамъ составляли 12 слишкомъ милліоновъ.

Для проведенія всѣхъ этихъ новеллъ требовалось парламентское большинство, а въ парламентѣ численный перевѣсъ либераловъ надъ консерваторами былъ ничтоженъ и исходъ борьбы либераловъ и юньонистовъ опредѣлялся вотумами рабочихъ и ирландцевъ. Поддерживать соціальное равновѣсіе удавалось только въ дружбѣ съ тѣми и другими; и трудно найти лучшій показатель совершившагося поворота, чѣмъ позиція Ллойдъ-Джорджа въ этихъ 2 вопросахъ до и послѣ войны. Въ рабочемъ вопросѣ тогда рѣчь шла о фиксированіи минимума заработной платы законодательнымъ путемъ для тѣхъ отраслей труда, гдѣ она еще не достигла уровня «возможности жить» (living wage) и прежде всего для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. И вотъ, что говорилъ тогда по этому поводу Ллойдъ-Джорджъ: «Мы пришли къ заключенію, что сельскохозяйственные рабочіе не могутъ добиться введенія минимальной заработной платы путемъ одного лишь объединенія. Это было бы слишкомъ долго и чрезвычайно трудно. Мы думаемъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ необходимо вмѣшательство государства, что оно должно позаботиться о введеніи минимальной заработной платы для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Если же фермеръ—арендаторъ земли—не въ состояніи уплатить ея, онъ долженъ обратиться къ государственнымъ комиссарамъ съ ходатайствомъ о пониженіи арендной платы».

«Иначе говоря, — заявлялъ по этому поводу юньонистъ въ

«Times'ѣ» — Бэттеретъ, заработокъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ долженъ быть поднятъ до 20 шиллинговъ въ недѣлю за счетъ владѣльцевъ земли».

Властью «государственныхъ комиссаровъ» и «за счетъ лордовъ», владѣющихъ землею. Что осталось теперь отъ всѣхъ этихъ торжественныхъ словъ, и какъ жестоко посмѣялась исторія надъ пресловутымъ фунтомъ въ недѣлю!

Въ 1916 г. 20 шиллинговъ въ недѣлю все еще не получаютъ работницы «контролируемыхъ фирмъ», т. е. фирмъ, работающихъ подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ Ллойдъ-Джорджа, пока онъ былъ министромъ военныхъ снабженій и, несмотря на торжественное обѣщаніе его дать женщинамъ, «исполняющимъ мужской трудъ», «справедливое вознагражденіе минимумъ, котораго долженъ быть установленъ закономъ». Однако, фунтъ въ недѣлю все еще является для многихъ женщинъ работницъ не категоріей сущаго, а только категоріей требуемаго. Количество этихъ работницъ опредѣляется, по вычисленіямъ фабіанцевъ, «въ нѣсколько десятковъ тысячъ». Объ этомъ писалъ органъ фабіанцевъ въ іюлѣ и эту же цифру пришлось ему снова повторить въ ноябрѣ. Несмотря на всю разницу въ стоимости жизни въ деревнѣ въ 1914 г. и въ городѣ въ 1916 г., Ллойдъ-Джорджъ не далъ теперь городскимъ работницамъ то, что требовалъ тогда для аграрныхъ рабочихъ. Даже недавно закончившая свои труды «королевская комиссія по борьбѣ съ дороговизной», давшая въ общемъ лишь весьма робкія и нерѣшительныя заключенія, поставила это на видъ правительству. «Мы считаемъ необходимымъ, чтобы обѣщаніе правительства дать женщинамъ, работающимъ въ предпріятіяхъ, контролируемыхъ государствомъ, справедливую и соотвѣтствующую требованіямъ времени заработную плату, было бы немедленно проведено въ жизнь всюду, гдѣ это еще не было сдѣлано».

Но дополненіемъ къ этой исторіи о фунтѣ въ недѣлю, дающемъ «возможность жить» рабочимъ, является еще и исторія отношеній къ работодателямъ.

Когда рѣчь шла о фунтѣ въ недѣлю для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, Ллойдъ-Джорджъ былъ въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ ихъ работодателями конечнаго счета — съ лордами землевладѣльцами или, выражаясь его же собственнымъ крылатымъ словечкомъ, съ «паразитами земледѣлія». Въ тѣ времена лорды и герцоги бурно выражали ему свою ненависть въ парламентѣ, въ прессѣ и всюду, гдѣ только могли, а на страницахъ юмористическаго журнала «Punch» одинъ англичанинъ такъ объяснялъ другому разницу между терминами «несчастье» и «катастрофа»:

«Если бы Ллойдъ-Джорджъ упалъ въ прудъ и утонулъ, это было бы несчастьемъ, но если бы его оттуда вытащили живымъ, то это ужъ была бы катастрофа».

Но въ 1916 г. представители промышленнаго капитала считаютъ, наоборотъ, для себя катастрофическимъ заключеніе договоровъ объ обло-

женіи военныхъ прибылей съ кѣмъ-либо инымъ, кромѣ Ллойдъ-Джорджа. Наоборотъ, они ссылаются на его обѣщанія и на его сочувствіе къ ихъ требованіямъ при обсужденіи финансоваго билля въ палатѣ общинъ [1].

Такъ бывшая яркая вражда къ лордамъ не помѣшала ему теперь стать другомъ промышленниковъ.

Та же эволюція пережита и въ ирландскомъ вопросѣ. Тогда краснорѣчіе Ллойдъ-Джорджа не разъ направлялось въ огненныхъ тирадахъ противъ главнаго врага ирландской независимости и вождя ольстерцевъ — Карсона, теперь благополучно вошедшаго въ одинъ съ Ллойдъ-Джорджемъ кабинетъ.

«... откуда у нихъ (предводительствуемыхъ Карсономъ ольстерцевъ) вдругъ такая ненависть къ примѣненію силы? Когда англійское государство отправляло милліоны католическихъ крестьянъ въ изгнаніе и топило въ морѣ крови протестъ Ирландіи, ольстерцы не только не возставали противъ примѣненія силы, но, наоборотъ, всячески поддерживали таковое. И чѣмъ страшнѣе было подавленіе, тѣмъ съ большимъ благочестіемъ благословляли его ольстерцы... Имъ не казалось позоромъ пользоваться государственной властью Англіи для того, чтобы бросать въ тюрьмы, сгонять съ земли, сжигать, разстрѣливать, вѣшать и доводить до голода и изгнанія милліоны католическихъ крестьянъ...., но ольстерцы считаютъ несправедливымъ, чтобы эта же государственная власть ввела въ Ирландіи законодательный аппаратъ свободной самоуправляющей страны...»

Это говорилъ Ллойдъ-Джорджъ весною 1914 года. Въ концѣ рѣчи онъ такъ характеризовалъ самого Карсона:

«Знаменитый юристъ, Эдвардъ Карсонъ, построившій свою карьеру на преслѣдованіе людей (ирландскихъ крестьянъ), не повиновавшихся тѣмъ самымъ законамъ, которые теперь всѣми ужъ осуждены, какъ несправедливые...»

Все это говорилось весною 1914 г. въ странѣ, вся атмосфера которой была насыщена грозными соціально-экономическими конфликтами. Теперь времена измѣнились. Конфликты внутренняго порядка отступили на задній планъ предъ войной съ внѣшнимъ врагомъ. Свобода выраженія протеста въ значительной мѣрѣ сошла на нѣтъ, конфликты труда и капитала, каково бы ни было экономическое значеніе ихъ, потеряли все-же свой прежній размахъ, а Ирландія разбита и подавлена. Либеральный кабинетъ, такъ долго бывшій у власти до войны, сдѣлался почти съ самаго начала ея коалиціоннымъ, и коалиція выбрасывала постепенно за бортъ все, чѣмъ красна была соціальная платформа либераловъ, но не могла никуда выкинуть самого факта соціальнаго недовольства и соціальныхъ разногласій, и уступила, наконецъ, теперь мѣсто кабинету юніонистскаго большинства, который можетъ уже повести свою линію безъ оглядокъ и сомнѣній. И всѣ его

[1] См. статью «Факты англійской общественности» въ «Лѣтописи» за августъ текущаго года.

прежнія пылкія рѣчи не помѣшали Ллойдъ-Джорджу стать во главѣ этого кабинета, оставившаго Гомъ-Руль за бортомъ своей программы.

Эту эволюцію онъ совершилъ по пути отъ министерства финансовъ къ министерству военныхъ снабженій. Нынѣшнимъ лѣтомъ онъ сдѣлался уже военнымъ министромъ и на этомъ посту впервые пришлось услышать отъ него палатѣ общинъ не особенно рѣшительныя слова. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Есть, очевидно, вопросы, о которыхъ даже Ллойдъ-Джорджъ, военный министръ, не отваживается говорить въ своемъ обычномъ страстно-убѣжденномъ тонѣ. И эта нерѣшительность или вѣрнѣе это отсутствіе обычной рѣшительности есть показатель новой фазы эволюціи, которую пережилъ этотъ энергичный, ни предъ чѣмъ не останавливающійся человѣкъ, перейдя отъ министерства военныхъ снабженій къ военному министерству. И вотъ теперь, наконецъ, созрѣлъ моментъ перехода къ послѣдней фазѣ — окончательному отдѣленію отъ «уставшихъ и изношенныхъ» коллегъ по либеральному кабинету и занятію главенствующей роли въ кабинетѣ юніонистскаго большинства, въ станѣ бывшихъ политическихъ враговъ.

Вся эта эволюція одного человѣка, совершающаяся на фонѣ соціально-политической эволюціи всей страны, кажется многимъ только временной военной необходимостью. Когда война пройдетъ и враги будутъ сокрушены, все войдетъ снова въ свою коллею и британскимъ гражданамъ вернутъ вновь ихъ гражданскія свободы и ихъ соціальныя завоеванія. Но, при внимательномъ изученіи соціальной жизни Англіи, дѣло представляется въ совершенно иномъ видѣ. Періодъ непосредственно предшествовавшій войнѣ былъ для партіи политической реакціи временемъ выжиданія и собиранія силъ. Съ ужасомъ глядѣла она на нападенія со стороны радикаловъ на освященныя вѣками права лордовъ и рядъ другихъ политическихъ и экономическихъ привилегій

За полгода до войны, во время обсужденія билля о Гомъ-Рулѣ, консерваторы, объединившись съ ольстерцами, попытались нанести странѣ рѣшительный Coup d'Etat справа. Но тогда почва не была еще готова. Она наступила уже послѣ объявленія войны Германіи, когда условія измѣнились и «нѣсколько изъ бывшихъ завѣдомыхъ лидеровъ заговора противъ конституціи и законовъ страны стали членами коалиціоннаго министерства» (Гобсонъ. «The War and British Liberty»).

А теперь, когда кабинетъ изъ коалиціоннаго сталъ явно юніонистскимъ, положеніе опредѣлилось вполнѣ. Аргументъ «военной необходимости» это только фиговый листикъ, которымъ прикрывается побѣда реакціи. И всѣ временныя военныя мѣры могутъ оказаться поэтому важными и полезными и послѣ войны. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

М. Смитъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О ПРИРОДѢ ПАРЛАМЕНТСКАГО ИСКУССТВА.

(Философическія размышленія).

Нашу культурную отсталость въ различныхъ областяхъ жизни мы, какъ извѣстно, возмѣщаемъ, до извѣстной степени, высокими достиженіями въ сферѣ искусства. Русская художественная литература давно уже пользуется широкимъ признаніемъ заграницей. Не столь давнюю, но почти столь же лестную славу стяжало себѣ наше сценическое искусство: русскій драматическій театръ, русская опера, русскій балетъ съ большимъ успѣхомъ демонстрировались въ Европѣ и Америкѣ.—Нынѣ, «въ тяжелую годину войны», когда всѣ прочіе виды театральнаго искусства отступили на задній планъ передъ искусствомъ политическимъ,—передъ внутренней и внѣшней дипломатіей,—мы и на этомъ, сравнительно новомъ для насъ поприщѣ, сумѣли достигнуть солидныхъ результатовъ. Такъ, подлиннымъ шедевромъ въ этой области,—вершиной, не превзойденной ни однимъ изъ нашихъ западно-европейскихъ сосѣдей,—должна быть признана постановка послѣдней сессіи Государственной Думы. Никогда еще патріотическое единеніе цензовыхъ элементовъ нашей страны не было инсценировано съ такой потрясающей силой, съ такимъ неподдѣльнымъ подъемомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такихъ трепетныхъ, глубоко-прочувствованныхъ тонахъ, какъ это имѣло мѣсто въ «историческихъ» ноябрьскихъ засѣданіяхъ Думы. Синадино провозгласилъ перводумскій девизъ: «власть исполнительная да подчинится власти законодательной»! Пуришкевичъ дополнилъ и развилъ аргументы Милюкова съ такимъ проникновеніемъ въ ихъ сущность, что, не заглядывая въ заголовокъ стенограммы, рѣшительно нельзя сказать, гдѣ кончается одинъ и гдѣ начинается другой изъ этихъ двухъ популярнѣйшихъ ораторовъ нашихъ дней. Государственный Совѣтъ принялъ резолюцію Государственной Думы о борьбѣ съ «темными силами», о необходимости учредить министерство общественнаго довѣрія! Съѣздъ объединеннаго дворянства подхватилъ лозунгъ законодательныхъ палатъ! И, наконецъ, Марковъ II, въ качествѣ ближайшаго и наиболѣе доступнаго парламентскому воздѣйствію представителя «темныхъ силъ», извергнутъ изъ Думы и объявленъ подъ бойкотомъ!—Едва ли можно представить себѣ бливо, если принять во вниманіе, что при парламентскихъ постановкахъ,
бливо, если принять во вниманіе, что при парламентскихъ постановкахъ,
какъ бы высоко ни стояла ихъ закулисная «кулуарная» техника, никогда не удается срепетироваться до конца, до послѣдней іоты, но по необходимости приходится удѣлять много мѣста импровизаціи.

Правда, нѣкоторые изъ зрителей находятъ, что единство впечатлѣнія было нарушено изгнаніемъ трудовиковъ и соціалъ-демократовъ. Вѣдь вся вина крайнихъ лѣвыхъ, говорятъ ихъ защитники, состояла въ томъ, что они приняли въ серьезъ заявленіе большинства о невозможности работать совмѣстно съ правительствомъ, не пользующимся довѣріемъ палаты, и сдѣлали изъ этого заявленія тотъ единственный выводъ, который только и можно было сдѣлать въ данномъ случаѣ. Многихъ смущаетъ къ тому же еще и то обстоятельство, что небольшая кучка крайнихъ лѣвыхъ представляетъ въ Думѣ слои населенія, гораздо болѣе многочисленные, чѣмъ всѣ прочія партіи вмѣстѣ взятыя, — такъ что эти послѣднія образуютъ большинство исключительно милостію приснопамятнаго акта 3-го іюня.

Сомнѣнія и возраженія подобнаго рода удачно парировалъ предсѣдатель Государственной Думы въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ журналистами. На вопросъ о результатахъ посѣщенія его рабочей депутаціей, онъ, по словамъ интервьюера, съ достоинствомъ отвѣтилъ: судъ улицы не долженъ вліять на рѣшенія народнаго представительства. Дѣйствительно, «улицѣ», представляемой трудовиками и соціалъ-демократами, нѣтъ и не должно быть мѣста въ тѣхъ высоко-дипломатическихъ инсценировкахъ, которыя разыгрываются въ стѣнахъ Таврическаго дворца. Улица, съ ея наивнымъ реализмомъ, съ ея неумѣніемъ отдѣлить слово отъ дѣла, театральныя подмостки отъ дѣйствительности, парламентскую декламацію отъ реальной жизненной борьбы, — эта примитивная простодушная улица только нарушаетъ стиль и въ конецъ портитъ игру высокихъ артистовъ высокаго собранія. Вѣдь только представители улицы могутъ не знать до сихъ поръ, что по современнымъ эстетическимъ воззрѣніямъ произведеніе всякаго искусства, а слѣдовательно, и искусства парламентскаго, отнюдь не есть непосредственное отраженіе или продолженіе жизни во всей ея грубой матеріальности, а лишь умопостигаемый *символъ* бытія, самодовлѣющій и самоцѣнный въ своей абсолютной отрѣшенности отъ житейской пошлости и грязи. Между тѣмъ наивные трудовики и соціалъ-демократы, принявъ «въ серьезъ» возвышенные парламентскіе символы борьбы, тѣмъ самымъ именно и втоптали ихъ въ самую гущу житейской грязи; великолѣпную думскую симфонію заглушили они какофоніей пюпитровъ, отъ которой, какъ извѣстно, уже не особенно далеко до дикаго рева самой подлинной улицы.

«Но мраморъ сей, вѣдь, богъ! Такъ что же:
Печной горшокъ тебѣ дороже...»

Не удивительно, что думское большинство, оскорбленное въ самыхъ святыхъ своихъ эстетическихъ чувствахъ, удалило нарушителей порядка на 8 засѣданій.

Но позвольте, прерветъ насъ возмущенный читатель, неужели вы рѣшаетесь утверждать, что въ рѣчахъ думскаго большинства не было ни

малѣйшей искренности? Что почти античный гражданскій пафосъ П. Н. Милюкова, пламенное негодованіе Пуришкевича, трепетная скорбь Маклакова, — что все это лишь инсценировка, лишь заранѣе разученныя роли парламентской пьесы? — Избави насъ Богъ отъ сомнѣній въ искренности нашихъ парламентаріевъ! Но искренность вовсе не находится въ такомъ противорѣчіи съ парламентскимъ символизмомъ, какъ это кажется несвѣдущимъ въ политикѣ обывателямъ. На парламентскихъ подмосткахъ наши общественные дѣятели съ самой неподдѣльной искренностью возмущались позорной и губительной для родины властью «темныхъ силъ», но это вовсе не значитъ, что они готовы соскочить съ подмостковъ и схватиться съ темными силами, такъ сказать, въ рукопашную.

Темныя силы, безспорно, ненавистны. Но именно какъ объектъ всенародной ненависти, какъ бьющій въ глаза символъ всяческаго неустройства, какъ тотъ козелъ отпущенія, на котораго можно свалить вину за всю нашу «разруху», «темныя силы» — сущій кладъ для русскаго общественнаго дѣятеля, особенно въ такую трагическую, чреватую опасностями эпоху, какъ переживаемая нынѣ. Только принявъ въ соображеніе это обстоятельство, можно уловить интимный смыслъ тѣхъ патріотическихъ феерій, которыя разыгрываются въ настоящее время на парламентскихъ и иныхъ подмосткахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, при какой обстановкѣ созывалась Государственная Дума на осеннюю сессію. Продовольственный кризисъ достигъ полнаго развитія. Таксированные продукты массоваго потребленія или вовсе исчезли съ городскихъ рынковъ, или получались въ столь ничтожномъ количествѣ, что доставать ихъ могли лишь немногіе счастливцы, заручившіеся надлежащей протекціей. Стояніе въ хвостахъ все болѣе и болѣе пріобрѣтало характеръ безкорыстнаго спорта, испытанія «крѣпости нервовъ», не влекущаго за собой для большинства участниковъ никакой матеріальной компенсаціи. Чистый пшеничный хлѣбъ превратился въ сладкое воспоминаніе; чуть не ежедневно получались извѣстія о пріостановкѣ работы мельницъ за отсутствіемъ подвоза продукта, — и только угрозой реквизировать случайно обнаруженные тамъ и здѣсь запасы зерна удавалось побудить отдѣльныхъ мукомоловъ къ непродолжительному выполненію ихъ патріотической функціи. Но для всѣхъ уже стало ясно, что самыя энергичныя мѣры въ стилѣ реквизицій, секвестра и т. п. въ лучшемъ случаѣ могутъ лишь нѣсколько затянуть нашу народнохозяйственную агонію, но отнюдь не въ силахъ предотвратить надвигающейся катастрофы. Заговорили объ антагонизмѣ между городомъ и деревней, о томъ, что мужикъ готовъ кормить армію, но отказывается поставлять хлѣбъ на булки и мясо на котлеты для городскихъ купцовъ и баръ.

Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ гораздо проще и гораздо хуже. Мужикъ едва ли особенно интересуется конечнымъ назначеніемъ продаваемаго имъ хлѣба, но онъ очень заинтересованъ въ непосредственномъ, лично его касающемся, результатѣ продажи. Для него,

какъ и для всякаго «мелкаго самостоятельнаго товаропроизводителя», торговая сдѣлка есть часть двусторонняго акта купли-продажи; продать хлѣбъ — значитъ, купить косу, гвоздей, дегтя, мыла, что-нибудь изъ одежды и прочихъ необходимыхъ для деревни продуктовъ города. Но если на городскомъ рынкѣ ничего этого нѣтъ, или имѣется лишь кое-что, въ ничтожномъ количествѣ, крайне скверного качества и по совершенно фантастическимъ цѣнамъ, если, такимъ образомъ, актъ купли, по независящимъ отъ крестьянина обстоятельствамъ, не можетъ состояться, то, естественно, не можетъ состояться и актъ продажи: хлѣбъ остается невывезеннымъ, ибо гораздо проще держать его въ закромѣ, чѣмъ замѣнить бумажкой, ...

. . . .

. . . . Такимъ образомъ, нашъ относительный, специфически городской продовольственный кризисъ является неизбѣжнымъ результатомъ хлѣбнаго и [illegible] голода на продукты обрабатывающей промышленности, результатомъ абсолютной неспособности этой послѣдней насытить потребности населенія въ военное время. Иначе, конечно, и не могло случиться. Въ мирное время значительная доля нашего спроса на предметы обрабатывающей промышленности покрывалась заграничнымъ ввозомъ; съ наступленіемъ войны мы оказались почти отрѣзанными отъ міpового рынка; между тѣмъ, со времени занятія непріятелемъ промышленныхъ западныхъ губерній, и наши внутренніе рессурсы значительно сократились. При такихъ условіяхъ наступленіе у насъ голода на продукты индустріи можно было предсказать съ такою же математическою точностью, съ какою нѣмцы предусмотрѣли въ первые же мѣсяцы войны невозможность прокормиться собственнымъ хлѣбомъ. Съ противоположнаго конца, но столь же неотвратимо, какъ въ Германіи, надвигался на насъ хозяйственный кризисъ. И если нѣмцы пытаются предотвратить крушеніе героическими мѣрами, подчинивъ планомѣрному контролю не только потребленіе и обмѣнъ, но и само національное производство,—то и у насъ спасеніе могла бы принести . . . . лишь «строгая регламентація, и организація народнаго хозяйства, въ смыслѣ планомѣрнаго регулированія производства, транспорта, обмѣна и потребленія во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни», какъ гласитъ продовольственная резолюція крайней лѣвой нашей Думы.

Задача эта — огромной трудности, — особенно въ настоящій моментъ, когда упущено уже столько времени, когда кризисъ достигъ уже такой невѣроятной остроты. Нечего и говорить о томъ, что она не по плечу ни бюрократіи, ни мобилизованной цензовой «общественности»; только всѣ способные къ организаціи элементы . . . . . при величайшемъ напряженіи силъ могли бы, быть можетъ, достигнуть сколько-нибудь удовлетворительнаго результата. И, конечно, было бы наивно думать, что представители нашего либерализма способны, хотя бы въ этотъ трагическій моментъ, отрѣшиться отъ своихъ классовыхъ интересовъ и политиканскихъ традицій, что они въ состояніи обнаружить до-

статочно патріотизма и гражданскаго мужества, чтобы стать во главѣ общенароднаго движенія, направленнаго къ предотвращенію грозной опасности, [illegible] передъ [illegible] родиной. Но где же можно было надѣяться, что [illegible] займется положеніе съ достаточной серьезностью [illegible] вниманія отъ дѣйствительныхъ, [illegible] взорныхъ закулисныхъ [illegible] отдѣлываться отъ затрудненій путемъ [illegible] квази-патріотическихъ фразъ и [illegible]. Къ сожалѣнію, дѣйствительность [illegible] нашихъ надеждъ.

[illegible] бѣлыя полосы газетъ, [illegible], все выше и выше [illegible] еще день, и «ма[illegible] (не только) общественныхъ и [illegible] отстукивали «въ счетъ [illegible] Милюкова. Странное [illegible] встрѣчать въ рѣчахъ г-на [illegible] освѣщеніе вопроса, [illegible], что лидеръ кадетовъ [illegible] покрыть ся перво[illegible] удары по противъ [illegible] режима, но [illegible] расхищенія [illegible], какими бы [illegible] оперироваться. Ничего [illegible] ораторъ [illegible] представителей власти [illegible] достаточно су[illegible] побѣды надъ врагомъ. [illegible], жаждущихъ [illegible] полученія воспоминаній [illegible] необычные въ устахъ [illegible] разоблаченія «темныхъ силъ»! [illegible] разговоровъ съ [illegible] газетныхъ анекдотовъ и сплетенъ, и [illegible] факта. Все это знакомые [illegible] пріемы, все это изъ арсенала правыхъ, изъ числа [illegible] способовъ демонстрированія [illegible] своихъ враговъ. Но удивительно, что сумбурная рѣчь г-на Пуришкевича, въ которой нѣтъ, въ сущности, ничего, кромѣ ожесточенныхъ личныхъ нападокъ, въ котор[illegible] Di Marg[illegible] Walsh it [illegible] перелетаются въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ, производитъ впечатлѣніе непосредственнаго продолженія рѣчи г-на Милюкова.

Но о тѣхъ высокихъ дипломатическихъ источникахъ, въ которыхъ

черпалъ свою информацію [illegible], мы, [illegible], [illegible] лишь очень [illegible], [illegible] допустить. [illegible] что въ [illegible] данныя. [illegible] съ [illegible] гой [illegible] фабрикъ [illegible] отд[illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible]

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

[illegible] ній. . . . . [illegible] хотя бы [illegible] тіяхъ [illegible] сказать, [illegible] масть. [illegible] [illegible] логія [illegible] дворецъ: [illegible] всё содержаніе [illegible] рѣчей, посвященныхъ [illegible] силами».

Что же такое эти «темныя силы»? Отъ самихъ ихъ обличителей мы знаемъ, что рѣчь идетъ о ничтожной кучкѣ проходимцевъ, импонирующихъ своими личными связями, но въ настоящее время, какъ показываютъ событія, не встрѣчающихъ ни малѣйшей поддержки ни въ тѣхъ вліятельныхъ кругахъ, которые представлены думскимъ центромъ и думской правой (за исключеніемъ отдѣльныхъ черносотенныхъ представителей послѣдней), ни въ еще болѣе вліятельныхъ кругахъ, представленныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, ни, наконецъ, въ тѣхъ особо и исключительно вліятельныхъ кругахъ, которые объединены общедворянской организаціей. Казалось бы, борьба съ этимъ жалкимъ врагомъ для его столь многочисленныхъ и столь героически настроенныхъ противниковъ не можетъ представлять какихъ-либо затрудненій. Правда, единичные герои падали порой жертвой ничтожныхъ и презрѣнныхъ силъ; такъ, историки повѣствуютъ о томъ, что древне-римскій герой Сулла былъ заѣденъ вшами!!. Но неужели же подобное несчастіе могло сразу постигнуть сотни героическихъ борцовъ нашей нижней палаты, десятки великолѣпныхъ звѣздоносцевъ палаты верхней, тысячи самыхъ породистыхъ экземпляровъ земельной аристократіи? Какъ хотите, а такое предположеніе совершенно невѣроятно. «Правизна» и «лойяльность» лидеровъ нашей высокой политики также рѣшительно ничего въ данномъ случаѣ не объясняетъ; изъ русской исторіи можно привести сколько угодно примѣровъ, показывающихъ, что люди столь же правые, столь же лойяльные, столь же преданные нашимъ исконнымъ традиціямъ, безъ малѣйшихъ колебаній справлялись съ препонами, гораздо болѣе значительными.

Разгадка, какъ мы уже упоминали, можетъ заключаться лишь въ томъ, что дѣйствительная борьба съ темными силами вовсе не входитъ въ планы блока и его многочисленныхъ друзей и сотрудниковъ справа. И если бы даже безъ всякой борьбы, а просто по щучьему велѣнію да по Владимира Митрофановича прошенью, «темныя силы» вдругъ исчезли съ лица земли, — и если бы блоку было предложено организовать министерство изъ своей среды и, пользуясь всей полнотой власти, вести отечество «къ полной побѣдѣ», то дѣятели блока пришли бы въ полное отчаяніе. Моментъ величайшаго торжества блока неизбѣжно сталъ бы исходнымъ пунктомъ его величайшаго, катастрофическаго крушенія. Въ самомъ дѣлѣ, вынужденный взять на себя отвѣтственность за весь дальнѣйшій ходъ событій, блокъ имѣлъ бы передъ собой лишь два пути. Или оставить все по старому, дать «разрухѣ» развиваться естественнымъ порядкомъ вплоть до неизбѣжнаго краха и, такимъ образомъ, обречь себя въ жертву тому «страшному и безпощадному» суду, который, какъ явствуетъ изъ рѣчей многихъ думскихъ ораторовъ, рисуется имъ въ видѣ перспективы очень недалекаго будущаго, или же принять дѣйствительно героическія рѣшенія, наложить безпощадную узду на интересы и аппетиты своихъ цензовыхъ избирателей, создать всеобъемлющую . . . . . ., организацію хозяйства, — организацію, которая, разъ пустивъ корни и укрѣпившись въ странѣ, пожалуй, не захочетъ

исчезнуть по миновании въ ней острой надобности и, чего добраго, лишитъ либеральную буржуазію не только ея теперешнихъ [illegible] сверхъ-прибылей, но и тѣхъ [illegible] плодовъ войны, о которыхъ такъ сладко грезятъ наши [illegible]. [illegible] и въ томъ, и въ другомъ случаѣ — [illegible] приводитъ въ [illegible] прозрачный [illegible] [illegible] раемъ [illegible] [illegible] [illegible] А [illegible] Если бы [illegible] эзотерическій [illegible] ство, но [illegible] парламентскаго [illegible] сверхъ-парла[illegible] западнаго [illegible] послѣдніе [illegible] настоящимъ [illegible] ствомъ [illegible] довѣріе [illegible] ламентаризму [illegible] отвѣтственности [illegible] сверхъ-парла[illegible] коемъ [illegible] среды и [illegible] образомъ [illegible] своей [illegible] ственныхъ [illegible] только [illegible] таріевъ [illegible] ственнымъ [illegible] номъ и [illegible] ментаріи [illegible] пятствія [illegible] жилъ [illegible] . . . .

[illegible] наша [illegible] бы, [illegible] лишь неболѣе [illegible] либеральныхъ [illegible]. [illegible] того «[illegible]» [illegible], которое характеризуетъ [illegible] общество, [illegible] видитъ причины этой [illegible] не въ [illegible] не въ нашей безпомощности передъ разрухой, не въ томъ, что каждый, чувствуя приближеніе краха, думаетъ только о собственномъ спасеніи, свѣтитъ пока

еще не поздно, урвать и затащить въ свою нору кусокъ пожирнѣе... нѣтъ, все это пустяки, говоритъ проникновенный ораторъ, съ разрухой мы легко справились бы, если бы не чувствовали вездѣ кругомъ насъ предательства и провокаціи, если бы мы вѣрили, что начальство твердою рукой ведетъ насъ къ «полной побѣдѣ». Явись среди насъ такой твердый начальникъ, крикни онъ зычнымъ, исключающимъ всякое «недовѣріе», голосомъ: «ребята, не Москва-ль за нами!» — и всѣ наши недуги, какъ рукой сниметъ, отъ нашего экономическаго и психологическаго распада не останется и слѣда, мы моментально возродимся духовно и стройными рядами бросимся впередъ, забывъ о себѣ и помня только о нашихъ великихъ историческихъ задачахъ. Если «темныя силы» способны въ такой степени дезорганизовать цѣлую націю, таящую въ себѣ столь героическія возможности, то это уже не кучка безвѣстныхъ проходимцевъ, это — дѣйствительно гигантскія, почти мистическія силы, какой-то сатанинскій Деміургъ нашей исторіи. И отчаянная борьба съ этими могучими, но неуловимыми исчадіями ада, отнюдь уже не носитъ буффонски-комическаго характера, а, наоборотъ, пріобрѣтаетъ жуткій и мрачный, истинно трагическій колоритъ.

Успѣхъ перваго, демонологическаго отдѣленія осенней сессіи превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Общественное сочувствіе, разгораясь все ярче и ярче, быстро достигло степени настоящаго энтузіазма. Главные герои, — г-нъ Милюковъ и г-нъ Пуришкевичъ, — выступившіе съ публичными доносами, удостоились бурныхъ оваціи со стороны многочисленной публики, среди которой, по словамъ газетныхъ корреспондентовъ, офицерскія тужурки смѣшивались съ тужурками студентовъ и блузами рабочихъ. Подъ впечатлѣніемъ всеобщаго одушевленія вполнѣ благополучно, «пѣтушкомъ» проскользнула и вторая, хотя менѣе эффектная и сценическая часть сессіи, посвященная продовольственной разрухѣ. При громѣ еще не смолкнувшихъ аплодисментовъ никто не замѣтилъ, какими безпомощными мокрыми курицами явили себя здѣсь чемпіоны только что отплясавшихъ битвъ съ «темными силами». Никто не обратилъ вниманія на то, что одни ораторы блока громили правительство за нерѣшительность и колебанія, въ то время какъ другіе упрекали его въ чрезмѣрной быстротѣ и поспѣшности. Никого не поразило то обстоятельство, что даже самые рѣшительные представители блока въ самыхъ рѣшительныхъ своихъ заявленіяхъ не шли дальше первоначальнаго правительственнаго проекта «продовольственной повинности», — проекта, который ничего, конечно, не въ состояніи «урегулировать» и въ основѣ своей представляетъ лишь колоссальную реквизицію въ нѣсколько замаскированной формѣ. Спектакль при единодушномъ одобреніи зрителей благополучно докатывается до конца, до того вожделѣннаго момента, когда талантливые исполнители могутъ, наконецъ, смыть гримъ и разъѣхаться по домамъ, чтобы бодро и радостно встрѣтить наступающіе праздники въ тѣсномъ домашнемъ кругу.

Бодро и радостно, ибо что бы ни случилось въ будущемъ, все пой-

деть на пользу [illegible] родного парламента. Если, паче всякаго чаянія, [illegible] будетъ [illegible] заслугой [illegible] силы», — [illegible] же [illegible] лицъ. [illegible]

[illegible]

* * *

[illegible]

[illegible]

[illegible] Есть и тѣ фигуры [illegible] парламентская [illegible] — [illegible] само собой [illegible] касается [illegible], такъ сказать, [illegible] ни къ чему не обязывающихъ. [illegible] въ интересахъ такого рода театральныхъ эффектовъ, предметы, столь острые и столь серьезные, какъ [illegible] нашей внѣшней политики.

Всѣ парламентаріи, входящіе въ блокъ, являются, какъ извѣстно, горячими патріотами, мало того, заядлыми империалистами, — всѣ они

считаютъ территоріальный ростъ и ростъ внѣшняго могущества существеннымъ благомъ для нашего отечества. И было бы, конечно, нелѣпо требовать отъ нихъ, чтобы они подъ вліяніемъ какихъ-бы то ни было внѣшнихъ обстоятельствъ измѣнили это свое убѣжденіе по существу. Мы позволяемъ себѣ, однако, утверждать, что, именно какъ убѣжденные имперіалисты и добросовѣстные патріоты, они должны бы были въ настоящій моментъ относиться къ проблемамъ внѣшней политики съ сугубой осторожностью. . . . .

. . . .

. . . . . . Поэтому, если радикальное преодолѣніе разрухи невозможно, то долгъ всякаго честнаго патріота-имперіалиста,—подходить къ проблемамъ внѣшней политики съ величайшей осмотрительностью, изслѣдовать съ величайшей вдумчивостью всякую представляющуюся возможность выйти изъ создавшагося тяжелаго положенія, если и безъ блеска, то, по крайней мѣрѣ, безъ особаго срама. Между тѣмъ, мы не только не видимъ среди дѣятелей блока этой осмотрительности, которая, казалось бы, диктуется элементарной патріотической добросовѣстностью, но наблюдаемъ нѣчто прямо противоположное. Считая бюрократію абсолютно неспособной справиться съ разрухой, — вообще, не вѣря въ осуществимость радикальнаго плана преодолѣнія разрухи, ограничиваясь паліативами и, въ сущности, просто умывая руки,—либеральные политики, тѣмъ не менѣе, возвели въ какой-то спортъ швыряніе самыми агрессивными, самыми задорными, самыми вызывающими лозунгами . . . .
Всякая осторожность квалифицируется ими, какъ предательство. Попробуйте сказать, что достиженія труднѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ цѣлей нашего имперіализма пока еще ничѣмъ фактически не гарантировано, — и васъ немедленно провозгласятъ измѣнникомъ...

Что же это такое, господа? Бездонное легкомысліе или сознательная «провокація»? «Глупость ли это, или предательство?»

На послѣдній вопросъ можно отвѣтить въ данномъ случаѣ только такъ, какъ отвѣтилъ на него въ Думѣ депутатъ Карауловъ. Будемъ надѣяться, что это только глупое фанфаронство, но бываютъ историческіе моменты, когда и глупость уже есть предательство.

В. Базаровъ.

Бѣженцы и сибирская деревня.

Едва ли можно назвать какое-нибудь другое дѣло, въ которомъ хаосъ и дезорганизація нашей жизни проявились съ большей яркостью, чѣмъ въ бѣженскомъ вопросѣ.

Въ безконечно сложномъ дѣлѣ передвиженія милліоновъ людей за тысячи верстъ все, съ начала до конца, было предоставлено у насъ на волю случая и усмотрѣнія. У всѣхъ въ памяти ужасныя сцены выдворенія населенія изъ угрожаемыхъ районовъ. Всѣ помнятъ, какъ двигалась съ запада на востокъ толпа обезумѣвшихъ отъ страха людей, какъ шли они, оставляя за собою разбросанные трупы стариковъ и дѣтей. Не изгладились до сихъ поръ изъ памяти и картины водворенія бѣженцевъ въ назначенныхъ гдѣ-то для проживанія ихъ мѣстахъ.

Въ бѣженскомъ дѣлѣ было у насъ много любопытныхъ моментовъ, въ чемъ, какъ въ каплѣ воды, отразились всѣ особенности россійской жизни послѣдняго года. Когда наступитъ время сопоставлять хозяйственную жизнь западнаго края, тогда можно будетъ подвести итоги бѣженской кампаніи, ... Ибо только тогда мы увидимъ, насколько сохранились въ тылу эвакуированныя туда изъ угрожаемыхъ районовъ трудовыя силы страны.

Пока — для подведенія общихъ итоговъ время еще не пришло. Но пора подвести предварительные, мѣстные итоги. И въ настоящей статьѣ я пытаюсь дать для такихъ итоговъ кое-какіе матеріалы.

Мой кругъ наблюденій охватываетъ тѣ губерніи, куда сравнительно поздно докатилась бѣженская волна. Это—губерніи глубокаго тыла, куда шумъ боевой непогоды доходитъ лишь, какъ слабое, заглушенное дальнимъ разстояніемъ эхо.

Но Восточная Сибирь также испытала бѣженскіе дни, встряхнувшіе всѣ ея убогія общественныя силы. Въ Восточной Сибири, какъ и въ Европейской Россіи, разыгрывалась вокругъ бѣженскаго дѣла борьба между общественными и бюрократическими органами. Въ Восточной Сибири, какъ и въ Россіи, была сдѣлана попытка привлеченія бѣженцевъ къ сельско-хозяйственному труду. И на послѣдней попыткѣ мы остановимся съ особымъ вниманіемъ, такъ какъ эта сторона бѣженской кампаніи въ Сибири вылилась въ довольно своеобразныя формы.

I.

Небольшія партіи бѣженцевъ начали появляться въ Восточной Сибири съ конца августа минувшаго года.

. . . .

. . . . А [illegible]а Сибири все еще ждали [illegible] бѣженцевъ и готовились принять ихъ. Въ этихъ приготовле-ніяхъ [illegible] декораціи, на которую [illegible] себя героемъ [illegible] говорили [illegible]...

[illegible] бѣженской [illegible] смысла и [illegible] для встрѣчи бѣ-[illegible] Видное [illegible] въ сто-[illegible] [illegible] [illegible] но [illegible] эта [illegible] сообщенія [illegible].

[illegible] Сибирь.

[illegible] до 1500 [illegible] въ Кан-[illegible] въ Иркутскѣ — [illegible] — около [illegible] (кромѣ [illegible] волна [illegible] бѣженцевъ, [illegible]

[illegible] 15 г. свыше 20.[illegible] масштабу, по-[illegible].

[illegible]. Оборванные, растерянные [illegible] они другъ къ другу, [illegible].

Въ бѣженской [illegible] дѣтей и мало мужчинъ. Перепись, произведенная въ ноябрѣ въ [illegible] и охватившая 6025 ч., обнаружила такой составъ бѣженцевъ:

	до 7 лѣтъ.	8—14 лѣтъ.	15—17 лѣтъ.	18—45 лѣтъ	45—60 лѣтъ.	старше 60 л.
Мужчинъ . . .	635	609	261	628	403	148
Женщинъ . . .	680	639	256	1180	400	126

Такимъ образомъ, до *нормальнаго* состава въ охваченныхъ пере-

ностью бѣженскихъ семьяхъ не хватало приблизительно 550 взрослыхъ мужчинъ. Изъ этой убыли, самое большее, ½ можно было отнести на счетъ мобилизаціи. [illegible] семейнаго состава [illegible] и оставшихся въ пути членовъ семей.

Переписъ обнаружила среди бѣженцевъ [illegible]

. . . . . . [illegible] бѣженской волнѣ [illegible] женъ и дѣтей. [illegible] Сибирь съ [illegible] -то въ Россіи, [illegible]

. . . .

. . . .

При [illegible] ихъ [illegible] дѣтей и [illegible]

И [illegible] въ [illegible] трудовой [illegible]

[illegible]

— [illegible]!

По [illegible] 10% [illegible] ни въ [illegible] какъ [illegible] себѣ заработка...

И [illegible] работу не [illegible] разиты. [illegible] и [illegible] о «[illegible]» среди бѣженцевъ. [illegible] сти, ругались:

— [illegible] не хотятъ работать.

И въ подтвержденіе того, что бѣженцы — лодыри, приводились факты: такой-то бѣженецъ отказался [illegible] за 1 р. въ день; такая-то бѣженка отказывалась идти въ [illegible] бѣженцевъ въ убѣжищѣ отвѣтила, [illegible] изъ нихъ [illegible] убѣжищемъ:

— Мы сюда не по своей волѣ ѣхали. У себя мы работали. . . .

. . . .

Насколько глубоко проникла въ среду осѣвшихъ въ Сибири бѣженцевъ деморализація лодырничества?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить категорически: всѣ разговоры о

бѣженскомъ дѣятельности [illegible] порождены были невѣжествомъ и злопыхательствомъ обывательщины, неумѣвшей разобраться въ сложныхъ вопросахъ бѣженскаго дѣла.

Въ [illegible] городахъ бѣженцы — особенно, зимою — не [illegible] найти работы. [illegible] рабочій рынокъ предъявлялъ большой спросъ на высококвалифицированныхъ рабочихъ, и прибывшіе сюда ремесленники [illegible] хлѣбъ. Но ремесленники составляли [illegible] бѣженскихъ [illegible], а большинство приходилось на [illegible] работ[illegible], незнающихъ никакого ремесла. Имъ [illegible]. [illegible] видѣли это и, не вол[illegible] заработки, объ одномъ лишь мечтали, [illegible] бѣженскихъ комитетовъ:

— [illegible]! [illegible] хлѣба просить мы не будемъ. Тамъ [illegible].

[illegible] въ Сиб[illegible] и бѣженцы не отказывались. [illegible] самаго начала изъ 4.000 бѣженцевъ 8[illegible] работу. [illegible] только 600 ч. изъ числа за[illegible] работодателямъ, и мы не знаемъ, многіе ли изъ [illegible], и долго ли была работа у нихъ.

Въ [illegible] бюро труда [illegible] отчета бюро труда за полугодіе съ [illegible] 191[illegible] г. [illegible] 1913 г. [illegible] такія цифры:

	Записалось на работу		Получило работу	
	бѣженцевъ.	бѣженокъ.	бѣженцевъ.	бѣженокъ.
[illegible]	2[illegible]	63	115	38
[illegible]	[illegible]	20	49	18
[illegible]	75	24	3[illegible]	8
[illegible]	[illegible]	1[illegible]	1[illegible]	8
[illegible]	[illegible]	[illegible]	1[illegible]	15
[illegible]	[illegible]	21	17	15

[illegible] изъ числа осѣвшихъ въ [illegible] мужчинъ и 171 женщины и изъ нихъ [illegible] на работу 250 мужчинъ ([illegible]). Изъ этихъ цифръ ясно, что [illegible] въ Иркутскѣ.

[illegible] на работу и помимо бюро тр[illegible] рабочими руками, являлась въ [illegible] бѣженцевъ. [illegible]-то наниматели, неповѣдавшіе [illegible], что бѣженецъ, пригрѣтый въ убѣжищѣ, не [illegible] отказываться отъ предлагаемаго ему добрыми людьми заработка,—они наниматели и распускали по городу слухи о томъ, что бѣженцы не желаютъ работать.

[illegible] высмотрѣла себѣ въ убѣжищѣ дѣвушку со смышленымъ лицомъ.

— Ты грамотная?

— Да.

— Ступай ко мнѣ въ прислуги. Горничной будешь помогать...

— Отца моего спросите.

— Кто твой отецъ? Позови его сюда.

Дѣвушка подводитъ къ барынѣ старика съ длинной бородой. Въ Курляндской губерніи у него была ферма, онъ держалъ 8 лошадей и 15 коровъ, нанималъ 3-4 годовыхъ работниковъ. Теперь у него нѣтъ ничего, кромѣ акуратныхъ грамотъ, удостовѣряющихъ, что у него реквизировано и истреблено имущества на 3.000 руб.

Выслушавъ барыню, старикъ заявляетъ угрюмо:

— Не пущу дочь отъ себя. Здѣсь всѣ вмѣстѣ помремъ.

Барыня возмущена. И пойдетъ по городу сплетня о томъ, что бѣженцы не желаютъ работать.

По моимъ наблюденіямъ, бѣженцы отказывались отъ предлагаемой имъ работы лишь тогда, когда эта работа явно не соотвѣтствовала ихъ силамъ, когда плата за трудъ была до издѣвательства ничтожна или когда поступленію на мѣсто мѣшало отсутствіе обуви и теплой одежды.

Отъ *подходящей* работы бѣженцы не отказывались. Но когда мѣстные общественные «дѣятели» пытались воздѣйствовать на бѣженцевъ силой своего краснорѣчія и начинали читать имъ нотаціи о развращающемъ вліяніи праздности и о спасительности труда, когда мѣстные либералы принимались толковать бѣженцамъ объ ихъ *обязанности* трудиться, бѣженцы возражали имъ съ мужицкой рѣзкостью:

— У себя мы трудились, а здѣсь не желаемъ. . . . .

. . . .

Въ сознаніи бѣженской массы крѣпко сидѣла мысль, что государство *обязано* кормить и содержать ихъ впредь до возстановленія ихъ разрушенныхъ очаговъ. И потому въ дни вынужденной праздности, когда у нихъ не было работы, бѣженцы не чувствовали себя лодырями и преступниками. Они брали паекъ изъ рукъ филантропствующихъ барынь и либеральныхъ обывателей не какъ милостыню, а какъ свое право.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Но, отстаивая свое *право* на помощь со стороны государства, бѣженцы не склонны были толковать это право, какъ *право на лѣнь*. Они сохраняли за собой лишь право отказа отъ *неподходящей работы*.

Въ частности, *неподходящей* работой считали они почти всякую предлагаемую имъ работу *въ отъѣздъ*. И на этой чертѣ отношенія бѣженцевъ къ работѣ мы должны остановиться.

Люди, измученные безконечной дорогой съ Западной окраины Россіи въ Восточную Сибирь, зачастую потерявшіе въ пути близкихъ, боялись

дальнѣйшихъ передвиженій, крѣпко держались другъ за друга и молили:

— Не отправляйте насъ никуда, кромѣ какъ на родину! Если нельзя домой вернуться, дайте здѣсь хоть умереть спокойно.

Особенно боялись отправки на Востокъ. Эта боязнь усиливалась слухами о томъ, что за Байкаломъ начинается царство вѣчной зимы.

— Тамъ изъ живыхъ никто не живетъ, — увѣряли меня бѣженцы: — и людей тамъ нѣтъ. Только камень да ледъ.

А еще боялись отбиться отъ своихъ земляковъ, отъ своей деревни, отъ своей волости. Эта боязнь была настолько сильна, что бѣженцы неохотно шли въ убѣжища, въ которыхъ не могла помѣститься вся деревня, и отказывались отъ разселенія по отдѣльнымъ квартирамъ.

Эту-то бѣженскую массу и рѣшено было въ началѣ текущаго года разбросать по сибирскимъ деревнямъ, чтобъ разгрузить города отъ грозящаго имъ санитарному благополучію элемента, чтобъ избавить бѣженцевъ отъ деморализующаго вліянія праздности и чтобы повысить производительность сибирскаго сельскаго хозяйства.

II.

О выселеніи бѣженцевъ въ деревню въ сибирскихъ городахъ начались разговоры еще въ 1915 г. Города смотрѣли на бѣженцевъ, какъ на временныхъ гостей и ждали весны, чтобы разстаться съ ними.

Но большой энергіи въ дѣлѣ «эвакуаціи» бѣженцевъ сибирскіе отдѣлы всероссійскаго союза городовъ не проявляли, — и не безъ основаній. Въ городахъ бѣженцы находились въ вѣдѣніи, хоть и плохенькихъ, но все же общественныхъ организацій. А за чертой города вліяніе этихъ организацій прекращается. Въ деревняхъ Сибири о бѣженцахъ пекутся губернскіе комитеты и организованныя этими комитетами «попечительства». . . . .

Отсутствіе земства въ Сибири, отсутствіе всякихъ зачатковъ общественности въ сибирской деревнѣ и особенно правового быта сибирскихъ медвѣжьихъ угловъ привели къ тому, что, эвакуируя бѣженцевъ въ деревни, мѣстныя общественныя организаціи приняли бы на себя слишкомъ тяжелую моральную отвѣтственность. И потому именно вокругъ вопроса объ эвакуаціи бѣженцевъ въ деревню возгорѣлась борьба между общественными и бюрократическими организаціями, вѣдающими бѣженское дѣло.

Особенно шумный характеръ приняла эта борьба въ Иркутскѣ, гдѣ предсѣдатели губернскаго и городского комитетовъ вступили въ единоборство въ видѣ ядовитой газетной полемики.

Губернскій комитетъ всю зиму «подготовлялъ» матеріалы для весенней эвакуаціи бѣженцевъ. Плодомъ его работы явился особый «списокъ», который былъ препровожденъ имъ къ началу весны въ городской комитетъ. Въ этомъ «спискѣ» было перечислено 34 села и деревни въ волостяхъ Уянской, Кимильтейской, Куйтунской, Шарагульской, Барлукской и Шебартинской, въ которыхъ губернскій комитетъ предлагалъ

размѣстить, для начала, 700 [illegible]. «Вмѣсть» [illegible] пункта для размѣщенія [illegible] была [illegible] въ 10. 15. 20 ч. [illegible] села предполагалось [illegible] 20-40 ч. [illegible] комитетъ [illegible].

Бѣженцы, [illegible] мѣсть.

. . . .

И направ[illegible] сибирской [illegible] ской [illegible].

— [illegible] —
земли [illegible].

А [illegible]

— [illegible] себѣ
вернешь.

[illegible]

— [illegible] . . . .

. . . .

[illegible] деревн[illegible] комитет[illegible] точно [illegible] [illegible] тельны[illegible] рѣши[illegible].

[illegible] быть [illegible] сель.

[illegible] опред[illegible] нѣ[illegible] бѣжен-цахъ, [illegible].

— Ра[illegible] тѣхъ принцип[illegible].

«[illegible]» [illegible] гораздо больше, [illegible]:

---

1 Небезынтересно [illegible], что мѣстная [illegible] къ этому шагу [illegible] терпимо и не усмотрѣла въ немъ «[illegible]», которые такъ пугали иркутскихъ [illegible]дегов[illegible],

		По списку комитета.	По свѣдѣніямъ, добытымъ ходоками.
С. [illegible]		35 бѣж.	100 бѣж.
С. [illegible] »		40 »	200 »
С. [illegible] »		40 »	100 »
С. Шарагуль »		40 »	100 »

А всѣ 6 селеній по «списку» могли принять 700 чел., а по свѣдѣніямъ, собраннымъ ходоками, 1650 чел. Разница довольно существенная, такъ какъ, отправляясь въ то или иное село въ составѣ 100, 200 чел., бѣженцы сохраняли бы связь между собой, оставались бы сплоченными въ естественныя группы, не распылялись бы среди мѣстнаго населенія.

. . . .

. . . .

. . . .

По[illegible] ходоковъ-бѣженцевъ по деревнямъ дала и другіе не менѣе цѣнные матеріалы. [illegible] возможность заглянуть вглубь сибирской [illegible] въ жизни сибирской деревни [illegible] войны.

. . . .

. . . .

. . . .

[illegible] обиліе луговъ и безграни[illegible] деревня, на первый взглядъ, кажется [illegible]. Дома здѣсь такіе, о какихъ россійскій мужикъ средняго достатка и не [illegible]. [illegible] деревушки прекрасный видъ. [illegible] Но крестьянское хозяйство въ Восточной Сибири ведется [illegible] плохо. Достаточно сказать, что не всегда [illegible] деревняхъ валятъ [illegible] въ рѣку, или [illegible] съ соломой.

Плохо поставлено хозяйство и у новоселовъ. Здѣсь семьи перебиваются лишь благодаря тому, что переселенческій потокъ приноситъ въ восточную Сибирь крѣпкія отборныя рабочія силы.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Всѣ перечисленныя обстоятельства, повидимому, говорили въ пользу размѣщенія бѣженцевъ по деревнямъ. Можно было ожидать, что приливъ рабочихъ рукъ позволитъ расширить площадь посѣвовъ, пріостановить процессъ оскудѣнія.

И потому крестьяне ласково встрѣчали бѣженскихъ ходоковъ и старались въ возможно радужномъ свѣтѣ представить имъ ожидающую ихъ въ деревнѣ жизнь. Такимъ образомъ, разселеніе бѣженцевъ, что до-

ревня встрѣтитъ ихъ иконами и трезвономъ, оказалось неосновательнымъ.

Сибирская деревня обѣщала хорошую заработную плату бѣженцамъ: мужчинамъ 1 р. въ день, женщинамъ — 75 к.[1]. За уборку хлѣба съ десятины обѣщали: 20 пуд. зерна, 10 фунт. мяса, 1/4 кирпича чаю и столько картофеля и крупы, сколько съѣдятъ во время работы. Или, по желанію, предлагали: до 15 р. деньгами, 1 1/2 п. муки и 1/4 кирпича чаю.

Казалось, вопросъ объ эвакуаціи бѣженцевъ изъ города въ деревню для Иркутска былъ разрѣшенъ. Деревня произвела на бѣженцевъ-ходоковъ настолько благопріятное впечатлѣніе, что возраженія противъ поѣздки въ деревню должны были отпасть сами собой. Къ тому же за бѣженцами, отправлявшимися въ деревню на время сельско-хозяйственныхъ работъ, сохранялся полный [illegible], а [illegible] остающимися въ городѣ [illegible]..

. . . .

. . . .

Эвакуація въ деревню весной 16... [illegible] всего лишь около 300 чел. бѣженцевъ. Но и изъ нихъ [illegible] въ городъ, жалуясь на отсутствіе заработковъ въ деревнѣ, на задержку въ полученіи найма, на недружелюбное отношеніе населенія. Такія же [illegible] несутся и отъ бѣженцевъ, съ осени начавшихъ [illegible] по деревнямъ.

Сибирская деревня, испытывающая [illegible] острую нужду въ рабочихъ рукахъ, не смогла, или не пожелала, использовать трудъ бѣженцевъ. А бѣженцы не смогли или не пожелали приложить свои силы къ сельско-хозяйственному труду, хотя [illegible] было обезпечено и кровъ, и предложенъ сравнительно высокій заработокъ.

Положеніе получилось довольно парадоксальное. Какъ объяснить его?

III.

Было бы нелѣпо искать объясненія отмѣченнаго парадокса въ закоснѣломъ характерѣ сибирскихъ крестьянъ, или въ склонности бѣженцевъ къ лодырничеству. Попытки приспособить бѣженцевъ къ нуждамъ сибирскаго сельскаго хозяйства были обречены на неудачу въ силу иныхъ причинъ.

Какъ извѣстно, въ Сибири нѣтъ крупнаго землевладѣнія, нѣтъ ни помѣщиковъ, ни обширныхъ сельско-хозяйственныхъ экономій. Земля здѣсь въ изобиліи, хозяйство ведется экстенсивное. Хозяйственной единицей является крестьянская семья, въ случаѣ надобности нанимающая одного-двухъ работниковъ на подмогу.

Такое хозяйство представляетъ собою весьма плохой рабочій

[1] Въ дѣйствительности, въ страдную пору лѣта 16 г. заработная плата въ сибирской деревнѣ оказалась даже выше этой нормы, обѣщанной въ мартѣ, до начала работъ: женщинамъ платили по 1 р. въ день, мужчинамъ по 1 р. 50 к.—1 р. 80 к.

рынокъ. Только капиталистически организованное хозяйство, обладающее необходимой эластичностью, способностью расширяться и сжиматься, можетъ поглощать большія количества внезапно выбрасываемой на рынокъ рабочей силы. Только капиталистическое хозяйство, разлагающее производственный процессъ на рядъ простѣйшихъ техническихъ операцій и отдѣляющее организаторскія функціи отъ простого труда, можетъ использовать для своихъ нуждъ силы случайныхъ, пришлыхъ рабочихъ. Въ такомъ хозяйствѣ можетъ быть использованъ съ выгодой для хозяина какой угодно трудъ — и дѣтскій, и женскій, и стариковскій.

Но не таково отношеніе къ наемному труду мелкаго крестьянскаго хозяйства. Оно можетъ съ выгодой для себя использовать лишь рабочую силу опредѣленнаго достоинства. Неполная рабочая сила (напримѣръ, женщина-работница) въ немъ не всегда окупаетъ себя. А случайныя рабочія руки, по большей части, здѣсь не могутъ найти приложенія.

. . . .

. . . .

. . . .

Если бы существовало въ Сибири прочное и достаточно демократическое земство, если-бы сибирская деревня была покрыта сѣтью кооперативовъ, обслуживающихъ всѣ стороны крестьянскаго быта, если бы сибирская деревня не была темна, какъ ночь, если бы билась въ ней жизнь живая, — то всѣ затрудненія, быть можетъ, удалось бы преодолѣть. Удалось бы, быть можетъ, организовать на тѣхъ или иныхъ началахъ общественные посѣвы и спасти мѣстное хозяйство отъ оскудѣнія.

Но при существующихъ условіяхъ изъ попытки замѣнить выбывшія изъ сибирской деревни полноцѣнныя мужскія рабочія руки бѣженцами, не могло получиться ничего путнаго.

Администрація, настаивавшая на эвакуаціи бѣженцевъ въ деревню, и мѣстные общественные дѣятели, которые готовы были проводить эту эвакуацію путемъ насилія надъ бѣженцами, забыли о томъ, что бѣженцы — живые люди, и не потрудились заглянуть въ душу этихъ людей. А душа этихъ людей полна однимъ страстнымъ стремленіемъ, — стремленіемъ вернуться на родину къ разрушеннымъ очагамъ.

Бѣженцы въ Сибири обнаруживаютъ страхъ передъ всѣмъ, что можетъ ихъ связать съ Сибирью, что можетъ затруднить ихъ возвращенье въ Россію. Они отказываются ѣхать дальше на востокъ, такъ какъ каждая лишняя сотня верстъ, лежащая между ними и Россіей, свѣжей раной отзывается въ ихъ сердцахъ. По той же причинѣ они отказываются ѣхать въ сторону отъ желѣзной дороги, не желаютъ, напримѣръ, отправляться на пріиски или на работу по сплаву.

Бѣженцы неохотно поступаютъ на постоянную службу. И даже устройство школъ для ихъ дѣтей многихъ изъ бѣженцевъ наводило на мрачныя мысли.

Бѣженцы осаждаютъ комитеты просьбами о разрѣшеніи вернуться въ Европейскую Россію. Чаще всего просятся въ Кубанскую область и на Волгу. . . . .

Бѣженцы боятся покидать убѣжища, такъ какъ опасаются, что начальство можетъ забыть про нихъ, когда придетъ время отправки ихъ на родину. Упорство, съ какимъ держатся они за свои группки, объясняется, въ значительной степени именно этимъ опасеніемъ: про Ивана, про Сидора могутъ забыть, а всѣхъ гродненскихъ въ Сибири не оставятъ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Въ убѣжищѣ бѣженцы чувствуютъ, что отсюда ихъ отправятъ домой. Въ деревнѣ камнемъ лежитъ на душахъ ихъ боязнь, что здѣсь ихъ оставятъ и послѣ войны.

Отсутствіе общественныхъ организацій въ деревняхъ усиливаетъ эту боязнь бѣженцевъ. Задержки съ выдачей пайка заставляютъ бѣженцевъ думать, что ихъ уже забыли. И вотъ они бросаютъ деревню и тянутся въ городъ, ...

. . . .

До весны бѣженцамъ, осѣвшимъ въ Сибири, почти не выдавались разрѣшенія на отъѣздъ въ западномъ направленіи. Теперь, когда выяснилось, что сибирская деревня бѣженскаго труда использовать не можетъ, такія разрѣшенія стали выдаваться сравнительно легко. Такимъ образомъ, изъ одного только Иркутска къ августу выѣхало свыше 2000 бѣженцевъ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Плохо использовала далекая окраина тотъ человѣческій матеріалъ, который забросила въ ея предѣлы война. Плохо использовала она силы этихъ людей и не смогла сохранить ихъ до того времени, когда придется имъ возстановлять нарушенную войной хозяйственную жизнь родного края.

. . . .

. . . .

. . . .

Вл. Войтинскій.

КОГДА ЖЕ РОССІЯ СТАНЕТЪ ГРАМОТНОЙ?

Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ, пожалуй, такихъ разительныхъ культурныхъ контрастовъ, какъ въ Россіи. Здѣсь нерѣдко можно встрѣтить человѣка fin de siècle въ постоянномъ дѣловомъ общеніи съ представителемъ эпохи каменнаго вѣка. Здѣсь интеллигенція, усвоившая послѣднее слово науки и философіи, составляетъ тонкую пленку на цѣломъ океанѣ средневѣковой тьмы. И замѣчательно, что эту тьму болѣзненно ощущаютъ не столько рафинированные представители интеллигенціи, сколько тѣ выходцы изъ народныхъ низовъ, которые сумѣли или смогли пріобщиться къ сокровищницѣ современной умственной жизни. Эти послѣдніе чувствуютъ народную тьму потому острѣе, что ближе съ нею соприкасаются и больше съ нею борятся. Что же касается профессіональной интеллигенціи, то она, создавая для себя свой міръ абстракцій, часто не замѣчаетъ или безсознательно игнорируетъ конкретный міръ дѣйствительной жизни, апперципируя ее — совсѣмъ по Канту! — сквозь призму своихъ апріорныхъ предпосылокъ.

Достаточно побесѣдовать съ дѣятелями профессіональныхъ союзовъ, рабочихъ просвѣтительныхъ обществъ, рабочихъ и крестьянскихъ кооперативовъ, чтобы оцѣнить ту огромную отрицательную роль, которую играетъ въ области демократическаго движенія неграмотность населенія городовъ и селеній, фабрикъ и заводовъ. Проблема грамотности — эта давняя наша общественная проблема, отнюдь, однако, не является устарѣвшей, а, наоборотъ, пріобрѣтаетъ большую остроту.

Поэтому чрезвычайный интересъ представляютъ всѣ тѣ изслѣдованія, которыя сдѣланы за послѣднее время въ этомъ отношеніи. Важнѣйшимъ трудомъ въ этой области надо признать недавно законченную сводку данныхъ всероссійской однодневной школьной переписи 18 января 1911 года. Это обстоятельный трудъ, состоящій изъ 16 объемистыхъ тетрадей, сплошь заполненныхъ богатымъ цифровымъ матеріаломъ, разбираться въ которомъ заинтересованныя лица и учрежденія будутъ, вѣроятно, въ теченіе всего ближайшаго десятилѣтія. Для затронутаго въ настоящей статьѣ вопроса особый интересъ представляетъ послѣдній XVI выпускъ, содержащій «итоги по имперіи» (въ предшествовавшихъ выпускахъ давались итоги по учебнымъ округамъ).

Переписи подлежали всѣ начальныя одноклассныя и двухклассныя училища. Не вошли сюда высшія начальныя и среднія школы. Внѣ обслѣдованія оказались также такъ называемыя неорганизованныя школы: еврейскіе хедера, мусульманскіе мектебе и т. п. Но школы

грамоты вошли въ сферу учета. И вотъ перепись насчитала 100.749 начальныхъ школъ (въ томъ числѣ 4.397 школъ грамоты) земскихъ, городскихъ, сельско-общественныхъ, министерскихъ, церковныхъ, частныхъ и т. д. Въ наибольшемъ числѣ въ Россіи существуютъ слѣдующія категоріи правильно организованныхъ школъ.

	Число школъ.	Число учащихся.
Церковно-приходскія	33.942	1.313.145
Земскія	23.365	1.876.208
Сель[illegible] и станичныя .	11.660	776.652
Пр[illegible] . . .	6.070	563.653
При[illegible]	3.921	271.464
Гор[illegible]	2.550	311 617
Част[illegible]	2.613	141.073
[illegible]	1.601	124.835
[illegible]	1.052	40.750

Остальныя 9 тысячъ школъ [illegible], во-первыхъ, школы грамоты, во-вторыхъ, школы [illegible]-заведенія, школы желѣзнодорожныя, школы мин. [illegible] общественныя школы и т. д.

Въ [illegible] мѣстностяхъ [illegible] остальныхъ у[illegible] распредѣляется между мин. нар. просвѣщенія и [illegible] вѣдомствомъ. Въ вѣдѣніи перваго въ 1911 г. находилось 59.789 учениковъ, [illegible] — 28.329 учащихъ.

Общее число учащихся во всѣхъ начальныхъ школахъ имперіи составляло 6.[illegible] человѣкъ.

[illegible] распредѣленіе школъ и учащихся по [illegible] Россіи.

	Школъ.	Учащихся.	На 100 жителей приходится учащихся.
Въ 50 губ. Европ. Россіи . . .	81.657	5.550.000	4.52
» [illegible]губ. П[illegible]	3.02[illegible]	167.857	6.25
» [illegible]	[illegible].027	[illegible]93.939	3.16
На Кавказѣ	4.4[illegible]	[illegible].625	2,75
Въ Туркестанѣ	476	29.[illegible]44	0.44
» Западн. Сибири	3.[illegible]46	179.012	2.[illegible]
» Восточн. [illegible]	1.951	69.171	3,16
» Приамурскомъ краѣ . . .	671	26.100	4,43

Если взять % учащихся къ населенію всей Россіи, то онъ не превышаетъ 4,64. [illegible] учащихся [illegible] болѣе, чѣмъ [illegible], соотвѣтственно [illegible] учащихся мальчиковъ къ мужскому населенію поднимается до 5,48; учащіяся же дѣвочки составляютъ всего лишь 2.69% женскаго населенія страны. Разумѣется, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи отношеніе женскаго населенія къ школѣ не одинаково. Такъ, въ Прибалтійскомъ краѣ дѣвочки-ученицы составляютъ 5.57% женскаго населенія, а въ [illegible] Россіи — 2.8%, причемъ лучше всего посѣщаются дѣвочками школы въ Тверской (4,8%), Московской (4,7%) и Петроградской (4,64%) губерніяхъ.

Какое значеніе имѣютъ всѣ эти цифры для уясненія проблемы

грамотности? Если бы установленное переписью число школъ и учащихся было достаточно для осуществленія всеобщности начальнаго обученія, то этимъ самымъ разрѣшился бы и вопросъ о грамотности. Слѣдовательно, необходимо выяснить, какъ далека была Россія въ моментъ переписи отъ всеобщности начальнаго обученія.

Къ сожалѣнію, отвѣтить на этотъ вопросъ можно лишь приблизительно. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ о числѣ дѣтей принятаго въ Россіи школьнаго возраста (8—11 лѣтъ). Приходится до сихъ поръ еще пользоваться данными всероссійской переписи 1897 г. Такимъ образомъ, если допустить, что % дѣтей указанныхъ возрастовъ къ населенію страны теперь тотъ же, что и въ 1897 году, то къ 1 января 1911 г. общее ихъ число должно было составлять около 14,8 милліоновъ человѣкъ. Нужно не упускать изъ виду, что и общая численность населенія опредѣляется путемъ вычисленій на основѣ переписи 1897 года. Поэтому только что указанная цифра дѣтей 8—11 лѣтъ является лишь теоретически допустимой величиной, и всѣ основанные на ней разсчеты имѣютъ по необходимости столь же теоретическое значеніе.

Вычисленное такимъ путемъ число дѣтей школьнаго возраста болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ число учащихся въ начальныхъ школахъ. Не надо забывать при этомъ, что среди учащихся, зарегистрированныхъ переписью 1911 года, дѣтей въ возрастѣ 8—11 лѣтъ всего 72,5%, или около 4.460.000 человѣкъ. Слѣдовательно, болѣе 10 милліоновъ дѣтей этой возрастной группы (14,80 милл. минусъ 4,46 милл.) въ день переписи находились внѣ школы. Получается ужасающій выводъ: въ Россіи учится лишь одна треть дѣтей школьнаго возраста.

При ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса, однако, выводъ этотъ значительно теряетъ характеръ своей первоначальной остроты.

Во-первыхъ, нѣкоторая часть дѣтей указанной возрастной группы учится въ средней школѣ, въ первыхъ классахъ высшихъ начальныхъ училищъ, въ такъ называемыхъ неорганизованныхъ школахъ (хедерахъ, мектебе и т. п.) и, наконецъ, дома. Какъ велика эта часть, опредѣлить трудно, даже совсѣмъ невозможно.

Во-вторыхъ, ежегодно покидаетъ школу до окончанія въ ней полнаго курса свыше милліона дѣтей (въ 1910 г., согласно переписи,—1.268.383 человѣка), да кончаетъ курсъ около ½ милліона, въ большинствѣ случаевъ, въ возрастѣ 11 лѣтъ.

Такимъ образомъ, можно безъ особой натяжки скинуть съ 10 милліоновъ еще милліона два и опредѣлить число дѣтей, нуждающихся въ въ школѣ, приблизительно въ 8 милліоновъ. Однако, чтобы всѣ эти 8 милліоновъ дѣтей могли получить грамоту, отнюдь не требуется построить школы для всего ихъ числа. Если на 6,6 милліоновъ учащихся въ 1911 году приходилось около 2 милліоновъ дѣтей, уже побывавшихъ въ школѣ и отчасти кончившихъ курсъ и, слѣдовательно, уже потерянныхъ для школы, то ясно, что при увеличеніи числа учащихся вдвое, долженъ вдвое же увеличиться и контингентъ побывавшихъ въ школѣ и, слѣдовательно.

уже грамотныхъ дѣтей. Итакъ, число дѣйствительно нуждающихся въ школѣ дѣтей можно съ 8 понизить до 6 милліоновъ человѣкъ. Другими словами, мы приходимъ къ выводу, что въ 1911 году число начальныхъ школъ было вдвое менѣе того ихъ числа, которое нужно было въ интересахъ всеобщаго обученія.

Правильность этого вывода до извѣстной степени подкрѣпляется и соображеніями другого порядка. Въ Германіи на каждую сотню жителей приходилось въ 1911 году 15,9% учащихся въ начальныхъ школахъ [1]. Въ этой странѣ начальное обученіе носитъ обязательный характеръ для дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 15 лѣтняго возраста. Если бы у насъ всеобщность и обязательность обученія была распространена также на возрастную группу 6 — 13 лѣтъ, то число учащихся достигло бы 30 милліоновъ, т. е. вдвое больше числа дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ. При нашихъ условіяхъ рѣчь можетъ идти только объ этой возрастной группѣ. Поэтому, если бы принципъ всеобщности обученія былъ осуществленъ хотя въ предѣлахъ этихъ четырехъ возрастовъ, то это дало бы 8—9% учащихся по всему населенію страны. Въ настоящее же время процентъ учащихся едва превышаетъ 4. Слѣдовательно, если исходить изъ этихъ расчетовъ, въ Россіи не хватало въ моментъ переписи такого же числа школъ, какое было этой переписью установлено.

Въ Россіи нѣтъ еще *ни одной губерніи,* гдѣ можно было бы констатировать 8 — 9% учащихся въ начальныхъ школахъ. Лишь нѣсколько *уѣздовъ* дали % учащихся, близкій къ тому среднему % для всей Россіи, который долженъ служить — согласно вышеизложеннымъ соображеніямъ — показателемъ осуществленности въ данной мѣстности всеобщаго обученія. Таковы уѣзды: Шлиссельбургскій (8,96%) и Царскосельскій (8,73%) Петрогр. губерніи, Новоторжскій (8,26%) Тверской губерніи и Епифанскій (8,08%) Тульской губерніи.

Такова картина начальнаго образованія въ Россіи, поскольку она можетъ быть нарисована въ самыхъ общихъ и наиболѣе характерныхъ чертахъ его внѣшняго облика.

Послѣ переписи прошло около 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ едва-ли могли произойти существенныя измѣненія въ числѣ школъ и учащихся. Нетрудно, впрочемъ, приблизительно опредѣлить эти измѣненія. На основаніи данныхъ о времени открытія зарегистрированныхъ переписью школъ возникновеніе новыхъ школъ за послѣднее десятилѣтіе передъ переписью характеризуется слѣдующими цифрами:

Было открыто новыхъ школъ:

Въ 1901 году	2.478	въ 1906 году	2.526
» 1902 »	2.810	» 1907 »	3.193
» 1903 »	2.873	» 1908 »	4.050
» 1904 »	2.632	» 1909 »	5.036
» 1905 »	2.407	» 1910 »	5.650

[1]) См. Statist. Jahrbuch des Deutsch. Reiches fur 1914., гдѣ приводятся абсолютныя числа, на основаніи которыхъ вычисленъ этотъ процентъ.

Какъ видимъ, съ 1906 г. идетъ довольно быстрое возрастаніе числа вновь открываемыхъ школъ. Едва-ли мы ошибемся, если предположимъ, что въ послѣдующіе годы вновь открывалось не менѣе 5000 школъ въ среднемъ за годъ. Слѣд., къ январю 1915 года общее число школъ могло возрасти до 120,000, а число учащихся въ нихъ до 7.900.000 человѣкъ, или на 20% противъ января 1911 года. Какъ отразилась война на процессъ возникновенія новыхъ школъ, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, трудно это вліяніе выразить въ цифрахъ, за отсутствіемъ достаточныхъ для этого данныхъ.

Возможно гипотетически опредѣлить и то количество лѣтъ, которое потребно для осуществленія всеобщности обученія на всемъ пространствѣ Россіи. Если открытіе новыхъ школъ будетъ идти только что указаннымъ темпомъ, то 1921 годъ можно будетъ считать годомъ, когда всеобщность начальнаго обученія въ Россіи станетъ свершившимся фактомъ. Но если темпъ открытія новыхъ школъ усилится, то, конечно, соотвѣтственно степени его усиленія приблизится и желанный моментъ осуществленія всеобщаго обученія. А вмѣстѣ съ тѣмъ, войдетъ въ жизнь, въ качествѣ одного изъ ея факторовъ, всеобщая грамотность.

Было бы въ высокой степени важно узнать, какъ велика степень грамотности взрослаго населенія Россіи въ настоящее время. Къ сожалѣнію, въ этой области мы располагаемъ лишь совершенно отрывочными данными. Можно попытаться, однако, сдѣлать изъ этихъ данныхъ общіе выводы, имѣющіе довольно высокую степень вѣроятности.

Въ статистическомъ обзорѣ народнаго образованія въ Харьковской губерніи [1] мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о грамотности новобранцевъ: въ 1900 г. грамотныхъ среди новобранцевъ было 45,1%, въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ процентъ этотъ постепенно повышался и въ 1910 г дошелъ до 66.7.

Не менѣе любопытныя свѣдѣнія того же рода имѣются въ «земско-статистическомъ справочникѣ по Самарской губерніи на 1914 г.». Съ 35% въ 1899 г. грамотность среди новобранцевъ поднялась здѣсь до 65% въ 1912 году.

Въ Могилевской губерніи грамотность среди новобранцевъ развивалась такимъ образомъ: «въ годъ переписи (1897) среди новобранцевъ было грамотныхъ 39%. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія этотъ процентъ поднялся до 56. А въ послѣдніе годы (1912 и 1913) онъ достигъ значительной величины — 76 и 79» [2]. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ грамотныхъ было даже свыше 80%.

Подобныя данныя, къ сожалѣнію, не часто попадаютъ въ земскіе сборники. А, между тѣмъ, за неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, эти данныя могли бы служить достаточно надежной точкой опоры, чтобы судить о грамотности населенія, по крайней мѣрѣ, мужского.

---

[1] Издано Харьковск. губ. земск. управой.

[2] Статистическій обзоръ Могилевской губерніи по 1914 годъ. Изд. Ст. Отд. Могилевск. губ. зем. управы. Стр. 13.

Исходя изъ того совершенно правильнаго соображенія, что между грамотностью населенія и грамотностью новобранцевъ должно существовать болѣе или менѣе постоянное отношеніе, авторъ харьковскаго обзора пришолъ къ тому выводу, что грамотность всего населенія въ Харьковской губерніи должна была выражаться въ 1910 году 34%, а грамотность населенія безъ дѣтей дошкольнаго возраста — 44%.

Примѣняя — съ небольшимъ упрощеніемъ — тотъ же пріемъ вычисленія къ даннымъ по Самарской губерніи, получаемъ слѣдующій разсчетъ:

% грамотныхъ въ 1897 году [illegible]	22
% » » 1897 » безъ [illegible] дошкольнаго возраста	29
% грамотности новобранцевъ въ 1897 году	35
% » » » 1912 »	65
Увеличеніе % грамотности новобранцевъ	86
Слѣд., [illegible] населенія въ 1912 году	41
% грамотныхъ безъ дѣтей дошкольнаго возраста	54

При оцѣнкѣ полученныхъ такимъ путемъ выводовъ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что [illegible] (особенно женскаго) [illegible] среди новобранцевъ. [illegible] грамотности среди взрослаго населенія [illegible] вышеприведенныя цифры, т. е. если, напр., [illegible] новобранцевъ въ Самарской губерніи [illegible] на 86%, то [illegible] взрослаго населенія быть можетъ — на 65-70%.

[illegible] Самарской губерніи. [illegible] что [illegible] новобранцевъ [illegible] [illegible]

[illegible] въ состояніи характеризовать [illegible] населенія [illegible]. Въ [illegible], за [illegible] свѣжихъ свѣдѣній о грамотности [illegible] нельзя [illegible] [illegible].

[illegible] двухговой школьной [illegible] 1911 [illegible] [illegible] [illegible] существенное соотвѣтствіи между [illegible] и [illegible] грамотности [illegible] населенія въ 1911 году — т. е. въ годъ, когда производилась школьная перепись, воспользуемся данными этой переписи, всероссійской переписи 1897 года и школьной анкеты 1894 года, произведенной Вольно-экономич. обществомъ.

Грамотность населенія 50 губерній Европ. Россіи составляла въ 1897 году 22,9%. (32,6% среди мужчинъ и 13,7% среди женщинъ).

Число учащихся къ 1 января 1894 года въ тѣхъ же 50 губерніяхъ было: 1.995.009 мальчиковъ, 579.799 дѣвочекъ, 2.574.808 чел. обоего пола.

Въ 1911 году учащихся было: 5.390.300 человѣкъ (3.700.202 м., 1.690.098 д.).

Чтобы положить эти данныя въ основу вычисленій, необходимо, тѣмъ или другимъ способомъ пріурочить ихъ къ двумъ, а не тремъ, какъ это получается у насъ, моментамъ времени.

Для этой цѣли можно, воспользовавшись данными о времени открытія школъ, опредѣлить,—конечно, приблизительно,—число училищъ, а слѣдовательно и учащихся въ 1897 г. Эта перепись была произведена 28 января. Слѣдовательно, намъ необходимо выяснить, какое количество учащихся находилось въ школахъ къ 1 января 1897 года.

Школьная анкета 1894 года зарегистрировала къ 1 января этого года на пространствѣ 50 губ. Е. Р. 52.627 нач. училищъ. На каждую школу въ среднемъ приходилось около 50 человѣкъ учащихся.

Въ теченіе 1894, 1895 и 1896 г.г. было открыто новыхъ школъ 2361, 2482 и 2969, всего 7812. Съ прежде существовавшими это даетъ 60.439 школъ. Считая по 50 учащихся, въ среднемъ на школу, получаемъ вѣроятное число учащихся къ началу 1917 г. въ 3.021.950 человѣкъ. Считая въ среднемъ по 37 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ на школу, получаемъ вѣроятное число мальчиковъ — 2.244.013 и число дѣвочекъ — 777.937.

Сравнивая число учащихся въ январѣ 1911 года и вѣроятное число учащихся къ январю 1897 года, видимъ, что число мальчиковъ увеличилось на 65%, число дѣвочекъ — на 117%, об. пола — на 78%.

Соотвѣтственно должно увеличиться, согласно нашему предположенію, и число грамотныхъ въ населеніи. Въ 1897 г. число грамотныхъ мужчинъ въ 50 губ. Е. Р. доходило до 14 милл. чел., а число грамотныхъ женщинъ до 7 милліоновъ. Слѣдовательно, въ 1911 г. первое число должно было подняться до 23 милл., а второе — до 15 милл., что по отношенію по всему населенію даетъ 39% грамотныхъ мужчинъ и 25% грамотныхъ женщинъ. Вообще же грамотное населеніе составляло въ этомъ году 32%.

Только что выведенный процентъ грамотнаго населенія въ 50 губ. Евр. Россіи нужно признать минимальнымъ. Помимо школы грамотность нерѣдко пріобрѣтается и внѣшкольнымъ путемъ, почему и процентъ грамотныхъ какъ въ мужскомъ, такъ въ женскомъ населеніи долженъ быть нѣсколько выше только что установленнаго.

Но если процентъ этотъ доходитъ даже до 40 — что представляется мало-вѣроятнымъ — то и въ этомъ случаѣ Россія должна являть нынѣ безотрадную картину тьмы, держащей въ тискахъ своихъ объятіяхъ

свыше 60% ея населенія. Когда же придетъ конецъ этой тьмѣ безграмотнаго существованія?

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ о числѣ учащихся, кончающихъ школу и покидающихъ ее до окончанія курса, можно заключить, что среди дѣтскаго населенія въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ грамотныхъ было въ моментъ переписи 60 — 65%. Слѣдовательно, къ тому моменту, когда *всѣ* дѣти этой возрастной группы будутъ грамотны, грамотность среди населенія должна подняться по крайней мѣрѣ до 50%. Выше было уже указано, что всеобщность обученія можетъ стать свершившимся фактомъ около 1931 года. Слѣдовательно, не ранѣе этого времени и грамотность населенія подымется до указанной высоты. Но захвативъ въ сферу своего вліянія половину населенія, грамотность, тѣмъ самымъ создаетъ условія болѣе быстраго своего подъема, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ теченіе дальнѣйшихъ 10 — 15 лѣтъ, т. е. къ серединѣ текущаго столѣтія населеніе Европейской Россіи станетъ поголовно грамотнымъ [1].

Таковы выводы, которые можно сдѣлать изъ анализа имѣющихся въ нашемъ распоряженіи цифровыхъ данныхъ о грамотности и состояніи школьнаго дѣла въ Россіи за послѣднія 15—20 лѣтъ. Эти выводы имѣютъ силу, конечно, лишь при томъ условіи, если факторы, обусловливающіе развитіе грамотности нынѣ, будутъ дѣйствовать и впредь съ той же степенью интенсивности. Но если интенсивность ихъ дѣйствія усилится и если къ нимъ присоединятся новые факторы, содѣйствующіе росту грамотности, то, разумѣется, она можетъ водвориться въ Россіи и ранѣе указаннаго срока.

Ник. Андреевъ.

---

[1] Мною взяты 50 губерній Европ. Россіи, а не вся Россія, потому, что на остальномъ пространствѣ Россіи въ силу цѣлаго ряда условій между числомъ учащихся и степенью грамотности населенія не существуетъ прямой связи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Статьи и обзоры.

НОВОСТИ РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.*
(XVIII—XIX ВВ.)

XVIII вѣкъ по справедливости можно назвать пасынкомъ русской исторіографіи, настолько онъ плохо изученъ. Изъ той немногочисленной литературы, какая появилась по русской исторіи XVIII в. за послѣднія десять лѣтъ, трудно дать связную и цѣльную картину успѣховъ въ пониманіи смысла и основныхъ моментовъ этой исторіи. Изученіе ея шло случайно, внѣ всякой системы, и только у москвичей-историковъ мы можемъ установить наличность опредѣленной традиціи, благодаря которой получилась извѣстная объединенность изслѣдованій. Заслуга московскихъ историковъ заключается также и въ томъ, что они ближе всѣхъ подошли къ изученію той экономической основы, безъ знанія которой невозможно истинное пониманіе эпохи, но и они остановились на полпути, сосредоточивъ свое вниманіе на областномъ управленіи и городскомъ самоуправленіи (работы М. М. Богословскаго, Ю. Готье и А. А. Кизеветтера). Значительная часть историковъ продолжаетъ внимательное и кропотливое изученіе исторіи центральныхъ учрежденій (работы В. О. Веретенникова, А. Н. Филиппова и др.). Что же касается исторіи отдѣльныхъ сословій, то попрежнему одиноко выдѣляются старая работа А. Романовича-Славатинскаго «Дворянство Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права», вышедшая недавно вторымъ изданіемъ (Кіевъ 1912 г., къ сожалѣнію, безъ всякихъ измѣненій), и капитальное изслѣдованіе В. И. Семевскаго о крестьянахъ въ царствованіе Екатерины II.

По экономической исторіи столь же одинокой является книга М. и Н. Туганъ-Барановскаго «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ» (т. I. 3-е изд. 1907 г.), захватывающая въ своемъ изложеніи и XVIII столѣтіе. Въ недавнее время коснулся XVIII в. и П. И. Лященко въ своихъ «Очеркахъ аграрной эволюціи Россіи», но лишь попутно, равно какъ и П. Б. Струве, перепечатавшій съ нѣкоторыми дополненіями прежній очеркъ «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ» въ сборникѣ своихъ статей «Крѣпостное хозяйство» («Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. М. 1913 г. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ). Этотъ очеркъ такъ и остался лишь первымъ абрисомъ, и теперь уже устарѣлымъ, той цѣльной исторіи нашего крѣпостного хозяйства, какую собирался написать и до сихъ поръ не написалъ авторъ.

Изъ общихъ обзоровъ исторіи XVIII вѣка, кромѣ соотвѣтствующихъ главъ «Русской исторіи» М. Н. Покровскаго, можно указать лишь на

* Окончаніе. См. «Лѣтопись» № 6 1916 г.

лекціи Ключевскаго, Платонова и «Учебникъ исторіи русскаго права А. Н. Филиппова (ч. 1. Изд. 5-ое, изм. и дополн. Юрьевъ 1914 г. Ц. 4 руб.). Заслуживаютъ также вниманія отдѣльные очерки изъ «Книги для чтенія по исторіи Новаго времени», изд. Историч. Комиссіи Учебн. Отдѣла О. Р. Т. Зн. т. II—Б. Сыромятникова, А. Е. Прѣснякова, М. Богословскаго, М. Клочкова, В. Пичета и А. Кизеветтера. Подобные же очерки читатель можетъ найти и въ двухъ юбилейныхъ изданіяхъ—«Великая реформа» и «Три вѣка» (изд. той же Истор. Комиссіи при одинаковомъ составѣ сотрудниковъ). Что касается внѣшней политики, то можно указать только статью А. А. Кизеветтера «Россія и Константинополь» («Русская Мысль» 1914 г. кн. VIII—IX, стр. 36—75), подробно излагающую содержаніе перваго тома новаго изслѣдованія Юберсбергера «Восточная политика Россіи за послѣднія два столѣтія». (Въ I томѣ изложеніе доведено до 1791 года).

Изъ спеціальныхъ работъ выдѣляется магистерская диссертація А. Кизеветтера «Посадская община въ Россіи XVIII ст.» (М. 1903 г.), въ которой авторъ на основаніи обширнаго архивнаго матеріала выясняетъ господствующія черты соціальной физіономіи типичной посадской общины XVIII ст., а затѣмъ изслѣдуетъ состояніе городской общины со стороны возложеннаго на нее государственнаго тягла и предоставленныхъ ей началъ самоуправленія. Картина жизни русскаго города въ эту эпоху стала болѣе ясной, но далеко еще не полной, такъ какъ экономическая основа посадской жизни осталась безъ разсмотрѣнія. Выводы своей работы проф. А. Кизеветтеръ изложилъ въ очеркѣ, помѣщенномъ въ указанной выше «Книгѣ для чтенія» и въ двухъ другихъ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ его «Историческихъ очерковъ» (М. 1912 г. Ц. 3 р.).

Наибольшее вниманіе историковъ привлекаетъ эпоха Екатерины II и Павла I. Начиная съ этого времени, замѣтна уже нѣкоторая систематичность изученія, благодаря которой вторая половина XVIII столѣтія тѣсными нитями связывается въ нашемъ представленіи съ исторіей слѣдующаго столѣтія. Мы не указываемъ здѣсь спеціальныхъ работъ по исторіи уложенія, по изученію наказовъ въ законодательную комиссію 1767 г. и по вопросу о положеніи крестьянъ въ виду малой доступности этихъ работъ. Крупное событіе эпохи — Пугачевщина, представлена лишь популярнымъ очеркомъ проф. Н. Өирсова («Пугачевщина». Опытъ соціолого-психологической характеристики. СПБ. Ц. 1 р.), а научной оцѣнки этого движенія, о чемъ мечталъ покойный В. И. Семевскій, мы до сихъ поръ не имѣемъ, но идейныя теченія конца XVIII в. усиленно изучаются, въ особенности же русское масонство, по исторіи котораго много опубликовано за послѣдніе два года (переписка масоновъ подъ ред. Барскова, коллективное изданіе «Масонство въ прошломъ и настоящемъ», переизданіе статей А. Н. Пыпина, наконецъ, только что вышедшая книга В. Боголюбова «Н. И. Новиковъ и его время», о которой поговоримъ въ отдѣльной рецензіи).

Изъ работъ по исторіи Павла I отмѣтимъ самую послѣднюю по времени книгу проф. М. В. Клочкова «Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I» (Пргд. 1916 г.). Авторъ преслѣдуетъ двоякую цѣль—дать обзоръ дѣятельности правительственныхъ учрежденій и вмѣстѣ съ тѣмъ защитить личность императора отъ «несправедливаго»

осужденія со стороны современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Нечего и говорить о томъ, что защита оказалась въ данномъ случаѣ занятіемъ неблагодарнымъ и привела автора къ необходимости доказывать «разумность» мѣропріятій и поступковъ Павла I. Работа представляетъ интересъ въ нѣкоторыхъ своихъ главахъ (напр., по вопросу о примѣненіи Манифеста о барщинѣ), любопытенъ также и обширный архивный матеріалъ, плохо использованный авторомъ.

Переходя къ XIX столѣтію, мы прежде всего имѣемъ возможность указать нѣсколько работъ и изданій, охватывающихъ все столѣтіе цѣликомъ. Одна изъ этихъ работъ—«Обзоръ нынѣшней русской исторіи» проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго—еще не доведена до конца, вышелъ пока только первый томъ (Кіевъ, 1912 г.), посвященный эпохѣ Александра I. Авторъ интересуется преимущественно идейнымъ содержаніемъ этой эпохи, но онъ не забываетъ при этомъ подчеркнуть, что внимательное изученіе этого періода «все-таки вскрываетъ истинную причину общественныхъ интересовъ въ факторахъ экономическихъ, на фонѣ которыхъ выдѣляются классовые интересы». Мысль совершенно правильная, но «факторамъ экономическимъ» удѣлена одна лишь глава, а на остальномъ содержаніи книги вліянія этой мысли не чувствуется. Какъ изложеніе фактовъ, удачно и интересно сгруппированныхъ, «Обзоръ» проф. Довнаръ-Запольскаго можно рекомендовать читателю для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей первой четверти минувшаго столѣтія, а для послѣдующаго времени ему необходимо обратиться къ «Курсу исторіи Россіи XIX в.» А. Корнилова (ч. I и II—1912 г, ч. III—1914 г. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, цѣна за три части 4 руб.), главная цѣнность котораго и заключается въ томъ, что онъ обнимаетъ все XIX столѣтіе (до 1891--92 гг.) и даетъ въ компактномъ изложеніи всѣ основные факты внутренней исторіи Россіи за указанный періодъ. Что касается пониманія общаго хода историческаго развитія Россіи, то оно носитъ на себѣ печать либеральнаго прекраснодушія, особенно замѣтнаго въ главахъ объ «эпохѣ великихъ реформъ» и общественныхъ движеніяхъ. Авторъ вѣритъ въ существованіе внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи, которая отличается «стремленіемъ не только сознательно устраивать свою жизнь, но и вліять на устройство жизни всего народа сообразно своимъ идеямъ», руководствуясь при этомъ исключительно лишь желаніемъ принести пользу народу. Отношеніе г. Корнилова къ дѣятелямъ 60-хъ годовъ повышенно идеалистическое, а къ дѣятелямъ революціоннаго движенія рѣзко отрицательное, исторія же рабочаго движенія въ его книгѣ вовсе отсутствуетъ. Большую цѣнность имѣютъ приложенныя къ отдѣльнымъ главамъ подробныя библіографическія указанія, тоже, впрочемъ, не чуждыя извѣстныхъ пристрастій.

Для болѣе детальнаго изученія исторіи Россіи на всемъ протяженіи минувшаго столѣтія слѣдуетъ обратиться къ 9-томной «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ», изд. бр. Гранатъ. Это чрезвычайно цѣнное изданіе, хотя и отражающее на себѣ недочеты коллективнаго сотрудничества авторовъ разнородныхъ направленій. Большинство наиболѣе отвѣтственныхъ статей написано сторонниками матеріалистическаго пониманія исторіи.

По эпохѣ Александра I въ изданіи бр. Гранатъ слѣдуетъ отмѣтить

статьи М. Н. Покровскаго—въ особенности же живой и блестящій очеркъ «Внѣшней политики Россіи въ первыя десятилѣтія XIX в.» (т. II, стр. 508—606), а также статью Н. А. Рожкова «Экономическое развитіе Россіи въ первую половину XIX в.» (т. 1, стр. 138—168).

Научная разработка этой эпохи ведется въ настоящее время въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Цѣлый потокъ книгъ и брошюръ вызвалъ юбилей «Отечественной войны», но упоминанія заслуживаетъ весьма немногое — и, главнымъ образомъ, юбилейное изданіе «Отечественная война и русское общество», предпринятое Историч. Комиссіей подъ редакціей А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета. Планъ этого изданія весьма обширный и захватываетъ хронологически время отъ конца царств. Екатерины II до смерти Александра I, причемъ война 1812 г. разсматривается на фонѣ общеевропейскихъ событій и въ связи съ внутренними отношеніями Россіи въ эту эпоху.

Научной исторіи этой войны до сихъ еще нѣтъ, но по вопросу о причинахъ ея новѣйшіе изслѣдователи стали, наконецъ, на единственно правильный путь экономическаго объясненія. Заслуга въ этомъ вопросѣ М. Н. Покровскаго считается теперь уже общепризнанной. Аналогичные съ нимъ взгляды высказалъ также извѣстный изслѣдователь «Отечественной войны» К Военскій. Въ указанномъ выше изданіи ему принадлежитъ статья «Континентальная система» (т. I, стр. 221—232, см. также «Ю. Карцевъ» и К. Военскій. Причины войны 1812 г. СПБ. 1911 г.). Солидное обоснованіе экономическому объясненію войны 1812 г. дастъ капитальное изслѣдованіе проф. Е. Тарле. «Континентальная блокада. 1. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона». (М. 1913 г.). Хотя авторъ изучаетъ, главнымъ образомъ, вліяніе континентальной блокады на промышленность и торговлю Франціи, но онъ все же касается попутно и другихъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи, (см. главу—«Экономическія отношенія Франціи и Россіи при Наполеонѣ», стр. 464—504). Приходится только пожалѣть, что «выясненіе во всей полнотѣ экономическаго состоянія Россіи въ эпоху континентальной блокады» остается пока за предѣлами начатаго изслѣдованія.

Для русскихъ читателей является новинкой переводъ извѣстной и увлекательной работы Альбера Вандаля «Наполеонъ и Александръ I» (3 тома. СПБ. 1910 — 1913 гг.), посвященной исторіи франко-русскаго союза отъ Тильзита до начала войны 1812 г., но при свѣтѣ указанныхъ выше работъ она уже устарѣла, такъ какъ трактуетъ франко-русскія отношенія въ рамкахъ дипломатической и политической исторіи, удѣляя много вниманія и личностямъ государей.

Нужно, впрочемъ, сказать, что и въ русской исторіографіи характеристика личности Александра I занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Большую роль въ этомъ случаѣ сыграло снятіе запрета съ обширной переписки императора и близкихъ ему лицъ и опубликованіе значительной части этой переписки въ изданіяхъ Вел. Кн. Николая Михайловича. Новыя данныя существенно мѣняютъ наши представленія о личности императора, но разноголосицы во взглядахъ историковъ по этому вопросу не устраняютъ (св. характеристики Н. Ѳирсова, А. Кизеветтера, С. Мельгунова и А. Дживелегова).

Замѣтно оживилось послѣ 1905 года изученіе заговора декабристовъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ и записокъ участниковъ этого движенія. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ только первый томъ знаменитой и многострадальной книги Н. Тургенева «Россія и Русскіе», въ прекрасномъ изданіи К. Ф. Некрасова (т. I. Воспоминанія изгнанника. Подъ ред. А. Кизеветтера. М. 1915 г.). Мытарства этой книги, впрочемъ, еще не кончились и теперь, такъ какъ она попала надъ арестъ и по приговору Моск. Судебн. Палаты обречена была на уничтоженіе, которое было замѣнено потомъ изъятіемъ изъ нея нѣкоторыхъ мѣстъ. Эта «опасная» книга является однимъ изъ первостепенныхъ источниковъ по исторіи общественнаго движенія въ Россіи, и жаль будетъ, если «независящія обстоятельства» помѣшаютъ довести изданіе этой книги до конца. Для изученія идейной стороны движенія декабристовъ основной является работа В. И. Семевскаго «Общественныя и политическія идеи декабристовъ» (1909 г. СПБ.), хотя съ оцѣнкой авторомъ этого движенія и не всегда можно согласиться.

Много сдѣлали для исторіи декабристовъ П. Е. Щеголевъ, издавшій недавно свои изслѣдованія въ сборникѣ «Историческіе этюды». (СПБ. 1913 г.) и покойный историкъ Н. П. Павловъ-Сильванскій (см. въ его «Очеркахъ по русской исторіи XVIII—XIX вв.» СПБ. 1910 г. статьи: «П. И. Пестель» и «Матеріалисты двадцатыхъ годовъ»). До сихъ поръ еще сохранила свое значеніе, хотя и нуждается въ дополненіяхъ работа А. Н. Пыпина «Общественное движеніе при Александрѣ I (3-е изд. 1908 г.). Въ настоящее время переиздаются и другія его работы по этой эпохѣ подъ ред. Н. К. Пиксанова. (Изъ двухъ намѣченныхъ томовъ вышелъ пока одинъ, посвященный религіознымъ движеніямъ).

Для времени Николая I, непосредственно примыкающаго къ «эпохѣ великихъ реформъ» въ изданіи бр. Гранатъ имѣются статьи А. Кизеветтера о внутренней политикѣ Николая I, М. Богословскаго о государственныхъ крестьянахъ и Н. А. Рожкова «Финансовая реформа Канкрина», а въ «Книгѣ для чтенія по ист. Новаго времени» слѣдуетъ отмѣтить статьи В. И. Пичета. «Помѣщичье хозяйство и бытъ крестьянъ наканунѣ реформы» и В. И. Семевскаго «Сенъ-Симонисты и фурьеристы въ Россіи въ царств. Имп. Николая I». Послѣднему автору принадлежитъ и большое изслѣдованіе о петрашевцахъ («Голосъ Минувшаго» за 1913—1915 гг.), а также очеркъ о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ («Русское Богатство» 1911 г. № 5—7).

Переходя къ такъ называемой «эпохѣ великихъ реформъ», мы прежде всего должны отмѣтить оживленіе интереса къ крестьянской реформѣ и стремленіе къ пересмотру вопроса о причинахъ и послѣдствіяхъ паденія крѣпостного права. Недавній юбилей послужилъ лишь отчасти причиной такого оживленія, вызвано же оно было, главнымъ образомъ, обостренностью современнаго положенія аграрной проблемы въ связи съ недавними мѣропріятіями правительства въ области землеустроительной политики. Вотъ почему крестьянскій вопросъ въ прошломъ привлекъ вниманіе не только историковъ, но экономистовъ и публицистовъ, которымъ мы и обязаны новыми изслѣдованіями.

Одно изъ этихъ изслѣдованій принадлежитъ экономисту изъ марксистскаго лагеря — П. И. Лященко («Очерки аграрной эволюціи Рос-

сія» т. I. Разложеніе натуральнаго строя и условія образованія сельско-хоз. рынка. СПБ. 1908 г., т. II. Крестьянское дѣло и пореформенная землеустроительная политика ч. I. Первоначальное надѣленіе и осуществленіе крестьянской собственности. СПБ. 1913 г.), а другое писателю народническаго направленія Н. Огановскому («Закономѣрность аграрной эволюціи. т. I. Саратовъ. 1909 г. т. II. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи. Саратовъ 1911 г.).

Оба автора для доказательства правильности своихъ теоретическихъ положеній предпринимаютъ обширные историческіе экскурсы, которые и должны быть отмѣчены въ настоящемъ обзорѣ. П. И. Лященко въ I томѣ своего изслѣдованія изучаетъ эволюцію торговаго капитала въ Россіи въ связи съ развитіемъ крѣпостного права. Характеризуя крѣпостное хозяйство XIX вѣка, онъ устанавливаетъ тѣсную зависимость сельскаго хозяйства въ Россіи отъ общеевропейскихъ экономическихъ условій, вслѣдствіе чего причины паденія крѣпостного права, впервые отмѣченныя Н. А. Рожковымъ, получаютъ болѣе конкретное обоснованіе. Второй томъ работы Лященко не находится въ непосредственной связи съ первымъ и посвященъ изученію общихъ основъ первоначальнаго надѣленія землей въ цѣляхъ выясненія исторической подготовки и классовой сущности, назрѣвающей перестройки русскихъ земельныхъ отношеній.

Н. Огановскій въ своихъ историческихъ экскурсахъ исходитъ изъ иныхъ представленій о ходѣ аграрной эволюціи, онъ ставитъ ее въ зависимость отъ степени уплотненія населенія и съ этой точки зрѣнія отмѣчаетъ отдѣльные фазисы ея въ исторіи Россіи, а главную причину паденія крѣпостного права авторъ усматриваетъ «въ паразитизмѣ предпринимательства, губившаго и подвластныхъ дворянству крестьянъ и подвластную ему землю», что же касается послѣдствій крестьянской реформы, то онъ выдвигаетъ на первый планъ фактъ усиленія среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ на счетъ крупныхъ и мелкихъ». Книга Н. Огановскаго, несмотря на спорность и искусственность своихъ построеній, представляетъ большой интересъ, а въ части, касающейся древней Руси, заключаетъ много правильныхъ и мѣткихъ замѣчаній.

Изученіе двухъ названныхъ работъ необходимо дополнить ознакомленіемъ съ очерками М. Н. Покровскаго въ т. V его «Русской Исторіи» (глава XIX) и въ III томѣ изданія бр. Гранатъ. Обширная литература, вызванная юбилеемъ, не внесла ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что дали указанные выше авторы. Заслуживаетъ вниманія только юбилейное изданіе «Великая Реформа» («Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ» М. 1911 г. 6 томовъ), представляющее настоящую энциклопедію крестьянскаго вопроса съ цѣлымъ рядомъ статей, написанныхъ такими спеціалистами, какъ В. И. Семевскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. Кизеветтеръ, А. Корниловъ, Н. Фирсовъ и др. Общее направленіе сборника либерально-идеалистическое съ примѣсью народническихъ тенденцій въ вопросѣ объ общинѣ и роли капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ.

Исторія другихъ реформъ 60-хъ годовъ представлена рядомъ статей въ изданіи бр. Гранатъ, тамъ же имѣются очерки, посвященные народному образованію, средней школѣ и университетамъ въ XIX столѣтіи. -

а по исторіи земства, кромѣ того, необходимо еще указать на чрезвычайно цѣнный и обстоятельный трудъ Б. Веселовскаго «Исторія Земства за 40 лѣтъ» (СПБ. 1909—1911 гг. 4 тома). Въ первой части (т. т. I и II) авторъ дѣлаетъ обзоръ дѣятельности земскихъ учрежденій за 40 лѣтъ по отдѣльнымъ отраслямъ земскаго хозяйства, а во второй даетъ общую картину земской дѣятельности за различные періоды (т. III, 1865—1905 гг., т. IV 1906—1910 гг.) и въ различныхъ мѣстностяхъ, излагаетъ исторію возникновенія земства, вскрываетъ соціальные элементы въ немъ, устанавливаетъ связь между дѣятельностью земствъ и политическимъ движеніемъ, слѣдитъ за отраженіемъ земской жизни въ прессѣ и литературѣ.

По внѣшней политикѣ второй половины XIX в. можно указать только статьи М. Н. Покровскаго въ Гранатовскомъ изданіи (т. III и IV) и его же недавнюю статью въ «Голосѣ Минувшаго» (1916 г., № 3) «Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній. «Россія и Пруссія наканунѣ войны».

Исторія пореформенной эпохи находится еще въ процессѣ разработки и мы отмѣтимъ лишь самое необходимое, не заходя за предѣлы столѣтія. Общая политика правительства очерчена М. Н. Покровскимъ (изд. бр. Гранатъ, т. V). Государственное хозяйство разсмотрѣно Н. А. Рожковымъ и М. И. Боголѣповымъ (тамъ же, т. VI и VIII); исторія религіозныхъ движеній — М. Н. Никольскимъ (тамъ же, т. IV и V). Полная исторія общественнаго движенія еще не написана. Для рабочаго движенія укажемъ статьи Л. Мартова (тамъ же, т. VI и VIII); по исторіи активнаго народничества важное значеніе имѣютъ работы В. Я. Богучарскаго. «Активное народничество семидесятыхъ годовъ» (М. 1912 г.) и его же «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX в. Партія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьбы и гибель» (М. 1912 г.). Послѣдняя книга вызвала рядъ возраженій и поправокъ, въ томъ числѣ со стороны Б. Кистяковскаго («Страницы прошлаго. Къ исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи» М. 1912 г.) и Г. В. Плеханова (въ статьѣ «Неудачная исторія «Народной Воли» «Совр. Міръ», 1912 г., кн. V). Краткій обзоръ общественнаго движенія сдѣланъ также А. Корниловымъ въ его книгѣ «Общественное движеніе при Александрѣ II, 1855—1881. Историческіе очерки. 1909 г. и К. Пажитновымъ («Развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи», т. I. Харьковъ, 1913 г.).

А. Кудрявцевъ.

* * *

«Альманахъ Музъ». 1916. Петроградъ. Книгоиздательство «Фелана». Стр. 192. Ц. 5 р. (не обозн.).

Очередной сборъ съ полей русской поэзіи, сдѣланный книгоиздательствомъ «Фелана», не блещетъ богатыми плодами. Въ сборникѣ участвуютъ двадцать пять поэтовъ разныхъ направленій и группъ, но впечатлѣніе отъ него самое безотрадное Какая-то непреодолимая холодность, какая-то безжизненность разлита по всѣмъ страницамъ его. Если исключить изъ книги посмертное стихотвореніе И. Анненскаго и еще два-три стихотворенія, то все остальное сольется въ одну безличную массу.

Многія стихотворенія, входящія въ сборникъ, искусно построены, безукоризненно сдѣланы, но именно сдѣланы. Отдѣльныя строки и образы подобраны, подогнаны въ за-

мысловатыя и стройныя построенія, но внутренней необходимости въ такомъ именно, а не иномъ построеніи не чувствуется, связь всюду и всегда раціональна, умышлена.

Вотъ взять для примѣра сонеты Липскерова. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ («Олофернъ», «Блудница») есть почти осязательность скульптуры, но совершенная ихъ законченность, спокойная холодность не будитъ ни эмоціи, ни мысли.

Все это относится въ одинаковой степени и къ большимъ вещамъ, входящимъ въ сборникъ. отъ «Донъ-Жуана» г. Гедройца, тысяча перваго комментарія къ вѣчной темѣ, ничего къ ней не прибавляющаго, до «полной поэмы» г. Чурилина, техническаго упражненія въ поэтикѣ, на задачи В. Иванова, А. Бѣлаго, В. Хлѣбникова.

Чрезвычайно характернымъ кажется намъ заимствованіе цѣлыхъ строкъ изъ прежнихъ поэтовъ, въ родѣ «Я закрываю глаза усталые» у С. Ляндау (у Бальмонта—«Я закрываю глаза усталые»), или

«Есть въ литографіяхъ старинныхъ
мастеровъ
Неизъяснимое, но явное дыханье»
(Стр. 63).

звучащаго явной пародией на Тютчевское

«Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ...»

Въ этомъ явленіи проявляется безпомощность авторовъ въ созданіи чего-либо своего, оригинальнаго.

Д. Выгодскій.

Рецензіи.

Сборникъ «Триремы». II. 60 коп.

Однажды сказалъ поэтъ—поэтъ стараго закала: «Не знаю я, что буду пѣть, но только пѣсня—пѣсня зрѣетъ!..» Это была непосредственная, безудержная лирика, которая чужда поэтамъ «Триремы». На «Вечерѣ» Триремы» всѣ знаютъ, что будутъ пѣть. Чувствуется въ каждомъ стихотвореніи та холодная наблюдательность, которая въ любой моментъ, даже въ хмелѣ (Д. Коковцовъ) всѣ мелочи примѣтитъ и во всемъ отдастъ себѣ отчетъ. «Крестный Ходъ» Б. Евгеньева, выкрики и исканія Рюрика Ивнева, оставшагося вѣрнымъ... «Самосожженію», «бездумная» любовь къ Россіи Д. Крючкова —все это отчетливо, продумано, но не захватываетъ читателя.

Когда несешь въ душѣ жизнь — мракъ и свѣтъ—тогда не все распредѣлишь по рубрикамъ, о чемъ-нибудь и умолчишь, а какое-нибудь скорбное, наболѣвшее слово выкрикнешь слишкомъ громко!.. Тайны и страданія не ищите въ этомъ сборникѣ.

На мигъ задерживаютъ вниманіе стихія, съ затаенной тревогой, слова Георгія Адамовича.

Мимоходомъ можно отмѣтить сдержанную «мечту о небѣ» Грааль-Арельскаго; «изысканности» Всеволода Курдюмова. Но нельзя не согласиться съ Борисомъ Евгеньевымъ, сказавшимъ (про себя самого?..) «О, сколько словъ кощунственно-холодныхъ!».

Н. Каратыгина.

Вл. Нелединскій «Томленіе Духа». Вольные сонеты. Петроградъ 1916. Ц. 2 р.

Рѣдко книга такъ полно соотвѣтствуетъ своему названію, такъ гармонически подчиняется заглавному листу. Не ищите въ «Вольныхъ Сонетахъ» философіи, увѣренной мысли, острыхъ силлогизмовъ, заслуга ихъ—въ душевной безсонницѣ, постоянномъ неудовлетвореніи. За торопливыми, громоздкими и нерусскими словами часто не видно художника, его вкуса и таланта, но всюду замѣтны жадно простертыя руки, кого-то призывающія, о комъ-то просящія.

«Молюсь тебѣ, пролей намъ въ
грудь вино.

Да будетъ сердце имъ напоено,
Да будетъ намъ закономъ—его струенье».

Отдаваться, какъ это дѣлаетъ авторъ—«стихіи словъ», ждать роковыхъ, но случайныхъ откровеній, все это хорошо, но поэтъ не можетъ вѣчно самъ себя караулить, не можетъ пользоваться тюремнымъ «глазкомъ», чтобы, Боже упаси, какое-нибудь движеніе души не уклонилось отъ своихъ художественныхъ обязанностей. «Вольные сонеты» живутъ ночью, луной, звѣздами, но эти небеса предопредѣлены и размѣрены, какъ астрономическая карта. Быть можетъ, при солнечномъ свѣтѣ, на согрѣтой землѣ—мечта легче обрѣтетъ свое влюбленное человѣческое тѣло, чѣмъ въ мертвенныхъ ночныхъ небесахъ? Искусство, какъ женщина, любитъ землю.

Л. Рейснеръ.

Д. І. Крачковскій. Палитра. Стихи. Петроградъ. 1917. Стр. 92. Цѣна 1 р. 25 к.

Разнообразнѣе Надсона, изысканнѣе Апухтина, но опредѣленно въ ихъ стилѣ плететъ незамысловатый узоръ любовной печали и сумеречныхъ томленій г. Крачковскій. «Заглохшія аллеи», «увядшія розы», «неясныя мечты», «запрокинутыя руки», «невѣдомая даль», «осторожныя встрѣчи», «свѣтлые ангелы», «мучительная тревога», «сказки юности», «безумныя утраты», «безумная печаль», «безумные сны», «безумное счастье»—цѣлый арсеналъ давнымъ-давно уже стершихся образовъ, ставшихъ болѣе, чѣмъ банальными, эпитетовъ. Его муза, «на которой, какъ въ простомъ современномъ романѣ, отъ Ворта закрытый tailleur», которая ходитъ въ перчаткахъ и густой вуалеткѣ,—желанная гостья великосвѣтскихъ альбомовъ, обычная посѣтительница фешенебельныхъ салоновъ, но ее давно оставилъ своимъ покровительствомъ Музагетъ.

Только изрѣдка удается г-ну Крачковскому преодолѣть плѣнъ банальности, и тогда изъ-подъ его осторожной и тонкой кисти выходятъ подлинно-художественныя пастели, въ которыхъ такъ красива и такъ трогательно-проста печаль дѣвушекъ, тоскующихъ въ швейцарскихъ санаторіяхъ, дѣвушекъ, которыя «вскорѣ уйдутъ», но никакъ не могутъ повѣрить этому. Но и въ этихъ нѣсколькихъ удачныхъ стихотвореніяхъ («Un pastel», «Въ санаторіи», «Я знаю дѣвушекъ: однѣ онѣ живутъ») нѣтъ своихъ словъ, нѣтъ своеобразнаго авторскаго лица. И о нихъ, какъ и о всей книжкѣ, хочется сказать словами г. Крачковскаго.

«Я помню,—я ихъ зналъ когда-то наизусть».

Д. Выгодскій.

И. А. Аксеновъ. Елисаветинцы. Выпускъ первый. Москва. Книгоиздательство «Центрифуга» MDCCCCXVI. Стр. 299. Ц. 4 р.

Книга, заключающая въ себѣ переводы драмъ Форда («Какъ жаль ее развратницей назвать»), Вебстера («Бѣлый Дьяволъ») и Тернера («Трагедія атеиста»), не можетъ не быть признана историко-литературнымъ событіемъ. Для русскаго читателя Шекспиръ представляется одиноко стоящимъ явленіемъ, одинокимъ дубомъ, выросшимъ въ пустынѣ; онъ не имѣетъ почти понятія о той густой и богатой поросли, которая окружала его, о блестящей драмѣ періода королевы Елисаветы. Изъ всѣхъ предшественниковъ и современниковъ Шекспира на русскій языкъ переведенъ только Марло и отрывки изъ двухъ пьесъ В. Джонсона. Большинство же остальныхъ неизвѣстно даже по-имени.

Выборъ пьесъ для перваго выпуска, сдѣланный г. Аксеновымъ, вполнѣ удаченъ. Основная идея — раскрѣпощеніе человѣческой индивидуальности, ея утвержденіе вопреки всѣмъ и всему,—проходящая черезъ всѣ три драмы, является, дѣйствительно, основной, чрезвычайно характерной для англійской, да и, вообще, европейской мысли этой эпохи. Что касается внѣшняго ихъ построенія, то оно вполнѣ соотвѣт-

ствуетъ драматургіи Шекспира, вліяніе котораго идетъ и дальше.

Что касается перевода, какъ такового, то онъ не стоитъ на должной высотѣ. Удачна мысль приблизить, по возможности, русскій синтаксисъ, къ англійскому, чтобы сохранить «движеніе стиха» и всѣ особенности оборотовъ и образовъ оригинала—но попытка эта далеко не вездѣ удалась переводчику, и это, очевидно, является его точкой соприкосновенія съ футуристической «Центрифугой». Страницы его перевода пестрятъ такими выраженіями, какъ «видъ закнижный» (стр. 39), «получить взамѣну» (стр. 270), или такими синтаксическими курьезами, какъ «заболѣвъ отъ кушанья такого, затошнило въ канаву вами» (стр. 89) и т. д.

Книга снабжена крайне претенціознымъ предисловіемъ, почему-то названнымъ «envoi» и помѣщеннымъ въ концѣ книги.

Д. Выгодскій.

Старая Украйна. Сборникъ думъ, пѣсенъ, легендъ, переработанныхъ съ малороссійскаго по-русски С. Козленицкой. Стр. 266. Петроградъ. 1916 г. Ц. 2 р.

Какъ сознаетъ самъ авторъ, онъ «взялъ на себя отвѣтственную задачу: малорусскій былевой эпосъ перевоплотить въ литературный русскій языкъ». Задача, въ самомъ дѣлѣ, не легкая, но г-жа Козленицкая подошла къ ней очень просто.

«Прежде всего,—говоритъ она,—малорусскій языкъ по существу (?) понятенъ и безъ перевода каждому, владѣющему русскимъ языкомъ, и пересказъ съ малорусскаго на русскій есть, главнымъ образомъ, приспособленіе малорусскаго текста къ формамъ литературнаго русскаго языка».

Если оригиналъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ общепонятенъ, то, казалось бы, всякое приспособленіе его—занятіе, по меньшей мѣрѣ, праздное; г-жа Козленицкая все же отдается этому занятію, но тутъ, оказывается, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ ей кажется, и въ результатѣ упрощеннаго приспособленія ею украинскаго оригинала получились формы, для литературнаго русскаго языка просто таки обидныя, какъ, напримѣръ: «братъ вѣтки рубаетъ», «на ту сторону Днѣстра поглядаетъ, а Палій мечемъ махаетъ», «такія слова промолвляетъ», «молодой оратый ниву оретъ», «свѣтомъ нудитъ», «янычары галеры отвертали», «мосты мостили, гребли гатили», «отъ шляха нѣтъ больше байраковъ» и т. п. Повидимому, лучше было бы, если бы г-жа Козленицкая ограничилась добросовѣстнымъ переводомъ оригинала, но скромная роль переводчицы не удовлетворяетъ ее: «переводъ предполагаетъ въ переводчикѣ только стремленіе къ точности подлинника. Я же поставила передъ собой другую задачу»,—говоритъ она.—«Моя работа приближалась къ роли такого бандуриста», который, «овладѣвъ содержаніемъ и формой этихъ старыхъ пѣсенъ, конечно, вносилъ въ свои перепѣвы болѣе или менѣе удачно особенности своего языка и личности». Особенности языка переводчицы приведены выше, а творческое участіе ея въ «приспособленіи» народныхъ произведеній, нисколько не удачнѣе, и послѣдніе въ приспособленномъ видѣ совсѣмъ лишены аромата народной поэзіи.

Не безъ пользы можно прочитать компилятивный очеркъ объ украинскихъ думахъ, составленный безъ лукавыхъ мудрствованій. Совсѣмъ иное нужно сказать о вводномъ предисловіи, блещущемъ наивностями собственнаго домысла. Здѣсь авторъ очерка усматриваетъ «преемственность между современной русской культурой и старой Украйной» и смѣлыми мазками рисуетъ прошедшія и будущія судьбы украинской культуры. Г-жа Козленицкая считаетъ нужнымъ напомнить, что «въ созданіи русскаго литературнаго языка малорусскій геній из-

давна принималъ не малое участіе», и указываетъ на «всѣмъ извѣстныя имена литературныхъ дѣятелей, малорусскій геній которыхъ работалъ надъ созданіемъ общерусскихъ литературныхъ цѣнностей». Какой же отсюда выводъ? Естественно мыслить, что если малорусскій геній могъ оказать могучее содѣйствіе созданію сосѣдственной культуры, то тѣмъ болѣе можетъ онъ проявить творчество въ созданіи своей національной культуры, да, какъ извѣстно, уже и достигъ многаго въ этомъ отношеніи. Но мысль г-жи Козленицкой идетъ иными логическими путями и приводитъ ее къ безнадежному выводу: украинской культурѣ сужденъ «роковой, неизбѣжнымъ образомъ совершаемый», «предначертанный исторіей процессъ»,—процессъ перевоплощенія малорусскаго національнаго самосознанія въ русское, процессъ перетворенія украинской литературы въ русскую. Очень мрачно, но не убѣдительно.

А. Бѣложенко.

О. Рунова. Лунный свѣтъ. Повѣсть и др. разсказы. Томъ первый. Петроградъ. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». 1917 г. Стр. 324. Цѣна 2 рубля.

Повѣсть О. Руновой «Лунный свѣтъ», давшая названіе первому тому ея сочиненій, написана на ту же психологическую тему, какъ и разсказы («Berceuse», «Голова Медузы», «Цвѣтъ папортника», «Страничка жизни»), предпосланные повѣсти въ этой же книгѣ. Всюду авторъ изображаетъ одно и то же—мучительную душевную драму женщины, неудовлетворенной случайно навязаннымъ ей судьбою бракомъ. Героини О. Руновой не «новыя» женщины — любимицы современной литературы — а «мужнія жены», рядовыя семьянинки. Скука повседневности, дрязги и заботы, которыми полно ихъ существованіе, супружество безъ иллюзій любви, отчужденіе отъ дѣтей, призракъ одинокой старости и заброшенности въ минуту смерти («Страничка жизни»), все это заставляетъ этихъ женщинъ мучительно искать какого-либо выхода изъ неприглядной жизни .Онѣ его находятъ не въ освобождающей ихъ активности, а въ безплодной экзальтаціи чувства, которая неизмѣнно воплощается въ произведеніяхъ О. Руновой въ восторженно-мечтательную, романическую и всегда безотвѣтную влюбленность.

Это преодолѣніе дѣйствительности черезъ мечту о красивой, содержательной жизни, тоска по ней, неумѣнье активно къ ней стремиться, психологически связываютъ автора съ чеховскимъ литературнымъ теченіемъ, но уже въ разсказѣ «Голова Медузы» ,гдѣ побѣждаетъ жизненная сила моральной любви, а особенно въ «Страничкѣ жизни», написанной подъ явнымъ вліяніемъ «Смерти Ивана Ильича», замѣтна попытка автора, согласно традиціи Толстого, искать примиренія съ жизнью не въ мечтѣ, а въ нравственно просвѣтленной дѣйствительности.

О. Руновой нельзя отказать въ искренности чувства и тона ея произведеній, но для нея литературная форма есть лишь способъ доказать опредѣленное психологическое положеніе. Поэтому образы ея убѣдительны, но не художественны, отсюда же, вѣроятно, не только безличный, но и крайне небрежный языкъ О. Руновой. Такіе обороты рѣчи, какъ «выражать сочувствіе къ ея разстроенному лицу» (стр. 77), дѣепричастіе «рѣжа» (стр. 22), «всколыхивавшія ея тѣло конвульсіи» (стръ 87) и много другихъ, —встрѣчать въ литературномъ произведеніи непріятно.

Т. Таманинъ.

Юрій Слезкинъ. «Господинъ въ цилиндрѣ». Разсказы. Книгоиздательство бывш. М. В. Попова. Петроградъ.

Подражая французской школѣ конца прошлаго вѣка, въ частности

Гюи-де-Мопассану, г. Слезкинъ въ своей книгѣ «Господинъ въ цилиндрѣ» стремится прежде всего къ внѣшнему дѣйствію, энергичной фабулѣ, захватывающей «выдумкѣ». Но, совершенно упуская изъ виду психологическое богатство, тонкій умъ и наблюдательность своихъ учителей, авторъ, конечно, до-нельзя упрощаетъ художественныя задачи. И, однажды, принявъ вульгарный тонъ разсказчика, браваго сѣдоусаго полковника, вспоминающаго свою молодость за стаканомъ добраго стараго вина, г. Слезкинъ уже не можетъ отказаться отъ этой ложной манеры.

«Любовь, любовь, любовь волнуетъ нашу кровь»,—слова текутъ рѣкой, случайныя и непровѣренныя, изрѣдка мелькнетъ попутное описаніе природы, что-нибудь живописное, но очень краткое.

Герой—почти всегда одинъ и тотъ же, неустойчивый характеръ, неопредѣленное лицо, скучнѣйшая профессія. Мѣщанинъ, и притомъ мучимый припадками любовной слабости, выросшей на праздномъ воображеніи, какъ злостный нарывъ. И нарывъ этотъ своевременно раскрывается, дѣйствующія лица вступаютъ въ законный бракъ, посѣщаютъ веселое заведеніе, или оплакиваютъ утраченную молодость—въ зависимости отъ возраста и пола. Въ конечномъ итогѣ—художественный анекдотъ, любопытный рисунокъ въ одной плоскости и безъ психологической перспективы, дѣйствіе безъ діалога, люди—безъ прошлаго и будущаго.

«Беатриче кота Брамбиллы» — теплый и музыкальный разсказъ, но и онъ обезвреженъ, въ концѣ концовъ, банальнымъ разъясненіемъ всего случившагося. Негдѣ заблудиться, все по прямому, изъ тяжелаго и скучнаго матеріала.

Лариса Рейснеръ.

Андрей Бѣлый. Петербургъ. Романъ въ 8 гл. 1916 г. Ц. 2 р. Стр. 148+209+276.

Новый романъ А. Бѣлаго по темѣ непосредственно примыкаетъ къ его предыдущему роману «Серебряный голубь»: тамъ изображалось начало Россіи: темное, восточное, изначально-первобытное, начало слѣпой мистики; здѣсь — начало западное, петровское, петербургское, раціоналистическое, — начало логической схемы и безраздѣльнаго господства абстракціи, чистой мысли. Событія романа относятся къ 1905 году; герои его — революціонеры, провокаторы, бюрократы, интеллигенты и обыватели революціоннаго Петербурга; фабула—довольно не сложная для такого большого произведенія, почти исчерпывается исторіей счастливо окончившагося покушенія по требованію революціонной партіи сына сенатора Аблеухова на жизнь отца и исторіей убійства провокатора Липпанченко.

Впечатлѣніе отъ чтенія разсматриваемаго романа глубоко и до конца двойственное: романъ кажется какъ бы расколотымъ на двое, составленнымъ изъ двухъ неравноцѣнныхъ частей; высочайшіе подъемы художническихъ достиженій чередуются въ немъ съ глубочайшими провалами и срывами.

Общій фонъ романа, самый образъ Петербурга безспорно удался автору; это одно изъ самыхъ счастливыхъ и глубоко своеобразныхъ его обрѣтеній. И хотя порой кажется, что авторъ не идетъ въ замыслѣ дальше мысли Достоевскаго, замѣтившаго, что Петербургъ самый умышленный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый фантастическій городъ на всемъ земномъ шарѣ,—въ самомъ романѣ, въ исполненіи, въ грандіозной композиціи художника,—Петербургъ встаетъ, какъ незабываемый образъ, какъ призракъ, какъ провалъ въ бездну, въ «безкрайность тумановъ», какъ миражъ, какъ то, чего нѣтъ, что только «кажется», мерещится. Это насыщаетъ романъ сгущенной атмосферой неразрѣшимой гибельности.

Совсѣмъ иное надо сказать о другой сторонѣ романа. Самая его основа, «тѣло», вещественная ткань, ходъ

событій, самый механизмъ повѣствованій—все это исполнено несравненно хуже. Здѣсь много искуственности, головного, раціоналистическаго, много такого преднамѣреннаго, которое неразложимые образы подмѣниваетъ логическими построеніями. Правда, въ значительной мѣрѣ это требуется самимъ замысломъ: здѣсь нѣтъ реалистически-психологической жизненной ткани, но все зыбко, неустойчиво, размывается туманомъ. Сознаніе героевъ, какъ бы отдѣляется отъ личности ихъ, и автора занимаетъ не живая психологія людей, но голая логика ихъ отдѣльныхъ сознаній; поэтому вмѣсто картины душевной жизни, предлагаются описанія «роевъ себя мыслившихъ мыслей». Какъ-то про одно героя замѣчено вскользь: вѣтеръ «высвистнулъ» изъ него сознаніе; и всѣ герои романа не только мертвыя души, но и мертвыя сознанія, отдѣленныя отъ тѣла,—«ветхаго, скудельнаго сосуда», — которое безсильными жестами маріонетки ограничиваетъ всю выразительность живого человѣка. Все это интересно, но художественно-безсильно; фантазія автора чертитъ только, по его слову, «безсильныя арабески». Отдѣльныя изъ нихъ, описаніе ощущеній и сознанія «не по Канту»—не лишены подчасъ даже глубокой значительности, но все это разъѣдается антихудожественными обличительными тенденціями, разсудочно - аллегорическими образами (напримѣръ, инородная сущность, овладѣвающая духомъ героевъ, символизируется нерусскими, инородческими черточками, вкрапленными въ образы—монгольскими, семитическими и др.— всѣ почти безъ исключенія герои— нерусскіе), философскими и политическими прозаизмами. Удачнѣе другихъ, образы Николая Аполлоновича, сына сенатора, и Александра Ивановича, одержимаго болѣзнью безволія, «куда-то тайно влекущей идеей, вѣяніемъ смерти, которымъ онъ упивается съ восторгомъ, съ блаженствомъ, съ ужасомъ».

Написанъ романъ глубоко-своеобразнымъ стилемъ, но и форма соединяетъ въ себѣ такія противоположности, какъ магія слова, достигающая силы художественной заразительности, свойственной лишь высокой лирикѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, манерность, вычурность не только въ языкѣ, но доходящую до удивительныхъ типографскихъ ухищреній. Въ пріемахъ авторъ часто приближается къ Достовскому, но по самому стилю, по художественному методу очень далекъ отъ него, и восходитъ къ Гоголю, вліяніе котораго сильно чувствуется въ романѣ.

Если попытаться суммировать все сказанное выше, придется отмѣтить значительный и глубокій интересъ романа, своеобразную и странную силу его основного образа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отсутствіе той послѣдней черты, которая интересно задуманный и выполненный романъ превратила бы въ живую тайну творчества.

Л. С.

Жоржъ Роденбахъ. «Агоніи городовъ». Авторизованный переводъ Маріи Веселовской, предисловіе Анны Роденбахъ. Москва.

«Поэтъ открываетъ таинственныя соотношенія между идеями, аналогіи образовъ, и передаетъ ихъ съ помощью ритма». Это опредѣленіе поэзіи, высказанное Роденбахомъ, открываетъ сродство между художникомъ и стихіями, мертвой и духовной природой, между отдѣльными искусствами въ особенности. Музыка, живопись и поэзія больше не отдѣлены другъ отъ друга непроходимыми границами, окончательными внѣшними предѣлами.

Мечта о словесности, утонченной и богатой, о мощномъ и молодомъ языкѣ, объединяющемъ прекрасное, какъ философія объединяетъ знаніе, а природа—все живое, не покидаетъ Роденбаха. «Пѣснь, напоминающая своимъ ритмомъ движеніе народа, одновременно воинственная и человѣчная, точно лицо въ забралѣ»,— становится его мечтой.

Но, несмотря на высокую технику, несмотря на музыку періодической рѣчи, напоминающей изступленное краснорѣчіе Эдгара По, Роденбахъ не сумѣлъ выполнить всѣхъ своихъ обѣщаній.

Одно искусство, въ особенности, призванное имъ въ литературу, какъ средство—вскорѣ выросло до размѣровъ единственной цѣли, приняло форму навязчивой страсти.

Это искусство—живопись.

Очевидно, близость многочисленныхъ музеевъ, въ тиши которыхъ отдыхаютъ творенія Мемлинга и Ванъ-Ейка, всѣ эти города, лишенные жизни, но болѣе, чѣмъ живописные, поработили сознательную волю поэта, навязали его воображенію свои собственные законы и уставы.

И природа для Роденбаха обратилась въ пейзажъ. Религіозныя процессіи, празднества цеховъ, старинныхъ церквей и веселыхъ букколическихъ ярмарокъ это — Іордансъ, Янъ Стеенъ, Питеръ де-Гоогъ, иногда—чувственный Рубенсъ. А слова? Они являются «милліонами разноцвѣтныхъ листьевъ, бронзою, кровью, кожей ребенка, золотомъ, румянами — точно чудесная п а л и т р а»». Даже романъ Роденбаха строится по законамъ зрительнымъ и живописнымъ: Nature morte, дряхлая мантія воспоминаній, покрывшая сѣверные города пышными, медленно-истлѣвающими складками.

И, когда Роденбахъ, прерывая свои неотразимыя описанія, вдругъ заставляетъ героевъ говорить, двигаться, другъ друга любить и ненавидѣть,—мы чувствуемъ невольное смущеніе: зачѣмъ ожили эти маски, старинныя платья, монашескія, бѣлоснѣжныя покрывала? Матовымъ, смуглымъ лицамъ трудно и больно улыбаться, привѣтствуя другъ друга!

Разбираемая книга, «Агонія Городовъ», изданная чрезвычайно наспѣхъ, небрежно и безграмотно, заслуживаетъ, конечно, лучшей участи.

Оставаясь, какъ и прежде, живописцемъ, создавая пейзажи, томные, какъ пастель, и суровые, какъ гравюра на мѣди, Роденбахъ на этотъ разъ приблизился къ самой колыбели искусства, спокойно и безстрастно зарисовывая обычаи, вѣру и духъ своего народа. Среди дюнъ, покинутыхъ моремъ, плотинъ, не омываемыхъ больше приливами, мертвыхъ городовъ и мертвыхъ памятниковъ, только этотъ духъ мужественной націи и кажется живымъ, и не внушаетъ унизительныхъ сожалѣній.

Лариса Рейснеръ.

В. Орканъ. Л ю б о в ь и г о л о д ъ. Разсказы. Пер. съ польскаго Владиміра Высоцкаго. «Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ». 1916.

Авторъ дѣлитъ книгу на двѣ части: «Любовь пастушья» и «Моръ». Обѣ посвящены быту карпатскихъ горцевъ-крестьянъ. Разсказы написаны ярко и свѣжо; чувствуется, что авторъ любитъ природу и жизнь, о которыхъ пишетъ. Три разсказа первой части описываютъ эту жизнь въ обычномъ, мирномъ теченіи, деревенскую молодежь, пасущую стада въ карпатскихъ лѣсахъ и долинахъ, поэтическую, молодую «пастушью любовь». Пожалуй, лучшій изъ этихъ разсказовъ—первый, кстати, единственный изъ всего сборника, написанный въ мажорномъ тонѣ: «Чего Юзеку хотѣлось и что у него вышло». Незначительный по величинѣ, онъ полонъ поэзіи и тонкаго, живого юмора. Вторую часть составляетъ большой разсказъ «Моръ» —сильная, мрачная картина бѣдствій, постигшихъ страну въ злые неурожайные годы. Исторія гибели цѣлой семьи, стоящей въ центрѣ разсказа, передана просто, но тѣмъ болѣе сильно. Авторъ не сгущаетъ красокъ, говоря объ ужасахъ голода и мора, но умѣетъ заставить говорить самихъ за себя и эти ужасы, и немногіе свѣтлые проблески, которые временами прорываются среди общаго фона безнадежности и сознанія полнаго безсилія человѣка передъ властью темныхъ силъ природы. Разсказы читаются съ интересомъ, переводъ хорошъ.

Т. Кладо.

В. Азбукинъ. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ. Стр. 293. Ц. 2 р. 50 к.

Книга представляетъ собою безпорядочную массу критическихъ замѣчаній различныхъ писателей о Гончаровѣ.

Отзывы, приводимые В. Азбукинымъ, свидѣтельствуютъ о чемъ угодно: о томъ, чѣмъ былъ Гончаровъ въ жизни, о русской женщинѣ, о нигилизмѣ, о крѣпостномъ правѣ, о вырожденіи русскаго дворянства,—но въ нихъ ничего не говорится о томъ, какова художественная цѣнность романовъ Гончарова.

Составителя совершенно не видно въ разноголосомъ хору, имъ собранныхъ мнѣній. Но когда онъ въ самомъ концѣ книги начинаетъ говорить отъ себя, онъ говоритъ всѣхъ слабѣе и всѣхъ непонятнѣе.

Въ Гончаровѣ авторъ видитъ «примирителя стараго и новаго поколѣнія, старой и новой правды», «борца съ псевдолиберализмомъ».

Обломовщину онъ силится показать, какъ непріятіе чужой машинной, «западной», нѣмецкой культуры и т. д. по схемѣ «два міра».

Обиліе ничтожныхъ цитатъ еще болѣе увеличиваетъ сходство книги г. Азбукина съ пародіей на «общественный» подходъ къ художественному произведенію.

Викторъ Шкловскій.

Э. Леви. Греческая скульптура. Переводъ Вѣры Конради. Изд. «Огни». Петроградъ 1915. Стр. 199 +X + XV, 168 таблицъ, 297 рисунковъ. Ц. 3 р. 50 к.

Книга Леви глубоко научна; всякая строка ея насыщена, полновѣсна, говоритъ объ упорномъ трудѣ, и въ то же время она ясна и проста. Леви не пишетъ исторію искусства; его книга не задается цѣлью быть справочникамъ по именамъ и годамъ, его задача другая: онъ беретъ «профана», подводитъ его къ Тентскому Апполону или олимпійскому фронтону и говоритъ: «Вотъ, я вижу, и это даетъ мнѣ огромное счастье; научись и ты смотрѣть». Красота можетъ даться всякому,—и въ этомъ состоитъ нашъ кличъ демократизаціи искусства,—но необходима одна оговорка: всякому, кто подходитъ къ ней не съ легкомысленной попыткой охватить ее сразу, въ бѣгломъ обзорѣ, а съ сознаніемъ ,что это «мѣсто свято», что онъ долженъ вникнуть серьезно и тихо и научиться слышать и видѣть. Лучшія книги по теоріи и исторіи искусства, вдохновенныя страницы Вельфлина, Фолля помогаютъ именно этой задачѣ. Такъ и Леви,—онъ называетъ немногія имена тѣхъ, кто являются вѣхами для цѣлой эпохи—Мирона, Поликлета, Фидія, Праксителя, Скопода, Лизиппа и ставитъ вопросъ—каковы были основныя задачи греческой скульптуры и пути ихъ достиженія, какъ грекъ научился видѣть природу и передавать ее въ искусствѣ.

Въ первую очередь авторъ характеризуетъ рядъ формальныхъ, т. е. относящихся къ развитію художественной формы, задачъ и на примѣрахъ греческой скульптуры показываетъ зрителю способы ихъ достиженія. Онъ почти не затрагиваетъ вопросовъ «содержанія» и темъ, что составляетъ для новичка наиболѣе легкій и вульгарный подходъ къ картинѣ или статуѣ. Глубоко-серьезно онъ подводитъ его сразу къ тому, что есть самостоятельная область искусства, заставляетъ его вникнуть и понять именно ея цѣнность, цѣнность не занимательнаго разсказа въ краскѣ или камнѣ, а претворенія совершенно своеобразныхъ, особо окрашенныхъ, глубинъ человѣческой души, — въ линіи и формы.

Издана книга прекрасно, иллюстраціи не многимъ уступаютъ оригиналамъ въ нѣмецкомъ и итальянскомъ подлинникахъ. Переводъ носитъ отпечатокъ продуманности и серьезнаго вниканія въ текстъ. Цѣна, къ сожалѣнію, дорога, и противорѣчитъ задачамъ широкаго потребленія.

Н. Брюллова-Шаскольская.

Временникъ. Изданіе Сѣвернаго Кружка любителей изящныхъ искусствъ. Выпускъ I. Вологда 1916 г.

Появленіе художественнаго журнала въ глухомъ провинціальномъ городѣ, да еще при современныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, — несомнѣнный показатель культурнаго роста нашей провинціи. Сѣверный кружокъ любителей изящныхъ искусствъ, уже 10 лѣтъ существующій въ Вологдѣ, намѣчаетъ для ближайшаго будущаго обширный планъ дѣятельности, направленный къ изученію художественной старины Сѣвера. Съ этой цѣлью предполагается, кромѣ журнала, выпустить рядъ монографій, спеціально посвященныхъ сѣвернымъ городамъ (напр., Великому Устюгу, Сольвычегодску), монастырямъ и даже усадьбамъ. Кружокъ уже зарекомендовалъ себя съ хорошей стороны изданіемъ книги Г. Лукомскаго «Вологда въ ея старинѣ» (СПБ. 1914).

Переходя къ содержанію перваго выпуска «Временника», мы не можемъ назвать его вполнѣ выдержаннымъ съ точки зрѣнія намѣченнаго Кружкомъ плана дѣятельности. Имѣется нѣсколько статей, посвященныхъ Вологодскимъ древностямъ, описаніе поѣздки по стариннымъ монастырямъ Бѣлозерскаго края, замѣтка объ изученіи рукописей, а рядомъ съ этими статьями мы видимъ обзоры художественныхъ журналовъ (за 15 лѣтъ) и книгъ по искусству, лирическія замѣтки о «бабушкѣ сказительницѣ» и текущую лѣтопись Кружка.

Послѣдняя категорія статей внушаетъ нѣкоторыя опасенія за дальнѣйшее направленіе журнала, такъ какъ всѣ эти «обзоры» и лирическія изліянія весьма легковѣсны и кажутся неумѣстными въ органѣ, посвященномъ изученію старины. Непріятное впечатлѣніе производитъ отдѣлъ «Изъ жизни Кружка», заполненный воспоминаніями двухъ основателей кружка другъ о другѣ, неловко становится за авторовъ такихъ «воспоминаній».

Въ дальнѣйшихъ выпускахъ хотѣлось бы видѣть побольше стихотвореній и внести въ выборъ матеріала поменьше наивной восторженности и эстетическаго любованія, которыми грѣшатъ даже наиболѣе удачныя статьи перваго выпуска.

Къ иллюстраціямъ, которыя довольно сносны, не мѣшало бы быть особенно придирчивыми въ настоящее трудное время.

А. Кудрявцевъ.

Григорій де-Воллантъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Часть I, томъ II. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Цѣна 2 р. 25 коп.

Въ ходѣ русской исторіи авторъ усматриваетъ наличность ряда протестовъ со стороны общества; сперва эти протесты носили пассивный характеръ и выражались въ томъ, что русскій человѣкъ, недовольный существующимъ строемъ, «бѣжалъ за рубежъ», потомъ эти протесты стали болѣе активными, но все же рѣдко принимали характеръ революціоннаго движенія, проявляясь въ видѣ вспышекъ народнаго неудовольствія или въ формѣ бунтовъ «безъ руководящихъ идей и нося при этомъ реакціонный характеръ, и только съ 1825 года усиливается уже прогрессивное движеніе, достигшее своей кульминаціонной точки въ 1905 году».

До этой эпохи автору, однако, не удалось добраться, и предъ нами только два тома первой части, въ которыхъ изложеніе доводится до Петра III. Представленіе о сущности общественныхъ движеній у автора самое примитивное. Вотъ, напримѣръ, какъ смотритъ онъ на Смутное время. «Хотя, — говоритъ онъ, — къ этому движенію и примѣшались анархическіе элементы, но все движеніе можно характеризовать, какъ стремленіе найти законнѣйшаго природненнаго, леги-

тимнаго царя въ лицѣ царевича Димитрія, имѣвшаго больше правъ на престолъ, чѣмъ потомокъ Б. Годуновъ и даже Шуйскій» (ч. I, т. I, стр. 8).

Если читатель повѣритъ заглавію книги и вздумаетъ искать въ ней «Исторію революціонныхъ и общественныхъ движеній», то онъ жестоко обманется въ своихъ поискахъ, и никакой исторіи въ ней не найдетъ, такъ какъ трудно и вообще опредѣлить, что представляетъ собою эта весьма сумбурная и безпорядочная по содержанію книга. И это тѣмъ болѣе удивительно, что автора отнюдь нельзя считать невѣждой въ наукѣ; наоборотъ, эрудиція у него огромная, и едва ли можно уличить его въ какой-нибудь крупной погрѣшности противъ истины. Но бѣда въ томъ, что всѣ многочисленныя ссылки на Милюкова, Ключевскаго, Павлова-Сильванскаго, Рожкова и другія столь же ученыя имена не спасаютъ автора отъ обывательскаго пониманія исторіи, а читателя — отъ скуки смертной. И если этотъ трудъ не принесетъ читателю вреда, то и польза отъ него небольшая.

А. Кудрявцевъ.

Gustav Cassel. Tysklands ekonomiska motståndskraft.

Густафъ Кассель. (Экономическая сила сопротивленія Германіи. Stockholm 1916 P. A. Norstedt Söners Förlag. 117 стр,

Книга шведскаго профессора Густава Касселя явилась результатомъ поѣздки его въ Германію въ мартѣ текущаго года по предложенію нѣмецкаго посольства въ Стокгольмѣ. Профессоръ, по его словамъ, не преслѣдовалъ при этомъ никакихъ политическихъ цѣлей: ему хотѣлось на мѣстѣ ознакомиться съ экономическими условіями жизни въ Германіи и дать по возможности научное подтвержденіе или опроверженіе тѣхъ ходячихъ положеній, которыя установились въ этой области. Важность этого вопроса не подлежитъ сомнѣнію. Впервые при современныхъ условіяхъ былъ сдѣланъ опытъ отрѣзать страну отъ всѣхъ сношеній съ другими странами, изъ которыхъ она въ нормальное время получала значительную часть своего сырья и куда сбывала большую часть своихъ фабрикатовъ. Въ странахъ согласія почти не сомнѣвались, что въ экономическомъ отношеніи Германія не выдержитъ и полугода. Но прошелъ годъ, а затѣмъ и второй, и естественно возникаетъ вопросъ, въ чемъ заключается секретъ экономической силы сопротивленія Германіи, какія погрѣшности допустили тѣ изслѣдователи, которые не допускали возможности столь продолжительнаго сопротивленія, и какъ велика эта сила сопротивленія теперь, когда войнѣ все еще не видать конца...

Книга профессора Касселя, пытающагося дать отвѣты на всѣ эти вопросы, къ сожалѣнію, не богата цифрами ,что на многихъ произведетъ, вѣроятно, впечатлѣніе недостаточной научности и малой убѣдительности выдвигаемыхъ имъ положеній. Свои выводы онъ строитъ больше на основаніи личныхъ наблюденій, бесѣдъ съ общественными и политическими дѣятелями Германіи и апріорныхъ положеній. Увѣренность, что Германія «долго не выдержитъ», покоилась, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, на двухъ ошибкахъ: одни изслѣдователи слишкомъ большое значеніе придавали внѣшней торговлѣ въ современномъ хозяйствѣ, другіе—исходили изъ предположенія, что народъ живетъ обычно на накопленный капиталъ, богатства, состоящія въ деньгахъ или товарахъ. Ходъ войны показалъ ошибочность обоихъ предположеній.

. . . .

. . . .

Н. [illegible]

Paul Lensch, Die Sozialdemokratie, ihr Ende und ihr Glück. M. d. R. Leipzig 1916. Verlag von S. Hirzel. X+218 стр.

Пауль Леншъ. Соціалъ-демократія, ея конецъ и счастье. Изданіе Гирцеля въ Лейпцигѣ.

Бывшій редакторъ «Leipziger Volkszeitung» Пауль Леншъ причислялся до войны къ «радикальной» части нѣмецкой соціалъ-демократіи. Изъ проникшихъ въ печать свѣдѣній о засѣданіи фракціи наканунѣ историческаго голосованія 4 августа извѣстно, что Леншъ былъ противъ вотированія кредитовъ. Рѣшеніе фракціи голосовать за бюджетъ, онъ приравнялъ къ хирургической операціи надъ Интернаціоналомъ: «голосовавшіе за кредиты выложили на оперативный столъ внутренности Интернаціонала!»..

Поворотъ въ воззрѣніяхъ Ленша начинается вмѣстѣ съ первыми рѣшительными «успѣхами» нѣмецкаго оружія въ Бельгіи, Франціи и на восточномъ фронтѣ. Война пріобрѣтаетъ вдругъ для Ленша совершенно иное значеніе, чѣмъ для большинства нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Если для послѣднихъ дѣло идетъ о «защитѣ границъ» и о сохраненіи бывшихъ ранѣе благопріятныхъ условій для экономическаго развитія Германіи, то Леншъ глав-ную задачу войны видитъ въ сокрушеніи «главнаго врага»—Англіи,—«властительницы морей», мѣсто которой должна занять Германія. Леншъ ударяется въ «соціалъ-имперіализмъ», оправдать который должна, конечно, теорія марксизма...

Первую попытку подвести «марксистскій» фундаментъ подъ свою «соціалъ-имперіалистскую» теорію Леншъ сдѣлалъ еще въ концѣ 1914 г. въ выдержавшей уже нѣсколько изданій брошюрѣ «Нѣмецкая соціалъ-демократія и міровая война». Лежащій передъ нами «трудъ» въ значительной своей части только дополняетъ и обосновываетъ мысли и положенія, уже высказанныя ранѣе.

Новая книга Ленша начинается краткимъ очеркомъ развитія нѣмецкой соціалъ-демократіи. Оказывается, что до войны она была въ тискахъ невѣрныхъ «историческихъ, политическихъ и общественныхъ представленій», приведшихъ, естественно, къ совершенно неправильной тактикѣ. Люди, въ серьезъ принимали положеніе о классовой борьбѣ, видѣли въ государствѣ организацію господствующихъ классовъ, подвергали рѣзкой критикѣ всѣ стороны государственной жизни Германіи, боролись съ милитаризмомъ, имперіализмомъ, подчеркивали классовыя противорѣчія между пролетаріатомъ и буржуазіей и дошли до того, что такой человѣкъ, какъ Бебель, съ гордостью отмѣчаетъ въ своей автобіографіи, что онъ никогда не вступалъ ни въ какія сдѣлки съ правительствомъ! А на дрезденскомъ партейтагѣ въ 1903 г., онъ даже заявилъ, что «хочетъ и останется смертельнымъ врагомъ современнаго буржуазнаго общества!»...

Само собою разумѣется, что подобнаго рода поведеніе и тактика, по мнѣнію Ленша, ничего общаго съ марксизмомъ не имѣютъ: Марксъ и Энгельсъ писали и дѣлали совершенно другое... Германская партія стала жертвой «нелюбви» стараго Либкнехта къ Германіи, невѣрныхъ историческихъ представленій и перспективъ Франца Меринга и Карла Ка-

утскаго и зараженія иде[illegible] кихъ мыслителей и поэто[illegible] шихъ въ то время, когда со[illegible] ной Германіи еще не было. Это они заразили нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ мечтами объ уничтоженіи войнъ и національныхъ границъ, самоопредѣленіи народовъ, вѣчномъ мирѣ, всеобщемъ разоруженіи и аналогичнымъ благодушнымъ представленіямъ, совершенно чуждыми Марксу и надъ которыми онъ только издѣвался!»...

Были въ нѣмецкой партіи и другіе элементы—ревизіонисты и дѣятели профессіональныхъ союзовъ,—которые подходили къ вопросамъ совершенно съ другой точки зрѣнія. Но имъ не удалось подвести подъ свою практику «марксистскій» фундаментъ и «радикалы» все время одерживали въ теоріи. Партія забралась въ тупикъ, который угрожалъ всеми ужасами странѣ и человѣчеству, когда, къ счастью, разразилась война...

Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt — вотъ основной лейтъ-мотивъ второй главы, посвященный вопросу о голосованіи кредитовъ.

Вся бѣда, по мнѣнію Ленша, въ двойственномъ характерѣ германской соціалъ-демократіи. «Въ мирное время эта двойственность была ей полезна... Во время же войны она загнала ее въ тупикъ... Партія должна сказать то, что есть». А есть, по мнѣнію Ленша, прежде всего то, что никакого интернаціонала не существуетъ, и не въ смыслѣ разрушенія опредѣленныхъ формъ, а вообще... И съ этой точки зрѣнія голосованіе 4 августа было «стратегически» правильно: партія стала на національную почву и [illegible] которыми ее осыпали.... [illegible] самой популярной, ея будущее [illegible] самымъ многообѣщающимъ, кругъ вліянія—самымъ об[illegible]... Правда, сама партія при этомъ [illegible] въ кризисъ, изъ котораго она [illegible] выйти не можетъ, [illegible] только потому, что она не слѣ[illegible] Леншемъ [illegible] продолжа- [illegible] по крайней мѣрѣ, считаться съ [illegible] буржуазными [illegible]...

[illegible] крупныхъ промышленныхъ [illegible] союзъ, — [illegible] съ [illegible] только въ [illegible]». Даже та [illegible] солидарность, которая [illegible] существуетъ, [illegible] въ [illegible] случаѣ, [illegible] заранѣе, [illegible] политическаго и экономическаго развитія. И въ этомъ лежитъ историческое оправданіе голосованія 4 августа. [illegible] міра: . . . . «индивидуалистическая» Англія и олицетвореніе «историческаго прогресса» — «организующая» и «[illegible]» Германія. «Дѣло демократіи и соціализма неразрывно связано съ судьбой Германіи»... И не нужно быть поэтому «Марксомъ», чтобы понять, что нѣмецкій пролетаріатъ . . . . обязанъ направить всѣ свои силы на «сокрушеніе Англіи и ея міровой державы» и «созданіе Германской міровой имперіи!»... Только «реакціонеры» или «утописты» могутъ при подобныхъ условіяхъ противопоставлять классовыя задачи пролетаріата націонализму! Въ дѣйствительности «на опредѣленной стадіи развитія классовое сознаніе совпадаетъ цѣликомъ съ національнымъ»...

Нѣмецкая соціалъ-демократія должна поэтому цѣликомъ признать современное буржуазное государство, съ его милитаризмомъ, маринизмомъ, стремленіемъ къ захвату чужихъ земель, имперіализмомъ. Въ свою очередь, и государство признаетъ «[illegible]» соціалъ-демократію. Соціалъ-демократы будутъ содѣйствовать усиленію военной монархіи, а правительство будетъ назначать ихъ въ офицеры. Партія будетъ поддерживать имперіалистическія стремленія буржуазіи и ея [illegible] получать [illegible] колоніальная [illegible] можетъ быть [illegible]. Это

ли не «счастье», если не для партіи, то для Леншей?..

Н. Совскій.

Д-ръ Е. В. Членовъ. Идишизмъ и школа. Москва. Изд. книжн. маг. «Литература». 1916 г., стр. 26. Цѣна 35 коп.

Идишизмъ—идейное теченіе среди евреевъ, защищающее принципы новой школы, отстаивающее необходимость ограниченія власти надъ ребенкомъ такъ называемыхъ еврейскихъ предметовъ (библія, еврейскій языкъ). Д-ръ Е. В. Членовъ, представитель другого лагеря, враждебнаго идишистамъ, гебраистъ, нѣсколько иначе смотритъ на теоретическую и практическую работу своихъ идейныхъ противниковъ. По его мнѣнію, «10 лѣтъ ведется подкопъ подъ основныя цѣнности еврейства; онъ ведется систематически и планомѣрно, и особенно усилился за послѣднее время, при наступившей общественной разрухѣ. Этотъ подкопъ ведется представителями того теченія, которое назвало себя идишизмомъ» (стр. 7).

Д-ръ Е. В. Членовъ задался цѣлью развѣнчать враговъ еврейскаго общества, вскрыть несостоятельность и вредъ ихъ разрушительной дѣятельности, направленной къ ниспроверженію еврейскихъ устоевъ. Приходится отмѣтить, однако, что со своею задачей онъ справиться не сумѣлъ, вслѣдствіе безграничной страстности, доходящей до безсильныхъ выкриковъ, Такъ, напр., изложивъ содержаніе рѣчей, произнесенныхъ на совѣщаніи о-ва просвѣщенія евреевъ «трехъ генералъ-редеровъ», д-ръ Е. В. Членовъ, восклицаетъ: они (идишисты) рвутся въ еврейскую школу; они уже мѣстами захватили ее. Душу ребенка хотятъ они завлечь и въ ней насадить тѣ сѣмена цинизма и національной анархіи, которыхъ цвѣточки я обрисовалъ передъ вами» (стр. 13). Идишисты вносятъ смуту въ умы тѣхъ, которые слабо разбираются и поддаются обаянію демократической фразеологіи» (стр. 14). Что же собственно нужно, чтобы не было подкоповъ, цинизма, раздѣванія и анархіи? «Хедеръ страдаетъ огромными недостатками организаціи, но только на такихъ основахъ (курсивъ г. Членова) созданная школа соотвѣтствуетъ національному духу еврейства; только такая школа можетъ стать народной. Хедеръ давалъ крѣпкій закалъ (курсивъ г. Членова). Ребенку внушалась любовь къ старой родинѣ (курсивъ Членова) и крѣпкая вѣра въ Geulah, возвращеніе въ нее (курс. Членова, стр. 18).

Дальнѣйшее разсмотрѣніе брошюры г. Членова излишне, потому, что она представляетъ чисто бытовой, а не научный интересъ, являясь одной изъ интересныхъ и своеобразныхъ иллюстрацій къ тому, что происходитъ въ настоящій моментъ въ еврейскомъ обществѣ.

В. Зеленко.

С. А. Левитинъ. Трудовая школа—школа будущаго. Изд. книгоиздательства «Практическія Знанія». М. 1916. Цѣна 1 р. 75 коп.

Небольшая (въ 170 стр.) книга г. Левитина заслуживаетъ того, чтобы на нее обратили вниманіе всѣ, интересущіеся школьнымъ вопросомъ, какъ вопросомъ соціальной политики. Авторъ совершенно правильно жалуется на то, что вопросамъ соціально-педагогической политики удѣляется сравнительно мало вниманія въ нашей общей (не спеціально - педагогической) прессѣ. Между тѣмъ, вѣдь это вопросы колоссальной важности, по глубокой жизненности не уступающіе вопросамъ экономическимъ и политическимъ. Совершенно правильно отмѣчая самый фактъ, авторъ, кажется мнѣ, не совсѣмъ правильно его объясняетъ. У насъ нѣтъ еще элементарныхъ условій свободной общественной работы. Немудренно поэтому, что общественная мысль концентрируется преимущественно на

проблемахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ этой основной злобѣ нашихъ дней (не дня, а именно **дней**: такъ ихъ много прошло и такъ всѣ они исполнены одной и той же злобы). Если, напр,. о философіи у насъ больше говорятъ и больше ею интересуются, чѣмъ педагогикой такъ не только потому, что первая касается основъ знанія, а вторая—опредѣленной области человѣческой практики, а и, главнымъ образомъ, потому, что первая со временъ Гегеля связала себя цѣлою сѣтью нитей съ указанной злобой «дней нашей жизни»... Но какъ бы тамъ ни было, г. Левитинъ все же совершенно правъ, взывая къ не-педагогамъ: обратите же, наконецъ, вниманіе на проблему воспитанія подрастающихъ поколѣній, вырвите ее изъ рукъ «футлярныхъ» людей, сдѣлайте ее дѣломъ своей жизни!

Въ рядѣ статей, большая часть которыхъ печаталась раньше въ педагогическихъ журналахъ, авторъ пытается доказать, что настала пора кореннымъ образомъ, реформировать, если не самое школу, то, по крайней мѣрѣ, наше къ ней отношеніе. Наша школьная система уродуетъ человѣка, подавляетъ его естественныя дарованія и неодинаково относится къ низамъ и верхамъ общества. Измѣнить надо не только организацію школъ (напр., необходимо уничтожить искусственную изоляцію народныхъ школъ), но и самый принципъ воспитанія и обученія, положенный въ основу ея учебной работы. В ъоснову предстоящей реформы школьнаго дѣла надо положить принципъ, формулированный совершенно отчетливо еще Марксомъ: «Въ воспитаніи будущаго,—какъ-то мимоходомъ замѣтилъ Марксъ,—трудъ и наука будутъ занимать одинаковое мѣсто; физическое воспитаніе, гимнастика, работа рукъ и умственный трудъ должны гармонировать и взаимно пополнять другъ друга, потому что это единственный методъ для воспитанія всесторонне-развитого человѣка, а также единственно вѣрное средство поднять продуктивность общественнаго производства». Здѣсь въ общей, несовершенной формѣ, но по существу вполнѣ правильно формулированъ принципъ трудовой школы —школы будущаго. Г. Левитинъ обосновалъ этотъ принципъ въ статьяхъ «Идея трудовой школы», «Соціальные корни идеи трудового воспитанія», «Трудовая школа въ Америкѣ и ея представители въ теоріи и на практикѣ». Двѣ дальнѣйшихъ статьи онъ посвящаетъ изложенію и критикѣ взглядовъ мюнхенскаго педагога Кершенштейнера, въ которомъ многіе видятъ самаго крупнаго представителя идеи трудового воспитанія («Воспитаніе гражданъ», «Трудовая школа и государственный соціализмъ («Бисмаркизмъ» въ школьной политикѣ»). Г. Левитинъ путемъ тонкаго анализа идей этого прославленнаго педагога вскрываетъ анти-демократическую подкладку его агитаціи за трудовую школу, которой онъ хотѣлъ бы воспользоваться для обузданія стремящихся къ иной жизни народныхъ массъ. Противорѣчивой и рѣзко-буржуазной позиціи Кершенштейнера онъ противопоставляетъ позицію другого пламеннаго поборника трудовой школы, швейцарскаго профессора Роберта Зейделя. Въ прекрасной статьѣ—лучшей во всей книгѣ — «Отъ ткацкаго станка до университетской каѳедры» — авторъ набрасываетъ бѣглыми штрихами жизнь и идеи этого замѣчательнаго человѣка. Выходецъ изъ пролетарской массы, Зейдель самъ прошелъ суровую школу физическаго труда, прежде чѣмъ ему удалось вступить на путь систематическаго образованія. Въ качествѣ человѣка, прошедшаго школу К. Маркса, Зейдель тѣснѣйшимъ образомъ связываетъ реформы образованія съ реформой общества. Онъ не обогащаетъ себя надеждой на полное осуществленіе принциповъ трудового воспитанія въ рамкахъ буржуазнаго строя, и въ качествѣ послѣдовательнаго демократа подвергаетъ рѣзкой, но справедливой критикѣ половинчатыя и

двусмысленныя идеи Кершенштейнера. Заканчивается книга г. Левитина статьей «Трудовая школа и профессіонализмъ», въ которой тщательно проводится линія расхожденія между трудовой и технически-профессіональной школой.

Таково содержаніе интересной и живо написанной книги г. Левитина. Жаль только, что авторъ не сократилъ нѣкоторыхъ статей, въ особенности первыхъ двухъ (вмѣсто предисловія и введенія), которыя, будучи сжаты, много выиграли бы въ содержательности.

Ник. Андреевъ.

Замѣтки:

Николай Ливкинъ. Инокъ. Изд. журнала «Млечный Путь». Москва. 1916. Стр. 44. Ц. 1 р.

Начинающій поэтъ ищетъ новыхъ созвучій для своихъ интимныхъ ощущеній, отмѣченныхъ усталостью и надломомъ... И это исканіе своихъ словъ—единственное, изъ-за чего стоитъ, можетъ быть, указать на блѣдную книжечку Н. Ливкина.

Н. Венгровъ

С. Ф. Либровичъ. «На книжномъ посту». Воспоминанія, замѣтки, документы. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Стр. 490. Цѣна 2 р. 75 к.

Изъ любопытныхъ и живыхъ очерковъ состоитъ эта объемистая, оригинально задуманная и хорошо изданная книга, включающая, какъ воспоминанія автора о видныхъ представителяхъ литературы, искусства и государственной жизни, соприкасавшихся съ фирмою Т-ва М. О. Вольфъ въ теченіе 43-хъ лѣтъ, такъ и рядъ характерныхъ документовъ. Въ увлекательно написанной книгѣ автора, любящаго и цѣнящаго книгу, какъ таковую, читатель съ интересомъ перелистаетъ страницы, въ которыхъ мелькаютъ бытовыя черточки, связанныя съ именами Зотова, Островскаго, Писемскаго, Гончарова, Лѣскова, Минаева, Тургенева, Засуличъ, Достоевскаго и др.

«Труды профессора С. А. Венгерова». Библіографическій перечень. Составилъ А. С. Поляковъ. Изд. Л. Э. Бухгейма. М. 1916.

Выпускъ этого перечня трудовъ извѣстный московскій библіофилъ Л. Э. Бухгеймъ пріурочилъ къ недавно исполнившемуся 60-лѣтію со дня рожденія проф. Венгерова. Составлена книга съ исчерпывающей полнотой библіографомъ А. С. Поляковымъ и содержитъ 250 номеровъ и рядъ рецензій на труды (1872—1915 гг.), причемъ составитель включилъ даже въ перечень «Семеновскій желѣзнодорожный календарь и записную книжку на 1890 годъ», составленный С. А. Венгеровымъ во время службы въ контролѣ расходовъ на Либаво-Роменской ж. д., и далъ подробное оглавленіе выпущенной въ 1885 г. «Исторіи новѣйшей русской литературы», явившейся въ свое время первой систематической исторіей русской литературы и уничтоженной за крамольный духъ по постановленію Комитета Министровъ. Къ книгѣ, отпечатанной на хорошей бумагѣ и библіофильски изданной, приложены именной указатель и портретъ С. А. Венгерова, работы художника А. А. Митникова.

С. Я. Штрайхъ. Литературное воспитаніе Н. И. Пирогова. Съ приложеніемъ неизданныхъ матеріаловъ. П. Стр. 54. Ц. 50 к.

Предварительно напечатанный въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ» очеркъ подробно выявляетъ литературныя вѣянія, которымъ подвергался въ юности Пироговъ, и отмѣчаетъ вліяніе, оказанное разными авторами на Пирогова. Въ приложеніи къ книгѣ дана юношеская рукопись «Сочиненія къ отцу».

I. Рабиновичъ.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Азбукинъ. В. *И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ* (1847—1912). Изд. автора. Орелъ. 1916. Стр. 293. Ц. 2 р. 50 к.

Альманахъ для юношества. *Хрестоматія для домашняго чтенія подъ ред. А. Н. Анненской* Книга 28-я. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 289. Ц. 3 р.

Ауслендеръ, С. *Сердце воина.* П. 1916. Стр. 396. Ц. 2 р. 60 к.

Ахадъ-Гаамъ. *Избранныя статьи.* Вып. I. Пер. съ евр. съ предисл. Х. Гринберга. Изд. «Востокъ». П. 1916. Стр. 135. Ц. 75 к.

Беневитскій, Ил. *Враги.* Драм. сцены въ 4-хъ д. изъ времени войны 1914 г. Изд. автора. Казань. 1916. Стр. 32. Цѣна не обозначена.

Бируковъ, Б. I. проф. *Въ германскомъ плѣну.* (Отголоски пережитого). Изъ Изв. Имп. Никол. Ун-та, Т. VI за 1915 г. Саратовъ. 1916. Стр. 1С4. Цѣна не обозначена.

Бицилли, П. М. *Салимбене.* (Очерки итальянской жизни XIII в.). Одесса. 1916. Стр. 389. Ц. не обознач.

Богдановъ, Ал. *Подъ ласковымъ солнцемъ.* Разсказы и стихотворенія. Т. I. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1917. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.

Боднарскій. Б. С. *Международный библіографическій институтъ и его богатства.* Изд. жур. «Библіографическія извѣстія». М. 1916. Стр. 12.

Василевскій, Л. *Земные обманы.* Разсказы. Изд. М. И. Семенова. П. 1916. Стр. 150. Ц. 1 р. 40 к.

Водовозовъ, В. В. *На Балканахъ.* Статьи. Путевые очерки. Изд. «Огни». П. 1916 Стр. 138. Ц. 1р. 50к.

Гартевельдъ, Мих. *Сафо.* Лирическая поэма. Изд. Т-во М. О. Вольфъ. П. 1916. Стр. 32. Ц. 80 к.

Гаршинъ, Всеволодъ. *Сигналъ.* Разсказъ. Дешевая библіотека. кн. I. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 22. Ц. 8 к.

Гауле, I. докторъ. *Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка* (Вліяніе алкоголя). Пер. В. М. Величкиной. Дешевая библ. Кн. 94. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 29. Ц. 10 к.

Гликманъ, Евгеній. *Эда.* Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Изд. автора. Саратовъ. 1917. Стр. 36. Ц. 60 к.

Гольдебаевъ, А. *Чужестранный цвѣтокъ.* Разсказы. Изд. М. И. Семенова. П. 1916. Стр. 205. Ц. 1 р. 50 к.

Джорджо Дель-Веккіо, проф. *Моральныя причины нашей войны.* Авт. пер. съ 3 итальянск. изд. Скл. Изд. «Задруга» М. 1916. Стр. 32. Цѣна 45 к.

Диканскій. М. Г. *Авторское право въ архитектурѣ.* Скл. въ конт. жур. «Зодчій». П. 1916. Стр. 77. Цѣна не обозначена.

Дмитренко, Л. Ф. *Смѣны души.* Стихотворенія. Изд. автора. Одесса. 1916. Стр. 264. Ц. 2 р.

Законъ 6 апрѣля 1916 года. *Положеніе о государственномъ подоходномъ налогѣ.* Сост. 6. чин. особ. поруч. Мин-ва Фин. С. А. Просьбинъ. Изд. Л. Биновича и В. Скарпата. П. 1916. Стр. 128. Ц. 1 р. 50 к.

Збірникъ памяти Тараса Шевченка (1814—1914). Виданнэ Украінського Наукого Товариства въ Киіві. Киів. 1915. Стр. 256. Ц. 2 р. 50 к.

Зигридъ Упдсетъ. *Викинги.* Романъ. Пер. съ норв. М. П. Благовѣщенской. Изд. 6. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 121. ц. 1 р. 75 к.

Ивневъ, Рюрикъ. *Золото смерти.* Изд. «Центрифуга». М. 1916. Стр. 27. Ц. 50 к.

Игнатовъ, И. Н. *Театръ и зрители.* Ч. I. Первая половина XIX ст. Изд. «Задруга». М. 1916. Стр. 340. Цѣна 3 р.

Извѣстія петроградской біологической лабораторіи, подъ ред. С. И. Метальникова. Т. XV. Вып. 3, 4.

22*

Изд. Совѣта лабораторіи. П. 1916. Стр. 87. 1 р. 50 к.

Іоновъ, Борисъ. *Обреченные.* Очерки повѣсти, разсказы. Изд. автора. М. 1916. Стр. 147. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія русской литературы до XIX в., подъ ред. А. Е. Грузинскаго Т. I. Изд. Т-ва «Міръ». М. 1916. Стр. 374. Цѣна не обозначена.

Каменевъ, Ю. *Экономическая система имперіализма.* Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 104. Ц. 1 р.

Клепиковъ, А. *Въ «низинахъ».* Сцены изъ деревенской жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 3-е изд. Изд. Моск. Союза Потр. Общ. М. 1916. Стр. 55. Ц. 40 к.

Колосовъ, Е. Е. *Русскіе волонтеры во Франціи.* Изд. «Огни». П. 1916. Стр. 65. Ц. 60 к.

Коровинъ, Евгеній. *Мой уголокъ.* Стихи. Изд. автора. М. 1916. Стр. 76. Ц. 1 р.

Крачковскій, Дм. *Святые грѣхи.* Романъ. Изд. М. И. Семенова. П. 1916. Стр. 251. Ц. 2 р.

Кречинъ, Н. *Національный вопросъ.* Изд. автора. П. 1916. Стр. 14. Цѣна 25 к.

Критическая оцѣнка матеріаловъ Всеросс. С.-Х. Переписи и система ея разработки. Самарская губ. Изд. Оцѣн. Стат. Отд. Сам. губ. Земства. Самара. 1916. Стр. 103. Цѣна не обозначена.

Ливкинъ, Николай. *Инокъ.* Стихи. Изд. журн. «Млечный путь». М. 1916. Стр. 44. Ц. 1 р.

Лучининъ, Л. *Вырубленный садъ.* Стихотворенія. Изд. Орифламма· П. 1917. Стр. 43. Ц. 80.

М. С. *Государственное сожитіе, какъ форма нравственнаго общенія.* Къ философіи современности. I. Внутреннія отношенія. П. 1916. Стр. 91. Цѣна 1 р.

Мережковскій, Д. *Будетъ радость.* Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. «Огни». П. 1916. Стр. 135. Ц. 1 р. 25 к.

Мухарева, А. *Стихи.* Книга первая. Скл. изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 53. Ц. 60 к.

Нелединскій, Вл. *Томленіе духа.* Вольные сонеты. Изд. автора. П. 1916. Стр. не обозн. Ц. 2 р.

Окуловъ, Алексѣй. *На Амылѣ-рѣкѣ* и др. разсказы. Изд. «Сѣверные дни» М. 1917. Стр. 245. Ц. 1 р. 75 к.

Орканъ, В. *Любовь и голодъ.* Разсказы. Пер. съ польск. Вл. Высоцкаго. Изд. Т-во «Книгоиздательство писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 203. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ больничной кассы при Днѣпровскомъ заводѣ Ю.- Р. Д. М. О-ва, въ с. Каменскомъ, Екатеринославской губ. за 1915 годъ. Каменское, 1916. Стр. 176. Цѣна не обозначена.

Отчетъ Комит. Моск. Отд. Общ. Ремесл. и Земледел. Труда среди евреевъ въ Россіи за 1915 г. М. 1916. Стр. 112. Цѣна не обозначена.

Палестина въ дни войны. Сборникъ статей А. Зусмана, I. Клаузнера, Я. Клебанова, М. Усышкина, Л. Яффе. Изд. 2-е, дополн. и изм. Изд. «Востокъ». П. 1916. Стр. 40 Ц. 20 к.

Перцевъ, В. *Учебникъ древней исторіи.* Ч. II. Исторія Рима. Изд. «Задруга» М. 1916. Стр. 331. Ц. 2 р.

Подсосовъ, А. *Въ борьбѣ.* Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 2-е изд. Изд. Моск. Союза Потр. Общ. М. 1916. Стр. 32. Ц. 30 к.

Поэзія Арменіи подъ ред. В. Я. Брюсова. Народная-Средневѣковая Новая въ пер. русскихъ поэтовъ. Изд. Моск. Армянск. Комитета. М. 1916. Стр. 523. Ц. 5 р.

При свѣтѣ войны. Статьи Е. Членова, М. Гершензона, С. Гинштейна, Л. Яффе, Х. Гринберга. Изд. «Мерхавья» М. 1916. Стр. 32. Ц. 20 к.

Примѣрный уставъ союза потреб. обществ. Изд. Моск. Союза Потр. Общ. М. 1916. Стр. 12. Ц. 8 к.

Проза и поэзія. Скл. Изд.: Литер. Общ. «Ars». П. 1916. Стр. 72. Ц. 75 к.

Раймистъ Я. М., д-ръ. *Насильственныя состоянія, ихъ происхожденіе и леченіе.* Изд. Шермана. Одесса. 1916 Стр. 116 Ц. 1 р. 25 к..

Репнинъ. С. *Сказка о любви прекрасной королевы и вѣрнаго принца.* Изд. «Башня». П. 1916. Стр. 63. Ц. 3 р. 80 к.

Розеггеръ, П. *Яковъ Послѣдній. Исторія крестьянина.* Романъ. Пер. В. Величкиной. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 395. Цѣна 1 р. 50 к.

Ропшинъ, В. *То, чего не было.* Романъ. Изд. 2-е Изд. «Задруга». М. 1916. Стр. 346. Ц. 2 р. 50 к.

Ропшинъ, В. *Во Франціи во время войны.* Сентябрь 1914—Іюнь 1915. Скл. изд. «Задруга» М. 1916. Стр 266. Ц. 1 р. 75 к.

Рославлевъ, Александръ. *Ангелъ съ Шарманкой.* Разсказы. Собр. соч.

Т. I. Изд. М. И. Семенова П. 1916. Стр. 167. Ц. 1 р. 50 к.

Рунова, О. *Лунный свѣтъ.* Изд. «Жизнь и Знаніе» П. 1917. Стр. 324. Ц. 2 р.

Слезкинъ, Юрій. *Господинъ въ цилиндрѣ.* Разсказы. Изд. 6. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 166. Ц. 2 р.

Старая Украйна, сборникъ думъ, пѣсенъ, легендъ. Перераб. съ малор. по-русски. С. Козленицкая Изд. М. И. Семенова П. 1916. Стр. 266. Ц. 2 р.

Стрѣлецъ, сборникъ II подъ ред. А. Беленсона Изд. «Стрѣлецъ». П. 1916. Стр. 143. Ц. 2 р. 50 к.

Суражевскій, Димитрій. *Тишина.* Стихи. Скл. изд.: кн. маг. «Наука» М. 1916. Стр. 79. Ц. 1 р.

Татарчуковъ, А. Н. *Биржи труда.* Дешевая библіотека. Книга 93. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 64. Ц. 25 к.

Тимковскі, Н. *Дворянская берлога.* Романъ. Кн. VIII. Изд. Т-во «Книгоиздательство писателей въ Москвѣ». М. 1916 Стр. 158. Ц. 1 р. 50 к.

Толстовскій музей въ Петроградѣ за 1913—1914 г. г. Изд Общ. Толст. музея. П. 1916. Стр. 57. Цѣна не обозначена.

Толстой, Алексѣй Н., гр. *Искры.* Т. IX. Изд. Т-во «Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 190 Ц. 1 р. 40 к.

Томасъ Крагъ. *Исторія одного одинокаго.* Романъ. Пер. съ норв. М. П. Благовѣщенской. Изд. 6. М. В. Попова П. 1916. Стр. 124. Ц. 1 р. 75 к

Торговля Россіи масломъ въ связи съ вопросомъ о снабженіи масломъ Арміи и населенія. Сост. Н. Коломійцевъ Изд. Моск. Обл. Военно-Пром. Комит. Продов. Отд. М. 1916. Стр. 146. Ц. 1 р. 50 к.

Уильямъ Дж. Локкъ. *Приключенія Аристида Пюжоля.* Романъ. Пер. съ англ. подъ ред. С. I. Цедербаума. Изд. 6. М. В. Попова. П. 191 Стр. 219. Ц. 2 р. 25 к.

Фриче, В. *Итальянская литература XIX в.* Ч. I. Изд. «Задруга». М. 1916. Стр. 248. Ц. 2 р.

Фриче, В. *Германскій имперіализмъ въ литературѣ.* Изд. «Задруга». М. 1916. Стр. 119. Ц. 1 р. 25 к.

Фромметь, Борисъ. *Политика и интрига.* (По литературнымъ источникамъ). П. 1916. Стр. 31. Ц. 60 к.

Членовъ, Е. В., д-ръ. *Идишизмъ и школа.* Изд. Кн. маг. «Литература». М. 1916. Стр. 26. Ц. 35 к.

Чулковъ, Георгій. *Сатана.* Романъ Изд. «Жатва». М. 1915. Стр. 185. Ц. 1 р. 25 к.

Ширяевецъ, Александръ. *Запѣвка.* Пѣсни—Стихи. Изд. «Коробейникъ» Ташкентъ. 1916. Стр. 16. Ц. 40 к.

Экономическіе подъѣздные пути. Составили инж. В. Н. Образцовъ и Ю. В. Энгельгардтъ. Изд. Моск. Военно-Пром. Комит. М. 1916. Стр. 85. Ц. 2 р. 50 к.

Яффе, Л. *Гора Ловчгнъ.* Изд. И. Великовскаго. М. 1916. Стр. 8. Ц. к

Издатель. **А. П. Тихоновъ.** Редакторъ. **А. Ѳ. Радзишевскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ

на еженедѣльный журналъ, посвященный интересамъ еврейства.

„ЕВРЕЙСКАЯ НЕДѢЛЯ".

Въ 1917 г. Программа, направленіе и составъ сотрудниковъ «Еврейской Недѣли» остаются тѣ же, что и въ предшествующіе годы. Постоянные отдѣлы «Еврейской Недѣли». I. Политическія статьи. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней жизни еврейства. III. Парламентскій дневникъ: отчеты спеціальн. корреспондента о засѣданіяхъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта; впечатлѣнія и бесѣды съ депутатами. IV. Статьи по вопросамъ экономическимъ, по вопросамъ разселенія и эмиграціи. V. Статьи по вопросамъ просвѣщенія. VI. Обзоры печати еврейской и русской. VII. Война. VIII. Юридическій отдѣлъ: статьи, хроника, отвѣты на вопросы читателей. IX. Хроника еврейской жизни въ Россіи—особо въ Петроградѣ и Москвѣ. X. Въ еврейскихъ обществахъ и собраніяхъ; подробные отчеты о съѣздахъ, и совѣщаніяхъ. XI. Провинціальный отдѣлъ—корреспонденціи и сообщенія. XII. За рубежомъ: корреспонденціи изъ Нью-Іорка, Парижа, Копенгагена, Цюриха и др. иностранная хроника. XIII. Фельетонъ на тему дня. XIV. Беллетристика. XV. Литературное обозрѣніе. XVI. Научный отдѣлъ. XVII. Библіографія. XVIII. Иллюстраціи. Въ «Еврейской Недѣлѣ» принимаютъ участіе: Л. М. Айзенбергъ, Д. Я. Айзманъ, С. А. Ан—скій, П. Берлинъ, Натанъ Бирнбаумъ (Mathias Acher), Р. М. Бланкъ, Н. П. Борецкій-Бергфельдъ, Я. Бѣлинькій (Парижъ). С. А. Вайсенбергъ, С. С. Вермель, М. М. Винаверъ, И. Галантъ, М. И. Ганфманъ, Ю. И. Гессенъ, акад. Илья Гинцбургъ, Д. О. Гликманъ, М. Ф. Гнѣсинъ, Г. А. Гольдбергъ, А. А. Гольдбергъ, М. Л. Гольдштейнъ. А. Г. Горнфельдъ, В. И. Гроссманъ (Копенгагенъ), С. Г. Гуревичъ, д-ръ Х. Д. Гуревичъ, Х. Л. Гуревичъ. И. Л. Давидсонъ, С. М. Дубновъ, И. Р. Ефройкинъ, А. С. Залшупинъ, М. Кацъ (Нью-Іоркъ), С. Е. Кальмановичъ; Карменъ, д-ръ Л. И. Каценельсонъ (Буки-бенъ-Іогли), Я. Б. Каценельсонъ, А. А. Кипенъ, А. Д. Киржницъ, З. А. Кисельгофъ, I. А. Клейманъ, Давидъ Койгенъ, Г. Я. Красный, Е. М. Кулишеръ, I. М. Кулишеръ, М. И. Кулишеръ, Л. И. Лазаревъ, С. Б. Лазаровичъ, Д. А. Левинъ, Я. Лещинскій, Я. Б. Лившицъ, С. Г. Лозинскій, С. В. Лурье, Я. М. Магазинеръ, С. О. Марголинъ, д-ръ А. Марковъ, М. И. Мышъ, Ш. Нигеръ (Я. В. Чарный), Н. М. Осиповичъ, М. Я. Острогорскій, Н. А. Переферковичъ, С. В. Познеръ, Г. Я. Полонскій, Б. Д. Порозовская-Яновская, А. А. Прессъ, Н. Пружанскій, Сарра Рабиновичъ, А. Ревуцкій, М. Регальской, Л. I. Саминскій, А. Севъ, Л. Г. Б. Слiозбергъ, А. Соболь, Стеллинъ, М. Г. Сыркинъ (псевд.), В. Г. Танъ, М. Л. Тривусъ (Шми.), И. Форнбергъ (Нью-Іоркъ), С. Л. Цинбергъ, И. Чериковеръ (Нью-Іоркъ), Ш. К. Шнейфалъ, М. И. Шефтель, Л. Я. Штернбергъ, И. Г. Эйзенбетъ, Ю. Д. Энгель, С. С. Юшкевичъ и друг. Въ 1917 году въ «ЕВРЕЙСКОЙ НЕДѢЛѢ» БУДУТЪ ПОМѢЩЕНЫ: АВТОБІОГРАФІЯ-д-ра Л. И. КАЦЕНЕЛЬСОНА (Буки-Бенъ-Іогли). ВСТРѢЧИ—(изъ воспоминаній)—МАКСИМА ГОРЬКАГО. Въ «Еврейской Недѣлѣ» помѣщаются иллюстраціи изъ жизни евреевъ въ Россіи и за границей. Въ «Еврейской Недѣлѣ» подписчики найдутъ юридическіе совѣты и указанія по вопросамъ законодательства о евреяхъ. Юридическимъ отдѣломъ руководитъ Л. М. Айзенбергъ. Подписная цѣна: въ Россіи на 1 годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 75 к. За границу: на 1 годъ 11 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. 50 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., 1-го мая 3 р., и 1-го сентября—2 руб. Подписка принимается въ конторѣ журнала «Еврейская Недѣля» и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и конторахъ по пріему подписки. Адресъ Главной Конторы и Редакціи. Москва, Стрѣлецкій пер., домъ 4, тел. 4-78-94. Въ Петроградѣ подписка принимается въ Отдѣленіи Конторы: Книгоиздательство «Разумъ», Владимірскій пр., домъ 19. Тел. 68-46. Въ Москвѣ и Петроградѣ подписка принимается и по телефону. Пробный нумеръ высылается безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ

на двухнедѣльный кооперативный журналъ

„ЮЖНО-РУССКІЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ".

Журналъ является органомъ Т-ва Потребительныхъ О-въ Юга Россіи и посвященъ, главнымъ образомъ, вопросамъ потребительной кооперацiи. Особое вниманіе журналъ удѣляетъ Южно-Русскому кооперативному движенію.

Адресъ редакціи и конторы—Харьковъ, Кузнечная, 23.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

На годъ 5 руб., на 1/2 года 3 руб., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к. отдѣльный № 30 к.

Редакторъ-издатель А. Н. Макаровскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ

на двухнедѣльный журналъ:

„ЗЕМСКОЕ ДѢЛО".

24 №№ въ годъ. 8-й годъ изданія. Издатель Д. Протопоповъ. Редакторъ: Б. Б. Веселовскій. Подписная цѣна 15 руб. въ годъ съ доставкой и перес. Отдѣломъ Самоуправленія Областной Выставки въ Екатеринославѣ журналу въ 1910 году присуждены двѣ золотыя медали. На Всероссійской Гигіенической Выставкѣ 1913 г.—малая золотая медаль. Всесторонняя дѣловая разработка и безпристрастное освѣщеніе принципіальныхъ, практическихъ и техническихъ вопросовъ земскаго хозяйства и управленія. Въ журналѣ участвуютъ: земскіе дѣятели, депутаты, представители науки, врачи, инженеры, секретари управъ, бухгалтеры земск. управъ, статистики и др. Постоянные отдѣлы: 1) статьи по вопросамъ: финансовымъ, и земск. самоуправленія, санитаріи, медицины, благоустройства, страхового и пожарнаго дѣла, дороговизны жизни, народнаго образованія, кооперацiи, оцѣночнаго дѣла и др.; 2) сообщенія съ мѣстъ; 3) хроника; 4) новые законы; 5) перечни литературы; 6) вопросы и отвѣты; 7) библіографія; 8) Сенатская практика. Безплатные отвѣты подписчикамъ по вопросамъ юридическимъ и техническимъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ Редакціи и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

Главная Контора. Петроградъ, Симеоновская, 11. Редакція.

Книжный складъ редакціи исполняетъ порученія по выпискѣ любыхъ книгъ и по составленію библіотекъ на всякія суммы. Спеціальность—вопросы мѣстнаго самоуправленія. Каталогъ склада высылается безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ

на кооперативный журналъ, издаваемый Союзомъ потребительныхъ Обществъ Сѣверо-Восточнаго района

„ИЗВѢСТІЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ".

Журналъ будетъ обслуживать потребительскую кооперацію. Одной изъ первыхъ задачъ журнала будетъ распространеніе правильныхъ понятій о принципахъ кооперативнаго строительства и проведеніе въ жизнь выработанныхъ практическихъ пріемовъ по веденію кооперативныхъ об-въ. Въ каждомъ номерѣ журнала, кромѣ статей кооперативнаго характера, печатаются передовыя руководящія статьи, обзоръ кооперативной печати, обзоръ кооперативной жизни въ Россіи и за границей, стихотворенія и фельетоны. Въ каждомъ номерѣ помѣщаются свѣдѣнія о дѣятельности Союза Потребительныхъ Обществъ Сѣверо-Восточнаго района. Всѣ помѣщаемые въ журналѣ «Извѣстія Потребителей» оригинальныя статьи, разсказы, стихотворенія и пр. подлежатъ оплатѣ гонораромъ, въ размѣрахъ, опредѣленныхъ Правленіемъ Союза.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ 3 руб. и на полгода 1 р. 50 к. Отдѣльный № 10 к.

Менѣе полгода подписка не принимается. При коллективной подпискѣ скидка: за 10 экз.—5% за 25 экз.—10%, за 50 экз.—15% и за 100 экз.—20%

Подписка и объявленія принимаются въ Конторѣ редакціи.

Пермь, Покровская ул., № 25.

Редакторъ И. Ф. Колотовкинъ.

Издатель Союзъ Потребительныхъ О-въ Сѣверо-Восточнаго района.

